

А.А.Молчанов

Социальные структуры
и общественные отношения
в Греции
II тысячелетия до н.э.

Памяти моего прадеда
Сергея Алексеевича Молчанова
(1866–1932),
питомца Императорского Московского
археологического института и
специалиста по древней истории

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF GENERAL HISTORY

A. A. MOLCHANOV

**SOCIAL STRUCTURES AND PUBLIC
RELATIONS IN GREECE
OF THE SECOND MILLENNIUM B.C.
(MINOISTICS AND MYCENOLOGY:
SOME PROBLEMS OF SOURCE CRITICISM)**

Moscow 2000

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А. А. МОЛЧАНОВ

**СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ГРЕЦИИ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.
(ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
МИНОИСТИКИ И МИКЕНОЛОГИИ)**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Л.П. Маринович

Москва 2000

Рецензенты:

доктор исторических наук – Н.Я. Мерперт,
кандидат исторических наук – Л.И. Авилова

М Молчанов А.А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). – М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН, 2000. – 315 с., ил.

В монографии рассматриваются те стороны жизни минойского общества на Крите (время формирования и дальнейшего расцвета Кносской морской державы) и микенского общества в материковой и островной Греции (вплоть до разрушения ахейских центров), которые оставались до последнего времени малоизученными. При этом особая роль отводится письменным источникам, нарративным и эпиграфическим, как наиболее информативным относительно рассматриваемой проблематики, с которыми сопоставляются данные лингвистики, археологии и других смежных дисциплин. Дешифровка и интерпретация критских иероглифических текстов на печатях позволяют выявить систему контроля и учета в дворцовом хозяйстве владык Кносса первой трети II тыс. до н.э. (отразившуюся в сфрагистических атрибутах представителей достаточно разветвленного административного аппарата), получить некоторые сведения о царских генеалогиях и этнической ситуации на острове. Анализ под новым углом зрения данных античной исторической традиции дает возможность детально разобраться с такими сюжетами как: влияние природных катаклизмов и стихийных бедствий на условия жизни и представления обитателей юга Балкан в эпоху средней и поздней бронзы, государственно-политическое устройство Крита времен "галассократии Миноса", признаки общественного бытия полноправного человека у греков-ахейцев, непрерывность многих традиций, дошедших из далекого микенского прошлого до архаической и классической Эллады.

Для специалистов по древней истории и классической филологии, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов.

ISBN Б-201-00545-4

М 0503010000-6
45 ж (03)-2000 без объявл.© А.А.Молчанов, 2000
© ИВИ РАН, 2000
© Анна Черных, обложка, 2000

Введение

Изучение цивилизаций островной и материковой Греции II тысячелетия до н. э., таящих в себе истоки и всей последующей европейской культуры, остается одной из самых актуальных тем в антиковедении. За последние четыре с половиной десятилетия, прошедшие после дешифровки М. Вентрисом древнейших греческих текстов, которые были выполнены линейным письмом В, произошло окончательное оформление микенологии как отдельной научной дисциплины¹. Ее предмет – комплексное изучение всех греческих древностей, и прежде всего памятников письменности (главным образом хозяйственных документов), составленных на так называемом "микенском" диалекте.

В микенологических штудиях вопросы социальной структуры и общественных отношений занимают заметное место. Здесь следует особо отметить труды таких исследователей как Дж. Чэдуик, Л. Палмер, М. Лежен, А. Хойбек, П. Фор, Л.Стелла, А. Бартонек, Дж. Хукер, Р. Симпсон, Дж. Киллен, К. Рюих, Л. Годар, Ж.-П. Оливье, Дж. Беннет, Т. Палайма, а также работы отечественных микенологов – С.Я. Лурье, Я.А.Ленцмана, Т.В. Блаватской, Г.Ф. Поляковой, Ю.В.Андреева (работы этих и других авторов см. в списке литературы).

Однако детальному рассмотрению подвергались только некоторые сюжеты указанного круга, хотя и весьма важные. Микенологи, в том числе и советские, изучали институты государственной власти Пилосского и Кнос-

¹ Chadwick J. "Evidence" after 25 Years // SMEA. Fasc. XX. 1979. P. 11–14; Idem. Twenty-Seven Years of Linear B // Actes du VIIe Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Études Classiques. Budapest, 1984. Vol. II. P. 451–459; Тронский И.М. Некоторые итоги развития микенологии // ВДИ. 1971. № 2. С. 84–92; Гринбаум Н.С. Микенологии 20 лет // Грамматические и лексикологические исследования. Кишинев, 1977. С. 5–12; Он же. Микенологические исследования (1973–1977) // ВДИ. 1982. № 1. С. 200–206; Он же. Микенологические изыскания (1978–1988) // ВДИ. 1992. № 2. С. 182–190; Он же. Микенологические штудии (1989–1993) // ВДИ. 1996. № 4. С. 225–230.

ского царств, господствовавшие в ахейских монархиях земельные отношения, организацию сельскохозяйственного и ремесленного производства, и т. д. Но не менее важно реконструировать и другие стороны жизни раннегреческого ахейского (микенского) общества: вычленение и конституирование социальных групп в процессе становления государственности (начальные этапы этого процесса на юге Балкан прослеживаются еще в III тысячелетии до н. э.), утверждение определенной системы взглядов на нормальный статус полноправного человека ("мужа-ахейца"), специфическую роль преемственности семейных традиций (прежде всего в генеалогическом и сакральном аспектах), имевших продолжение и в последующие эпохи греческой истории. Источниковую базу для таких реконструкций составляют наиболее архаические пласты эллинской мифолого-исторической и эпической традиции, данные археологии и тексты линейного письма В второй половины XV–XIII в. до н. э.

Комплексное использование всех доступных видов источников не только позволяет суммировать общую совокупность их информационных потенциалов. Оно дает поистине драгоценную возможность взаимной проверки их и на предмет общей достоверности, и в отношении правильности интерпретации конкретных артефактов или нарративных свидетельств. Например, удачное сопоставление раскопочных материалов и данных античной традиции способно иногда пролить новый свет даже на те реалии, которые в силу своей временной удаленности от нас казались прежде доступными лишь археологическому изучению. Так получилось, когда добытые археологами факты о структурных особенностях крупных поселений эпохи ранней бронзы на юго-востоке и юге Балкан были рассмотрены в общем контексте этнокультурных реконструкций и с привлечением конкретных сообщений о характерных чертах типичных градостроительных схем в древнейших локальных преданиях данного региона.

В ходе наиболее масштабных раскопок поселений в Северо-Фракийской низменности – в Эзеро и Юнаците – выявились данные об устойчивой дуалистической структуре этих крупнейших древнефракийских протогородских центров. Они заставляют предполагать, что за четким членением на "элитарную" и "аэлитарную" части поселений уже III тыс. до н. э. скрываются принципиальные различия в статусе двух публично конституированных групп населения, или, иначе

говоря, устойчивое выделение привилегированной группы из массы рядовых жителей. Подобного рода явления в градостроительной сфере, обусловленные факторами социального характера, наблюдаются на определенной стадии развития древних обществ – в предгосударственный и раннегосударственный периоды. Та же картина, что в Эзеро и Юнаците, предстает перед археологами и при раскопках ряда других поселений раннего бронзового века на юге Балкан, островах Эгейского моря и в Северо-Западной Анатолии².

В данной связи необычайно важным представляется тот факт, что мы имеем возможность сопоставить, впервые для столь раннего времени в Европе, каковым является ранний бронзовый век, археологические материалы со свидетельствами нарративных памятников. Последние содержатся в таком поистине неисчерпаемом и исключительно информативном, как теперь окончательно установлено, источнике, каковым является для изучения древнейшего прошлого всего Средиземноморья, и Эгеиды в особенности, античная мифолого-историческая традиция.

В сочинениях эллинских и римских авторов содержатся многочисленные упоминания о древних народах, живших на юге Балканского полуострова до прихода туда греков. При этом ведущее место среди них отводится пеласгам³. Напри-

² Мерперт Н.Я., Молчанов А.А. Структура протофракийских поселений раннего бронзового века в свете данных археологии и античной традиции (Опыт интеграции источников по древнейшей истории юго-востока и юга Балканского полуострова) // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990. С. 11–23; Они же. Градостроительная структура протофракийских поселений эпохи ранней бронзы на юго-востоке и юге Балканского полуострова (по данным археологических и нарративных источников) // Acta Associationis Internationalis "Terra Antiqua Balcanica". Vol. VI. Serdicae, C. 129–137.

³ Наиболее полные сведения древних авторов о пеласгах, живших не только на Балканском полуострове, но также на островах Эгейского моря и западном побережье Малой Азии, и даже в Италии, собраны Ф. Лохнер фон Хюттенбахом (Lochner-Hüttenbach F. Die Pelasger. Wien, 1960; см также: Sakellariou M. Peuples pré-helléniques d'origine indo-européenne. Athens, 1977. P. 81–230; Briquel D. Pélasges en Italie: recherches sur l'histoire de la légende. Roma, 1984). О роли пеласгийского (балканского по происхождению) элемента в этногенезе италийских этрусков см.: Немировский А.И. Этруски: от мифа к истории. М., 1983. С. 16–61; Молчанов А.А. Рец. на указ. кн. // ВДИ. 1986. № 3. С. 168–176.

мер, такой признанный эрудит античности как Страбон замечает: "Что касается пеласгов, то почти все согласны, что какое-то древнее племя этого имени распространилось по всей Элладе" (Strab. V. 2. 4). Указанное мнение несомненно господствовало среди древнегреческих историков и мифографов (ср. Aeschyl. Suppl. 250 sq.). По утверждению "отца истории" Геродота, Греция в далеком прошлом принадлежала пеласгам (Herod. VIII. 44). По словам Эфора, цитируемого Страбоном, "пеласгами именовались те, кто прежде всех властвовали в Элладе" (Strab. VII. 7. 10). Сведения исторических преданий, которыми располагали античные авторы, подкреплялись и топонимическими данными. Греки помнили, что вся их страна в совокупности называлась раньше Пеласгия, по имени прежних ее обитателей (Herod. II. 56; Thuc. I. 3. 3). Тот же топоним и родственные ему — Πελασγία, Πελασγίς, Πελασγίτης, Πελασγικόν, Πελασγικὸν τεῖχος, "Ἄργος τὸ Πελασγικόν — встречаются в разных концах обширной территории континентальной Греции: от Фессалии до Пелопоннеса и от Эпира до Аттики. Тем самым топонимией в полном согласии с эллинской мифолого-исторической традицией очерчиваются примерные границы пеласгийского этнического массива на юге Балканского полуострова⁴.

Учитывая все это, лингвисты — В. Георгиев и его последователи — сочли возможным связывать именно с пеласгами выявленный ими мощный догреческий индоевропейский языковой слой в европейской части Эгеиды. Дальнейшие разыскания в области "пеласгийского" (или иначе "пеласгского") языка дали надежные доказательства его тождественности в генетическом отношении фракийскому. Должную ясность в этот вопрос внесли работы Л.А. Гиндина⁵. Справедливость лингвистической идентификации пеласгов и фракийцев подтвердили и результаты анализа античной традиции, в которой оба

эти этнонима подчас дублируют друг друга в различных версиях одних и тех же преданий. Причем такие примеры имеются и для Северной Эгеиды, то есть непосредственно в пределах исторической Фракии, и для собственно Греции⁶.

Так, догреческие обитатели острова Лемнос оказываются у эллинских авторов то пеласгами (Herod. IV. 145; V. 26; VI. 136–140; Thuc. IV. 109. 4; Strab. V. 2. 4; VII. 37; Paus. VII. 2. 2), то фракийцами (Strab. VII. 45–45a; XII. 3. 20). Пеласгийским называли также население заведомо фракийских островов Самофракия и Имброс (Herod. II. 5; V. 26; Strab. V. 2. 4). То с пеласгами (ср.: Herod. II. 51; IV. 145; VI. 137; Thuc. IV. 109. 4; Strab. V. 2. 4; IX. 1. 18; 2. 3), то с фракийцами (ср.: Apollod. III. 14. 8; 15. 4; Strab. VII. 7. 1; VIII. 7. 1; Paus. I. 38. 2–3) соперничают и борются в Аттике греческие правители древнейших Афин. Те и другие вместе появляются в Беотии (Strab. IX. 2. 3–4; 2. 25; X. 3. 17) и т. д. и т. п.

Таким образом, на сегодняшний день имеются все основания видеть в Πελασγοί эллинских преданий большую группу фракийских племен — непосредственных предшественников греков в европейской Эгеиде. А поскольку приход первой греческой миграционной волны на юг Балканского полуострова датируется археологически примерно рубежом III–II тыс. до н. э. (он знаменует границу между раннеэлладским и среднеэлладским периодами)⁷, то пеласгийская, то есть догреческо-фракийская, эпоха легендарной праистории будущей Эллады должна соответствовать III тысячелетию до н. э. (раннеэлладский период). Синхронные ей раннебронзовые поселения Южной Болгарии получили у археологов и лингвистов аналогичную этническую атрибуцию⁸. Установление же принадлежности обитателей всей юго-восточной окраины Европы, ограниченной Динарским нагорьем и Стара-Планиной, к одному и тому же — протофракийскому миру делает в методическом плане вполне выявляемых на таких юж-

⁴ Подробнее о том, что в зону расселения пеласгов, а позднее и других фракоязычных племен, входил и северо-запад полуострова Малая Азия см.: Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.

⁵ Гиндин Л.А. К проблеме генетической принадлежности "пеласгского" догреческого слоя // ВЯ. 1971. № 1. Gindin L. Le "pélasgique" et le thrace // L'ethnogenèse des peuples balkaniques. Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques, Plovdiv, 23–28 avril 1969. Sofia, 1971; ср. также: Detshev D. Charakteristik der thrakischen Sprache. Sofia, 1952. S. 119; Георгиев В.И. Тракийският език. София. 1957. С. 65; и другие работы.

⁶ Молчанов А.А. Рец. на кн.: Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981 // ВДИ. 1985. № 2. С. 176.

⁷ Ср.: Титов В.С. К вопросу о соотношении этнолингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 38; Он же. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 122.

⁸ Езеро. Раннебронзовое селище. София. 1979; Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Франко-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София. 1981. С. 188.

но-болгарских памятниках как Эзеро и Юнаците, с теми в принципе аналогичными им реалиями, о которых сообщают применительно к областям Средней и Южной Греции нарративные источники, запечатлевшие в себе отголоски фольклорной фиксации фактов той же праисторической эпохи.

Ту же двучленную модель градостроительной организации "цитадель – периферийный жилой массив", которая характерна для крупнейших поселений ранней бронзы, раскопанных на территории исторической Фракии, мы находим повсеместно у древних авторов при описании первоначальной микротопографии городов, основанных пеласгами в разных местах будущей Эллады (весьма показательно в данной связи, что эллины сохранили в своем языке заимствованные ими у догреческого населения юга Балкан термины *ἄστυ* "город" и *πύργος* "цитадель, крепость, башня" (восходящий к индоевропейскому *bherǵh – "высокий, возвышаться").

Целый ряд примеров тому дает Пелопоннес, а точнее его центральная и северо-восточная прибрежная области – Аркадия и Арголида. И весь полуостров, и каждая из указанных областей в отдельности, согласно местным и общезллинским преданиям, были некогда населены пеласгами и назывались по их имени (Herod. VII. 94; Aeschyl. Suppl. 250 sq., 328, 349, 616, 624, 634, 912, 967; Aeschyl. Prom. 860 et Schol.; Eurip. Heracl. 316; Eurip. Phoen. 256; Eurip. Orest. 692, 933, 960, 1247, 1296, 1601; Eurip. Iph. Aul. 1498; Ps.-Aristot. De ausc. mirab. 81; Theocr. XV. 142; Apollod. II. 1. 1; Apollod. Epit. II. 9; Strab. V. 2. 4; VIII. 3. 17; 6.9; Plin. Nat. Hist. IV. 9; IV. 20; Paus. VIII. 1. 4; 1. 6; 4. 1; Dion. Perieg., Prisc. per. 349, 415; Menand. Rhet. IX. 184; Steph. Byz., s. v. Ἀρκαδία, Παρρασία; Schol. Apoll. Rhod. I. 580 b; X. 1024 a; Const. Porphy., De them. II. 6; Schol. Eust. Hom. II. 357. 21).

В аркадских мифах Пеласг, персонифицированный образ древнего народа, выступал в роли культурного героя, привившего своим соплеменникам первые хозяйственные навыки и учредившего царскую власть (Paus. VIII. 1. 4–6). Его сыну Ликаону, унаследовавшему после него сан царя, и внукам приписывалось основание многих городов Аркадии, тогда еще именовавшейся Пеласгией (Paus. VIII. 2. 1; 3. 1–4). В тех случаях, когда среди свидетельств местной традиции до нас смогли дойти подробности о внутреннем районировании поселений, принадлежавших некогда аркадским пеласгам, налицо оказывается все та же двучленная модель "цитадель – периферийный жилой массив". Так Асеем, основанной, по

легенде, Асеем, сыном Ликаона, было присуще деление на нижний город и защищенный стенами акрополь (Paus. VIII. 43. 3). Аналогичная ситуация отмечается для Паллантия (Paus. VIII. 44. 5), построенного, как считалось, героем Паллантом. Последний также причислялся к сыновьям царя аркадских пеласгов Ликаона (Apollod. III. 8. 1; Paus. VIII. 3. 1; 44. 6), а вместе с ним, помимо прочих мифологических персонажей, еще два брата – эпонимы и основатели городов Орхомена и Фенея (Apollod. III. 8. 1; Paus. VIII. 3. 3; 14. 4; Tzets. Lyc. 481), которые оба изначально имели ту же двучленную планировочную структуру (Paus. VIII. 13. 2; 14. 4).

Последняя была характерна и для Аргоса – столицы Аргολиды. Вот что сообщает об этом Страбон: "...город аргивян располагается по большей части на равнинной местности, имеет акрополь под названием Лариса – достаточно хорошо укрепленный холм со святилищем Зевса" (Strab. VIII. 6. 7). Такое членение Аргоса восходило, согласно эллинской мифолого-исторической традиции, к пеласгийскому периоду существования города. Его установил, по местному преданию, Пеласг, царствовавший над всей Арголой (Aeschyl. Suppl. 250 sq.; Paus. I. 14. 2; Schol. Eurip. Orest. 857, 932; Schol. Eust. Hom. II. 3. 75). Он осуществил широкомащштабное строительство: как в нижнем городе, где возвел храм Деметры Пеласгийской, неподалеку от которого он был потом похоронен (Paus. II. 22. 1), так и в верхнем городе, устроив там цитадель, названную им Лариса (Schol. Eust. Hom. II. 3. 75). Укрепленный Пеласгом аргосский акрополь получил свое название якобы по имени царской дочери (Paus. II. 24. 1). Как позволяет судить античная традиция, Λάρισα – характерный пеласгийский топоним, появляющийся повсюду, где расселялись пеласги (ср.: Apollod. II. 4. 4; Apollod. Epit. III. 35; Strab. IX. 5. 19; XIII. 3. 2–4; Schol. Apoll. Rhod. I. 40).

Эллинские мифографы и знатоки древностей знали и о пребывании того же племени в доисторической Аттике (Herod. I. 56–57; Strab. IX. 1. 18). Античные авторы неоднократно отмечают, что пеласги жили в Афинах (Herod. VIII. 44; Thuc. IV. 109. 4; Strab. V. 2. 4; IX. 2. 3; Paus. I. 28. 3; Dion. Perieg., Prisc. per. 349), где местность, прилегающая с северо-запада к акрополю, еще долго называлась Πελασγικόν (Thuc. II. 17. 1; Strab. IX. 2. 3; Pollux. VIII. 101). На самом акрополе они возвели крепостную стену – так называемую Πελασγικὸν τεῖχος, которая ограждала цитадель, отделенную от периферийного жилого массива (Dion. Hal. I. 28. 4;

Paus. I. 28. 3; Dion. Perieg., Prisc. per. 349).

Безнадёжно запутанной представляет в изложении эллинистских мифографов этническая история Беотии: последовательность появления в этой соседней с Аттикой области различных племен до Троянской войны затруднялись восстановить уже древнегреческие историки (ср.: Diod. XIX. 53. 7; Strab. IX. 2. 3–4; Dion. Hal. I. 18; Paus. IX. 5. 1). Но пеласги там, согласно традиции, в какой-то период несомненно присутствовали.

К сожалению, дополнить вышеизложенные наблюдения сравнением протофракийских поселений Южной Болгарии эпохи ранней бронзы с синхронными им протогородами юга Балканского полуострова в чисто археологическом отношении пока трудно из-за недостатка сопоставительного материала с территории континентальной Греции. Да и степень реальной продуктивности привлечения последнего в плане приурочивания к древнебалканским этносам весьма неопределенна и проблематична. Ведь, согласно традиции, в догреческий период в Элладе обитали не только пеласги, но и другие, правда куда менее многочисленные этнические группы — кары, лелеги, кавконы, гиганты и прочие, археологически пока не отождествляемые. А потому и конкретная этническая принадлежность того или иного раскопанного протогорода на юге Балкан по обнаруженным материальным остаткам не может быть установлена. Исключением здесь является, пожалуй, только Лерна — очень большое поселение раннего бронзового века с укрепленным акрополем⁹ — в Арголиде, занятой греками, по их собственным утверждениям, непосредственно после пеласгов. Тем интересней и показательней этот пример. Ведь, для соотнесения любого догреческого населения с определенным этносом единственной надежной опорой служат показания локальных преданий, в которых запечатлелась память поколений, способная, как известно, в устной форме (например, в виде сакрального мифа, генеалогического перечня, героического сказания и т. п.¹⁰) сохранять

⁹ Caskey J.L. Lerna in the Early Bronze Age // AJA. 1968. Vol. 72. P. 313–316.

¹⁰ Об этих наиболее архаических формах сохранения исторической информации ср., например: Грязневич П.А. Развитие исторического сознания арабов (VI–VIII вв.) // Очерки истории арабской культуры (V–XV вв.). М., 1982. С. 126–155. Потрясающие факты точной стыковки записанных на разных островах Полинезии, отстоящих друг от друга подчас на тысячи километров и заведомо обособленных в течение многих столетий, генеалогических цепочек в единые стеммы

иногда необычайно долго наиболее значимую информацию о реалиях отдаленного прошлого.

Мы, конечно, не можем утверждать, что во всех рассмотренных нами случаях данные традиции абсолютно точно соответствуют историческим фактам. Однако, судя по многим другим примерам, эллинистские предания, касающиеся этнической истории Балкан как правило с большой достоверностью освещают реальные события или по крайней мере содержат очень значительную долю истины. Главное же для нас то, что по независимым друг от друга источникам — археологическим и нарративным — выявляется одинаковая закономерность: наличие характерной двучленной градостроительной структуры в крупнейших поселениях протофракийского ареала, включая южнобалканскую Пеласгию, III тыс. до н. э. Такая же стыковка данных археологии и различных памятников письменности для реалий Греции II тыс. до н. э. тем более способна обнадеживать исследователя.

Те же три основных вида источников, которые используются при изучении микенского (ахейского) мира, дают информацию и о самой древней на территории Европы, догреческой цивилизации Крита, созданной таинственными «минойцами», этносом не выясненного пока происхождения. Правда, характер используемых здесь синхронных памятников письменности, то есть собственно минойских текстов, выполненных критской иероглификой и так называемым линейным письмом А, несколько иной. Помимо бухгалтерских реестров на глиняных табличках и владельческих меток на керамической таре, широко применявшихся и минойцами, и греками-ахейцами (заимствовавшими у своих критских учителей и письменность, и способы ее употребления в административно-хозяйственной сфере), первые оставили нам еще надписи сакрального характера (на жертвенниках, votивных предметах и оберегах) и сфрагистические легенды.

Эллинистская мифолого-историческая традиция сохранила куда меньше воспоминаний о реалиях общества минойского, нежели микенского, по вполне понятным причинам. Ведь цивилизация догреческого Крита погибла примерно на два с половиной столетия раньше и уже поэтому оказалась заслонена в памяти греков событиями их собственной истории, в том числе случившимися и на самом острове Крит, активно

выявлены П. Смитом (Токарев С.А. Предисловие // Те Ранги Хироа. Мореплаватели солнечного восхода. М., 1950. С. 12).

заселявшемся ими уже с середины XV в. до н. э. Но тем не менее объем этой информации, рассеянной отдельными крупицами по разным общегреческим и локальным историческим сказаниям, оказывается на поверку весьма значительным, что мы и постараемся показать ниже, в специально отведенных этому вопросу главах.

Так или иначе, но к настоящему времени "прямо из недр" активно развивавшейся микенологии вполне закономерно вышла еще одна антиковедческая дисциплина со своим вполне определенным кругом письменных, археологических и иных источников и собственным этнокультурным лицом. В свое время мы предложили для нее название "миноистика"¹¹. Такой термин является всего лишь производным от обозначения самого феномена, который призвана изучать данная наука: речь идет о догреческой цивилизации Крита, которую А. Эванс столь удачно назвал "минойской". Введение этого нового термина не встретило возражений у специалистов и он стал использоваться без каких-либо затруднений¹². Следует однако отметить, что несмотря на свое явственное размежевание миноистика и микенология (граница между ними проводится прежде всего по принципу этнокультурных, и особенно языковых, различий) остаются тесно связанными друг с другом антиковедческими дисциплинами.

В данной книге мы предлагаем вниманию читателя собранные воедино наши разыскания по отдельным вопросам социальной структуры и общественных отношений в Греции II тыс. до н. э. В зависимости от затрагиваемого сюжета роль того или иного вида источников меняется в связи с их специфической информативностью относительно конкретных сторон жизни минойцев или греков-ахейцев. Так, эпиграфические памятники, относящиеся к административно-хозяйственной

¹¹ Молчанов А.А. Таинственные письмена первых европейцев. М., 1980. С. 107; Он же. Минойский язык: проблемы и факты // Античная балканистика. М., 1987. С. 84; Он же. Посланцы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды). М., 1992. С. 158, 174 (Прим. 18); Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988. С. 27. Прим. 27.

¹² Ср., например: Гринбаум Н.С. Рец.: Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988 // ВДИ. 1990. № 4. С. 160; Нерознак В.П. Предисловие к кн.: Молчанов А.А. Посланцы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды). М., 1992. С. 4.

сфере (бухгалтерские документы, заверяющие надписи на печатях должностных лиц и т. п.), содержат наиболее ценные данные об экономической и социальной структуре минойского и микенского общества. Информацию же, к примеру, о системе ценностей у обитателей древней Эгеиды или о восприятии ими стихийных бедствий и природных катаклизмов можно получить, разумеется, только из наиболее устойчивой части устной традиции (эпической, легендарной, сакрально-мифологической), зафиксированной позднее античными историками и литераторами.

Настоящая книга, включающая в себя 10 глав, делится при этом на две части в соответствии с этнокультурными особенностями и хронологической последовательностью формирования обеих тесно связанных между собой цивилизаций юга Балкан — минойской и ахейской (микенской), из которых первая сложилась раньше и оказала на другую сильнейшее воздействие.

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ МИНОЙСКОГО КРИТА ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Глава 1

Значение дешифровки линейного письма В для работы с памятниками других эгейских письменностей и изучения истории догреческого Крита

Осуществленная уже почти полвека тому назад М. Вентрисом дешифровка линейного письма В не только позволила прочесть древнейшие греческие тексты второй половины II тыс. до н. э., но и создала основу для плодотворного исследования памятников письменности Эгеиды догреческого периода. Сюда относятся следующие четыре вида письма так называемого "эгейского" типа: критская иероглифика, линейное письмо А, минойский иератический силлабарий (письменность Фестского диска), кипро-минойское письмо.

Благодаря дешифровке линейного В, многие силлабограммы и ряд важнейших идеограмм которого почти или полностью совпадают по начертанию с соответствующими знаками линейного А, удалось прочесть подавляющее большинство надписей последнего. Аналогичным образом, т.е. с помощью иконографических сопоставлений отдельных графем, удалось приступить и к прочтению памятников критского иероглифического и кипро-минойского письма. Данные о древнейшей топонимии острова Крит, извлеченные из кносских табличек линейного письма В, могут быть использованы при построении

искусственной билингвы, которое выглядит сегодня единственно возможным путем для проникновения в смысл текста Фестского диска (подробнее о методике работы с минойскими текстами см. ниже).

Развитие микенологических исследований стало, таким образом, важнейшим стимулирующим фактором в изучении прочих письменных систем "эгейского" типа. После того, как дешифрованное линейное письмо В, рассматривавшееся первоначально вместе с другими письменностями минойского круга, обособилось в качестве объекта штудий для отдельной науки — микенологии, памятники остальных письменностей Крита эпохи бронзы (явно догреческих, т.е. собственно минойских) стали предметом еще одной специальной научной дисциплины — миноистики¹. Правда, четкое разграничение областей обеих этих отраслей антиковедения, ранее составлявших единое целое, стало вполне очевидным лишь в последнее время, о чем уже говорилось во введении.

Прочтение микенских текстов не только дало специалистам — лингвистам и историкам — ценнейший материал для изучения самых ранних этапов развития греческого языка и государственности. Оно пополнило новыми конкретными данными имевшиеся уже у ученых-антиковедов представления о догреческом периоде истории Эллады, и прежде всего острова Крит, основанные на анализе археологических и лингвистических материалов.

Обнаружение в табличках линейного В ряда слов, употреблявшихся греками-ахейцами, но заимствованных у догреческих обитателей Эгеиды, документирует их присутствие в древнейшем диалекте греческого языка как минимум с третьей четверти II тыс. до н. э., в то время как прежде подобная реликтовая лексика могла быть обнаружена только благодаря свидетельствам источников, зафиксированным письменно многими столетиями позднее (так, например, поэмы Гомера в том виде, в каком они известны нам, записаны лишь в VI в. до н. э.).

Многие слова, главным образом культурные термины, перешли в греческий язык из языков-предшественников. Примеры таких слов дают хозяйственные документы линейного В. Так, в них обнаружено слово a-sa-mi-to, соответ-

¹ Термин "миноистика" введен в употребление как самым непосредственным образом связанный с минойским языком и письменностями критян-минойцев.

вующее более позднему греческому ὄσκιονθος — “ванна”, относимому исследователями к числу заимствований из “пеласгийского” языка. Присутствует на пилосских табличках и наименование сосуда с двумя боковыми и одной верхней ручкой — ka-ti, сходного, судя по его идеограмме (206), с классической греческой гидрией (сосудом для воды). Сходство это, как выяснилось, не является случайным: в аркадском диалекте греческого языка имелось слово κῆτιδος, бывшее синонимом обычного ὄβριος. Термин ka-ti известен и минойскому языку: он встречается в критских текстах линейного письма А, которые старше табличек линейного В. Однако и здесь его, по-видимому, следует считать иноязычным заимствованием, пришедшим из Малой Азии (он имел, вероятно, общее происхождение с наименованиями сосудов в таких анатолийских языках, как иероглифический лувийский — *gati* и хеттский — *gazzi*).² Как нам уже приходилось отмечать,³ один из ключевых терминов, применявшихся при описании поземельных отношений в Пилосском государстве, а именно *da-ma-te*, возможно имел минойское происхождение. В данной связи встает один весьма важный вопрос. Дело в том, что на материале табличек серии Е из Пилоса, дополняемом кносскими документами, удается восстановить в целом способ описания аграрных отношений, применявшийся чиновниками ахейских владык. Но создал ли он самими носителями языка линейного В, как считают некоторые микенологи? Не заимствован ли он в большей или меньшей степени греками-ахейцами у тех же критян-минойцев, у которых была заимствована их письменность? Ведь общегосударственная система землепользования ахейского времени на Крите, где, надо полагать, и произошло приспособление минойской грамоты к микенскому диалекту греческого языка, не могла быть созданной заново, ибо она складывалась не на пустом месте, а в стране с высокоразвитыми земледельческими традициями, сохранившей к тому же довольно значительный (как минимум) контингент прежнего сельскохозяйственного населения.

Поэтому многие важные элементы как общегосударственной системы землепользования, так и процедуры осу-

² Neumann G. Weitere mykenische und minoische Gefäßnamen // Glotta. 1961. Bd. 39. S. 172–178.

³ Молчанов А.А. Рец.: Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества (По данным линейного письма В). М., 1978 // ВДИ. 1979. № 3. С. 175, 176.

ществления постоянного контроля над ней, включая составление отчетной документации, могут оказаться на ахейском Крите также восходящими к соответствующей минойской традиции. То, что эту систему и эту процедуру мы застаем в документах кносского и пилосского дворцового архивов уже вполне развитыми и хорошо отлаженными, говорит в пользу их куда более давнего происхождения по сравнению со временем создания на базе минойского силлабария линейного письма В.

Исключительный интерес представляют и те данные, которые дают таблички линейного В из Кносса относительно этнического состава населения Крита в начальный период греческой колонизации острова (вторая половина XV в. до н. э.). Среди личных имен, встречающихся во всевозможных реестрах, обнаруживается множество явно негреческих. Это свидетельствует о значительном удельном весе автохтонного, доахейского элемента на Крите и после примерно полувекового владычества здесь завоевателей-ахейцев. Однако некоторые сведения, извлекаемые из кносских текстов линейного В, вместе с сообщениями античной традиции позволяют детализировать картину этнической истории острова и для более раннего времени.

Сложность состава населения догреческого Крита многократно подчеркивается в общеэллинских преданиях. Об этом единодушно говорят гомеровский эпос и древнейшие локальные мифы (подробнее см. в Ч. I, гл. 3). Среди народов, населявших Крит до прихода туда греков, традиция называет этеокритян, т.е. “истинных критян”, надежно отождествляемых ныне с минойцами (западным подразделением их были кидоны), пеласгов и анатолийцев (идентифицируемых с хетто-лувийцами).

Свидетельства античной мифолого-исторической традиции об этническом составе критского населения в догреческую эпоху находят подтверждение в данных, полученных лингвистикой при изучении языковой ситуации на юге Балканского полуострова в древнейший период. Работа над дешифровкой памятников линейного письма А и анализ догреческой реликтовой лексики привели ученых к выводу о существовании на Крите ранее середины II тыс. до н. э. трех различных языков — минойского, “пеласгийского” (=фракийского) и анатолийского.

Среди прочтенных в текстах кносских табличек линейного В названий критских городов рубежа XV–XIV вв. до

н. э. обнаруживаются восходящие ко всем трем указанным языковым слоям. Минойское происхождение устанавливается, например, для топонимов A-mi-ni-so (минойский корень -mīn- содержится в словах: Mivwōs – имя-титул критских царей; Mivōx – название поселений, основанных критянами в различных районах Эгеиды; mī-nu-te и других сходных формах из надписей линейного письма А), Ku-do-ni-ja (ср.: Ku-do-ni – минойское личное имя, Kúδων – внук царя Миноса, Kúδωνες – автохтонное западно-критское племя, жившее близ реки Ярдаана и города Кидонии) и U-ta-no (от того же корня -tan- образованы: личные имена кносских документов линейного В Та-но, Та-па-то и А-та-но; минойские формы из табличек линейного А – ta-na-ti, ta-na-no, a-ta-no, ja-ta-no; Τάνος – название еще одного критского города). Название поселения Ti-gi-to сопоставимого с Τίρινθος / Τίρυνθος (с характерным суффиксальным элементом -vθ-) может связываться с “пеласгийской” топонимией. Топоним Ru-ki-to (в греческой передаче Λύκτος) имеет отчетливую анатолийскую этимологию⁴.

Даже приведенные выше не столь уж многочисленные выборочные примеры показывают информационные возможности ономастического материала, извлекаемого из текстов на табличках линейного письма В, как источника по истории Эгеиды столь отдаленного периода – от середины II тыс. до н. э. и далее вглубь веков.

Ономастический материал, как известно, составляет основную долю тех языковых фактов, которые используются специалистами в качестве исходной базы при работе по проблематике античной лингвистической балканистики (или, иначе, палеобалканистики), особенно когда дело касается древнейшего прошлого Балкано-Малоазийского региона.

Яркие примеры плодотворного использования этого специфического материала для решения сложнейших задач лингво-этнических реконструкций благодаря применению современной научной методики, включающей в себя, помимо лексемного и формантного сопоставления, еще и выверенную процедуру этимологического анализа,

⁴ Ср.: Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967. С. 106, 107, 166.

причем в качестве важнейшего компонента, показал Л.А. Гиндин в своих ставших классическими трудах⁵.

Среди реликтовой лексики особой долговечностью обычно отличаются топонимы. В силу своей большой устойчивости во времени и стабильной привязки к конкретным пунктам или к более широким географическим объектам их названия надежно маркируют языковую принадлежность обитателей данной местности в некоторый период, зачастую весьма отдаленный хронологически от известной нам первой письменной фиксации ономастической лексемы. Поэтому именно топонимы позволяют нередко заглянуть далее всего в лингво-этническую историю того или иного региона.

Наиболее древними памятниками письменности с территории Европы являются на сегодняшний день минойские и микенские тексты II тыс. до н. э. Среди достоверно выявляемых топонимов самыми ранними по времени их письменной фиксации оказываются пока названия городов Крита, засвидетельствованные в документах бухгалтерской отчетности из архива Кносского дворца конца XV в. до н. э.

Хотя критская топонимия присутствует в хозяйственных записях, составленных на микенском диалекте греческого языка, она почти целиком принадлежит к кругу догреческой, преимущественно минойской, ономастики⁶. Первые несколько десятилетий владычества греков-ахейцев на Крите, завоеванном ими где-то около 1450 г. до н. э., похоже, в минимальной степени отразились в географической номенклатуре на острове. Пожалуй, единственное исключение здесь составляет упоминаемый в одной из табличек местный топоним *Akhaiwa (KN C 914: A-ka-wi-ja-de = Akhaiwian-de, аккумулятив +de, “в Ахайю”), который ясно говорит об ахейской колонизации острова.

⁵ Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967; Он же. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София. 1981.

⁶ О наличии в догреческой топонимии Крита трех компонентов, а именно минойского, пеласгийского (=фракийского) и анатолийского, причем с явным преобладанием первого, нам уже приходилось говорить прежде: Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Указ. соч. С. 61, 62.

Из упоминаемых в табличках линейного письма В кносского дворцового архива топонимов с десятков можно уверенно отождествить с теми критскими городами, которые хорошо известны по античным письменным источникам I тыс. до н. э. и ныне надежно локализуются⁷. И в ряде случаев, как мы постараемся показать ниже, имеются основания полагать, что представленные в микенской греческой передаче географические названия восходят к минойским формам не только середины II тыс. до н. э., но и намного более раннего времени.

Топоним U-ta-po⁸, соответствующий греческому Τάπος (общепринятый вариант русской передачи – Итан), содержит корень tap-, от которого образованы многие личные имена (антропонимы, теонимы) и другие лексемы, употребительные в минойском языке: Та-по, Та-па-то, А-та-по, U-ta-po (уже как личное имя) упоминаются в документах линейного письма В из Кносса; формы a-ta-po, ja-ta-po, ta-na-po и ta-na-ti фигурируют в текстах линейного письма А (т.е. в собственно минойских); Τάπος – город на Крите, известный по монетным легендам⁹. Дериваты того же корня, явно связанные семантически с сакральной сферой, обнаруживаются как заимствования из пантеона и культовой практики минойцев, осуществленные в разное время другими народами: Ἀθάνα, Ἀθήνη – богиня критского происхождения, из центров материковой Греции более всего почитавшаяся в Афинах (получивших по ней свое имя), которые, согласно эллинской мифолого-исторической традиции, были некогда подвластны кносскому царю Миносу; tanasa- – этрусский религиозный термин, вероятно пришедший в древнюю Италию из Эгеиды.

Ku-do-ni-ja, греч. Κιδωνία (Кидония), также может быть отнесена к числу давних топонимов минойского Крита. Ведь она несомненно связана с этнонимом Κύδωνες. Племя с таким названием, как видно, аборигенное минойское, обитало в западной, наименее освоенной, части острова (Od. III. 292; XIX. 176; Strab. X. 4. 6). В роли эпонима кидонов выступал, согласно местному мифу, Кидон (греч. Κύδων), внук царя Миноса (Paus. VIII. 53. 4; Schol. Apoll. Rhod. IV. 1492; Schol. Theocr. VII. 12; Schol. Od. XIX. 176). О том, что дериваты той же ономастической основы в разных вариантах употреблялись в период расцвета минойской цивилизации на Крите, свидетельствует и упоминание личного имени Ku-do-ni в хозяйственных текстах линейного письма А¹⁰. Там же обнаруживается параллель и еще одному топониму табличек линейного В из Кносса – Su-ki-ri-ta (греческого соответствия ему в античной письменной традиции найти не удастся). Это граффито на пифосе¹¹ из Агия-Триады: su-ki-ri-te-se-ja (с возможным делением на два слова – su-ki-ri-te se-ja).

Однако для изучения древнейшей критской топонимии наибольший интерес представляют те случаи, когда лингвистический материал удастся сопоставить с археологическими данными¹². С этой точки зрения особого внимания заслуживают четыре упоминаемых в документах линейного В города – Фест, Амнис, Тилисс и Кносс, имена которых дожили потом до поздней античности. Существование каждого из них в качестве крупного поселения прослеживается непрерывно как минимум с начала II тыс. до н. э.¹³. А это позволяет предполагать, что и соответствующие топонимы возникли тоже не позднее рубежа раннеминойского и среднеминойского периодов. К тому же

⁷ Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2nd ed. Cambridge, 1973. P. 146, 147; McArthur J. K. The place-names of the Knossos Tablets. Salamanca, 1985.

⁸ Ссылки на конкретные номера табличек линейного В из Кносса, где встречаются рассматриваемые нами топонимы, здесь и далее мы во многих случаях опускаем. Их легко найти по индексу форм в книге: Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л., 1986. С. 160–202.

⁹ Svoronos J.N. Numismatique de la Crete ancienne. Pt. I. Macon, 1890. P. 318. Этот топоним упоминается также в географическом словаре Стефана Византийского.

¹⁰ Evans A.J., Myres J.L. Inscriptions in the Minoan linear script of class A. Oxford, 1961. Pl. VIIa, 85a.

¹¹ Ibid. Pl. XXIIIa, II. 7a.

¹² О гипотетичности отождествления Se-to-i-ja кносских документов линейного В и исследованной археологами Маллии см.: Farnoux A. Malia et Se-to-i-ja // II Congresso Internazionale di Micenologia. Riasunti delle comunicazione pervenute. Roma-Napoli 14–20 ottobre 1991. Roma, 1991. P. 98.

¹³ Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950. С. 96, 112, 146, 168, 200, 206, 256. Для Феста, и особенно, Кносса (столицы минойского Крита периода расцвета “галассократии Миноса”) их история как важнейших центров, соответственно на южном и северном побережье острова, начинается еще раньше.

во всех четырех случаях есть возможность хотя бы частично выяснить этимологию рассматриваемых ономастических лексем.

Фест, греч. Φαιστός микен. Pa-i-to < минойск. *Pait-. Основа здесь должна оказаться скорее всего теофорной, ибо с ней связано имя бога-кузнеца Гефеста (греч. Ἥφαίστος < минойск. *Arait-, где α- — префикс; ср. также мужское имя A-ra-i-ti-jo на кносской табличке линейного В); тот же антропоним фигурировал и в генеалогических преданиях, связанных с династией догреческих правителей Крита: там Гефест — отец владыки-законодателя Радаманта, сын Талоса, внук Креса¹⁴ (Paus. VIII. 53. 5).

Амнис, греч. Ἀμνισός, микен. A-mi-ni-so < минойск. *Aminis-, где a- — префикс, min- — корень, а -s- — суффиксальный элемент. Ср.: Μίνως — имя нескольких царей догреческого Крита, отождествляемое с династическим титулом; Μίνωα — название многих пунктов в Восточном Средиземноморье, колонизованных критянами-минойцами; “мнои” или “мноиты” (упоминаемые как в сочинениях античных авторов, так и в тексте законов города Гортины, кодифицированных не позднее VI. в. до н. э.) — государственные, первоначально царские, рабы в критских полисах. Сюда же относятся не столь хорошо известные специалистам, как приведенные выше, примеры однокоренных слов из текстов линейного А: mi-nu-te и др.¹⁵. Устанавливаемое комбинаторным путем примерное значение топонима *Aminis- — “царский (т.е. имеющий то или иное отношение к правителю)”.

Тилисс, греч. Τυλισός, микен. Tu-ri-so < минойск. *Turis-, где tur- — корень, а -s- — суффиксальный элемент. Ср. другие дериваты догреческой основы tur- со значением типа “владыка”: греч. τύρανος, этрусск. Turan — богиня Владычица, и др.¹⁶. Наиболее вероятное значение рас-

сматриваемого топонима — “владыкин, принадлежащий владыке (земному или небесному)”.

Кнос, греч. Κνωσός и Κνωός, микен. Ko-po-so < минойск. *Konos-, где kon- — корень, а -s- — суффиксальный элемент. Весьма вероятно, что три последних топонима, из числа рассматриваемых нами, ориентированы в своем оформлении на единую словообразовательную модель¹⁷ (в данной связи примечателен такой факт: в отличие от главного южнокритского центра — Феста, все они локализируются в другой части острова, причем очень близко друг от друга). Так или иначе, но в них обнаруживаются характерные форманты (во всех трех случаях — суффиксальный элемент -s-, а в одном случае — префикс a-), судя по догреческой ономастике Крита и текстам линейного А, вообще весьма употребительные в минойском языке¹⁸.

С топонимом *Konos- соблазнительно сравнить такой не имеющий индоевропейской этимологии догреческий культурный термин как κῆνος — “сосновая шишка”, “конус”. Следовательно, данное имя города могло иметь буквальное значение “напоминающий сосновую шишку, конусовидный” — если, например, имелся в виду холм с расположенным на нем поселением. Примечательно, что место, на котором был основан Кнос, с самого начала представляло собой небольшое всхолмление¹⁹. Возникшее в VII тыс. до н. э., т.е. еще в эпоху раннего неолита, поселение непрерывно функционировало здесь без кардинальных перепланировок на протяжении примерно четырех тысячелетий. Накопившиеся в этот весьма длительный временной отрезок наслоения строительных остатков постепенно образовали довольно высокий жилой холм наподобие переднеазиатских теллей²⁰. Завершающая фаза раннеминойского периода (конец III тыс. до н. э.) в Кносе, ставшем тогда уже значительным центром протородского типа, ознаменовалась появлением первых мону-

¹⁴ Греч. Κρής означает “критский”, “критянин”; это имя эпонимного героя, персонажа древних мифов.

¹⁵ Молчанов А.А. Посланы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды). М., 1992. С. 149.

¹⁶ Немировский А.И. Царская власть у этрусков // Норция. Вып. 1. Воронеж. 1971. С. 21; Молчанов А.А. Рец.: Немировский А.И. Этрусски. От мифа к истории. М., 1983 // ВДИ. 1986. № 3. С. 176; Он же. Минойский язык: проблемы и факты // Античная балканистика. М., 1987. С. 82.

¹⁷ Молчанов А.А. Древнейшие топонимы Европы (Названия минойских городов Крита) // II Всесоюзная научно-практическая конференция “Исторические названия — памятники культуры”. 23–25 апреля 1991 г. Тезисы докладов и сообщений. Вып. 2. М., 1991. С. 113, 114.

¹⁸ Молчанов А.А. Минойский язык... С. 81, 82.

¹⁹ Пендлбери Дж. Указ. соч. С. 51.

²⁰ Hood M.S.F. The Minoans: Crete in the Bronze Age. L., 1971. P. 22; Андреев Ю.В. Островные поселения Эгейского мира эпохи бронзы. Л., 1989. С. 64.

ментальных сооружений. А немного позднее, с наступлением среднеминойского периода, т.е. в начале II тыс. до н. э., произошло коренное изменение привычного облика возвышавшегося издавна на холме поселения. При постройке дворцового комплекса была срезана верхушка телля и проведена нивелировка примыкающей территории²¹. Так исчез прежний конусовидный силуэт раннего минойского Кносса. А значит топоним, семантически отражающий именно этот, утраченный тогда безвозвратно внешний вид города, должен был родиться никак не позже последних столетий III тыс. до н. э., но мог — и намного раньше. Таким образом, при стыковке данных ономастики и археологии наука получает важное свидетельство присутствия на Крите фактов минойского языка — в данном случае имен собственных — за много веков до их первой письменной фиксации: ведь самые ранние минойские тексты, выполненные критской иероглификой и линейным письмом А, датируются XX–XIX вв. до н. э.

Хотя тексты, составленные на языке догреческих обитателей острова Крит, стали известны ученым еще в конце прошлого столетия, возможность приступить к их чтению появилась только немногим более трех десятилетий назад, уже после того, как М. Вентрис дешифровал линейное письмо В, которым были записаны древнейшие греческие тексты. Доказанная еще А. Эвансом генетическая связь трех критских письменных систем II тыс. до н. э. — местной иероглифики, линейного письма А и линейного письма В, с полной очевидностью проявляющаяся во внешнем сходстве употреблявшихся в нем графем, позволяла исследователям надеяться, что разгадка тайны одной из них неизбежно повлечет за собой обнаружение ключа и к остальным двум. Особенно близки между собой по начертанию знаки сменяющих друг друга на Крите на рубеже позднеминойских I и II периодов (около 1450 г. до н. э.) обеих линейных письменностей (в их репертуарах насчитывается до 60 вполне идентичных или весьма схожих знаков: см. рис 1 и 2). Поэтому как только специалистам стало окончательно ясно, что дешифровка табличек линейного В из критского Кносса и мессенского Пилоса является совершившимся фактом, была предпринята попытка развить с новых позиций насту-

пление и на другие, самые древние тексты бронзового века с территории Европы.

В 1956 г. А. Фюрюмарк, опираясь на сходство графем родственных письменных систем, определил фонетические значения многих силлабограмм линейного А²². В более поздней публикации результатов исследования табличек из Агия-Триады он говорит о возможности отождествления в общей сложности 54 слоговых знаков²³. Ту же методику для реконструкции догреческого критского силлабара использовали и другие исследователи, придя в целом к тем же самым результатам (разногласия имеются в отношении идентификации только нескольких знаков)²⁴.

Однако, как известно, даже заведомое заимствование общих принципов письменной системы и ее графических средств далеко не всегда гарантирует полное совпадение фонетического значения конкретных родственных знаков. Для того, чтобы убедиться в правомочности одинакового транскрибирования аналогичных графем линейного письма А и В, необходимо было обнаружить достаточное число лексических соответствий, подтверждающих правильность идентификации уже целых последовательностей слоговых чтений. Такие соответствия, причем в области ономастической лексики, явно заимствованной греками у прежних обитателей Крита, были обнаружены А. Фюрюмарком²⁵. Список их оказался весьма внушительным и это

²² Furumark A. Linear A und die altkretische Sprache. Entzifferung und Deutung. B., 1956.

²³ Furumark A. The Linear A Tablets from Hagia Triada. Opuscula Romana. 1976. 11.

²⁴ Ср.: Meriggi P. Zur Lesung des Minoischen (A) // Minoica. Festschrift zum 80. Geburtstag von Johannes Sundwall. B., 1958. S. 245; Peruzzi E. Le iscrizioni minoiche // Atti dell'Accademia Toscana di Scienze e Lettere "La Colombaria". Vol. 24. Anno 1959. Firenze, 1960. P. 35 f.; Faure P. Dédicaces crétoises en linéaire A // BE. 1972. T. XVI. 1. P. 10; Idem. La vie quotidienne en Crète au temps de Minos (1500 avant Jésus-Christ). P., 1973. P. 32; Поуп М. Линейное письмо А и проблема эгейской письменности // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. С. 89. Среди прочих исследований, посвященных текстам линейного А и самой этой письменной системе, наиболее важны работы Дж. Пульзе-Каррателли, Дж. Чэдуика, Э. Грумаха, А. Хойбека, Г. Ноймана, У. Брайса, Д. Паккарда, Дж. Хукера, Дж. Аттили, Л. Годара, Ж.-П. Оливье, Т.В. Гамкрелидзе.

²⁵ Landau O. Mykenisch-griechische Personennamen. Göteborg, 1958. S. 268–271.

²¹ Evans A. The Palace of Minos at Knossos. Vol. I. L., 1921. P. 134; Пендлбери Дж. Ук. соч. С. 97, 113.

подтвердило достоверность полученных ранее фонетических значений силлабограмм линейного А.

Таким образом, верная методика для работы с основной массой открытых археологами минойских текстов была подобрана. Но даже сумев прочесть подавляющее большинство надписей линейного А, ученые не смогли пока дать их исчерпывающую интерпретацию. Связано это, конечно, и с тем, что пока не удалось установить родство языка минойцев ни с одним из известных лингвистам древних или современных языков. Ведь данное обстоятельство не позволяет применить здесь этимологический метод, основывающийся на отыскании в родственных языках слов одного происхождения, близких по звучанию и смыслу. Но главная причина затруднений таится в явной содержательной скудости наличного эпиграфического материала.

Общее количество известных ныне памятников линейного письма А казалось бы довольно велико. В подготовленном Л. Годаром и Ж.-П. Оливье пятитомном корпусе²⁶ учтено 1407 надписей. Но из них 1019 выполнены на миниатюрных глиняных ярлычках, печатях и пломбах. Они содержат в лучшем случае по несколько знаков, в подавляющем же большинстве несут всего лишь по одной идеограмме или силлабограмме. Опубликовано 312 глиняных табличек (как правило они имеют форму плоских прямоугольных плиток, но встречаются и брусковидные — с надписями на длинных гранях) и их фрагментов. Они происходят из 12 различных пунктов, включая такие наиболее значительные центры минойского Крита как Кносс, Фест, Тилисс, Маллия, Палекастро, Закрос. Остальные 76 текстов — самого разнообразного характера и назначения.

Всеми вошедшим в корпус надписям линейного письма А присвоены не только постоянные номера, но и буквенные обозначения, указывающие на место находки (НТ — Агия-Триада, КН — Кносс, МА — Маллия, РК — Палекастро, РН — Фест, ТУ — Тилисс, ЗА — Закрос, ХН — Хания и т.д.; всего 25 пунктов на Крите и четыре — за его пределами) и категорию несущих их предметов (Wa — на глиняных пломбах-комочках, Wb — на глиняных печатях, Wc — на глиняных дисках-ярлычках, Za — вырезанные на каменных чашах-

жертвенниках, Zb — выцарапанные на керамических сосудах, Zc — дипинти на керамике, Zd — на стенной штукатурке, Ze — на каменных архитектурных остатках, Zf — на металлических предметах, Zg — разные). Поэтому ссылка на соответствующий текст имеет следующий вид: НТ 120 (глиняные таблички особыми "серийными" литерами не отмечаются), КН Wc 5, РК Za 11 и т.д.

О том, что минойцы достаточно широко пользовались своим деловым линейным письмом, говорит наличие находок документов линейного А во всех областях Крита — от Хании (древней Кидонии) на западе до Закроса на востоке и от Амниса на северном побережье (в центральной части острова) до Феста на юге. Употребляли его и минойские колонисты в апойкиях, основанных на некоторых островах Эгейского архипелага: Кифере (Китере), Фере, Мелосе (Милосе) и Кеосе (Кее). Критскими мореходами оно было вероятно занесено и в другие пункты как Восточного, так и Западного Средиземноморья. Во всяком случае сходные со знаками линейного А письмена встречены на керамике из Лерны (в Аργοлиде) и с островов Липара и Панарея (к северу от Сицилии).

Невыясненность генетического родства минойского языка²⁷ и его слабая изученность в целом заставляют отдавать предпочтение комбинаторному методу интерпретации составленных на нем текстов. Так, в принципе, не вызывает затруднений определение общего смысла записей, выполненных линейным письмом А на глиняных табличках. Здесь перед нами несомненно документы бухгалтерской отчетности, причем прямые предшественники аналогичных хозяйственных ведомостей микенского (ахейского) времени. В одних случаях записи состоят из отдельных знаков-идеограмм, перемежающихся с цифро-

²⁶ Godart L., Olivier J.-P. Recueil des inscriptions en linéaire A. T. 1-5. P., 1976-1985. Это издание полностью заменило прежние публикации А. Эванса и Дж. Майрза, Дж. Пульезе-Каррателли, Дж. Рэйзона и М. Поупа.

²⁷ Chadwick J. Introduction to the problems of Minoan Linear A // J.R.A.S. 1975. N 2. P. 146, 147; Hooker J.T. Problems and Methods in the Decipherment of Linear A // J.R.A.S. 1975. N 2. P. 172; Лурье С.Я. Реч.: Palmer L. Mycenaean and Minoan. L., 1961 // ВДИ. 1964. № 2. С. 178; Лурье С.Я., Амусин И.Д. К вопросу о языке линейного А // ВДИ. 1963. № 4. С. 198-201; Поуп М. Ук. соч. С. 90-92, 96; Гамкрелидзе Т.В. К вопросу о системе смычных и фрикативных "минойского" языка по показаниям греческой линейной письменности класса В // Историчность и актуальность античной культуры. Научная конференция. Октябрь 1980 г. Тезисы докладов. Тбилиси, 1980. С. 54 (=ВЯ. 1988. № 1. С. 66); Молчанов А.А. Минойский язык... С. 79.

выми обозначениями²⁸. В других случаях они содержат наименования перечисляемых сельскохозяйственных продуктов или же имена подлежащих натуральному налогообложению лиц, переданные на письме блоками силлабограмм. На ярлыках и пломбах мы вправе ожидать присутствия полных, но намного чаще сокращенных до одного-единственного знака (по идеографическому или акрофоническому принципу) названий размещенных в складской таре и опечатанных припасов.

Сходное содержание должны иметь владельческие надписи на керамических сосудах: это скорее всего указание на их содержимое (в качестве примера может служить пифос из дворца в Закросе, на котором начертаны идеограмма "вино" и цифры, передающие число "32", — вероятно обозначение емкости сосуда).

Разумеется, совсем иной характер должны иметь тексты на предметах, связанных с культовой практикой: каменных чашах-жертвенниках, вотивных секирах и т.д. Такие тексты состоят иногда из довольно большого числа слоговых знаков. В них отсутствуют характерные для хозяйственных записей цифровые обозначения (включая дроби) и лигатуры силлабограмм, а также, по-видимому, идеограммы.

Насколько можно проследить по известным нам текстам линейного А, в этом письме обычным было написание знаков слева направо. Но иногда отдельные знаки встречаются и в зеркальном варианте, что говорит, вероятно, о возможности альтернативного направления в нанесении и чтении надписей²⁹. О том, что минойцы не придерживались здесь раз и навсегда принятых правил, говорит многообразие компоновки критских иероглифических текстов на печатях, где встречаются почти все возможные варианты последовательного начертания графем: слева направо, справа налево, сверху вниз, по спирали, бустродефон ("подобно волам, проводящим одну борозду за другой", т.е. с поворотом очередной строки в противоположную сторону). Довольно длительный период (не менее двух, а то и трех, столетий) линейное А функционировало

²⁸ Система числовых обозначений в линейном письме А идентична принятой позднее в микенском письме, но у критян-минойцев знаком десятка служила не только горизонтальная черта, но и жирная точка.

²⁹ Chadwick J. *Linear B and related scripts*. Berkeley, Los Angeles, 1987. P. 45.

параллельно с иероглификой³⁰. В дальнейшем же — примерно со второй половины XVII в. до середины XV в. до н. э. — оно сосуществовало уже с минойским иератическим письмом (письменностью Фестского диска)³¹, создатели которого тоже не придерживались строго одного какого-либо правила на интересующий нас счет. Самым ярким свидетельством параллелизма в употреблении двух последних письменностей является смешанная, т.е. составленная из знаков их обеих, надпись на вотивной медной секире из пещерного святилища в Аркалохори, где три ряда графем идут сверху вниз³², в то время как на Фестском диске текст, скрученный в спираль, идет справа налево.

Третий по возрасту вид критского догреческого письма бронзового века, возникший позднее иероглифики и линейного А, только недавно получил теоретически обоснованное научное название — "минойский иератический силлабарий"³³. Называть его так предложено из-за того, что он был, по-видимому, специально введен для применения не в хозяйственной, а преимущественно в сакральной сфере³⁴. Однако широкую известность ему довелось получить под другим именем: "письменность Фестского диска".

Знакомство ученых с первым, и поистине замечательным, образцом этой письменности состоялось 3 июля 1908 г. В этот день археологи итальянской экспедиции, раскапывавшей руины царского дворца на акрополе Феста, извлекли из земли небольшой диск (диаметром около 16 см) из хорошо обожженной глины, обе стороны которого покрывала спирально идущая надпись, составленная из множества аккуратно нанесенных на керамическую поверхность рисуночных знаков (рис. 3 и 4). Знаки эти объединялись в группы, заключенные в отдельные ячей-

³⁰ Godart L. *Le linéaire A et son environnement* // SMEA. 1979. Fasc. XX. P. 29–33.

³¹ Известны в древней Эгее и другие примеры параллельного использования носителями одного и того же языка двух различных систем письма: иероглифика и клинопись у хеттов, классический кипрский силлабарий и буквенный алфавит у греков.

³² Молчанов А.А. Таинственные письмена первых европейцев. С. 82–89; Он же. Посланцы погибших цивилизаций. С. 130–138.

³³ Молчанов А.А. К вопросу о репертуаре знаков минойского иератического силлабария // Проблемный семинар по истории культуры. Вып. I. Вспомогательные исторические дисциплины. Эпиграфика. М., 1977. С. 1.

³⁴ Молчанов А.А. Таинственные письмена... С. 81.

ки. Древний каллиграф использовал необычную технику: каждый знак был аккуратно оттиснут с помощью специально вырезанной миниатюрной матрицы. Набор штампов несомненно изготавливался заранее и вряд ли предназначался для воспроизведения одного-единственного текста. По археологическим данным Фестский диск следует датировать примерно 1600 г. до н. э.

Вновь открытый памятник сразу же привлек к себе внимание специалистов, к которым потом присоединились и многочисленные дешифровщики-любители. Имело место множество неудачных попыток дешифровать текст Фестского диска с помощью методов, зачастую оправдывающих себя, но непригодных, как выяснилось, в данном конкретном случае: идеографического, акрофонического, сравнительно-иконографического, позиционно-статистического (причины методического характера этих неудач хорошо показал Г. Нойман³⁵). Но десятилетия упорной работы ученых разных стран, наиболее серьезно относившихся к "фестской проблеме" (Л. Пернье, А. делла Сета, А. Эванс, Г. Ипсен, В. Порциг, Ф. Шахермайр, С. Маринатос, А. Маккей, Э. Грумах, Г. Нойман, К. Даварас, В. Нам, В. В. Шеворошкин, А. М. Кондратов, В. П. Назаров и др.) не пропали даром. Их усилия позволили значительно продвинуться вперед в изучении памятника.

Долгое время открытым оставался вопрос о месте изготовления Фестского диска — был ли он сделан на острове Крит или кем-то привезен сюда. Но вот при раскопках в середине 1930-х годов минойского пещерного святилища в Аркалохори (Центральный Крит) была найдена культовая медная секира с гравированной надписью, в которой встречались и знаки письменности Фестского диска³⁶. Оттиск еще одного знака, тождественного знаку 21 на диске, обнаружен на глиняном ярлыке из Феста³⁷. Как показало изучение других археологических находок, критским керамистам еще задолго до времени появления Фестского диска была известна техника нанесения на поверхность глиняного предмета до его обжига изображений, оттиснутых специально изготовленными матрицами.

³⁵ Neumann G. Zum Forschungsstand beim "Diskos von Phaistos" // *Kadmos*. 1968. Bd. VII. H. 1. S. 27–44; Нойман Г. К современному состоянию исследования Фестского диска // *Тайны древних письмен*. С. 66–81.

³⁶ Marinatos S. Ausgrabungen und Funde auf Kreta 1934–1935 // *Archaeologischer Anzeiger*. 1935. H. 1–2. S. 252–254.

³⁷ Pini I. Zum Diskos von Phaistos // *Kadmos*. 1970. Bd. X. H. 1. S. 93.

Удалось доказать и то, что для всех без исключения знаков письменности Фестского диска находятся прототипы среди сюжетов критского искусства и предметов домашнего обихода древних критян (рис. 5). Здесь следует особо отметить заслуги Э. Грумаха, сумевшего обнаружить минойские истоки и тех графем, которые прежде рассматривались как важные свидетельства иноземного изготовления данного памятника³⁸. Таким образом, окончательно выяснилось: сам диск и его письменность имели несомненно местное критское происхождение.

Еще в 1909 г. итальянский исследователь А. делла Сета смог решить принципиальный вопрос: в каком направлении — справа налево или слева направо (от края предмета к его центру или наоборот) — читался текст диска. Все изображения людей и животных, встречающиеся среди рисуночных знаков на диске, повернуты вправо. А поскольку рисуночные знаки в других системах письма Восточного Средиземноморья II тыс. до н. э., в том числе и в критской иероглифике, обычно обращены к началу строки и смотрят навстречу чтению, закономерно возникает предположение, что текст диска читали справа налево, т. е. от края предмета к центру.

Обнаружились и другие аргументы в пользу такого направления чтения. Показательно, например, что сделав первый ровный виток по самому краю предмета, лента спиральной надписи резким скачком переходит на второй виток. Крайние наружные поля-ячейки на обеих сторонах диска помечены несколькими крупными точками, возможно, отмечающими начальные слова. И, наконец, самый существенный довод в пользу чтения текста диска справа налево: судя по тому, что левый край матриц оттискивался глубже правого, знаки наносились на поверхность сырой глины мастером левой рукой (и, следовательно, справа налево), ведь в противном случае "пишущая" рука закрывала бы только что отпечатанные знаки, полностью лишая писца-печатника возможности продолжать правильно и точно выполнять его кропотливую работу.

Выяснение в принципе системы письма рассматриваемого памятника не потребовало больших усилий от ученых. Простой подсчет количества использованных в надписи знаков индивидуальных форм (на 241 знак во всем

³⁸ Грумах Э. К происхождению Фестского диска // *ВДИ*. 1968. № 2. С. 17–28.

тексте приходится лишь 45 различных) сразу показал, что письменность Фестского диска не является ни иероглифической (идеографически-звуковой), ни буквенной. Для типичного иероглифического письма, где насчитываются самое малое сотни отдельных иероглифов, репертуар знаков диска, учитывая объем текста, слишком мал. Для буквенного же он чересчур велик. Некоторые исследователи предпринимали попытки хотя бы приблизительно установить вероятное общее число знаков в данной письменности посредством метода экстраполяции, учитывая темпы их прироста при пропорциональном увеличении текста. Полученные статистические данные говорили о том, что письменность Фестского диска представляла собой письменность слоговую (согласно произведенным подсчетам, в ней было немногим более 60 различных знаков-силлабограмм). Причем этот силлабарий был описанного выше эгейского типа, т.е. со знаками только для открытых слогов (V и CV), подобно критскому линейному письму А того же времени.

Но письменность диска не была чисто слоговой, вроде позднейшего классического кипрского силлабария, как полагали авторы многочисленных полных и неполных "дешифровок", а содержала в себе, несомненно, аналогично современному ему линейному А, не только силлабограммы, но и знаки другого назначения — идеограммы и детерминативы.

Из установления слогового в целом характера письменности Фестского диска естественным образом вытекает вывод о том, что обособленные группы знаков, заключенные в ячейки (в самой большой из них содержится семь знаков, а в самой маленькой — два), представляют собой не что иное, как слова.

Углубленное исследование внутренней структуры текста, и в первую очередь всех составляющих его слов, позволило ученым с весьма значительной долей вероятности определить грамматические функции ряда знаков. Особенно важна в этом отношении лучшая из работ начального периода разработки "фестской проблемы" — статья со строго комбинаторным анализом надписи диска, принадлежащая Г. Ипсену и В. Порцигу³⁹. На примерах чередо-

вания некоторых графем в начальной и конечной позициях, в том числе до и после идентичных устойчивых знаковых блоков, отождествляемых с основами, удалось продемонстрировать несомненное присутствие в словах языка надписи префиксов и суффиксов, а также его флективный характер.

В то же время знак 02, очень часто встречающийся в тексте (он содержится почти в трети слов) и стоящий всегда на самом первом месте, только перед другими знаками, был единодушно опознан всеми серьезными исследователями в качестве графического форманта, или, иначе говоря, детерминатива. А то, что он изображает странную человеческую голову, украшенную перьями или петушиным гребнем, заставляло предполагать в нем детерминатив, обозначающий скорее всего имена собственные. Делались попытки приписать функцию детерминатива и другим знакам, но они не имели достаточного обоснования со стороны сравнительно-статистической.

Смешанная надпись на секире из Аркалохори, выполненная вперемежку знаками обоих синхронных критских догреческих силлабариев, служит неопровержимым доказательством применения и линейного А, и письменности Фестского диска для фиксации речевых форм одного и того же языка — минойского (косвенно же об этом свидетельствовало уже само обнаружение диска при раскопках вместе с табличкой линейного А). Какие же конкретные факты этого языка распознаются в тексте на диске благодаря его углубленному формальному и комбинаторному анализу?

Самым главным здесь оказывается определение все того же знака 02 ("голова с петушиным гребнем") как детерминатива личных имен. То, что прототипом для данной графемы послужил сакральный династический символ (такой вывод является следствием сопоставления иконографических изысканий Э. Грумаха с данными античной мифолого-исторической традиции) заставляет считать его детерминативом имен минойских династов. В результате в тексте диска обнаруживается ряд таких имен. Последние же сопровождаются словами, которые можно отождествить только с топонимами Крита. В то же время многие из древ-

³⁹ Ipsen G. Der Diskus von Phaistos. Ein Versuch zur Entzifferung // *Indogermanische Forschungen*. 1929. Bd. 47. H. 1. S. 1–41; Ипсен Г. Фе-

стский диск (опыт дешифровки) // *Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки*. М., 1976. С. 32–65.

них минойских топонимов острова, включая самые основные, встречаются в кноссских табличках линейного письма В. Таким образом, появляется возможность построить искусственную билингву, что знаменует собой начало как дешифровки, так и интерпретации текста Фестского диска. Из критских топонимов, известных по документам линейного В, в соответствующей минойской транскрипции читаются на диске сначала имена Кносса, Амниса и Тилисса (правильность их прочтения устанавливается перекрестным способом через повторяющийся конечный слог), а затем и некоторых других известных городов. Подстановка полученных при этом значений отдельных силлабограмм позволяет прочесть другие слова текста, в том числе личные имена (например, SA-TU-RI – известное античной традиции критское царское имя) и некоторые титулы.

Весь же текст Фестского диска, содержащий список 19 правителей и соправителей 12 критских городов (надо полагать, именно с Крита пошла традиция создания союзов-двенадцатиградий, получивших затем распространение у балканских и малоазийских греков, а также у этрусков в Италии), может быть интерпретирован, на наш взгляд, скорее всего как священный договор или другой коллективный акт религиозно-политического характера.

Весьма возможно, близкую аналогию ему, как по форме, так и по содержанию, представлял собой упоминаемый античными авторами – Аристотелем, Плутархом, Павсанием (Plut. Lyc., 1; Paus. V. 20. 1) – диск из храма Геры в Олимпии, на котором был записан по кругу текст священного договора о перемирии, объявлявшемся на время проведения Олимпийских состязаний (последние имели, по убеждению эллинов, критское происхождение).

Если на Фестском диске действительно зафиксирован текст договора или что-то в этом роде, то вполне понятным становится применение здесь приема штамповки – печатания надписи. Этот прием как нельзя лучше отвечал задаче тиражирования текста – по крайней мере по одному экземпляру на каждого участника этого коллективного документа. Однако предложенная нами трактовка текста на диске до его более полного прочтения может носить, разумеется, лишь предварительный характер.

Не вызывает сомнений сакрально-посвятительное назначение упоминавшейся уже неоднократно смешанной надписи на секире из Аркалохори (см. рис. 6 и 7). Она на-

несена на поверхность культовой секиры, поступившей в качестве приношения в минойское святилище где-то в первой половине XVI в. до н. э. Надпись состоит из трех слов, записанных вертикально и заключенных, как и на диске из Феста, в вытянутые прямоугольные рамочки. Два из них, первое и второе, начинаются с уже известного нам знака-детерминатива царских имен (02 – “голова с петушиным гребнем”). По всей вероятности, они передают имя и патронимик посвяtitеля предмета. Последнее же слово в таком случае скорее всего должно указывать на адресата посвящения, т.е. является теонимом⁴⁰.

О содержании третьего памятника рассматриваемой в данном параграфе письменности, который найден в Фесте и опубликован И. Пини, пока нельзя сказать ничего определенного, ибо он, как уже говорилось выше, представляет собой всего лишь одиночный знак 21, оттиснутый матрицей-печаткой на глине.

Кипрское слоговое письмо позднего бронзового века, получившее по сходству его с критским минойским письмом название кипро-минойского⁴¹, долгое время с момента его открытия в конце XIX в. было представлено только краткими надписями на различных предметах, главным образом на керамике⁴². Лишь в 1953 г. П. Дикайосу, проводившему раскопки в Энкоми (на восточном побережье Кипра), удалось открыть фрагмент таблички из обожженной глины, содержащий достаточно большой по объему, хотя и сильно поврежденный, текст (459 знаков, считая словоразделители)⁴³. Затем там же последовали еще две подобные находки: в одном случае на табличке (тоже 1953 г.) уцелели 495 знаков, в другом (находка 1969 г.) – 533 знака⁴⁴. Вместе с еще одним маленьким фрагментом (где уцелели 8 строк текста) из

⁴⁰ Более подробный разбор надписей на Фестском диске и секире из Аркалохори см.: Молчанов А.А. Таинственные письмена... С. 52–107; Он же. Посланцы погибших цивилизаций. С. 92–182 (там же основная литература по “фестской проблеме”).

⁴¹ Evans A. J. Scripta Minoa. Vol. I. P. 69, 70.

⁴² Ср.: Daniel J.F. Prolegomena to the Cypro-Minoan Script // AJA. 1941. Vol. XLV. N 2. P. 249–282.

⁴³ Dikaios P.A. Second Inscribed Clay Tablet from Enkomi // Antiquity. 1953. Vol. 27. N 108. P. 233–237. Pl. IV–V. Fig. 1–3.

⁴⁴ Masson E. Deux fragments de tablettes chypro-minoennes trouvés à Enkomi en 1953 et 1969 // Journal des savants. 1978. N 1–2. P. 49–86.

раскопок 1952 г. они составили хронологически компактную серию однородных по оформлению документов, датируемую концом XIII–XII в. до н. э.

К значительно более раннему времени – к рубежу XVI–XV вв. до н. э. относится обломок толстой глиняной таблички из того же Энкоми (раскопки 1955 г.), на котором видны лишь три строки надписи⁴⁵. Значение этой находки в том, что она окончательно подтвердила правоту мнения А. Эванса о прямой связи кипро-минойского письма с линейным А. В ней сходство знаков той и другой письменных систем проявляется очень явственно. И это вполне понятно, поскольку здесь форма заимствованных графем еще не успела подвергнуться изменениям, неизбежным в ходе длительного бытования репертуара знаков, давно обособившегося от источника заимствования.

За последние десятилетия стали известны и новые кипро-минойские надписи на иных предметах (в частности, выполненные на глиняных шарах и цилиндрах, назначение которых неясно). Они состоят как правило всего из нескольких знаков. Обломок таблички с кипро-минойским текстом найден теперь и в Угарите – городе на Сирийско-Финикийском побережье, куда регулярно наведывались купцы-минойцы с Крита и Кипра.

Работа со всеми этими эпиграфическими памятниками таит в себе немалые трудности. И не случайно предлагавшиеся до сих пор дешифровки известных кипро-минойских текстов бывали встречены каждый раз с большой долей скепсиса. Одни исследователи – Массон и ее последователи – склоняются к мнению о хуррито-язычной принадлежности табличек из Энкоми, другие отстаивают “хетто-лувийскую версию”⁴⁶. Неоднократно предпринимались попытки прочесть кипро-минойский текст по-

⁴⁵ Masson E. Les plus ancienne tablette chypro-minoenne (Enkomi, 1955) // *Minos*. 1969. Vol. X. P. 64–77.

⁴⁶ Ср.: Masson E. Présence éventuelle de la langue Hourrite sur les tablettes chypro-minoennes d'Enkomi // *JRAS*. 1975. N 2. P. 159–163; Billigmeier J.C. A Contribution toward Identification of the Language Contained in the Cyprominoan II Inscriptions from Enkomi // *Colloquium Myselacum*. Genève, 1979. P. 419–424; Молчанов А.А. Симпозиум “Античная балканистика-5” // *ВДИ*. 1985. № 1. С. 221; Сергеев В.М. Структурно-статистический анализ кипро-минойского текста из Энкоми // *Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья*. М., 1990. С. 84–100.

гречески, но они вполне справедливо получили резко отрицательную оценку у специалистов. Причина неудач многих исследователей крылась в данном случае в допущении ими грубых методических погрешностей: не проводя необходимый предварительный формальный анализ текста, они чересчур увлеклись поисками внешнего сходства знаков кипро-минойского силлабария со знаками других, родственных систем письма.

Около 20 знаков кипро-минойского письма действительно могут быть сопоставлены со знаками линейного В и классического кипрского силлабария, фонетические значения которых известны. Но подстановка этих значений в текст таблички из Энкоми 1953 г., привлекаясь особенно пристальное внимание исследователей, дает слишком мало слоговых чтений и тем более полных чтений слов для того, чтобы судить о языковой принадлежности надписи и затем использовать тот или иной из древних языков Средиземноморья и для ее дешифровки. Поэтому на первый план выступает необходимость формального анализа текста, причем при использовании комбинаторной методики исследования общая интерпретация памятника письменности может иногда опережать его прочтение. Попытаемся продемонстрировать это на примере все того же кипро-минойского текста (рис. 8–10).

Его структура может быть выявлена, естественно, только там, где строки сохранились целиком. Длина таких строк неодинакова. Как видно, каждая строка имеет свое самостоятельное законченное содержание, ибо прерывается всякий раз на разном, иногда довольно значительном, расстоянии от правого края соответствующего поля таблички (т.е. ни одна строка не продолжает предыдущую). Расположение и внутренняя структура строк наводят на мысль о наличии в тексте таблички, скорее всего, некоего перечисления. В полностью сохранившихся строках обнаруживается любопытная закономерность: каждая из них содержит ровно пять слов. Этой же закономерности подчиняется как будто и весь текст: во всяком случае, в строках, частично пострадавших, нигде не обнаруживается хотя бы шесть слов, а только максимум пять. Какого же рода перечисление может содержать текст рассматриваемой таблички из Энкоми?

Инвентарный список имущества здесь явно отпадает, потому что, с одной стороны, отдельные пункты-строки

для такого списка слишком пространны, причем они строго однородны по внутренней структуре и одновременно исключительно разнообразны по номенклатуре предположительно учитываемых предметов (в различных строках изредка повторяются лишь отдельные слова), а с другой стороны, в реестре на табличке явно отсутствуют такие цифровые обозначения, которых следовало бы ожидать в документе хозяйственной отчетности. Правда, в самом конце 20-ой от начала строки имеется знак в виде кружка, который может быть истолкован по аналогии с крито-микенскими числовыми обозначениями как цифра 100. Однако в нем следует видеть, скорее всего, пометку писца, указывающую на итоговое количество объектов перечисления в первых 20 строках текста ($5 \times 20 = 100$).

Следовательно, остается ожидать здесь список иного рода. Выявляемая структура текста, на наш взгляд, более всего подходит для списка имен ежегодно сменяемых магистратов, составляющих коллегию пяти, похожую на знаменитую коллегию эфоров Спарте или космов на Крите (например, в Итаносе)⁴⁷.

Однако более четкие и обоснованные выводы о содержании как рассмотренной нами выше, так и других табличек из Энкоми, можно будет сделать только после их достаточно полной дешифровки и истолкования полученных при этом вполне определенных языковых фактов.

Главный вывод, который можно сделать, завершая обзор нынешнего состояния изучения памятников минойского иератического силлабара и кипро-минойского письма не слишком утешителен: они находятся фактически еще на начальной стадии дешифровки и интерпретации, а потому не могут привлекаться в качестве полноценного исторического или лингвистического источника. В этом отношении они далеко уступают текстам линейного А. Правда, в работе с последними пока главным положительным итогом следует, по-видимому, признать завершение сбора и систематизацию этого наиболее многочисленного разряда минойского эпиграфического материала. Осуществленная ныне полная публикация всех известных памятников линейного А создает условия для более успешного продолжения их исследования. Во всяком случае пополнение

⁴⁷ Подробнее об этом см.: Молчанов А.А. К интерпретации самой большой кипро-минойской надписи на табличке из Энкоми 1953 г. // ВДИ. 1979. № 1. С. 126–134.

суммы языковых фактов расширяет возможности лингвистического анализа всей их совокупности.

Суммирование тех фактов, которые выявлены при прочтении надписей линейного А и работе с греческой реликтовой лексикой, позволяет составить более ясное представление об особенностях минойского языка с его характерной фонетической структурой CVCVCV⁴⁸. А это в свою очередь должно рано или поздно помочь успешному применению этимологического метода для полной дешифровки и интерпретации документов линейного А. При этом несомненно следует уделить особое внимание вероятному сходству минойского языка с доиндоевропейскими субстратными языками Малой Азии и родственными им. Не случайно многим специалистам представляется возможной генетическая связь языков древнейших обитателей ближайших к Криту областей Анатолии, откуда, согласно некоторым археологическим свидетельствам, еще в неолите могли двигаться на остров волны переселений⁴⁹ с алародийскими языками, особенно с хурритским⁵⁰. С этим же кругом языков теперь предположительно сближаются, по ряду признаков, такие языки из группы "средиземноморских" (куда включают и минойский) как этрусский, лемносский, этеокипрский и кипро-минойский⁵¹. Не исключено при этом, что минойский то-

⁴⁸ Деянов А.Ф. (=Шеворошкин В.В.). Линейное письмо А // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. С. 83; Поуп М. Ук. соч. С. 88–91; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. № 3. С. 22; Гамкрелидзе Т.В. К вопросу о системе... С. 54–58; Молчанов А.А. Минойский язык... С. 78–85; Stephens L., Justeson J.S. Reconstructing "Minoan" phonology: the approach from universals of language and universals of writing systems // Transactions of American Philological Association. N 108. 1978. P. 271–284.

⁴⁹ Ср.: Пендлбери Дж. Ук. соч. С. 57, 294; Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. С. 20.

⁵⁰ Дьяконов И.М. Хурритский язык и другие субстратные языки Малой Азии // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 106.

⁵¹ Masson E. Présence... P. 159–163; Харсекин А.И. Комментарий к статье М. Паллотино "Проблема этрусского языка" // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 382. Прим. 9а (прим. И.М. Дьяконова); Джаукян Г.Б. К интерпретации этеокипрско-греческой билингвы // Известия АН СССР. Отделение литературы и

жественен “эгейскому”, остатки которого обнаруживаются в реликтовой лексике греческого языка (это в основном культурные термины) и в топонимии юга Балкан⁵². Эгейский же язык может оказаться даже последним потомком на Балканском полуострове какого-либо из той группы доиндоевропейских языков, на которых говорили жители балкано-дунайского ареала распространения целой системы взаимосвязанных неолитических и энеолитических культур VI–IV тыс. до н. э., характеризующихся господством производящих форм экономики. В этот ареал входил и Крит⁵³.

Перейти же от чисто гипотетических построений к поискам реального генетического сходства минойского с другими языками удастся лишь тогда, когда будет получено больше его фактов, чем их имеется в наличии у исследователей в настоящее время. В частности для этого необходимо проникнуть в смысл многих уже прочтенных, но пока не получивших истолкования минойских лексем в текстах линейного А. Помочь здесь наверное могло бы изучение, например, единых комплексов документов, если таковые удалось бы выявить. Правда, пока подобного компактного и цельного круга минойских текстов, территориально и функционально тесно связанных друг с другом, среди табличек линейного А мы не обнаруживаем. Его удастся с достоверностью наметить только среди критских иероглифических печатей первой трети II тыс. до н. э.

языка. № 35. 1976. С. 155–163; Хачикян М.Л. Диалектное членение хурритского языка // Древний Восток. III. Ереван, 1978. С. 39–46; Дьяконов И.М. Хурритский язык... С. 105.

⁵² Schachermeyr F. Die Minoische Kultur des alten Kreta. Stuttgart, 1964. S. 259–267; Деянов А.Ф. Линейное письмо А. С. 84; Молчанов А.А. Элементы доиндоевропейского языкового субстрата на юге Балкан (минойский и “эгейский”) // Античная балканистика. Карпато-Балканский регион в диахронии. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М., 1984. С. 27, 28.

⁵³ Титов В.С. Неолит Греции. Периодизация и хронология. М., 1969. С. 165, 166.

Глава 2

Легенды критских иероглифических печатей и система учета в дворцовом хозяйстве владык Кносса первой трети II тысячелетия до н. э. (К типологии минойских сфрагистических формул)

Памятники критской иероглифики первой трети II тыс. до н. э. — самой древней письменности в Европе — представлены текстами нескольких видов, найденными в Кноссе, Фесте, Маллии и других пунктах острова Крит. Хозяйственное назначение имели записи на глиняных табличках, структурно близкие к аналогичным документам линейного письма А и В (в них идеограммы сопровождаются рядами цифр), и ярлыках. Явно в сакральной сфере относится иероглифическая надпись, вероятно votивная, на каменном жертвеннике из Маллии¹, не поддающаяся пока более конкретной интерпретации.

Неоднозначно решается вопрос о содержании доступных изучению минойских сфрагистических легенд, которые представлены как оттисками на глине, так и подлинными печатями. Расцвет на Крите искусства глиптики приходится на среднеминойский II период (вторая половина XIX–XVIII в. до н. э.). И как раз в это время основными сюжетами композиций на критских печатях становятся зачастую каллиграфически выполненные надписи, составленные из нескольких иероглифов.

Общее количество дошедших до нас и введенных в научный обиход текстов, записанных критянами-минойцами с помощью своей иероглифики, уже довольно велико (их известно несколько сот) и число их постепенно пополняется за счет новых находок и публикаций. Важное значение для выявления и систематизации всего наличного материала имело здесь предпринятое коллективом исследователей издание “Корпуса минойских и микенских печа-

¹ Chapouthier F. Une inscription hiéroglyphique sur pierre (Mallia, époque minoenne) // CRAI. 1937. P. 277 f.; Idem. Inscription hiéroglyphique minoenne gravée sur un bloc de calcaire // BCH. 1938. Vol. 67. N 1. P. 104–109. Tab. XIX.

тей". Его первый том, посвященный описанию коллекции Национального музея в Афинах, вышел в 1964 г.² Но фактически начало изданию корпуса было положено выпуском полного каталога минойских гемм из Эшмолеанского музея в Оксфорде, который составил В. Кенна³. В корпусе представлены как музейные, так и частные собрания, причем не только из стран с давними традициями научного и любительского интереса к древностям эгейского мира⁴.

Главную трудность в работе с критскими иероглифическими текстами представляет характерная для них краткость. В большинстве случаев они содержат максимум десятков знаков. К числу же самых объемных принадлежат такие, например, как уже упомянутая выше надпись на жертвеннике из Маллии, в которой насчитывается всего-навсего 16 иероглифов.

Поэтому особый интерес представляют наиболее значительные по количеству знаков тексты. Среди них выделяются две надписи на каменных печатях, ставшие в последнее время объектами детального изучения⁵. Одна из них, состоящая из 45 знаков, была опубликована еще А.Эвансом⁶. Она выгравирована на четырехсторонней стеатитовой печати, поступившей видимо где-то на рубеже XIX–XX вв. с Крита в Афинский музей (рис. 11). Эта надпись до сих пор остается самым крупным текстом, выполненным критским иероглифическим письмом. Но несмотря на свой необычайно большой объем, данный текст очень долго не привлекал к себе должного внимания. Причина такого отношения к нему исследователей кроет-

ся не столько в тех значительных трудностях, с которыми вообще сопряжена работа над дешифровкой и интерпретацией минойских текстов, сколько в индивидуальных особенностях рассматриваемого памятника письменности.

Все четыре прямоугольные боковые грани сильно удлиненной призматической бусины из белого стеатита (длина предмета – 60–62 мм, при ширине граней 8,5–10,5 мм), просверленной по продольной оси, покрыты иероглифами. Текст, образующийся при последовательном оттискивании каждой из сторон печати на мягком материале, можно передать, придерживаясь введенной А. Эвансом нумерации иероглифических знаков⁷, следующим образом⁸:

a) X 97 13 97 97 97 97 57 97

b) 30 27 27 114 27 27 114 27 27 65 24

c) 54 96 97 97 X 04 84 25 80(?) X

d) 24 99 60 14 18 60 30 112 54 60 41 68 27 32 X

А. Эванс, основываясь на наличии в группах иероглифов пунктуационных значков (в виде косых крестиков), которые он считал инициальными⁹, попытался определить направление чтения каждой из строк и общий порядок чтения всей четырехстрочной надписи. Однако обнаружить четкую закономерность в построении текста таким способом ему не удалось. Проникнуть же в смысл надписи на рассматриваемой печати он старался прежде всего путем ее чисто идеографического толкования. Так, по его мнению, блок рисуночных знаков "корабль" (57) и "дерево" (97) указывает на заморскую торговлю строевым лесом. С другой стороны, А. Эванс, подозревая в знаке 114 ("горы") детерминатив, допускал возможность усматривать в соединении его внутри единой группы иероглифов со знаками 24 ("пестик"), 65 ("голова козла") и 27 ("плуг") способ передачи на письме "географической формулы"¹⁰.

Как нам еще не раз придется убедиться, специальные значки в виде косых крестиков играли в иероглифических

² Corpus der minoischen und Mykenischen Siegel. Bd. I: Sakellariou A. Siegel der Nationalmuseum in Athen. B. 1964.

³ Kenna V.E.G. Cretan seals. With a catalogue of the Minoan gems in the Ashmolean Museum. Oxford, 1960.

⁴ Ср.: Corpus der minoischen und mykenischen Siegel (далее – CMS). Bd. X: Betts J.H. Die Schweizer Sammlungen. B., 1980. Другие тома данного издания см. в библиографии.

⁵ Молчанов А.А. Критская иероглифическая надпись на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея // ВДИ. 1981. № 3. с. 116–129; Он же. Критская иероглифическая печать из собрания Афинского музея (к вопросу о типологии минойских сфрагистических формул) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 1. М., 1984. С. 62–64; Он же. Типология минойских сфрагистических формул // ВДИ. 1989. № 3. С. 117–127.

⁶ Evans A.J. Scripta Minoa. Vol. I. P. 154. N 26. Pl. II.

⁷ Ibid. P. 181 ff.

⁸ Строки a–d соответствуют горизонтальным рядам на рис. 12; X – пунктуационный значок в виде косого крестика.

⁹ Следы такого значка, т. е. косого крестика, первоиздатель печати видел и в начале строки b, но на соответствующих иллюстрациях они не просматриваются.

¹⁰ Evans A.J. Op. cit. P. 154.

надписях на критских печатях роль разграничителей разного рода текстовых отрезков и отнюдь не всегда отмечали именно их начало¹¹. Поэтому нельзя точно установить последовательность чтения иероглифов и их групп на разных гранях печати, исходя только из расположения в строках пунктуационных значков. Но эпиграфический и структурный анализ текста печати из Афинского музея позволяет все же выявить некоторые особенности текстовых отрезков — отдельных элементов, составляющих сфрагистическую легенду.

Строка *a* весьма специфична по составу графем: в ней из 8 иероглифов оказывается 6 (!) одинаковых. Еще явственней монотонный характер данного текстового отрезка проступает после его транскрибирования в результате прочтения иероглифических знаков как слоговых¹² по аналогии с происходящими от них силлабограммами линейного письма А и В: TE TI TE TE TE TE TU TE. Однако именно такой, казалось бы, чересчур странный по фонетическому облику ряд силлабем достаточно легко поддается вполне правдоподобному истолкованию. Для этого достаточно допустить, что здесь налицо аллитерация в последовательности однокоренных слов: TE-TI-TE TE-TE TE-TU-TE. Семантически же эти слова объединяет та неясная пока для нас по смысловому значению, но скорее всего теофорная, основа, которая обнаруживается, весьма возможно, и в имени критского предводителя Теттика, по преданию, прибывшего некогда с флотом к мысу Тенар в Лаконии (Plut. Moral. 560 E)¹³.

Те же особенности присущи и строке *b*. Хотя большинство иероглифов в ней не транслитерируется, повтор их блоков в принципе аналогичен: 30-27-27 114-27-27 114-27-27-65-24. При этом стоящий в третьем (в условном порядке слева направо) слове после корневого блока 27-27 в явно суффиксальной позиции слоговой, судя по его положению в слове, знак 65 ("голова козла") имеет фонетическое зна-

¹¹ Молчанов А.А. Критская иероглифическая надпись... С. 120-123.

¹² На возможность послогового прочтения целых групп знаков в критских иероглифических надписях уже указывалось: Поуп М. Ук. соч. С. 94; Молчанов А.А. Критская иероглифическая надпись... С. 133. Прим. 64; Он же. Методика работы с минойскими текстами (дешифровка и интерпретация) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 104.

¹³ Göber, Tettix // RE. 2 Reihe. Bd. IX. S. 1111.

чение ME (ср. восходящие к нему силлабограммы — № 84 линейного А и № 13 = те линейного В)¹⁴, что заставляет вспомнить характерный минойский суффикс -те¹⁵.

Очень немного можно сказать пока об остальных двух строках надписи. В строке *c*, как пунктуационными значками, так и композиционно, выделяются две обособленные группы по четыре знака в каждой: 54-96-97-97 и 04-84-25-80 (?). В одной из них присутствует блок 97-97=TE-TE, возможно корневой, что заставляет усматривать здесь смысловую связь с содержанием строки *a*, где все три слова вероятно имеют тот же корень. Строка *d* содержит, по-видимому, не менее трех-четырех слов, записанных слоговыми знаками. Но предложить сколько-нибудь обоснованное членение этой части сфрагистической легенды на группы иероглифов, соответствующие отдельным лексемам, не удастся из-за недостатка сопоставительного материала.

Рассматриваемая печать по структуре помещенного на ней текста стоит несколько особняком среди других памятников минойской сфрагистики. Ее легенда, состоящая в основном из аллитерированных слов, более всего походит на формулу заклинания. Такое содержание надписи на предмете, который выполнял, следовательно, скорее всего магическую функцию, требовало — в силу заранее заданной специфики фиксируемых языковых форм — использования силлабографического, т. е. послогового способа их записи.

Подавляющее большинство прочих опубликованных на сегодняшний день критских иероглифических печатей явно не принадлежит к числу сфрагистических атрибутов ритуальной практики минойцев (к каковым может относиться кроме стеатитовой призмы из Афинского музея

¹⁴ Ср. Faure P. La vie quotidienne au temps de Minos. P. 32, 38. (данное сравнение критского иероглифа с генетически связанными с ним знаками линейных письменностей относится к числу наиболее удачных у П.Фора); Молчанов А.А. К проблеме изучения древнейших лингво-этнических слоев на юге Балкан (звукоподражательные слова в минойском языке) // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986. С. 160. См. рис. 12.

¹⁵ Он обнаруживается как в словах на табличках линейного письма А, так и в догреческих личных именах текстов линейного письма В из Кносса. О суффиксальном элементе -т- в минойском языке см.: Молчанов А.А. Таинственные письмена... С. 90; Прим. I; Он же. Минойский язык... С. 81.

еще, например, известное золотое кольцо со спиральной надписью, выполненной линейным письмом А, из погребения в Мавро-Спелио¹⁶), а связано с практикой ведения текущей отчетности в дворцовом хозяйстве династов Центрального и Восточного Крита среднеминойского времени, и прежде всего царей Кносса XVIII – первой половины XVII в. до н. э. К ним относится и вторая по величине нанесенного на нее текста – восьмисторонняя печать из собрания Эшмолеанского музея в Оксфорде, изданная впервые Дж. Майрзом¹⁷.

Этот замечательный памятник минойской сфрагистики был приобретен в свое время в восточной части Крита (вероятно, в Неаполисе) А. Эвансом. Он представляет собой вытянутую призму из сардоникса с восемью боковыми гранями в виде просверленной по продольной оси крупной бусины и имеет длину 19 мм, толщину 9 мм и ширину каждой грани 3 мм. Исследователями отмечено, что эта многогранная печать предназначалась, подобно восточным цилиндрическим печатям, для полного прокатывания ее вокруг своей оси по сырой глине или другому мягкому материалу, что обеспечивало оттискивание вырезанной на ее поверхности надписи (рис. 14)¹⁸.

Оттиски, сделанные последовательно со всех восьми граней печати, образуют восьмистрочный текст (рис. 15), содержащий в общей сложности 25 иероглифов и четыре значка пунктуационного характера в виде косых крестиков. Четкая разбивка иероглифического текста на строки-регистры подчеркнута добавлением междустрочных линий, специально проведенных резчиком печати по ребрам призмы. Следует отметить, что из всех предыдущих изданий данной надписи только в каталоге В. Кенны¹⁹ она проводится в том виде, в котором ей надлежало отпечатываться. У других же авторов²⁰ ее воспроизведение фигу-

рирует в зеркальном изображении, т. е. так, как она выгравирована на поверхности камня. Правда, справедливости ради надо сказать, что зеркальность передачи текста не влияет в данном случае на его чтение, поскольку не меняет ни порядка следования знаков одного за другим, ни пунктуации.

Первому издателю этого памятника Дж. Майрзу казалось²¹, что абсолютно все встречающиеся здесь иероглифы уже известны по другим надписям на минойских печатях и каталогизированы А. Эвансом с присвоением им условных индивидуальных номеров²². Пользуясь принятой нумерацией знаков иероглифики Крита, Дж. Майрз передавал текст надписи на восьмисторонней печати построчно²³ в следующем виде²⁴:

- a) X 14 08 72
- b) 13 58 18
- c) 04 92 14 X
- d) 05 12 73
- e) 18 13 73 12
- f) 92 30 19 X
- g) 92 11 44
- h) X 21 80 18

Отождествление иероглифов по каталогу А. Эванса, предложенное Дж. Майрзом, было принято в основном и всеми другими учеными. Исключение составили лишь три иероглифа, определение которых первым издателем текста вызвало в дальнейшем возражения специалистов. Так, В. Кенна, переиздавший интересующий нас памятник в своем каталоге собрания критских печатей Эшмолеанского музея, считает, и, на наш взгляд, справедливо, третий сверху (на рис. 15) иероглиф в строке a (72 – “голова пса”, по Дж. Майрзу) одним из вариантов знака 73 (“голова волка с высунутым языком”, как его называет А. Эванс), который, подобно другим повторяющимся знакам надписи (ср. особенно знаки 92 – “сильфий”, 12 –

¹⁶ Evans A.J., Myres J.L. *Inscriptions...* P. 23. Pl. XXX a (V, 14). См. рис. 13.

¹⁷ Myres J.L. *An Eight-Sided Minoan Seal Stone in the Ashmolean Museum* // BSA. 1949. Vol. XLIV. P. 326 ff.; Kenna V.E.G. *Cretan seals*. P. III. N 165; Grumach E. *Das achtseitige Siegel des Ashmolean Museums* 1938. 1166. // *Kadmos*. 1963. Bd. II. H. 2. S. 84–97; Davis S. *The Decipherment of the Minoan Linear A and Pictographic Scripts*. Johannesburg, 1967. P. 135–138.

¹⁸ Kenna V.E.G. *Op. cit.* P. III; Grumach E. *Op. cit.* S. 84.

¹⁹ Kenna V.E.G. *Op. cit.* Pl. 7, 165.

²⁰ Myres J.L. *Op. cit.* P. 327. Fig. I; Grumach E. *Op. cit.* Taf. 1–2; Davis S.

Op. cit. P. 136. Fig. 77.

²¹ Myres J.L. *Op. cit.* P. 326.

²² Evans A.J. *Op. cit.* P. 181–233.

²³ Нижеследующий порядок строк, обоснованный отчасти уже Дж. Майрзом, на самом первом этапе работы с памятником может быть принят, разумеется, лишь как условный.

²⁴ Строки a–h соответствуют вертикальным рядам на рис. 15; X – пунктуационный значок.

“однолезвийная секира” и 18 – “мастерок”), имеет каждый раз несколько отличное от предыдущего в мелких (всегда несущественных или, по крайней мере, второстепенных) деталях начертание.

Во втором сверху иероглифе строки b тот же исследователь усматривает изображение змеи (т. е. модификацию знака 84), а не гиппокампа (знак 58), как Дж. Майрз. Э. Грумах в данном отношении придерживался первоначально точки зрения Дж. Майрза, но в результате непосредственного знакомства с подлинником смог убедиться, что это совершенно иной знак, ближе всего стоящий к знаку 136 – “S-образная фигура”²⁵. Правда, последний был отнесен А. Эвансом²⁶ к числу декоративных мотивов, включавшихся зачастую критскими резчиками печатей в художественно выполненные каллиграфические композиции. Но в рассматриваемом случае это, бесспорно, письменный знак, равноправно присутствующий среди других иероглифов в тексте²⁷, начисто лишенном каких-либо орнаментальных элементов композиционного оформления. В данной связи весьма важным представляется указание Э. Грумаха на то, что знак 136 встречается в ряду явных графем еще в одной минойской печати, хранящейся в одной из швейцарских коллекций²⁸.

²⁵ Здесь и далее нам представляется излишним приводить мнение С. Дэвиса (как известно, быстро и решительно “дешифровавшего” все загадочные тексты древней Эгеиды: Фестский диск, документы линейного письма А, кипро-минойские, этеокипрские и этеокритские надписи, а также все оказавшиеся доступными ему критские иероглифические тексты) относительно отождествления того или другого иероглифа в надписи на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея, поскольку оно носит крайне поверхностный характер.

²⁶ Evans A.J. Op. cit. P. 230.

²⁷ А. Эванс, которому не было еще известно ни одной иероглифической надписи, включающей “S-образную фигуру” в качестве несомненного письменного знака, указывал, однако, на то, что в критском линейном письме знак, аналогичный иероглифическому знаку 136 (точнее, силлабограмма, происходящая, как теперь становится ясно, от данного иероглифа), имел уже несомненно фонетический характер.

²⁸ Grumach E. Op. cit. S. 86 (ср. CMS. Bd. X. N 52, a). Аналогичный иероглиф (мы считаем целесообразным обозначать его в дальнейшем принятым номером с дополнительной литерой – 136Ф, как имеющий, в отличие от других внешне сходных с ним S-образных знаков на минойских печатях, безусловно фонетическое значение) присутствует там в идентичном окружении, т. е. тоже в средней позиции между

У Э. Грумаха сомнения возникли и по поводу идентификации трех иероглифов, которые были признаны В. Кенной вариантами одного и того же знака 73 – “голова волка с высунутым языком”²⁹. Однако эти сомнения вряд ли могут быть признаны обоснованными. Ведь даже сам Э. Грумах³⁰, склонный отождествлять только очень близкие варианты начертания иероглифических знаков, все же не мог не признать возможность довольно значительных колебаний их графики внутри надписи по той или иной причине, и прежде всего вследствие различий в компоновке иероглифов в каждой отдельно взятой строке, гравировавшейся древнекритским мастером всякий раз на новой, как бы совершенно самостоятельной грани призматической печати, в заранее заданном и обособленном пространстве ее прямоугольного поля.

Ко всему сказанному следует добавить лишь то, что В. Кенна ошибочно предположил наличие вверху строки h рядом с иероглифом 21 (“скобель”) знака 23 (“пила”), который там в действительности отсутствует (на увеличенных фотовоспроизведениях отчетливо видно столь же обособленное, как и у прочих иероглифических знаков надписи, положение иероглифа 21, композиционно объединенного лишь с пунктуационным значком – небольшим косым крестиком). С учетом всех указанных уточнений иероглифический текст, помещенный на восьмисторонней печати, выглядит таким образом:

- a) X 14 08 73
- b) 13 136Ф 18
- c) 04³¹ 92 14 X
- d) 05 12 73
- e) 18 13 73 12
- f) 92 30 19 X
- g) 92 11 44
- h) X 21 80 18

Направление и общий порядок чтения текста выясня-

знаками 18 (“мастерок”) и 13 (“стрела”).

²⁹ Э. Грумах соглашается видеть знак 73 лишь в третьем сверху иероглифе строки d, но он не считает возможным отождествлять с ним третий сверху иероглиф в строке a и третий сверху иероглиф в строке e.

³⁰ См. Grumach E. Op. cit. S. 85, где говорится о строке e надписи, с большим, чем в других строках, числом иероглифов (четыре вместо трех).

³¹ Или 114, ибо, по А. Эвансу и другим, это суть варианты начертания одного и того же иероглифа.

ются без особых затруднений. Уже Дж. Майрз верно отметил³², что само расположение большинства (хотя и не всех, как справедливо уточнил Э. Грумах³³) иероглифов в строках³⁴ указывает на необходимость читать надпись способом бустрофедон³⁵, как это свойственно некоторым иероглифическим надписям на других критских печатях³⁶. Поэтому с построчным указанием направления чтения всей ленты надписи (последовательно совершающей повороты как в меандре, одном из излюбленных орнаментальных мотивов у минойских резчиков печатей, начиная с раннеминойского III периода) ее условная цифровая передача должна быть уточнена:

a) →	X	14	08	73	→
b) ←	13	136Ф	18	←	
c) →	04	92	14	X	→
d) ←	05	12	73	←	
e) →	18	13	73	12	→
f) ←	92	30	19	X	←
g) →	92	11	44	→	
h) ←	21	80	18	←	

В привычном же для нас прочтении каждой строки слева направо (которого мы в дальнейшем и будем придерживаться) порядок следования иероглифов такой:

- a) X 14 08 73
- b) 18 136Ф 13
- c) 04 92 14 X
- d) 73 12 05

³² Myres J.L. Op. cit. P. 326.

³³ Grumach E. Op. cit. S. 89.

³⁴ Вертикальные по композиции знаки, как правило, повернуты верхней своей частью в одну и ту же сторону (надо полагать, навстречу чтению) в каждой нечетной и четной строке. Этой закономерности подчиняются 16 знаков, 3 знака (в соседних строках f и g) отступают от нее, остальные 6 знаков не зависят от нее в силу своей горизонтальной ориентации.

³⁵ "Как ходят на пашне волю", т. е. с поворотом каждой следующей строки на 180 градусов.

³⁶ Об использовании этого способа написания текстов в иероглифике Крита см.: Evans A.J. Op. cit. P. 250–252. Наряду с бустрофедоном критянами применялись и другие способы написания иероглифов: слева направо, справа налево, сверху вниз.

- e) 18 13 73 12
- f) X 19 30 92
- g) 92 11 44
- h) 18 80 21 X

В четырех строках надписи на восьмисторонней печати (в строке a и в строке h – с одного края, в строке c и строке f – с другого края) имеются, как уже говорилось выше, особые значки в виде косых крестиков. А. Эванс доказывал, что эти пунктуационные крестики играли в иероглифике Крита роль инициальных значков и указателей направления чтения³⁷. Анализ отдельных критских иероглифических надписей как будто подтверждал правоту его выводов, к которым вследствие этого присоединились многие исследователи. Однако при более внимательном рассмотрении некоторых других надписей стало ясно, что, казалось бы, твердо установленный А. Эвансом порядок употребления пунктуационных значков явно не выдерживался во всех соответствующих ситуациях и что зачастую в них можно видеть лишь не что иное, как знаки, отмечающие границы сведенных воедино неких смысловых групп или текстовых формул (активным оппонентом А. Эванса в данном вопросе выступил Э. Грумах³⁸).

Принцип использования этих вспомогательных значков несомненно пунктуационного характера хотя и был, вероятно, довольно простым (как следует предполагать для столь ранней письменности, как критская иероглифика), но осуществлялся, по-видимому, не слишком регулярно. Именно это обстоятельство и является, скорее всего, истинным источником разногласий в понимании их конкретного значения в критских иероглифических текстах между учеными, оперировавшими фактически одним и тем же материалом.

Поскольку в иероглифических надписях употребление пунктуационных значков-крестиков не обнаруживает в целом признаков обязательного следования более или менее твердо установленным правилам, хотя последние к этому времени, судя по отдельным примерам, несомненно уже выработались, приходится констатировать, что ре-

³⁷ Evans A.J. Op. cit. P. 245, 251.

³⁸ Cp.: Grumach E. Zur Frage des x-Initials in den hieroglyphischen Inschriften // Minoica. Festschrift zum 80. Geburtstag von Johannes Sundwall. Berlin.

конструкция этих правил и скрывающихся за ними синтаксических явлений становится возможной только тогда, когда пунктуация осуществляется не факультативно, как во многих случаях (о чем зачастую можно догадываться), а регулярно и полно, как, например, в тексте восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея. Произведенный Дж. Майрзом³⁹ и Э. Грумахом⁴⁰ анализ расстановки упомянутых “знаков препинания” в рассматриваемой восьмистрочной надписи привел обоих исследователей, можно сказать, с разных сторон, к одному и тому же выводу: два таких значка могли одновременно появиться между соседними группами иероглифов (в конце строки *h* и начале строки *a*, которые по способу написания бустрофедон должны следовать одна за другой) в единственно возможной ситуации, а именно, когда было бы необходимо с их помощью отметить границу между концом и началом двух, входящих в единый текст, ранее обособленных составляющих элементов – текстовых отрезков.

Иначе говоря, функция удвоенных пунктуационных значков-крестиков заключалась здесь, несомненно, в разделении на письме соседних смысловых единиц, хотя и объединенных в одном пространном тексте, но могущих фигурировать в виде самостоятельных сфрагистических формул. В конце надписи на восьмисторонней печати оказываются, таким образом, как минимум два подобных составляющих элемента. А раз так, то в кольцеобразно замкнутой – благодаря своему расположению на поверхности несущего данный текст предмета – симметрично извивающейся непрерывной ленте многострочной надписи границы этих отдельных составляющих элементов должны быть отмечены еще хотя бы в одном каком-нибудь месте.

Никаких других возможных указателей таких границ, кроме тех же пунктуационных крестиков, о которых уже говорилось, в тексте надписи на восьмисторонней печати обнаружить не удастся⁴¹. Следовательно, именно они вы-

полняли функцию искомых знаков-разделителей как в отмеченном выше случае их удвоения между соседними строками *h* и *a*, так и в случае одинарного их появления в аналогичной позиции. При этом появление одного пунктуационного крестика, несомненно, следует признать более обычным, а его удвоение (встречающееся в тексте всего лишь один раз), по-видимому, может быть истолковано здесь только как знак особого, как бы двойного разделения – разделения двух отрезков текста и одновременно разделения конца и начала того же текста в том месте, где конец и начало текста сходятся, сливаясь на письме из-за композиционного оформления иероглифической надписи в виде замкнутой цепочки бустрофедона. Отсюда с неизбежностью вытекает вывод о том, что чтение текста должно начинаться со строки *a*, так как из двух соседних строк *h* и *a* только строка *a* читается действительно как начальная, т. е. отталкиваясь непосредственно от той отправной точки, которая обозначена в тексте удвоением пунктуационных значков⁴². За строкой *a* тогда будут следовать поочередно строки *b*, *c*, *d*, *e*, *f*, *g* и, наконец, завершающая строка *h* (см. рис 15).

³⁹ Myres J.L. Op. cit. P. 326, 327.
⁴⁰ Grumach E. Das achtseitige Siegel... S. 87–91.
⁴¹ Появление двух точек у соседних знаков 30 и 92 в строке *f* было вызвано исключительно необходимостью уравновесить каллиграфическую композицию в данной строке. Подобный художественный прием неоднократно применялся древнеегипетскими резчиками печатей при компоновке в матричном поле группы иероглифов 19–30–92 (о ней см. ниже).
⁴² Можно привести и еще один аргумент в пользу такого порядка чтения. Ведь именно при нем группа знаков 92–11–44 строки *g* читается именно в той последовательности, которая надежно устанавливается для нее на примерах ряда печатей. К сожалению, лишь в некоторых произведениях минойской глиптики порядок чтения следующих друг за другом иероглифов может быть определен совершенно однозначно, исходя из наблюдений над расположением графем рисуночного характера, изображающих живые существа или их части (например, фигура сидящего или стоящего животного не будет никогда изображаться вверх ногами и т. п.). И как раз указанное устойчивое сочетание знаков – 92–11–44 – по крайней мере в двух случаях явно не может читаться, начиная с иероглифа 44 (“ворота”), поскольку он расположен в самой нижней части каллиграфической композиции. В первом случае (Evans A.J. Op. cit. N. 23, a; Kennan V.E.G. Op. cit. N 174, a) вертикальная ось композиции определяется по положению центрального изобразительного мотива – фигуры сидящего кота (по-видимому, выполняющего роль дублирующей по смыслу содержание надписи, ибо семантически она тождественна идеограмме-иероглифу 74 в виде головы кота со значением “царь, правитель”). Во втором случае (Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel // Kadmos. 1963. Bd. II. H. 1. Taf. 3, c) это делается, принимая во внимание размещение симметрично поставленных двух идентичных знаков, имеющих вид человеческой ноги (11). В результате остается возможность чтения данной группы иероглифов только в одной последовательности: 92–11–44.

Если разбить теперь весь текст рассматриваемой восьмистрочной надписи на составляющие элементы, руководствуясь пунктуационными значками, то получится следующая картина:

- X
a) 14 08 73
b) 18 136Ф 13
c) 04 92 14
X
d) 73 12 05
e) 18 13 73 12
X
f) 19 30 92
g) 92 11 44
h) 18 80 21
X

Как видим, данный текст пунктуационно членится на три отрезка, соответствующие трем обособленным единицам внутри одной сложной по составу сфрагистической легенды. Каково же конкретное содержание каждого из них и всего текста в целом? Приблизиться к решению этого вопроса можно, на наш взгляд, идя по пути прежде всего формального анализа текста и сопоставления его элементов с текстовыми формулами, встречающимися в надписях на других минойских печатях того же времени, поскольку, как весьма убедительно доказывает Э. Грумах, именно такие, ранее уже использовавшиеся в качестве самостоятельных сфрагистических легенд группы иероглифов должны были оказаться включенными в данный необычно пространственный текст.

Каждый из выделенных пунктуационными значками текстовых отрезков (включающих, соответственно, строки *a-b-c*, *d-e* и *f-g-h*), судя по количеству иероглифических знаков в этих отрезках (от семи до девяти), состоит из нескольких (не менее двух-трех) слов. Примерно такими же по объему (по общему числу заключенных в них иероглифов) являются многие из иероглифических надписей на минойских печатях. Среди них обнаруживаются такие надписи, в которых фигурируют целые группы иероглифов (т. е. слова или даже словосочетания), идентичные встречающимся в тексте на восьмисторонней печати. Причем смысл именно этих групп иероглифических знаков удастся установить комбинаторным путем, что в свою очередь дает

ключ к пониманию рассматриваемого текста.

Уже Дж. Майрз при первом издании восьмисторонней печати указал на тождества групп иероглифов на ней и на печатях, опубликованных ранее А. Эвансом⁴³. Особенно важной представляется параллельность некоторых текстовых отрезков, отмечаемая для восьмисторонней печати и хорошо известной специалистам великолепной печати, купленной А. Эвансом в 1898 г. в Кандии и происходящей, очевидно, из Кносса (рис. 16), которая по своим художественным качествам и мастерству каллиграфического исполнения более всех других минойских печатей с иероглифическими надписями заслуживает быть признанной царской печатью⁴⁴. На стороне *a* этой трехгранной сердоликовой призмы большую часть пространства матричного овала занимает являющееся центром композиции изображение сидящего кота, вокруг которого симметрично располагаются четыре иероглифа: "сильфий" (знак 92), "нога" (11), "ворота" (44) и "змея" (84)⁴⁵. Три первых составляют устойчивое сочетание, часто встречающееся в легендах критских иероглифических печатей⁴⁶ (иногда вместо знака 92 с блоком 11-44 соединяется какой-либо другой иероглиф⁴⁷, иногда этот блок фигурирует без добавления к нему третьего иероглифа⁴⁸, а в одном случае в трехзначном обычно сочетании отмечено удвоение знака "нога" — 92-11-11-44, скорее всего для создания симметрии в каллиграфической композиции⁴⁹). Оно

⁴³ Myres J.L. Op. cit. P. 326.

⁴⁴ Evans A.J. Op. cit., P. 153, 279 ff. N 23 (автор посвятил ей специальный раздел, озаглавив его "Царская печать"). Переиздана В. Кенной в его каталоге критских печатей собрания Эшмолеанского музея под № 174 (Kenna V.E.G. Op. cit. P. 113).

⁴⁵ Ср. объединение этих же иероглифов в легенде на другой минойской печати: Sakellarakis J.A., Kenna V.E.G. Iraklion, Sammlung Metaxas (= CMS. Bd. IV). Berlin, 1969. N 27 D, e.

⁴⁶ Evans A.J. Op. cit. N 11, b; N 20, a; N 27, b; N 30, a; N 49*, a; N 71, a; Xenaki-Sakellariou A. Inscriptions de la Collection Giamalakis // Minos. 1951/ Vol. I. Fach. 2. P. 86, 3082, a; Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel // Kadmos. 1963. Bd. II. H. 1. S. 10. Taf. 2, a; Kenna V.E.G. Die englischen Museen (= CMS. Bd. VII). Berlin, 1967. NN 40, 41.

⁴⁷ Evans A.J. Op. cit. N 19, a; N 48, a.

⁴⁸ Evans A.J. Op. cit. N 17, a; N 18, a; Kenna V.E.G. Gretan seals ... N 172, a; CMS. Bd. VII. N 255.

⁴⁹ Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel. S. 11-3. Taf. 3, c (92-11-11-44). Ср. аналогичное симметричное удвоение иероглифа 30 на сторо-

весьма убедительно истолковано А. Эвансом, исходя из закономерностей его употребления в составе сфрагистических легенд, как обозначение титула владельца печати⁵⁰. Правильность такого толкования подтверждается появлением данной группы иероглифов на одном глиняном ярлыке из Кносского дворца рядом с явно портретным изображением головы, по-видимому, минойского династа⁵¹, как бы заменяющим личное имя последнего.

На "царской печати 1898 г." из Кносса титул, заключенный в группе знаков 92-11-44-84 на стороне *a*, сочетается с двумя другими группами иероглифов, занимающими соответственно стороны *b* и *c*: 19-30-92 ("лекало", "рога" и "сильфий") и 18-21 ("мастерок" и "скобель"). Группа знаков на стороне *b* данной печати тождественна строке *f* текста восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея. Эта группа 19-30-92 встречается в легендах многих минойских печатей и, как правило, вместе с титулом 11-44 (92-11-44)⁵². Нередко она сопровождается еще и группой иероглифов 05-18 ("человеческий глаз" и "мастерок")⁵³. Это заставляет констатировать, что сфрагистическая формула 11-44 (92-11-44) + 19-30-92 употреблялась помимо данного краткого варианта еще и в развернутом варианте: 11-44 (92-11-44) + 19-30-92 + 92-05-18.

Группа 05-18 обнаруживается в иероглифических надписях на многих минойских печатях и не в связи с указанной формулой⁵⁴. Она, подобно группе 19-30-92, способна

не *b* той же печати в составе другого устойчивого сочетания знаков — 19-30-30-92.

⁵⁰ Evans A.J. Op. cit. P. 265–270.

⁵¹ Evans A.J. Op. cit. N 71. P. 162, 271, 272. Fig. 123, 124; Kenna V.E.G. Cretan seals. P. 40.

⁵² Evans A.J. Op. cit. N 18, N 20, N 30; Kenna V.E.G. Cretan seals. N 172 (обе группы фигурируют здесь в сокращенном виде: 11-14 и 19-30); Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel. S. 11–13. Taf. 3; CMS. Bd. IV. N 137 (в группе 92-11-44 и здесь опущен последний знак); CMS. Bd. VII. N 40. Ср., однако, случай включения ее в сфрагистическую легенду без сопутствующего титула 11-44 (92-11-44): Kenna V.E.G. Cretan seals. N 151.

⁵³ Kenna V.E.G. Cretan seals. N 151; Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel. Taf. 3; CMS. Bd. IV. N 137; CMS. Bd. VII. N 40.

⁵⁴ Evans A.J. Op. cit. NN 19, 27, 46, 49*; Kenna V.E.G. Cretan seals. NN 98, 169, 170; Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel. S. 7–10. Taf. 1; CMS. Bd. IV. nn 135, 136, 156. Ср. также: Evans A.J. Op. cit. NN 45, 56; Kenna V.E.G. Cretan seals. NN 140, 167; CMS. Bd. IV. N 29 D.

самостоятельно соединяться с титулом 11-44 (92-11-44)⁵⁵, а иногда появляется в сочетании с иероглифом 74 ("кошачья голова")⁵⁶, который, по аналогии с изображением кота, окруженным на стороне *a* "царской печати 1898 г." из Кносса титулярной группой иероглифических знаков, может быть истолкован как идеограмма, передающая синоним того же титула⁵⁷. Группа 05-18, так же как и группа 19-30-92, встречается и в более просторном виде: 05-18-13⁵⁸. Именно такой вид имеет она и в тексте надписи на восьмисторонней печати (строки *d-e*), где, как выясняется, имеет место соединение в одной развернутой формуле (92-11-44 + 05-18-13 + 19-30-92) двух кратких сфрагистических формул (92-11-44 + 19-30-92 и 92-11-44 + 05-18-13), известных по другим критским иероглифическим печатям:

d) 73 12 05	d) 73 12 05 -
e) 18 13 73 12	e) 18 - 13 73 12
f) 19 30 92	f) 19 - 30 - 92
g) 92 11 44	g) 92 - 11 - 44

Однако здесь между группами 05-18-13 и 19-30-92 введен блок знаков 73-12 ("голова волка с высунутым языком" и "однолезвийная секира"). Он же и предваряет группу 05-18-13. Повторяемость данного блока перед группами иероглифов, несомненно сходными по характеру употребления в минойских сфрагистических формулах (и, следовательно, обозначающими на письме слова или сочетания слов, принадлежащие к одной и той же категории понятий), должна отражать содержащееся в данном отрезке текста (строках *d-f*) некое перечисление: 73-12 05-18-13, 73-12 19-30-92.

⁵⁵ Evans A.J. Op. cit. NN 19 (где блок 11-44 входит в группу 62-44-11), 27, 49*.

⁵⁶ Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel. Taf. 1, a; CMS. Bd. IV. N 156, b.

⁵⁷ На возможность идеографического (логографического) понимания изображения кота на "Царской печати 1898 г." указывал еще А. Эванс (Evans A.J. Op. cit. P. 264 f.). Иероглиф 74 встречается как самостоятельный мотив на печатях среднеминойского II периода (Kenna V.E.G. Die englischen Privatsammlungen = CMS. Bd. VIII. Berlin, 1966. N 34; CMS. Bd. II. Teil. 2. Berlin, 1977. NN 3, 282), сохраняясь в том качестве, но уже не в реалистической, а в условной фантастической трактовке, до позднеминойского I периода (CMS. Bd. VII. N 71; Bd. VIII. N 152; Bd. X. Berlin, 1980. N 102).

⁵⁸ С добавлением иероглифа 13 ("стрела"). Ср. Evans A.J. Op. cit. N 27, d; CMS. Bd. IV. N 135, c.

То, что группы 19-30 (19-30-92) и 05-18 (05-18-13) постоянно связаны в легендах критских иероглифических печатей с титулом 11-14 (92-11-44), заставляет видеть в них какие-то дополнительные наименования сана, связанные с данной титулатурой устоявшиеся эпитеты или же, наконец, собственные имена, передача которых являлась всегда важнейшей функцией сфрагистических легенд государственных и личных печатей. Поскольку несомненно титулярная по характеру группа иероглифов 92-11-44 в тексте надписи на восьмисторонней печати не имеет перед собой блока 73-12, хотя и идет сразу же за чередующимися с этим блоком группами 05-18-13 и 19-30-92, она явно не участвует в связанном с ним перечислении и, следовательно, отличается от обеих указанных групп по общему смыслу. В свою очередь, и для групп 05-18-13 и 19-30-92 отпадает смысл, сходный со значением группы 92-11-44, т. е. обозначение некоего титула или связанного с ним эпитета. Поэтому остается сделать вывод, что в группах иероглифов 05-18-13 и 19-30-92 скрываются личные имена владельцев печатей.

Так как принадлежность "Царской печати 1898 г." из Кносса одному из минойских правителей не вызывает сомнений⁵⁹, обнаруживаемое на ней имя 19-30-92 мог носить некий критский династ рубежа среднеминойского II и среднеминойского III периодов⁶⁰. Имя 05-18-13, как мы уже говорили, сопровождается на печатях тем же титулом, что и имя 19-30-92, а, значит, есть основания полагать, что и первое из этих имен носил минойский владыка. Перечисление же личных имен в связи с указанием на владельца печати должно носить генеалогический характер. В таком случае блок 73-12, повторение которого составляет основу генеалогического перечисления, не может передавать на письме ничего другого, кроме слова "сын". Строки d-g текста надписи на восьмисторонней печати удастся перевести тогда следующим образом:

d)	73-12		"... сына
e)	18-13	05-	[некоего лица
f)	19-30-92	73-12	по имени] Y _{bi}
g)	92-11-44		сына
			[некоего лица] X,
			царя ..."

Однако подобная конструкция фразы предполагает наличие в ней еще одного личного имени (Z) перед словом "сын", стоящим в строке d. В качестве такового остается рассматривать, по-видимому, только группу из трех иероглифических знаков 04-92-14 ("грудь", "сильфий" и "копье") в строке c:

c)	04-92-14		"...Z,
d)	73-12		сына
e)	18-13	05-	Y,
f)	19-30-92	73-12	
g)	92-11-44		X, сына
			царя ..."

Теперь становится понятным принцип построения всего текста и связанной с ним расстановки пунктуационных значков. Текст делится на три отрезка, объединяющих соответственно строки a-c (отрезок I), d-e (отрезок II) и f-h (отрезок III). Отрезки I и III, каждый из которых выделен поставленными в начале первой и в конце последней строки пунктуационными значками, представляют собой как бы обособленные сфрагистические формулы, которые встречаются на отдельных трехсторонних печатях с легендами обычного объема:

	I		III
a) X	14-08-73	f) X	19-30-92
b)	18-136Ф-13	g)	92-11-44
c)	04-92-14 X	h)	18-80-21 X

⁵⁹ Это мнение А. Эванса нашло поддержку у других исследователей (ср.: Пендлбери Дж. Археология Крита. С. 162. Прим. 2; Кеппа V.E.G. Cretan seals. P. 113).

⁶⁰ Т.е. около 1700 г. до н.э. Датировка печати установлена А. Эвансом на основании сходства растительных орнаментальных мотивов на ней и на одном из расписных сосудов, найденных при раскопках Кноссского дворца (Evans A.J. Op. cit. P. 270).

⁶¹ Принимая во внимание установленную учеными флексивность минойского языка, тот факт, что слово "сын" при построении генеалогической цепочки имеет в обоих случаях одинаковое окончание, говорит о нахождении его и тут и там в одном и том же падеже, а именно в генетиве, характерном для патронимика.

Весьма вероятным представляется изготовление двух таких печатей с именами минойских правителей, деда по имени X (19-30-92) и внука по имени Z (04-92-14), еще до того, как на основе их легенд был составлен необычно большой по объему восьмистрочный текст. Задача дать более развернутую генеалогию правителя Z в надписи на его новой печати была решена древнекритским каллиграфом весьма просто и оригинально – путем объединения заимствованных с более ранних образцов двух кратких текстовых формул (их границы остались отмеченными пунктуационными знаками) с помощью двустрочной вставки:

- d) 73-12 05 - "... сына Y,
e) 18-13 73-12 сына ..."

Такая вставка нигде и никогда не могла фигурировать в качестве самостоятельной текстовой формулы и, вероятно, поэтому по правилам синтаксиса критской иероглифической письменности не требовала снабжения ее собственным пунктуационным значком. Искусственностью ее введения в текст объясняется и возможность переноса слова (в данном случае личного имени) с одной строки (d) на другую (e), что, видимо, обычно не практиковалось в иероглифических надписях на критских печатях. Ведь, чтобы разместить каждое из трех слов вставки на отдельной строке, нужно было бы иметь еще одну свободную грань призмы, и при этом дважды по целой грани (образующей узкое и длинное прямоугольное поле) пришлось бы заполнять всего лишь двумя иероглифами. Все это оказалось бы затруднительным с композиционной точки зрения и крайне нерациональным в смысле использования пространства, столь малого для заданного объема текста надписи.

Удлинение до трех поколений генеалогической цепочки в сфрагистической легенде восьмисторонней печати остается пока уникальным случаем для критских иероглифических текстов. Указание же имени отца после имени владельца печати не было редкостью. Например, в некоторых сфрагистических легендах одновременно присутствуют два рассмотренных нами выше личных имени – 05-18 (05-18-13) и 19-30 (19-30-92)⁶², первое из которых явля-

ется следовательно именем владельца печати, а второе его патронимиком. Примечательно, что в этих легендах имена сына и отца следуют одно за другим без вставного блока иероглифов 73-12, передающего слово "сын" (аналогичную картину мы наблюдаем и на памятниках других, более поздних по времени видов письма, предназначенных для передачи текстов на том же минойском языке, – Фестском диске и надписи на votивной секире из Аркалохори⁶³). Вероятно, для минойцев обычным было употребление на письме патронимика без предваряющего слова "сын". Появление же последнего в тексте надписи на восьмисторонней печати было вызвано усложнением традиционной двучленной генеалогической схемы за счет добавления к ней имени деда.

Наличие не только имени владельца печати, но и его патронимика можно предполагать в иероглифических легендах еще нескольких критских печатей. Прежде всего, весьма вероятно присутствие патронимика в надписи на упоминавшейся выше "Царской печати 1898 г." из Кносса. Как уже говорилось, сторона a этой печати занята обозначением титула, а сторона b – именем минойского династа. На третьей (и последней) стороне (см. сторону c на рис. 16) помещен блок из двух иероглифов 18-21 ("мастерок" и "скобель"), или, может быть, 21-18 (исходя из наличия перед знаком 21 косоугольного крестика; правда, нет никакой уверенности в том, что последний выступает здесь в роли именно инициального значка). Он встречается еще на двух печатях⁶⁴, причем на одной из них – вместе с титулярной группой знаков 11-44⁶⁵, что позволяет видеть в этом блоке, по аналогии с выявленными сходным образом личными именами 05-18 (05-18-13) и 19-30 (19-30-92),

⁶³ Независимо от принятия или непринятия любой из предложенных методик дешифровки текста Фестского диска, снабженные в нем детерминативом личных имен (знак 02 минойского иератического силлабара) и стоящие попарно слова A16-A17, A19-A20 и A22-A23 могут быть поняты лишь как составляющие антропонимические блоки "имя + патронимик" (ср. Молчанов А.А. Некоторые результаты... С. 67-69). То же самое относится и к двум первым словам в надписи на секире, выполненной вперемежку знаками письменности Фестского диска и силлабограммами линейного A (ср. Молчанов А.А. К вопросу о репертуаре... С. 4-7).

⁶⁴ Evans A.J. Op. cit. N 29 b (в группе знаков 85-18-21); N 48 b (в группе знаков 84-18-21).

⁶⁵ Ibid. N 48, a.

⁶² Kenna V.E.G. Cretan seals. N 151, a, b; Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel. Taf. 3, a, b; CMS. Bd. IV. N 137; Bd. VII. N 40.

также личное имя. Теперь остается решить вопрос: какое из двух личных имен на "Царской печати 1898 г." является именем ее владельца, а какое – именем его отца (ведь нам неизвестен тот порядок, в котором следует оттискивать поочередно все три грани сердоликовой призмы).

Сделать это помогает обращение к другой трехсторонней минойской печати с иероглифической надписью, опубликованной А. Эвансом⁶⁶. Стиль исполнения отдельных иероглифов и каллиграфическая манера данной надписи (рис. 17) настолько близки к тому, с чем мы знакомы по "Царской печати 1898 г." из Кносса, что возникает мысль о работе над обоими этими шедеврами глиптики Крита среднеминойского периода одного и того же придворного художника. В данной связи нам кажется удобным впредь именовать печать, к рассмотрению которой мы переходим, условно "Малой царской печатью".

Две стороны этой печати (а и б) несут на себе краткие формулы, состоящие соответственно из трех и двух иероглифических знаков. Однотипность их содержания становится ясна уже с первого взгляда благодаря примененному резчиком данной печати художественному приему – строгому соблюдению равновеликости групп укрупненных рисуночных знаков-иероглифов с добавлением простых орнаментальных мотивов (в противоположность текстовому отрезку на третьей стороне печати, где намного большее число тесно стоящих иероглифических знаков образует двустрочный бустрофедон или "змейку"). Сторона б "Малой царской печати" несет на себе тот же блок 18-21 (пунктуационный значок и здесь стоит возле знака 21 по причинам явно композиционного характера), что и сторона с "Царской печати 1898 г.", т. е. имя минойского династа (сына или отца царя по имени 19-30-92). Однотипная с ней по смыслу группа 18-19-73 ("мастерок", "лекало" и "голова волка с высунутым языком", с инициальным значком у иероглифа 18) на стороне а тогда тоже может передавать личное имя, входящее таким образом в антропонимический блок "имя+патронимик". Отсутствие при этом привычной титулярной группы 11-44 (92-11-44) не должно смущать нас, поскольку, как мы видели, она не является обязательной для данного типа сфрагистических

формул⁶⁷. Кроме того можно привести и пример соседства групп знаков 18-19-73 и 92-11-44⁶⁸, подтверждающий их соединяемость в блоке "титул+антропоним".

Полученные в результате анализа текстов двух последних печатей ("Царской печати 1898 г." и "Малой царской печати") пары личных имен и патронимиков – 19-30-90+21-18 и 18-19-73+21-18 – с учетом генеалогических данных о потомках минойского правителя по имени 19-30-92, содержащихся в тексте надписи на восьмисторонней печати, могут быть сведены воедино в трех различных вариантах построения поколенной росписи царского рода, к которому принадлежали пять оставивших свои имена на иероглифических печатях критских владык.

Первый вариант:

18-19-73
18-21 (МЦП)
19-30-92 (ЦП)
05-18-13
04-92-14 (ВП)

Второй вариант:

19-30-92
18-21 (ЦП) 05-18-13
18-19-73 (МЦП) 04-92-14 (8П)

Третий вариант:

18-21
18-19-73 (МЦП) 19-30-92 (ЦП)
05-18-13
04-92-14 (8П)

Поясним, что аббревиатуры в скобках после личных имен в приведенных выше схемах обозначают персональную принадлежность в каждом из предложенных вариан-

⁶⁶ Ibid. P. 153. N 24; Kenna V.E.G. Cretan seals. P. 111. N 166.

⁶⁷ Ср., например: Kenna V.E.G. Cretan seals. N 151, где блок "имя+патронимик" (05-18+19-30-92) фигурирует без указанной титулярной группы.

⁶⁸ CMS. Bd. X. N 52.

тов "Царской печати 1898 г." (ЦП), "Малой царской печати" (МЦП) и восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея (8П).

Очевидной слабостью первого варианта стеммы является подразумеваемый им слишком большой хронологический разрыв (в целых три поколения) между моментами изготовления "Малой царской печати" и восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея. Разница в палеографических особенностях надписей на них безусловно имеется, но она не столь уж велика, и потому куда более приемлемыми в этом отношении выглядят второй и третий варианты. В смысле возможной достоверности второго варианта стеммы несколько настораживает то обстоятельство, что он предполагает совершенно симметричное разветвление царского рода как минимум в двух поколениях кряду, причем в обеих обособившихся линиях в каждом поколении оказывается не менее одного царствовавшего агната. Третий вариант, как самый правдоподобный со всех точек зрения, кажется пока наиболее подходящим для принятия его в качестве рабочей схемы.

Прежде чем обратиться к другим иероглифическим текстам на критских печатях, в которых также можно обнаружить антропонимические блоки "имя+патронимик", включающие одно из уже определенных нами минойских царских имен, следует заметить, что группа знаков 05-18-13 может соответствовать в них только патронимику, ибо имя отца носителя этого имени нам уже известно: им был 19-30-92 (см. выше). То же самое, при принятии третьего – наиболее вероятного – варианта реконструкции родословного древа владельцев "Царской печати 1898 г.", "Малой царской печати" и восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея, можно утверждать и в отношении личного имени 19-30-92, так как в роли связанного с ним патронимика оказывается тогда группа иероглифов 18-21.

На одной из сторон (стороне d) четырехгранной халцедоновой печати, находящейся в собрании Британского музея (см. рис. 18) и изданной А. Эвансом⁶⁹, выгравирована группа знаков 05-18-13, а на противоположной ей (стороне b) – титулярная группа 92-11-44. Если данная печать принадлежит к рассмотренному выше типу печатей, несущих на себе антропонимический блок

⁶⁹ Evans A.J. Op. cit. P. 155. N 27.

"имя+патронимик" и титул владельца печати, то в какой-то из двух групп иероглифов, помещенных на стороне a и c (обе эти стороны соседствуют со стороной d), должно быть заключено имя минойского династа, сына 05-18-13. В этом смысле обращает на себя внимание группа знаков на стороне c: 112-84-60-23-112 ("крест", "змея", "каракатица", "пила" и еще раз "крест"). Здесь мы встречаемся с редким случаем, когда все иероглифы группы находят точные соответствия в репертуаре знаков как происходящего непосредственно от критской иероглифики линейного письма A, так и линейного письма B, и, следовательно, могут быть прочитаны по аналогии с соответствующими им силлабограммами последнего⁷⁰. Полученное таким способом чтение слова 112-84-60-23-112 = RO-WE-SA-ZE-RO вполне удовлетворительно истолковывается как сложное минойское имя, составленное из двух частей: RO-WE и SA-ZE-RO. Обе эти составные части в качестве самостоятельных личных имен Ro-wo (с греческим окончанием) и Sa-ze-ro встречаются в текстах табличек линейного B из Кносса и Пилоса⁷¹.

В собрании Эшмолеанского музея находится другая четырехсторонняя печать⁷² (см. рис. 19), которая несет на себе, помимо титулярной группы 92-11-44 (на стороне a), уже определенное нами личное имя 19-30-92 (на стороне d). Так как эти группы знаков размещаются на смежных гранях, в один антропонимический блок "имя+патронимик" с группой 19-30-92 может входить в надписи на данной печати только группа 64-31 ("голова тельца" и "висящая гиря", с инициальным значком у знака 64), занимающая вторую соседнюю с ней (при последовательном оттискивании всех четырех граней печати) сторону c.

Если суммировать результаты произведенного выше анализа сфрагистических легенд, можно построить генеа-

⁷⁰ Cp. Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2nd ed. Cambridge, 1973. P. 33. Fig. 6.

⁷¹ Landau O. Mykenisch-griechische Personennamen. Göteborg, 1958. S. 123, 127; Ventris M., Chadwick J. Op. cit. P. 580, 582. Следовательно, они оказываются унаследованными из минойского ономастикона. В пользу такого вывода говорит и наличие в кноссских табличках линейного B личного имени Ze-ro (Landau O. Op. cit. S. 153; Ventris M., Chadwick J. Op. cit., P. 593), имеющего, по-видимому, один общий корень с Sa-ze-ro (sa- – употребительный минойский префикс).

⁷² Evans A.J. Op. cit. P. 156. N 30; Kenna V.E.G. Cretan seals. P. 109. N 150.

логическую таблицу критских династов, имена которых выявляются на иероглифических печатях (см. рис. 20). В этой стемме насчитывается четыре поколения и семь агнатов. Перед нами несомненно целая династия царей, правивших в Кноссе. Такой вывод проистекает из того обстояательства, что рассмотренные иероглифические печати образуют единую группу памятников, которая принадлежит именно к "кноссскому царскому кругу" (определяющим моментом здесь является однако не факт находки "Царской печати 1898 г." – самого яркого памятника данной группы – в Кноссе, а другой, куда более значимый для ее атрибуции признак: элементы ее декоративного оформления находят себе ближайшие параллели в произведении художника-вазописца кноссских дворцовых мастерских⁷³).

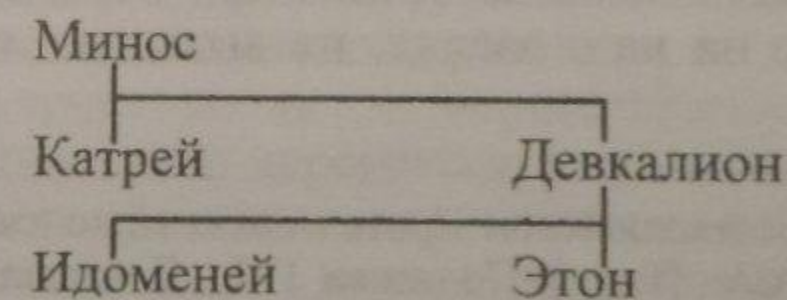
Промежуток времени, охватываемый реконструированным родословным древом, приходится примерно на XVIII – первую половину XVII в. до н. э., поскольку он заключен в пределах среднеминойского II В – среднеминойского III А периодов. Главным же ориентиром для более или менее точной хронологической привязки отдельных звеньев генеалогической цепочки служит все та же вполне надежная датировка "Царской печати 1898 г.", принадлежавшей представителю второго из четырех поколений в стемме, рубежом XVIII–XVII вв. до н. э.

В порядке престолонаследия, отраженном в этом родословном древе, отмечается определенное своеобразие: в трех поколениях подряд брату наследует брат, т. е. как будто бы прослеживается соблюдение принципа простого старшинства в роде. Конечно, трудно настаивать на абсолютной достоверности такого вывода, поскольку сама приведенная выше поколенная роспись в отдельных ее частях достаточно гипотетична. Однако нельзя не отметить, что критская мифолого-историческая традиция, сохранившаяся античными авторами, в отношении осуществления на практике преемственности власти внутри рода кноссских владык в ахейское время рисует картину, весьма сходную с той, которая наблюдается в реконструированной нами поколенной росписи царей Кносса минойской (догреческой) эпохи.

Наиболее популярные мифы критского цикла в систе-

матизированном виде изложены, как известно, в первых трех главах книги третьей "Библиотеки" Аполлодора (III. 1–3), где приводится родословное древо властителей Крита – потомков Миноса, правившего в Кноссе⁷⁴. Миносу наследовал старший сын Катрей. Преемником Катрея был его младший брат Девкалион. После Девкалиона царем Кносса и всего Крита стал его сын Идомей. Когда же Идомей отплыл вместе с другими ахейскими вождями под Троию, местоблюстителем царского престола, т. е. потенциальным наследником, в Кноссе остался, как мы узнаем из "Одиссеи" (XIX. 179–199), его младший брат Этон⁷⁵; причем произошло это не по причине отсутствия у Идомея сыновей, ибо в той же "Одиссее" упоминается его взрослый сын Орсилох, доживший до конца Троянской войны и возвращения с нею домой критских дружин (Od. XIII. 259–268).

Если построить с учетом приведенных данных античной традиции генеалогическую таблицу кноссских Миносидов, включающую имена четырех царей и одного "регента", то просматриваемый в ней порядок престолонаследия окажется аналогичным тому, который выявляется в реконструированном выше родословном древе правителей Кносса среднеминойского II В – среднеминойского III А периодов (ср. рис. 20), известных нам по иероглифическим печатям:

⁷⁴ В "Библиотеке" не упоминается столица царства Миносидов, но все греческие авторы – литераторы и историки, начиная с Гомера и Геродота, не сомневались в том, что Минос и его потомки были прежде всего владыками города Кносса.

⁷⁵ В данном случае совершенно не важно, носил ли "регент" Кноссского царства времени Троянской войны именно такое имя или оно было вымышлено Одиссеем (или, вернее, Гомером за главного литературного персонажа эпической поэмы и вложено в его уста) по аналогии с именем его собственного прадеда со стороны матери (ср. Клааск. Aithon // RE. Bd. I. Stuttgart, 1894. S. 1106). Главное-то, что Одиссей не мог не знать, кого из членов царской семьи (брата, сына или другого родственника) оставил вместо себя его гостеприимец и соратник Идомей управлять государством.

⁷³ Evans A. J. Op. cit. P. 270. Fig. 122.

Здесь также налицо наследование царской власти не по прямой мужской линии, а с учетом простого старшинства в роде: наследником каждый раз оказывается ближайший по степени родства агнат того же или следующего поколения (умершему царю наследует следующий по старшинству брат, а за неимением такового – старший сын покойного правителя). Это сходство, надо думать, не является результатом случайного совпадения, а отражает ту преемственную связь, которая несомненно существовала между древнейшими минойскими установлениями административно-правового характера и политическими институтами общекритского государства ахейского времени⁷⁶. Реконструированная в результате детального эпиграфического и структурного анализа иероглифических надписей на минойских печатях генеалогия кноссских царей XVIII – первой половины XVII в. до н. э. получает таким образом важное косвенное подтверждение.

К сожалению, лишь одно из входящих в нее царских имен читается полностью: RO-WE-SA-ZE-RO (правитель Кносса, носивший это имя, жил, по-видимому, в первой половине XVII в. до н. э.). В других именах в лучшем случае для одного-двух иероглифов могут быть предложены слоговые чтения по аналогии с происходящими от них силлабограммами линейного письма А и В. Сам же факт употребления по крайней мере некоторых знаков критской иероглифики в качестве силлабограмм при передаче на письме личных имен, на наш взгляд, не вызывает теперь сомнений⁷⁷.

⁷⁶ О большой живучести на послеминойском Крите многих минойских традиций см.: Молчанов А.А. [Рец.:] Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества (По данным линейного письма В). М., 1978 // ВДИ. 1979. № 3. с. 177, 178.

⁷⁷ Поуп М. Линейное письмо А... С. 94. Прим. 12. Приведем, пользуясь случаем, еще один пример соответствия фонетически прочитанной (как сочетание силлабограмм) группы иероглифов критскому (вероятно, минойскому) личному имени. На одном глиняном ярлыке из Кноссского дворца (Evans A.J. Op. cit. P. 160. N 59, a) дважды отгиснута группа из трех иероглифов 44-112-36 ("ворота", "крест" и "двулезвийная секира"), находящих себе точные аналогии среди слоговых знаков линейного письма А и В. Судя по положению иероглифического знака 36 (двулезвийная секира обращена нижним концом топорика влево), читать ее следует, начиная с правого иероглифа: А-RO-IO. Совершенно тождественная форма А-го-йо фигурирует в спи-

Однако при изучении критских иероглифических печатей первой трети II тыс. до н. э. наиболее актуальной остается по-прежнему задача – выявить основные типы текстовых формул, проследить их происхождение и эволюцию. Только установление типологии сфрагистических легенд способно обеспечить построение четкой систематизации для всего теперь уже достаточно многочисленного эпиграфического материала указанного разряда, создать реальные возможности для проникновения в смысл древнейших минойских текстов на основе использования комбинаторного метода исследования.

Первые наблюдения типологического характера относительно критских печатей с легендами, выполненными местной иероглификой, были сделаны уже А.Эвансом⁷⁸. По намеченному им пути шли и другие исследователи. Нам выше удалось выделить группу памятников, определяемых как печати "кноссского царского круга". К ней относятся прежде всего такие шедевры минойской глиптики, как "Царская печать 1898 г." из Кносса и "Малая царская печать", а также восьмисторонняя печать из Эшмоленского музея. Последняя благодаря сравнительно большому объему помещенной на ней легенды оказалась весьма информативной, причем возможности ее изучения, как мы еще сможем убедиться, далеко не исчерпаны. Самым же существенным представляется нам то обстоятельство, что настало время попытаться восстановить картину последовательного развития на протяжении первой трети II тыс. до н. э. иероглифических легенд на печатях "кноссского царского круга" и типологически родственных им, служивших для опечатывания заполненных припасами емкостей с контрольно-учетными целями.

Структурный анализ отдельных образцов и всей совокупности относящегося сюда эпиграфического материала показывает, что три главных элемента, из которых потом складывались более сложные текстовые формулы, сначала могли фигурировать как совершенно самостоятельные сфрагистические типы или в сочетании с чисто художественными композициями изобразительного и орнаментального характера, помещавшимися на смежных гранях тех же каменных печатей-призм. Это группы иероглифов, для

сках личных имен на табличках линейного В из Кносса и Пилоса (Landau O. Op. cit. S. 29; Ventris M., Chadwick J. Op. cit. P. 534).

⁷⁸ Evans A.J. Op. cit. P. 265 ff.

которых комбинаторным путем устанавливаются значения, типичные для кратчайших владельческих надписей.

Титул правителя, причем в форме посессива-генетива, передается, как было доказано⁷⁹, блоком иероглифических знаков 92-11-44 ("сильфий", "нога" и "ворота") со значением "царь"⁸⁰, иногда выступающим в усеченном (11-44) или ином модифицированном варианте⁸¹. Каллиграф-миноец мог также взамен этого блока, составленного, как видно, из силлабограмм, вырезать на печати иероглиф 74 ("кошачья голова"), судя по всему обозначавший в качестве идеограммы (логограммы) то же понятие, что и указанная титулярная группа (см. выше). В более простран-ных сфрагистических легендах⁸² это делалось, несомненно, для сокращения объема текста, который граверу надлежало нанести на миниатюрный предмет. В иных случаях иероглифический знак 74 употреблялся по принципу синонимии вместо титулярной группы 92-11-44/11-44, выполняя ту же роль самостоятельной сфрагистической микроформулы⁸³.

Личные имена древнегреческих владык, причем в форме посессива-генетива, опознаны нами выше в устойчивых сочетаниях иероглифов 19-30/19-30-92 ("лекало", "рога" и "сильфий") и 05-18/05-18-13 ("человеческий глаз", "мастерок" и "стрела")⁸⁴. Последние же связываются в единую генеалогическую цепочку еще с несколькими предполагаемыми царскими именами, в том числе с полнотью транслитерируемой ономастической формой 112-84-60-23-112 = RO-WE-SA-ZE-RO, вполне надежно интерпретируемой как сложный минойский антропоним (см. рис. 20).

Наблюдения общетипологического порядка приводят к

⁷⁹ Evans A.J. Op. cit. P. 265-270; Молчанов А.А. Критская иероглифическая надпись... С. 123, 124, 126.

⁸⁰ Ср. примеры такого одиночного употребления данного блока: Evans A.J. Op. cit. NN 11, 71; CMS. Bd. II. Teil 2. N 259; Bd. VII. NN 41, 255.

⁸¹ Ср.: Evans A.J. Op. cit. NN 17-19, 23, 48; Kenna V.E.G. Cretan seals. NN 172, 174; Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel. Taf. 3; CMS. Bd. VII. N 255.

⁸² Ср.: Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel. Taf. 1, a; CMS. Bd. II. Teil 5. Berlin, 1970. N 316, d; Bd. IV. Berlin, 1969. N 156, b.

⁸³ Ср.: CMS. Bd. II. Teil 2. NN 3, 282; Bd. VIII. N 32; Bd. X. Berlin, 1980. N 102.

⁸⁴ Как пример самостоятельного использования блока 05-18 ср.: Kenna V.E.G. Cretan seals. N 140.

выводу, что третий "первичный элемент" — блок знаков 18-13 ("мастерок" и "стрела")⁸⁵, нередко расширяющийся в более простран-ных легендах за счет какого-либо добавочного иероглифа⁸⁶, содержит в себе указание на сам факт наложения на имущество знака собственности. Как известно, простейшие сфрагистические формулы, являющиеся по сути дела перенесенными на матрицу владельческими пометками, охватывали всегда только сугубо ограниченный круг тесно связанных между собой идей. Набор же таковых сводился естественным образом к оптимальному минимуму: 1) идея принадлежности опекаемого имущества конкретному лицу, которая реализовывалась через написание личного имени; 2) идея принадлежности имущества некоему институту власти, ее носителю — она прокламировалась путем поименования соответствующего титула; 3) идея гарантирования сохранности подконтрольных материальных ценностей — она непосредственно выражалась в наложении штампа с надписью, удостоверяющей совершение надлежащей процедуры.

Поскольку именные и титулярные группы иероглифов в легендах на минойских печатях уже выявлены, неинтерпретированный пока блок знаков 18-13 ("мастерок" и "стрела") остается отождествить со словом, имеющим значение типа "печать", "запечатанное", "скрепленное печатью", "за печатью" и т. п. Такая интерпретация, допускающая и даже подразумевающая факультативную замену исходной словоформы в аналогичной позиции производными от нее, хорошо согласуется с фактами появления весьма вероятных дериватов той же основы (ср., например, блоки 18-97-13 = ?-TE-TI и 18-13-92⁸⁷ с довольно характерными для "иероглифического" минойского языка суффиксальными расширителями).

Соединение выявленных нами первичных микроформул в различных сочетаниях и появление сразу двух личных имен в составе блока "имя+патронимик" рождало варианты более простран-ных легенд. Так, из двух соседних гранях трехсторонней призматической печати из зе-

⁸⁵ Случаи его одиночного употребления см.: Kenna V.E.G. Cretan seals. NN 97, 99; CMS. Bd. II. Teil. 2. NN 100, 220, 269; Bd. VII. N 28.

⁸⁶ Ср.: Evans A.J. Op. cit. NN 46, 49*, 73, 74; Xenaki-Sakellariou A. Op. cit. P. 86; Kenna V.E.G. Op. cit. NN 38, 151, 167; CMS. Bd. II. Teil. 2. N 256; Bd. II. Teil 5. N 316; Bd. X. N 52.

⁸⁷ Evans A.J. Op. cit. N 46, b; Kenna V.E.G. Cretan seals. N 151, d.

ленной яшмы, найденной в провинции Сития (Восточный Крит) и изданной А. Эвансом⁸⁸, выгравированы пары иероглифов: 18-13 и 11-44. Исходя из установленного ранее значения каждого из этих блоков, получаем перевод всей надписи (третью грань призмы занимает орнаментальная композиция): "печать царя". Прибавлением же к блоку 18-13 именной микроформулы можно было составить легенду: "печать такого-то". Минимально усложненный вариант ее логично усматривать в тексте на трехгранной печати из Кордакии (Восточный Крит)⁸⁹: 18-97-13 = ?-TE-TI (суффиксальное образование от 18-13 = ?-TI) + 18-13 = ?-TI + 05-18 (личное имя), переводимом в результате как "запечатано печатью такого-то (Y)"⁹⁰.

Более развитая формула, составленная из всех трех "первичных элементов", присутствует на минойских печатях, попавших в музейные собрания Берлина⁹¹ и Ираклиона⁹². Первая из них несет легенду: 18-13 + 11-44 + 19-30-92 – "печать царя такого-то (X)". Вторая содержит типологически совершенно идентичный текст: 18-13 + 11-44-62 + 05-18 – "печать царя такого-то (Y)". Владельцами этих двух печатей оказываются, как видно из реконструированной нами выше стеммы (см. рис. 20), отец и сын – представители кноссской царской династии.

Размещение рядом с личным именем иероглифа-идеограммы 74, равнозначного, как уже говорилось выше, титулярной группе 92-11-44/11-44, позволило скомпоновать на двух гранях призматической печати трехчастную формулу: 18-13 + 05-13 + 74⁹³ – "печать такого-то (Y), правителя (царя)".

Дополнение имени владельца печати патронимиком вело к развешиванию в легенде генеалогической формулы. Вот его примеры: 1) 92-11-44-84 (суффиксальная форма титулярной группы знаков) + 19-30-92 (личное

имя) + 18-21 (личное имя) – "царя такого-то (X), сына такого-то (W)", таков оказывается перевод надписи на "Царской печати 1898 г." (см. рис 16); 2) 92-11-11-44 (титулярная группа с графической редупликацией корня, возникшей из-за желания гравера обязательно соблюсти симметрию в создаваемой им каллиграфической композиции) + 05-18 (личное имя) + 19-30-30-92 (личное имя в написании с графической редупликацией, введенной по тому же принципу симметрии рисуночных знаков)⁹⁴ – "царя такого-то (Y), сына такого-то (X)"; 3) 92-11 (усеченный графический вариант титулярной группы 92-11-44) + 05-18 (личное имя) + 19-30-92 (полное написание личного имени, иероглифы которого размещены в поле матрицы предельно компактно, из-за чего их начертание и положение отличаются от обычных, а третий знак как бы вставлен внутрь монограммы, образованной двумя другими)⁹⁵ – "царя такого-то (Y), сына такого-то (X)"; 4) 18-13 + 92-11-44 + 05-18 (личное имя) + 19-30 (личное имя)⁹⁶ – "печать царя такого-то (Y), сына такого-то (X)".

Ключ к пониманию смысла еще одного компонента минойских сфрагистических легенд дает надпись на опубликованной А. Эвансом трехсторонней печати из коллекции Р. Сигера⁹⁷ (см. рис. 21). Две грани сердоликовой призмы здесь занимают соответственно титулярная группа 92-11-44 и именная группа 05-18, а на третьей перед боком 18-13 помещен иероглиф 116, определяемый по аналогии с идентичными знаками линейного письма А (№ 82) и В (№ 131) как идеограмма со значением "вино"⁹⁸. Перевод всей надписи не вызывает затруднений: 116 + 18-13 + 92-11-44 + 05-18 – "вино за печатью царя такого-то (Y)".

На основании данного примера логично предположить, что и в иных случаях, когда в многочастной сфрагистиче-

⁸⁸ Evans A.J. Op. cit. N 17.

⁸⁹ Ibid. N 46.

⁹⁰ Для удобства передачи пока не транскрибируемых имен минойских правителей при переводе критских иероглифических текстов мы по-прежнему условно обозначаем их литерами: Z (04-92-14), Y (05-18/05-18-13), X (19-30/19-30-92), W (18-21/21-18), T (64-31/31-64) и S (18-19-73/73-19-18).

⁹¹ Evans A.J. Op. cit. N 18.

⁹² Ibid. N 19; CMS. Bd. II. Teil. 2. N. 296.

⁹³ CMS. Bd. IV. N 156.

⁹⁴ Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel. Taf. 3.

⁹⁵ CMS. Bd. IV. N 137.

⁹⁶ CMS. Bd. VII. N 40.

⁹⁷ Evans A.J. Op. cit. N 49*.

⁹⁸ Основанием для интерпретации трех родственных письменных знаков, ныне общепринятой, послужило то обстоятельство, что идеограмма 131 линейного В присутствует на оттисках печатей из винного склада Пилосского дворца. Прототипом же для соответствующего критского иероглифа послужило, надо думать, стилизованное изображение растущего на решетке винограда (ср. Chadwick J. Linear B and related scripts. Berkeley-Los Angeles, 1987. P. 29).

ской легенде при сходном сочетании знакомых нам микроформул оказывается помимо них еще одна, пока не поддающаяся толкованию группа иероглифов, в последней может точно так же скрываться наименование некоего вида припасов, подлежащего опечатаванию. Весьма правдоподобно выглядела бы аналогичная трактовка единственной неинтерпретированной строки в ряде других, четырехстрочных надписей: 1) 64-84-14-05 (или, при другом порядке чтения знаков, 05-14-84-64) + 18-136-13 (вероятно, инфиксальная форма от 18-13) + 137-92-11-44 (префиксальная форма титулярной группы 92-11-44) + 18-19-73 (или 73-19-18, личное имя)⁹⁹ – “некто за печатью царя такого-то (S)”; 2) 114-08-110 + 18-13-92 + 108-05-18 (личное имя, предваряемое дополнительным знаком) + 19-30-92 (личное имя)¹⁰⁰ – “некто за печатью такого-то (Y), сына такого-то (X)”; 3) 19-99-24-13-92-36 (порядок следования знаков друг за другом здесь не вполне ясен: то ли это двустрочный бустрофедон, то ли “змейка”) + 18-19-73 (личное имя) + 18-21 (личное имя) – “некто за печатью такого-то (S), сына такого-то (W)” (см. рис. 17); 4) 54-13-64 + 64-31 (личное имя) + 19-30-92 (личное имя) + 92-11-44 (титулярная группа)¹⁰¹ – “некто за печатью такого-то (T), сына такого-то (X), царя” (см. рис. 19); 5) 57-112-24 = TU-RO-? + 92-11-44 (титулярная группа) + 112-84-60-23-112 = RO-WE-SA-ZE-RO (личное имя) + 05-18-13 (личное имя)¹⁰² – “некто под названием tu-ro-? (ср. греч. τυρός – “сыр”, микен. tu-ro₂) царя Ровесазеро, сына такого-то (Y)” (см. рис. 18).

По-видимому, ту же схему построения легенды мы встречаем и на одной трехсторонней печати (см. рис. 22): 64-60-30 + 18-13 + 05-18 (личное имя)¹⁰³ – “некто за печатью такого-то (Y)”. Причем имеется возможность несколько конкретизировать интерпретацию первой по порядку группы иероглифов в этой надписи. Дело в том, что знак 64 (“голова теленка”) отделен резчиком матрицы вертикальной чертой от двух других знаков строки – 60 (“каракатица”) и 30 (“рога”). Это заставляет рассматривать его как обособленный отрезок текста и соответствен-

⁹⁹ CMS. Bd. N. N 52.

¹⁰⁰ Kenna V.E.G. Cretan seals. N 151.

¹⁰¹ Evans A. Op. cit. N 30; Kenna V.E.G. Cretan seals. N 150.

¹⁰² Evans A. J. Op. cit. N 27.

¹⁰³ CMS. Bd. IV. N 29 D.

но видеть в нем идеограмму (логограмму), по смыслу так или иначе связанную с изобразительным праобразом графемы. Блок иероглифов 60-30 транслитерируется при силлабографическом его понимании как SA-RU. Такое слово встречается в табличках линейного письма А при перечислении сельскохозяйственных культур: “a-ka-gu, ku-pi-su, sa-gu...”¹⁰⁴. Следовательно, группа иероглифических знаков 64 + 60-30 передавала название некоего вида фуража – “sagu для телят”.

Выяснить точнее, что же по-минойски значило sa-gu, помогает обращение к репертуару знаков линейного письма В, родственного письменностям критян-минойцев. Там имеется идеограмма с совершенно надежно установленным значением “лен” (знак N 31, он же при послоговой записи слов выступал в качестве силлабограммы, читаемой как sa). Имеются все основания видеть в указанной идеограмме сокращенное до первого слога минойское название льна¹⁰⁵. Тот же контекст, в котором слово sa-gu обнаруживается в хозяйственных записях на табличках линейного А, вполне позволяет опознать именно в нем искомый культурный термин¹⁰⁶. Такому толкованию данного минойского слова не противоречит и его место в рассмотренной выше сфрагистической легенде. Ведь “лен” – это одновременно и исходное сырье для производства ткани, и сама ткань, и семя данного растения, имевшего важное значение и как масличная культура. При упоминании sa-gu как вида фуража, предназначенного для телят из царского стада и учитываемого хранителями запасов дворцовых кладовых, должно было иметься в виду, думается, скорее всего отжатое льняное семя, т. е. льняные жмыхи, которые и поныне признаются одним из лучших видов корма для молодняка крупного рогатого скота. Если учесть все это, то полный перевод иероглифического текста на рассмотренной только что трехсторонней печати (рис. 22) будет выглядеть следующим образом: “льняные жмыхи для телят за печатью такого-то (Y)”.

Тенденция к повышению информативности сфрагистической легенды в рамках традиционного способа ее построения нашла свое выражение и в дальнейшем расширении наиболее

¹⁰⁴ Ср. Evans A.J., Myres J.L. Op. cit. Pl. VII a, 86 a, 86 b.

¹⁰⁵ Ср. Chadwick J. Linear B and related scripts. P. 30.

¹⁰⁶ Молчанов А.А. [Пер.] Chadwick J. Linear B and related scripts. Berkeley–Los Angeles, 1987 // ВДИ. 1992. N 2. С. 192, 193.

престижного, генеалогического компонента. Самым ярким примером этого служит все тот же иероглифический текст на восьмисторонней печати из Эшмолеанского музея. Его перевод мы тоже можем теперь дополнить: 14-08-73 + 18-136-13 (вероятно, инфиксальная форма от 18-13) + 04-92-14 (личное имя) + 73-12 (блок знаков, соответствующий, как было установлено ранее, термину родства "сын" в форме генитива¹⁰⁷) + 05-18-13 (личное имя) + 73-12 (термин родства "сын" в форме генитива) + 19-30-92 (личное имя) + 92-11-44 (титularная группа) + 18-80-21 (ономастическая форма типа династийно-родового имени, образованная от антропонима 18-21)¹⁰⁸ — "некто за печатью такого-то (Z), сына такого-то (Y), сына такого-то (X), царя из рода некоего W".

Таким образом, изучение минойских сфрагистических формул дает новые данные для реконструкции не только царских генеалогий и этнической ситуации на Крите в первой трети II тыс. до н. э. (по языковым фактам, извлекаемым из иероглифических текстов), но и системы учета в дворцовом хозяйстве владык Кносса среднеминойского времени. Весьма показательны наличие целой группы параллельно употреблявшихся печатей с именем одного и того же правителя, наиболее характерные индивидуальные отличия которых проявлялись в несовпадении названных в их легендах видов материальных ценностей, подлежащих учету (наименования последних передавались соответствующими идеограммами и/или блоками слоговых знаков). Объяснение этому может быть только одно: перед нами атрибуты представителей достаточно разветвленного административного аппарата, осуществлявших функцию контроля каждый в своем, узко специализированном ведомстве.

Применение заверяющих оттисков печатей-штампов при опечатывании емкостей со съестными припасами длительного хранения или иными складываемыми впрок материальными ценностями, как показывают ближневосточные сфрагистические материалы, может начаться очень рано — еще в эгалитарных обществах (для Месопотамии оно фикс-

¹⁰⁷ Этот термин всегда отсутствует в блоках "имя+патронимик", где имя отца стояло в possessive (тождественном генетиву), и вводился, вероятно, только в более развернутой генеалогии.
¹⁰⁸ В качестве возможной параллели такой деривации допустимо предположить, например, пару родственных минойских антропонимов: Та-па-ио и Та-па-ю (в других дериватах той же теофорной основы тап- см: Молчанов А.А. Минойский язык... С. 82).

сируется уже у носителей халафской культуры, датируемой серединой VI — началом V тыс. до н. э.¹⁰⁹). Такая практика зарождалась тогда, когда возникала настоятельная необходимость в налаживании системы учета и хранения крупных запасов для общественных нужд, появлялась потребность в централизованном контроле над накоплением материальных благ в целях регулирования их внутриобщинного перераспределения и межобщинного обмена.

С возникновением государства и утверждением царских дворцов в качестве административно-хозяйственных центров тот же способ опечатывания хранилищ уполномоченными лицами мог получить стимул для самого широкого распространения. Ближайшие территориально-примеры такого рода обнаруживаются в соседствовавшей с Крито-Минойской державой Анатолии. В Хеттском государстве царские дворцы, разбросанные по стране и служившие центрами управления в провинциях, носили характерное название "дома печатей"¹¹⁰. То же самое наименование вполне заслуживают и дворцовые комплексы минойского Крита, и в особенности резиденция владык Кносса, где среди археологических находок присутствуют как сами печати, так и их оттиски.

Традиция использования царской администрацией печатей и процедуры опечатывания имела продолжение на Крите и в более позднее время, уже после ахейского завоевания острова. В частности, она прослеживается вплоть до XIII в. до н. э.¹¹¹. Те же критские истоки данной традиции можно предполагать, по всей вероятности, и для ахейских царств материковой Греции, имевших длительные и разносторонние контакты с носителями минойской цивилизации¹¹².

¹⁰⁹ Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998. С. 17–19.

¹¹⁰ Ср. Герни О.Р. Хетты. М., 1987. С. 77.

¹¹¹ Pini I. Considerations of the Use Seals for Administrative Purposes in Mycenaean Greece // SMEA. 1990. Fasc., 28. P. 107–116.

¹¹² Прямая преемственность в практике использования печатей в ахейских царствах, например, от догреческой Лерны (Аргониды) второй половины III тыс. до н. э. вряд ли возможна, поскольку разрушение последней повлекло за собой резкий разрыв местной традиции нарождавшейся государственности (с ее соответствующими атрибутами).

Глава 3

Древнейшее прошлое Крита по данным мифолого-исторической традиции

Успехи археологического изучения стран Средиземноморского бассейна позволили по достоинству оценить такой важный исторический источник, как богатейшая по содержанию античная традиция, зафиксированная в трудах греческих и римских авторов. Ее данные во многих случаях создают необходимую основу для правильной интерпретации конкретных результатов, полученных при раскопках древних поселений, святилищ, погребальных сооружений. И хотя в отношении проверки принципиальной достоверности сведений, сообщаемых мифолого-исторической традицией, первое слово принадлежит археологии, после того как соответствие их реальным историческим фактам подтверждается археологическими материалами, скрупулезный разбор данных традиции дает возможность получить очень важную дополнительную информацию о многих сторонах жизни народов, населявших в древности берега Средиземного моря. Особенно это относится к явлениям духовной культуры, реконструкция которых на основании исключительно археологических данных зачастую затруднена или даже вообще невозможна. При этом главное требование — тщательность и методическая точность работы с материалом. Принципы подобной работы к настоящему времени достаточно хорошо разработаны¹.

Однако все еще встречаются и сторонники гиперкритического подхода к античной традиции². Недооценка ими данного вида исторического источника связана прежде всего с тем, что они упускают из виду реальный факт непрерывной преемственности в использовании письменности двумя ведущими в культурном отношении народами — минойцами и греками³. В частности вовсе игнорируется

важная роль греческих городов Кипра, как хранителей крито-микенского культурного наследия после разрушения подавляющего большинства городских центров на юге Балканского полуострова на рубеже бронзового и железного веков (подробнее об этом см. ниже: часть II, глава 4). А ведь греки-киприоты в последние века II — первой половине I тыс. до н. э. оставались носителями не только языковой, но также письменной, и, следовательно, исторической, традиции более раннего времени. Не случайно среди претендентов на честь считаться родиной Гомера выступает Саламин Кипрский. Это означает, что на Кипре популярность эпических сказаний, посвященных древнейшему прошлому Эллады, была весьма велика и устойчива. Но там же в широком употреблении оставалась словесная письменность, имеющая явные крито-микенские истоки и вполне приспособленная для записи текстов практически любого содержания. Поэтому сохранение исторической информации было достаточно надежно обеспечено обоими доступными древним народам способами — через канонизированную устную передачу (героико-эпические и генеалогические предания, сакральные мифы) и письменную фиксацию⁴.

Упоминания о Крите, его древних обитателях, богах и героях встречаются в произведениях многих античных писателей. Греческие и римские авторы не только обнаруживают знакомство с критскими историческими преданиями и сакральными мифами, но и подчас весьма подробно излагают их содержание. К сожалению, полностью не сохранился ни один из посвященных специально критской тематике трудов греческих историков и мифографов — Александра Полигистора, Антенора, Гелланика, Динарха, Досиада, Истра, Ксениона, Лаостенида, Менекла Теосского, Петеллида Кносского, Пиргиона, Сосикрата, Харона из Навкратиса, Эпименида, Эфора (одна из книг его "История", называвшаяся "Европа", содержала, например, подробное описание государственного строя Крита), Эхемена, — ссылки на которые встречаются у других авторов⁵.

⁴ Характерные примеры бережного отношения к такого рода информации, как особо ценной, являют культово-генеалогические связи предков кипрских династий ахейского происхождения со своей прародиной (ср.: Paus. VII. 5. 3; 53. 7).

⁵ Ср.: Büchner. Kreta. RE. Hbd. 22. Stuttgart, 1922. S. 1719; Немировский А. И. Две "Атлантиды" // ВИ. 1978. № 3. С. 214–220.

¹ См., например: Vansina J. De la tradition orale. Essai de méthode historique. Tervuran, 1961.
² Ср.: Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990.
³ См.: Там же. С. 109.

От них в лучшем случае уцелели лишь отдельные фрагменты. Наиболее интересные сведения содержатся в дошедших до нас гомеровских поэмах и гимнах, в сочинениях Гесиода, Геродота, Фукидида, Платона, Аристотеля, Аполлодора, Диодора Сицилийского, Плутарха и Павсания, в схолиях к некоторым произведениям эллинских писателей и поэтов, а также в трудах лексикографов позднеантичного и византийского времени.

Поскольку хронология отдельных этапов развития крито-минойской культуры, а также его главные поворотные моменты уже намечены археологами с достаточной точностью, те или иные данные античной традиции, касающиеся этнической и политической истории острова, могут быть приурочены к определенным конкретным отрезкам времени, начиная с раннеминойского периода, и тем самым общая картина исторических судеб минойского Крита дополнена многими важными деталями⁶.

Хронологической основой для изложения истории области, острова или города для античных авторов служило как правило генеалогическое перечисление членов правивших там династий. Не было в этом отношении исключением и изложение древнейшей истории Крита. Приведенные мифографами по возможности в стройную систему разветвленные родословия царей отдельных местностей Эллады и смежных с ней территорий были собраны воедино благодаря созданию многочисленных специальных трактатов греческими учеными уже в эллинистическое время. Большинство этих трудов представляло собой сборники мифов, содержание которых сознательно ограничивалось узкими географическими рамками. Некоторые из таких трактатов, как мы знаем, целиком посвящались мифам, связанным с островом Крит (например, "Критская мифология" Динарха и "Критский цикл" Менекла Теосского). Но, к сожалению, они не дошли до нас, так же как и многие создававшиеся параллельно сводные труды более популярного характера, где в сжатом виде излагались вместе с другими мифами и историческими преданиями различных областей Эллады сказания древних критян. Единст-

⁶ Самую полную сводку данных легендарно-мифологической традиции о Крите с попыткой их исторической интерпретации до начала археологических раскопок на острове сделал К. Хёк (Hoesck K. Kreta. Bd. 1-3. Göttingen, 1823-1829).

венным сохранившимся образцом такого мифологического компендиума является "Библиотека" Аполлодора⁷.

Автор "Библиотеки" сообщает (III. 1-3) восходящую к Зевсу родословную критских царей. С некоторыми дополнениями она излагается также в "Исторической библиотеке" Диодора Сицилийского (IV. 60. 2-4; 62. 1; V. 79. 1; 79. 4). Однако нетрудно заметить, что детальная ее разработка имеет место только в последних трех поколениях, включая два самых младших — поколения участников знаменитой Троянской войны, происходившей примерно около середины XIII в. до н. э. По-видимому, только сведения об этих генерациях, восходящие к ахейским героическим сказаниям "троянского цикла", могут рассматриваться как достаточно точно отражающие реальные генеалогические факты. В первую очередь это относится, разумеется, к именам прославленных героев осады Трои, а равно и к их патронимикам поскольку имена отцов неразрывно связывались в дружинном эпосе с именами их сыновей — знатных витязей. Критский царь Идомей, сын Девкалиона, и его племянник Мерион, сын Мола, многократно упоминаются в "Илиаде" в числе ее главных действующих лиц (ср.: II. 645-652; III. 230-233; IV. 250-272; XIII. 445-454 и др.).

К реальным персонажам истории ахейского Крита первой половины XIII в. до н. э. может быть отнесен и царствовавший, согласно традиции, несколько ранее начала Троянской войны Катрей, дядя Идомея и старший брат его отца Девкалиона (Apollod. III. 1. 2; Diod. IV. 60. 4; Paus. VIII. 53. 4), дед с материнской стороны главных вождей ахейцев под Троей — Агамемнона и Менелая (Apollod. III. 2. 2; Apollod. Epit. II. 10; III. 12). Среди важных событий, предшествовавших походу ахейских анактов на Трою, в эпическом повествовании упоминается смерть Катрея и его похороны на Крите, в которых принимал участие спартанский царь Менелай, внук покойного (Apollod. Epit. III. 3).

⁷ Это сочинение, традиционно приписываемое афинскому грамматiku II в. до н. э. Аполлодору, в действительности представляет собой сделанное одним-двумя столетиями позже краткое переложение произведений указанного писателя с дополнениями из других источников (Борухович В.Г. Античная мифография и "Библиотека" Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 99-120).

Но уже на одно поколение дальше Катрея и Девкалиона мы наталкиваемся на обобщенный образ могущественного и мудрого царя-предка Миноса, в котором несомненно слились воспоминания о многих поколениях критских владык более раннего, главным образом минойского времени. Расчленив этот собирательный образ удастся лишь отчасти на основании скудных и отрывочных данных античной традиции о Миносах — Старшем и Младшем (Diod. IV. 60; Plut. Thes. 20; Marit. Par. 11. 19), а также об отдаленном предшественнике Миноса — первом законодателе и объединителе Крита Радаманте (Strab. X. 4. 8), отличном от своего тезки из других мифов.

Начальные этапы сложения крито-минойской цивилизации, до оформления единого общекритского государства, очень слабо освещены в греческих мифах. И это вполне естественно, ибо то сильнейшее впечатление, которое могущество Крита эпохи "талассократии Миноса" произвело на его северных соседей, было способно полностью заслонить в памяти греков все их более ранние представления о минойцах. Поэтому все, чем мы здесь можем располагать, это несомненно отголоски собственной минойской (письменной и устной) исторической традиции, частично перешедшей в позднейшую эллинскую традицию.

Относящиеся к ранней этнической истории Крита сведения, которые можно почерпнуть из трудов античных авторов, дают представление о сложном составе населения острова уже в догреческую эпоху. В хорошо известном пассаже из "Одиссеи" (XIX. 175–178), где содержится перечисление народов, населявших Крит в гомеровскую эпоху, помимо более поздних греческих пришельцев — ахейцев и дорийцев, упоминаются этеокритяне, кидоны и пеласги. То, что греки не входили в состав древнейшего населения острова, подчеркивает Геродот. По его словам (I. 173): "...весь Крит в древности целиком занимали варвары".

Этеокритяне, т. е. "истинные критяне", как видно уже из самого их греческого названия, признавались эллинами первоначальными обитателями Крита. Местная критская традиция прямо называла их автохтонами (Diod. V. 64. 1; 80. 1). По сообщению Стафила из Навкратиса, передаваемому Страбоном (X. 4. 6), территорией этеокритян испокон века считалась южная часть острова. Память о пребывании их на востоке Крита отразилась в страбоновском указании (X. 4. 6; 4. 12) на то, что им принадлежал город

Прес со святилищем Зевса Диктейского. Жители Преса во времена Геродота считали себя прямыми потомками критян — подданных царя Миноса и то же самое они признавали в отношении жителей Полихны, города в западной части Крита (Herod. VII. 170–171). Эпонимом острова Крит и его древнейшим культурным героем традиция называла Креса, царя этеокритян (Diod. V. 64. 1). Правление Миноса — царя в первую очередь, конечно, "истинных критян" — в Кноссе (Hom. Hymn. II. 518; Herod. III. 122) означает их господство во времена критской талассократии и над центральной (северной) частью острова. Таким образом, в качестве господствующей этнической группы всего догреческого Крита они должны быть отождествлены с минойцами, т. е. с носителями минойского языка и создателями древнейших критских систем письма — иероглифики, линейного А и иератического силлабария (письменности Фестского диска).

Критскими автохтонами, наряду с этеокритянами, традиция считала и кидонов (Strab. X. 4. 6). Кидоны, по утверждению античных авторов, занимали западную часть острова, где находился названный по их имени город Кидония (Strab. X. 4. 6; 4. 12). Дважды упоминаемые в "Одиссее" (III. 292; XIX. 176), они названы здесь обитающими "около струй Ярдана" (ныне река Платаниас, текущая с юга на север и впадающая в море западнее древней Кидонии — современной Хании). Эпонимом-основателем Кидонии сами критяне считали Кидона, внука Миноса (Paus. VIII. 53. 4; Schol. Apoll. Rhod. IV. 1492; Schol. Theocr. VII. 12; Schol. Hom. Od. XIX. 176). Эта генеалогическая связь между Кидоном и Миносом если и не указывает прямо на непосредственное происхождение кидонов от рано обособившейся на западе острова части этеокритян-минойцев, то по крайней мере подразумевает родство этих двух этнических групп догреческого населения Крита (примечательно, что личное имя Ku-do-ni встречается в минойском тексте на табличке линейного А).

О пребывании на Крите пеласгов, вслед за Гомером (Od. XIX. 177), говорят и другие авторы (ср.: Strab. V. 2. 4; X. 4. 6; и др.). Диодор упоминает о вторжении их на остров (Diod. IV. 60. 2; ср. также: Dion. Hal. I. 18. 1; Plut. Moral. 247 D, 296 B; Steph. Byz. s. v. Δόριον), добавляя, что в момент их прихода Крит был заселен этеокритянами (Diod. V. 80. 1). Перебрались пеласги сюда с территории

материковой Греции, где они, согласно традиции, являлись автохтонами по отношению к пришедшим позднее грекам-ахейцам (Apollod. II. 1. 1; III. 8. 1; Strab. V. 2. 4; VII. 7. 10; Paus. VIII. 1. 4–6)⁸, и скорее всего непосредственно с близлежащего Пелопоннесского полуострова (ср.: Phot. Bibl. 186, 47), носившего ранее имя Пеласгии (Strab. V. 2. 4), впрочем так же как и вся будущая Эллада (Herod. II. 56). Хотя некоторые греческие историки, исходя из того, где пеласги дольше всего сохранялись как самостоятельная этническая группа (одна из частей Фессалии еще во времена Страбона сохраняла название Пеласгиотиды), полагали, что пеласгийское переселение на Крит произошло из областей Северной или Средней Греции (Dion. Hal. I. 17. 3; Steph. Byz., s. v. Δόριον; Schol. Eustath. Hom. Od. XIX. 177). Поселились они, по-видимому, прежде всего на северном побережье Крита: в “Одиссее” они упомянуты как живущие в городе Кноссе. Жили они, надо полагать, и на востоке острова, ибо там известны город Лариса и Ларисейская равнина возле Гиерапитны (Strab. IX. 5. 19), а имя Лариса было характерно для городов, основанных пеласгами (Hom. II. II. 840 sq.; Strab. IX. 5. 3; 5. 5; 5. 13; 5. 19; XIII. 3. 2–4; Paus. VII. 17. 5).

Античная традиция отмечает присутствие в догреческом этническом субстрате Крита еще одного компонента – анатолийского и это согласуется с мнением ряда современных исследователей о наличии в древней топонимии острова несомненных следов пребывания здесь в какое-то время носителей хетто-лувийских языков. По сообщению Геродота (I. 173; VII. 92; ср.: Strab. XIV. 3. 10; Paus. VII. 3. 7), термилы – предки современных ему малоазийских ликийцев жили когда-то на Крите. Тому же Геродоту (I. 172; ср.: Strab. XIV. 2. 3), происходившему из полукарийской среды граждан Галикарнасса, было известно, что карийцы, населявшие область вокруг города Кавна на юго-западном побережье Малой Азии, считали себя обитавшими некогда на Крите. Однако, хотя анатолийский эле-

⁸ О пеласго-фракийском этническом массиве на юге Балкан см.: Молчанов А.А. Рец. на кн.: Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981 // ВДИ. 1985. № 2. С. 176–178; Мерперт Н.Я., Молчанов А.А. Структура протофракийских поселений ранне-бронзового века на юге и юго-востоке Балканского полуострова // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990. С. 23–28.

мент и присутствовал в догреческий период на острове, он оказался здесь наименее стойким, и, следовательно, относительно малочисленным. Во всяком случае он вероятно уже полностью растворился среди других групп разнородного населения Крита к началу I тыс. до н. э., ибо не отразился в перечне критских “племен” из XIX песни “Одиссеи”.

Все отмеченные выше этнические группы – этеокритяне-минойцы, кидоны, пеласги и анатолийцы – обосновались на Крите прежде греков, пришедших на остров позднее их всех. На это недвусмысленно указывает сама эллинская традиция. По словам Геродота, “весь Крит в древности целиком занимали варвары” (I. 173), а появление здесь первой греческой миграционной волны, которую составили ахейцы, “отец истории” относил уже к периоду, последовавшему за крушением “талассократии Миноса” (VII. 170–171).

Драматические перипетии борьбы за объединение Крита между наиболее сильными правителями его отдельных областей, завершившейся победой кносских владык, достаточно ясно отразились в дошедших до нас в греческой передаче критских исторических преданиях. Так, например, традиция сообщает, что попытка Миноса стать царем всего Крита встретила сопротивление (Apollod. III. 1. 3; Tzetz. Chil. I. 479 sq.). В мифе содержатся и некоторые подробности этой борьбы. По одной из версий мифа: “когда на Крите сыновья Европы Сарпедон и Минос поссорились из-за верховной власти, то в борьбе верх взял Минос и изгнал Сарпедона с его приверженцами” (Herod. I. 173). Победа Миноса над Сарпедоном, владыкой критских термилон-ликийцев, может символизировать подчинение анатолийских обитателей Крита царям этеокритян-минойцев, создателям единого Критского государства.

Согласно другой мифологической версии борьба на острове велась между тремя сыновьями Зевса и Европы – Миносом, Сарпедоном и Радамантом (Apollod. III. 1. 1; 1. 2). Само число соперничающих мифологических персонажей находит себе интересное соответствие в трех областях, на которые, согласно данным археологии, делился Крит задолго до его объединения под властью кносских царей⁹. Любопытно, что и традиция говорит об объединении под властью Миноса,

⁹ Пендлбери Дж. Археология Крита. С. 295.

владыки Кносса, всех трех прежних самостоятельных центров Крита (Strab. X. 4. 8; 4. 11; 4. 14).

Особенно прочно удерживались в памяти древних греков воспоминания о "талассократии Миноса" – небывалом морском могуществе Крито-Минойской державы¹⁰. Северные соседи минойцев были несомненно поражены масштабами критской гегемонии, установившейся в Эгейском море. Установление военно-морскими силами объединенного Крита своего контроля над коммуникациями в Восточном Средиземноморье создало условия для успешного осуществления кносскими властями политической и торгово-экономической экспансии.

Сам факт соответствия мифа о критской талассократии неким историческим реалиям давно получил археологические подтверждения. То, что предание о морском владычестве критян при царе Миносе так или иначе отражает ситуацию на Крите и в прилегающих к нему районах Эгейды в XVI – первой половине XV в. до н. э., признает теперь большинство специалистов. Расхождения во мнениях имеют место лишь в оценке масштабов распространения минойской экспансии в Восточном Средиземноморье. Что же касается особого положения Крита в единой системе торгово-экономических отношений Эгейды, то оно сомнений не вызывает (его подтверждает, в частности, изучение общегейской весовой системы, ориентированной на минойскую единицу веса в 61 грамм¹¹). Обнаружение археологами следов минойских поселений или торговых факторий в различных пунктах Эгейды заставляет относиться с большим вниманием к прямым указаниям античных авторов на колонизацию критянами конкретных островов или прибрежных районов в Средиземноморском бассейне.

Интересно, что приводимая в "Паросской хронике" (11) дата царствования Миноса – 1462/1461 г. до н. э. довольно

¹⁰ Огульное отрицание гиперкритиками историчности этого предания (ср., например: Stratt Ch.G. The Myth of the Minoan Thalassocracy // Historia. 1955. Bd. III. S. 282–291; и другие работы того же автора) ныне уступило место более серьезному источниковедческому подходу (ср.: Buck R.J. The Minoan Thalassocracy re-examined // Historia. 1962. Bd. XI. S. 129–137; The Minoan Thalassocracy: Myth and Reality. Stockholm. 1984).

¹¹ Gale N.H., Stos-Gale Z. Lead and silver in the ancient Aegean // Scientific American. 1981. Vol. 244. N 6. P. 176–192.

точно совпадает с моментом наивысшего расцвета Критской морской державы, крушение которой в результате геологической катастрофы датируется, по данным археологии, примерно 1450 г. до н. э. Показательно, что память о критской талассократии звучит в многоголосом хоре местных мифов различных островных и материковых областей Эллады, сохранявших специфически локальную информацию о событиях древнейшего прошлого отдельных малых территорий и общин Эгейского бассейна.

Греческие историки резонно связывали возвышение Крита с его необычайно выгодным географическим положением на перекрестке морских путей, соединявших Европу, Азию и Африку. Древние авторы подчеркивали, что установлению критской талассократии в решающей степени способствовало именно это благоприятное стратегическое положение острова (Aristot. Polit. II. 6. 2; ср.: Diod. IV. 17. 3). Традиция утверждала, что "Минос первым захватил власть над морем и стал править почти всеми островами" (Apollod. III. 1. 3; ср.: Diod. V. 54. 4; 78. 3). Фукидид (I. 4; 8. 2) сообщает: "Минос раньше всех, как известно нам по преданию, приобрел себе флот, овладел большей частью моря, которое называется теперь Эллинским, достиг господства над Кикладскими островами и первый заселил большую часть их колониями, причем изгнал карийцев и посадил правителями собственных сыновей. Очевидно также, что Минос старался, насколько мог, уничтожить на море пиратство, чтобы тем вернее получать доходы... С образованием флота Миноса взаимные сношения на море усилились, потому что Минос очистил острова от разбойников и тогда же заселил большинство их колонистами".

Древние авторы также в один голос утверждают: Минос, кносский царь, благодаря сильному флоту господствовал на море (Herod. III. 122; Apollod. III. 15. 8; Diod. IV. 60. 3; V. 84. 1; Strab. X. 4. 8; 4. 17). По свидетельству Страбона (I. 3. 2), историческое предание о владычестве Миноса на море имело широкое распространение. Гесиод называет Миноса "царственнейшим из государей" (ср.: Plut. Thes. 16) и говорит, что "над многими царствовал он в соседстве странами с Зевсовым скипетром в руках, городам давая устройство" (ср.: Ps.-Plato. Minos. 320 D). По словам Геродота (I. 171), "Минос покорил много земель и вел победоносные войны".

Куда же распространялась по мнению древних авторов, экспансия минойского Крита и в местных исторических преданиях каких областей Средиземноморья сохранялись отзвуки былого критского присутствия? По утверждениям греческих и римских писателей, следы пребывания критян обнаруживались почти по всему Средиземноморскому бассейну, но больше всего их находили в его северо-восточной части, т. е. в пределах Эгейды. Данные на этот счет античной мифолого-исторической традиции весьма многочисленны, но разрознены. Систематизацию их по географическому принципу логично начинать с областей, расположенных ближе к Криту и потому ранее других ставших легко доступными для минойских мореходов: с юга Балканского полуострова, островов Эгейского моря и западного побережья Малой Азии. Не случайно именно с этими тремя большими регионами связывается основная масса свидетельств, приуроченных к конкретным пунктам или локальным территориям.

Ближайшей к Криту областью на Европейском континенте является Лакония, лежащая на юго-востоке Пелопоннесского полуострова. К ее берегам, изобиловавшим удобными гаванями, пролегал кратчайший морской путь с Крита в Пелопоннес (ср.: Strab. VIII. 5. 1; X. 4. 5). Греческая традиция по-видимому сохранила воспоминания о набегах критских дружин на северных соседей. Со временем они приняли вид предания о производившем страшные опустошения Критском быке, который, двигаясь через Пелопоннесский полуостров (Paus. I. 27. 10) с юга на север, сначала пересек Лаконию (Apollod. II. 5. 7). Кроме того на восточном побережье этой области, севернее мыса Малей — у города Эпидавр Лимера, находился пункт, носивший название Миноя (Strab. VII. 6. 1; Ptol. III. 16. 10; Paus. III. 23. 11). На то, что происхождение топонима Миноя было связано с именем легендарного критского царя Миноса, указывают античные авторы (Diod. IV. 79. 1; 79. 5; V. 84. 2; XVI. 9. 4; Paus. I. 44. 3). Косвенным подтверждением этой связи служит наличие городов с таким именем на самом Крите: один из них находился в западной части северного побережья острова (Plin. Nat. hist. IV. 59; Ptol. III. 15. 5; Stadiasm. 344), другой — в восточной (Strab. X. 4. 3; Ptol. III. 15. 4). Если же слово Μίνωας не являлось личным именем, а представляло собой титул правителей догреческого Крита (как думали многие ученые), то и то-

гда образование от него топонимов со значением "Царский" представляется вполне уместным как для городов, возведенных минойскими владыками на родном острове, так и для военных или торговых поселений, основывавшихся критскими колонистами.

Есть и прямые указания традиции на попытки минойцев Крита колонизовать побережье Лаконии. Так, по сообщению Плутарха (Plut. Moral. 560 E; ср.: Hesych., s. v. Τέττιγος ἑδραῖον; Suid., s. v. Ἀρχίλοχος), на мысе Тенар — самой южной точке Пелопоннесского полуострова — "критянин Теттикс, прибывший с флотом, основал город". А находившийся неподалеку отсюда город Пиррих считался основанным одним из критских куретов, пришедшим в эту местность с мыса Малей (Paus. III. 25. 2). Неподалеку от той же Малей расположен остров Кифера (Китера), существование на котором минойской апойкии засвидетельствовано археологически.

В легендарной истории других прибрежных областей Пелопоннеса — Мессении, Элиды, Арголиты — также имеются данные об активном присутствии там когда-то критского элемента. О посещении мессенского Пилоса критскими торговыми кораблями "из града Миносова Кносса" говорится в одном из Гомеровых гимнов (II. 216—220). Местом действия мифов о дочерях Атланта и о рождении Дардана, брата критского героя Ясиона, Страбон (VIII. 3. 19) называет одну из священных пещер на морском побережье Трифилии (южной области Элиды, примыкающей к Мессении). В городе Мессене у горы Итомы показывали как достопримечательность мегарон куретов — критских выходцев (Paus. IV. 31. 9).

Местная элидская традиция сохранила память о разновременных попытках критян утвердиться в Элиде: одна из них связана с именами Геракла Идейского и его четырех братьев-куретов, первых устроителей Олимпийских состязаний (Strab. VII. 3. 30; Paus. V. 7. 6), другая — с именем Климена, сына Кардия, считавшегося потомком Геракла Идейского и прибывшего с Крита в Олимпию якобы через полстолетия после Девкалионова потопа (Paus. V. 8. 1; VI. 21. 6).

Более многочисленны мифологические свидетельства о критско-аргосских контактах и этот факт выглядит вполне закономерным в свете данных археологии, указывающих на то, что особенно тесные связи в позднеминойском I

периоде Крит поддерживал именно с Арголой¹². В генеалогии сикионских царей, сохраненной местной традицией, причем в самой древней ее части, фигурируют носители имен, характерных для критской ономастики. Это Европ (форма мужского рода, соответствующая женскому имени Европа), сын Эгиалея, и его сын Тельхин (Paus. II. 5. 6; и др.). Сам город Сикион, по преданию, носил в глубочайшей древности имя Тельхиния (Steph. Byz. s. v. Σικιών, Τελχίς). По одной из версий мифа, владычествовавший над всем Пелопоннесом Апис, сын Форонея, был погублен Тельхином (Apollod. II. 1. 1). В преданиях, бытовавших у жителей другого города Арголиты — Гермियोны и излагавшихся в несохранившемся сочинении Герофана (уроженца соседнего Трезена), Европ уже как сын Форонея выступает в качестве внука первого царя Аргоса — Инаха (Paus. II. 34. 4). Согласно Аполлодору (II. 1. 5), «царица Европа» была женой правившего в том же Аргосе Дана. Различные версии саг называют Европу¹³ супругой и других представителей различных династий аргивских владык — Форонея, Эгипта, Пелопса и Атрея.

Внук Форонея — Аргос, наследовавший деду, по преданию, боролся с опустошавшим соседнюю Аркадию быком (Apollod. II. 1. 2), по-видимому, аналогичным знаменитому Критскому быку. Следует отметить, что, по одной из версий, Геракл сражался с Критским быком не на Крите, а в Пелопоннесе (Paus. I. 27. 10), после чего этот бык через Аргосскую равнину и Коринфский перешеек направился в Аттику (Apollod. II. 5. 7; Paus. I. 27. 10). Жители Аргоса считали Ариадну, дочь критского царя Миноса, погребенной в их родном городе (Paus. II. 23. 7–8; Nonn. Dion. XLVII. 665 sq.).

С Аркадией, лежащей в центре Пелопоннеса, связано не только упомянутое уже предание (Apollod. II. 1. 2) о победе героя Аргоса над чудовищным быком, двойником Критского быка, который, двигаясь из Лаконии к Истму, не миновал и аркадских пределов (Apollod. II. 5. 7). О древних связях Аркадии с Критом говорят и данные топонимики: на аркадской священной горе Ликей показывали место под названием

¹² Warren P. Minoan Stone Vases as Evidence for Minoan Foreign Connections in the Aegean Bronze Age // *Proceedings of the Prehistoric Society*. Vol. 33. 1967. P. 37–56.

¹³ Возможно за эти именем скрывается минойский теофорный титул критских принцесс.

Кретея, к которому аркадяне, вопреки более распространенному у греков преданию, приурочивали действие известного критского мифа о рождении и воспитании Зевса (Paus. VIII. 38. 2; Callimach. Hymn. Dio. 34).

Согласно мифам, ареал распространения критской экспансии в материковой Греции не ограничивался Пелопоннесом, географически наиболее близким к Криту. У многих античных авторов встречаются упоминания о вторжении критян в Мегариду. По их сообщениям, Минос, господствуя на море, двинул свой флот против Мегар и захватил их (Apollod. III. 15. 8; Strab. VIII. 6. 13; Paus. I. 34. 7; 39. 6; 41. 5; Nonn. Dion. XXV. 148 sq.). По некоторым данным, война Миноса с Мегарами длилась довольно долго (Ovid. Met. VIII. 6–21). Прежде всего критяне разорили все второстепенные поселения Мегариды и лишь потом осадили ее хорошо укрепленную столицу (Paus. I. 19. 4). Критские военные корабли блокировали город с моря и впоследствии располагавшийся перед Нисеей, гаванью Мегар, небольшой островок, у которого стоял флот Миноса, получил по этой причине имя Миноя (Diod. V. 84. 2; Paus. I. 44. 3; ср.: Thuc. III. 51. 1–4; IV. 67. 1; 67. 3; 118. 4; Strab. VII. 6. 1; IX. 1. 4; Plut. Nic. 6; Steph. Byz., s. v. Μινώα).

Несмотря на то, что на помощь мегарскому царю Нису пришли беотийцы из Онхеста (Paus. I. 39. 5; 42. 1; Apollod. III. 15. 8), силы воюющих сторон все равно оказались слишком неравными. Сначала погиб Нис (Apollod. III. 15. 8; Paus. I. 19. 4; 41. 6), а затем пал в сражении его зять и наследник Мегарей (Apollod. III. 15. 8; Paus. I. 39. 5–6; 41. 5). Мегары были взяты критянами и даже крепостные стены их были разрушены при этом настолько, что воцарившийся здесь в качестве данника Миноса родоначальник новой царской династии Алкатой вынужден был отстраивать укрепления мегарского акрополя заново (Paus. I. 41. 5–6; 42. 1–2).

Прямые свидетельства о военной экспансии минойского Крита традиция дает и в отношении Аттики¹⁴. По утверждениям многих античных авторов, Минос прибыл сюда со своим флотом, осадил Афины и, хотя не смог взять город штурмом, вынудил афинян, на которых обру-

¹⁴ Для минойцев особую ценность должны были представлять рудные залежи аттического Лавриона, откуда они, начиная уже со среднеминойского времени, получали свинец, о чем свидетельствуют находки археологов (Иванов Вяч.Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983. С. 18).

шились все бедствия войны, признать себя данниками Крита (Bacchyl. XVI. 1. s.q; Plat. Leg. 706 B; Ps.-Plat. Minos. 321 A; Isocr. Orat. X. 27; Apollod. III. 15. 8; Diod. IV. 61. 1-3; Plut. Thes. 15; Paus. I. 27. 10; и др.). Орутошения, производившиеся в Аттике при нашествии критян, несомненно воплотились в образе появившегося с Крита страшного Марафонского быка (ср.: Isocr. Orat. X. 25; Apollod. II. 5. 7; III. 15. 7; Apollod. Epit. I. 5; Diod. IV. 59. 6; Plut. Thes. 14; Paus. I. 27. 10; и др.).

Вполне естественно, что при описанных обстоятельствах остров Саламин, лежащий между поочередно покоренными Миносом Мегарами и Афинами, также оказался под властью критян. Среди отправленных в Кносс к Миносу заложниками подростков, по словам Филохора, цитируемого Плутархом (Plut. Thes. 17), находился Менест, внук Скира с Саламина. Критское влияние возможно обнаруживается и в саламинской династической традиции. Так, имя Тевкр, тождественное имени вождя-эпонима тевкров — выходцев с Крита (Verg. Aen. III. 104 sq.; Ovid. Met. XIII. 705 sq.; Steph. Byz., s. v. 'Αρίσβη), встречается в семье, царствовавшей на Саламине: его носит один из героев Троянской войны, младший брат Аякса Теламонида.

Как явствует из мифа, критское владычество над Аттикой было достаточно продолжительным. Сага упоминает о пребывании в Аттике, и в частности в Афинах, Андрогей, сына Миноса (Apollod. III. 15. 7; Diod. IV. 60. 4-5; Plut. Thes. 15; Paus. I. 27. 10). Несколько позднее царь Афин становится зятем и союзником владыки Крита (Apollod. Epit. I. 17; Diod. IV. 62. 1; Plut. Thes. 28; Plut. Moral. 314 A. Athen. XIII. 560 C. 601 F), а, потеряв власть, он ищет помощи у критян (Paus. I. 17. 6).

Мифы отмечают появление критян и по другую сторону Киферона. Греческая традиция сообщает о пребывании Радаманта, брата Миноса, в Беотии (Apollod. III. 1. 2). По местному преданию, Радамант жил в Галиарте, здесь же умер и был похоронен (Plut. Lysand. 28; Plut. Moral. 578 B). Согласно другой версии, покинув Крит, он поселился в беотийской Окалее (Apollod. II. 4. 11; Schol. Lycophr. 50). Традиция говорит и о переселении в Беотию критских искосников и кудесников — тельхинов (Paus. IX. 19. 1). Предание сообщает также о появлении Андрогей, сына Миноса, в Фивах (Apollod. III. 15. 7). Неподалеку от Фив, на дороге в Халкидику, лежало селение Тевмесс, служившее

якобы убежищем критской царице Европе (Paus. IX. 19. 1; Steph. Byz. s. v. Τευμησσός).

В связи с прочтением в документах критского линейного письма А личного имени Ka-du-ma-?¹⁵ вопрос о вероятном приходе в Беотию знаменитого героя Кадма с его “финикийцами” с минойского Крита¹⁶ теперь может быть решен положительно. Античные авторы в один голос говорят о том, что Кадм, брат критской царицы Европы, явился с многочисленными спутниками в Беотию, воцарился в основанной им Кадмее, будущих Фивах, и сделался родоначальником династии фиванских царей (Herod. II. 49; V. 59; Eurip. Phoen. 638 sq.; Isocr. Orat. X. 68; XII. 80; Apoll. Rhod. III. 1178 sq.; Apollod. III. 1. 1; 4. 1-2; Diod. IV. 2. 1; V. 49. 2; Strab. VII. 7. 1; IX. 2. 3; Ovid. Met. III. 7-131; Paus. IX. 5. 1-2; 12. 1; и др.). Один из его отдаленных потомков носит минойское имя Европ (Paus. III. 15. 8). Жена Кадма, Гармония, как и ее супруг, тесно связана по своему происхождению с Критом: она считалась сестрой критских героев Дардана и Ясиона (Diod. V. 48. 2; Schol. Apoll. Rhod. I. 916). Согласно традиции, Кадмовы “финикийцы” обосновались не только в Фивах, но и в других пунктах на территории той же Беотийской области. Так, род Гефиреев, принадлежавший к числу спутников Кадма, придя вместе с последним в Беотию, поселился в Танагрской области (Herod. V. 57).

Из прочих областей Средней Греции непосредственные связи с Критом имела когда-то, по мнению греков, Фокида. О критских переселенцах в Дельфах, не сумевших однако утвердиться здесь надолго и покинувших через некоторое время Фокиду, упоминал Аристотель в своей “Боттиейской политике” (Plut. Thes. 16; Plut. Moral. 299 A). В гомеровском гимне Аполлону Пифийскому, где подробно излагается храмовая легенда об основании знаменитого святилища и оракула в Дельфах, в роли первых жрецов и учредителей культа выступают критские пере-

¹⁵ Ср.: Evans A.J., Myres J.L. Inscriptions in the Minoan linear script of class A. Oxford. 1961. Pl. IVa. 29.

¹⁶ Ср.: Nilsson M.P. Homer and Mycenae. L. 1933. P. 131; Колобова К.М. Из истории древнегреческого общества (о Родос IX-VII вв. до н. э.). Л. 1951. С. 73, 74; Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический Эгейский мир. М., 1958. С. 120, 121, 376.

селенцы — “много мужей благородных, критян из града Миносова Кносса” (Hom. Hymn. II. 216–361).

Следы пребывания критян-минойцев античная традиция отмечает и в северной части европейского побережья Эгейского моря, т. е. в Македонии и Фракии. По преданию, тевкры, сначала пришедшие с Крита в Троаду (Strab. XIII. 1. 48; 1. 64), поселились затем и в Пеонии у реки Стримона, потеснив местных фракийцев (Herod. V. 13; VII. 75). В дальнейшем, победив многие другие фракийские племена, они продвинулись на юг до реки Пеней (Herod. VII. 20).

Сообщение Аристотеля о заселении критянами Боттии — первоначальной области обитания в Македонии боттиев, бывших якобы потомками критских колонистов, сохранил Плутарх (Plut. Thes. 16; Plut. Moral. 299 A). О критской колонизации указанной территории говорит и Страбон, опирающийся на труды Геродота и Антиоха Сиракузского; при этом он упоминает имя предводителя критян-колонистов Боттона как эпонима города Боттии (Strab. VI. 3. 2; 3. 6; VII. fragm. 11–11a; ср.: Conon. 25; Etymologia Magna. 206. 6. s. v. Βοττία).

Открытие и первоначальная разработка фракийских золотых рудников на горе Пангей приписывалось брату критской царицы Европы — Кадму (Strab. XIV. 5. 28; Plin. Nat. hist. VII. 57, 197; Clemens Alexandr. Strom. I. 16), который якобы поселился во Фракии (Apollod. III. 1. 1; 4. 1). Некоторые версии того же мифа говорят о пребывании в этой стране и самой Европы (Schol. Eurip. Phes. 29; и др.). Согласно традиции, город Маронея во Фракии достался во владение одному из вождей критян, сподвижнику Радаманта, Эванту (Diod. V. 79. 2). Эпонимом же Маронеи считался Марон, жрец Аполлона в соседнем фракийском городе Исмаре, сын Эванта (ср.: Hom. Od. IX. 197 sq.; Eurip. Cyclops. 409, 609; Strab. VII. fragm. 44a; и др.) или его брата Ойнопиона (Hes. fragm. 120).

Еще раньше, чем в материковой Греции критяне-минойцы должны были появиться на островах Эгейского моря. Некоторые из этих островов поначалу несомненно составляли серьезную конкуренцию постепенно усилившемуся минойскому Криту. Эгейские островитяне-пираты с Киклад угрожали набегами на критское побережье, мешали развитию международной торговли в Северо-Восточном Средиземноморье. По словам Фукидида (I.

5. 1), “все обитатели островов обратились к пиратству с того времени, как стали чаще сноситься друг с другом по морю”. Именно поэтому “Минос старался, насколько мог, уничтожить на море пиратство, чтобы тем вернее получать доходы” (Thuc. I. 4). Однако окончательно положить конец морскому разбою кикладцев и других островитян можно было только в результате полного их подчинения власти минойских владык, которое стало таким образом настоятельной необходимостью и было затем осуществлено: “Минос очистил острова от разбойников и тогда же заселил большинство из них колонистами” (Thuc. I. 8. 2), он “достиг господства над Кикладскими островами и первый заселил большую часть их колониями, изгнав карийцев” (Thuc. I. 4; ср.: Isocr. Orat. XII. 42; Plut. Moral. 603 B).

Факт владычества Миноса над многими островами Эгейского моря неоднократно подчеркивали и другие античные авторы (ср.: Aristot. Polit. II. 6. 2; Apollod. III. 1. 3; Diod. V. 54. 4; 78. 3; 84. 1). Иногда эти острова именовали даже просто Миносовыми островами (Apoll. Rhod. II. 516; Eudox. 651), а само омывающее их море — Миносовым морем (Apoll. Rhod. IV. 1564). Покорение тех же островов приписывалось и Радаманту, брату Миноса, распространившему свое господство и на прибрежные области Малой Азии (Diod. V. 79. 1). Весьма многочисленны и конкретные свидетельства античных авторов о колонизации критянами-минойцами отдельных островов Эгейского моря. Данные мифолого-исторической традиции о критской экспансии на островные территории в Эгейском бассейне касаются практически всех районов последнего, включая и наиболее удаленные от Крита.

Цепочка островов протянулась от крайней северо-восточной точки критского побережья, мыса Самоний, к полуострову Малая Азия. Из них два самых больших — Родос и Карпатос. Согласно сообщению Диодора (V. 54. 4), жители Карпатоса подчинялись Миносу, установившему свою “талассократию”. В нескольких сагах есть прямые свидетельства об основании минойской апойкии на Родосе¹⁷. Античные авторы сообщают о том, что сюда переселились внук Миноса Алтемен и его сестра Апе-мо-

¹⁷ Об археологических свидетельствах частичного заселения минойцами Родоса и распространении их активности на весь Додеканес см.: Mee C. Rhodes in the Bronze Age: An archeological survey. Warminster, 1982. P. 79–81.

сина, сопровождаемые значительной группой критских колонистов (Apollod. III. 2. 1; Diod. V. 59. 1-4). То место на берегу острова, где, по преданию, произошла высадка критян, впоследствии носило название Кретиция, от греч. Κρήτη/Κρήτα – Крит (Apollod. III. 2. 1; Steph. Byz., s. v. Κρήτινία). Легенда о тельхинах, искусных мастерах родом с Крита, сообщает, что они жили на Родосе, получившем от них на какое-то время имя Тельхиниды или Тельхинии (Diod. V. 55. 1; Strab. X. 3. 19; Steph. Byz., s. v. Τελχίς; и др.). Родос, по преданию, посещал и брат Европы Кадм, некоторые спутники которого якобы остались на острове и стали основателями жреческих родов, дававших наследственных священнослужителей местному храму Посейдона (Diod. V. 58. 2-3). Названия двух древнейших городов на Родосе – Кирбы (Diod. V. 57. 8) и Камира (Hom. II. II. 655 sq.) – соответствуют критским топонимам, соотносимым, по свидетельству Стефана Византийского, с позднейшей Гиерапитной, основателем которой считался критянин Кирбант, друг куретов (Strab. X. 3. 19; Nonn. XIV. 35).¹⁸

Среди островов в южной части акватории Эгейского моря, большинство из которых входило в две группы – Спорады и Киклады, античные авторы называют два с лишним десятка так или иначе связанных, согласно мифам, с Критом. По преданию, на острове Фера (ныне Санторин) высаживался Кадм, брат критской царицы Европы. Он оставил здесь часть спутников во главе со своим родичем и потомки этих поселенцев жили на острове много поколений, вплоть до прихода дорийцев (Herod. IV. 147-148). К минойским прародителям стремились возводить свое происхождение знатнейшие ферейские роды даже в VII в. до н. э. и позднее: выводивший колонистов в Кирену Батт и его наследники причисляли себя к потомкам Европы (Pind. Pyth. IV. 45 sq.; Apoll. Rhod. I. 179 sq.; Hyg. Fab. 14, 157), а современник Батта – царь Феры Гринн считался потомком Кадма (Herod. IV. 150). Соответствие данных традиции о критско-ферейских связях историческим фактам, как известно, блестяще подтвердилось в результате раскопок на Санторине, где открыты руины минойского города.

¹⁸ Подробнее о критско-родосских топонимических соответствиях и минойской колонизации Родоса см.: Колобова К.М. Из истории... С. 45-51, 66-71.

Лежащие к востоку от Феры острова Анафа и Астипалея, по преданию, находились под властью Миноса (Ovid. Met. VII. 461 sq.), причем эпонимной героиней завоеванной критянами Астипалеи считалась сестра критской царицы Европы (Paus. VII. 4. 1; Schol. Apoll. Rhod. I. 188; Tzetz. Lyc. 488 sq.). В качестве эпонимов еще двух соседствующих с Ферой островов также выступали герои критского происхождения: по преданию, остров Фолегандрос получил свое имя от Фолегандра, сына Миноса (Steph. Byz., s. v. – Φολέγωνδρος), а остров Сикинос – от Сикина, сына поселившегося здесь Миносова внука, критянина Тоанта (Apoll. Rhod. I. 620 sq.; Etym. M. 712. 49). Город под названием Миноя, характерным для критских колоний времени расцвета Кносской морской державы, существовал на острове Аморгос (Stadiasm. 282; Steph. Byz., s. v. Ἀμόργος, Ἀρκεσίνη; и др.).

Происхождение названия острова Икария, а также примыкающей к нему части Эгейского моря – Икарийского понта, связывалось с именем сына критского культурного героя Дедала – Икара (Apollod. II. 6. 3; Diod. IV. 77. 5; Strab. XIV. 1. 19; Paus. IX. 11. 4-5; Hyg. Fab. 40) и могилу последнего, как местную достопримечательность, показывали островитяне-икарийцы любознательным путешественникам еще во II в. н. э. В водах Икарийского моря, неподалеку от малоазийского побережья, лежал остров Миноя (Ptolem. V. 2. 19). Древнейшим царем острова Самос местные исторические предания называли Анкея, племянника критской царицы Европы (Paus. VII. 4. 1; Schol. Apoll. Rhod. I. 188; Tzetz. Lyc. 488 sq.).

Античная традиция говорит о пребывании Ариадны, дочери Миноса, на острове Донусия (Steph. Byz., s. v. Δονουσία). Эпонимом острова Наксос сага называет Накса, сына Акакаллиты, внука Миноса (Antonin. Liberal 30). По одной из версий мифа о той же Ариадне, она вступила на Наксосу в брак с Онаром, жрецом Диониса (Plut. Thes. 20), или с самим Дионисом (Diod. IV. 61. 5; V. 51. 4; Athen. VII. 296 A; Ps.-Eratosthen. Catast. 5; Schol. Apoll. Rhod. III. 997 sq.), или же с морским богом Главком (Athen. VII. 296 C). Согласно другой версии, распространенной, по словам Плутарха, среди писателей с Наксоса, было две Ариадны (дочери, соответственно, двух Миносов – старшего и младшего), из которых одна сочеталась на этом острове браком с богом Дионисом, а другая,

младшая, здесь умерла (Plut. Thes. 20). В "Одиссее" (XI. 321–325) говорится о смерти единственной упоминаемой Гомером Ариадны на острове Дия (как тогда еще назывался Наксос), а в одной из идиллий Феокрита (II. 45 sq.) — лишь о пребывании ее там. Именно на Наксосе, согласно Аполлонию Родосскому (IV. 425 sq.), у Диониса и Ариадны родился сын Тоант, будущий критский властитель Лемноса (Diod. V. 79. 2).

Остров Парос был, как утверждает античная традиция, покорен Миносом (Ovid. Met. VII. 465) и назывался Миноя (Solin. II. 26; Steph. Byz. s. v. Μίνωος, Πάρος). Саги знали о пребывании на этом острове представителей как минимум трех поколений критского царского рода Миносидов. Здесь, по преданию, приносил жертвы харитам сам Минос (Apollod. III. 15. 7; Plut. Moral. 132 F). На Паросе жили сыновья Миноса от местной нимфы Парейи, эпонимной героини острова (Apollod. III. 1. 2), — Эвримедонт, Хрис, Нефалион и Филолай, а также внуки Миноса — Алкей и Сфенел, сыновья Андрогее (Apollod. II. 5. 9). По одной из версий, Алкей, в качестве предводителя критских колонистов, получил Парос во владение от Радаманта (Diod. V. 79. 2).

Еще шесть Кикладских островов — Сифнос, Кимолос, Серифос, Китнос, Сирос и Миконос — были, согласно традиции, покорены Миносом (Ovid. Met. VII. 463–466). На Сифносе существовал древний город Миноя (Steph. Byz., s. v. Μίνωα), а эпонимом Миконоса считался Микон, сын критянина Ания и потомок Миноса (Steph. Byz., s. v. Μύκονος). Сам Аний, пришедший, согласно одной из версий мифа, правнуком Ариадне, дочери Миноса (Diod. V. 62. 1–2; Schol. Lycophr. Alexand. 570) получил, по преданию, во владение от Радаманта остров Делос (Diod. V. 79. 2). Сага сообщает и о пребывании на Делосе Ориона, внука Миноса (Apollod. I. 4. 4). О критянах на этом острове вспоминает в "Энеиде" Вергилий (IV. 144 sq.). Античная традиция знала, что критская апойкия была основана при Миносе на острове Ренея (Menand. Laodic. Rhet. gr. IX. 191. 8).

В легендарной истории острова Кеос сохранялось предание о прибытии туда с Крита царя Миноса с многочисленным флотом и основании здесь колонии критян (Bacchyl. I. 113 sq.). Позднее правителем острова, населенного критскими колонистами, стал сын Миноса Эвксантий (Pind. Paean IV. 36 sq.; Bacchyl. I. 127 sq.; ср.:

Bacchyl. II. 9; Apollod. III. 1. 2; Schol. Apoll. Rhod. I. 186; и др.). Наряду с Родосом, Кеос известен как место деятельности пришедших с Крита тельхинов (ср.: Callimach., fragm. 9. 64 sq.; Etym. M., s. v. τελγίiv).

Страбон (VIII. 6. 16) сообщает о заселении критянами острова Эгина. Эпонимом Андроса считался одноименный критский военачальник, получивший этот остров во владение от Радаманта (Diod. V. 79. 2; ср.: Conon. 41; Paus. X. 13. 4). Отцом названного андросского владыки традиция называла другого Радамантова сподвижника, критского правителя Делоса, Ания (Ovid. Met. XIII. 640 sq.; Schol. Verg. Aen. III. 80; Steph. Byz., s. v. "Ανδρος).

Тот же Радамант сделал еще одного из предводителей критян, Энгиея, правителем города Кирна на юге острова Эвбея, в будущей Каристийской области (Diod. V. 79. 2). В "Одиссее" (VII. 321–326; ср.: Strab. IX. 3. 14) говорится о плавании на Эвбею самого Радаманта. Страбону (X. 1. 8) было известно предание о поселении на этом острове спутников Кадма, брата критской царицы Европы. Другое предание относилось к пребыванию критян на Эвбее ко времени первого употребления медных доспехов (Strab. X. 3. 19). Традиция предполагала также приход сюда куретов с Крита (Nonn. XIII. 146 sq.; Steph. Byz., s. v. Αἰδεψος).

По сообщению Диодора (V. 79. 2; ср.: Scymn. 579–585), владетелем острова Пепаретоса (у побережья фессалийской области Магнесии) и близлежащего Икоса стал по воле Радаманта его военачальник Стафил из Кносса. Этого Стафила и его брата Пепарета (эпонима острова) традиция считала внуками Миноса, через дочь последнего — Ариадну (Apollod. Epit. I. 9; Plut. Thes. 20; и др.).

О критской колонизации острова Хиос, лежащего у побережья Малой Азии севернее Спорад, сообщали местные исторические предания, использованные в частности Ионном Хиосским в его произведениях. Согласно этим преданиям, критян-колонистов на Хиосе возглавлял Ойнопион с сыновьями Талосом, Эвантом, Меланом, Салагом и Афамантом. В царствование этого Ойнопиона часть населения острова составили также прибывшие сюда, надо полагать, в качестве союзников критян, карийцы и абанты с Эвбеи (Paus. VII. 4. 8). Посетивший Хиос Павсаний видел сохранявшуюся там могилу царя Ойнопиона и слышал несколько местных легенд о его подвигах (Paus. VII. 5. 13). Многие греческие писатели, включая Иона Хиосского,

называли Ойнопиона сыном Ариадны, дочери Миноса (Hes. fragm. 120; Apollod. Epit. I. 9; Diod. V. 84. 3; Plut. Thes. 20; Schol. Apoll. Rhod. III. 997 sq.; и др.). Считалось, что власть над Хиосом он получил от Радаманта (Diod. V. 79. 1; 84. 3). О царствовании Ойнопиона на острове упоминается и в сказаниях о другом внуке Миноса (через дочь Эвриалу) — Орионе, также прибывшем на Хиос непосредственно с Крита (ср.: Ps.-Eratosthen. Catast. 32; Apollod. I. 4. 3; и др.).

Мифы указывают на следы пребывания критян и на трех больших островах в северной части акватории Эгейского моря — Лемносе, Самофракии и Фасосе (Тасосе). Одна из версий мифа об Ариадне, дочери Миноса, и Дионисе говорит, что их брак был заключен на Лемносе, в результате чего на свет появился Тоант, ставший потом царем этого острова (Apoll. Rhod. IV. 424 sq.; Apollod. Epit. I. 9; Scymn. 644; и др.). Властителем Лемноса, согласно традиции, поставил Тоанта, как своего военачальника, владыка критян Радамант (Diod. V. 79. 2). Супруга Тоанта, Мирина, считалась эпонимной героиней города Мирины на Лемносе (Schol. Apoll. Rhod. I. 601; Etym. M., s. v. Μυρίνη).

Традиция сообщает о пребывании на острове Самофракии выходца с Крита Дардана (Apollod. III. 12. 1; Serv. Aen. III. 167; Steph. Byz., s. v. Δάρδαρος), брата критского героя Ясиона, который, по одной из версий мифа, считался внуком Миноса (Hes. Theog. 970 sq.; Schol. Theocr. III. 50; Schol. Hom. Od. V. 125; и др.). По Дардану остров Самофракия назывался одно время Дарданием (Paus. VII. 4. 3). По другим данным, оба брата, Дардан и Ясион, вместе со своей сестрой Гармонией жили на Самофраке (Diod. V. 48. 2; Strab. VII. fragm. 49). Здесь же, согласно мифу, был заключен брак между Гармонией и прибывшим сюда братом критской царицы Кадмом (Eurip. Phoen. 7; Diod. V. 48. 5; Steph. Byz., s. v. Δάρδαρος).

Существовало предание, что Алкей и Сфенел, сыновья Андрогее, внуки Миноса, заселили остров Фасос, покоренное прежнее население которого составляли фракийцы (Apollod. II. 5. 9). Спутникам Кадма, также обосновавшимся на этом острове (Eustath. Dion. Perieg. 517), традиция приписывала открытие здесь богатых золотых рудников (Herod. II. 44; VI. 47). Эпонимом острова считался другой брат Европы (Eurip. Phrix. fragm. 816; Schol. Eurip.

Phoen. 217). На Фасосе, согласно мифу, умерла их мать Телефа или Телефасса (Steph. Byz., s. v. Θάσος).

Археология во многих случаях уже подтвердила достоверность сообщений античной традиции о распространении влияния минойского Крита на острова Эгейского моря. Раскопки на Фере, Кифере, Карпатосе, Родосе, Мелосе, Наксосе, Делосе, Кеосе привели к открытию минойских поселений или, по крайней мере, следов тесных крито-кикладских связей.

Немало данных сохранила античная традиция (ср.: Diod. V. 79. 1; 84. 1) и о широком распространении минойской экспансии на территории, лежащие вдоль всего западного и южного побережья полуострова Малая Азия, от Троады до Киликии. Здесь, как и на островах Эгейского моря, возникли опорные пункты критян-минойцев, носившие характерное название Миноя (Diod. V. 84. 2).

Существовало предание о племени тевкров, переселившемся в Троаду с Крита, которое, по свидетельству Страбона (XIII. 1. 48; 1. 64), впервые в эллинской литературе было использовано элегическим поэтом Каллином, а затем и многими другими авторами. Согласно этому преданию, и название горы Иды в Троаде было принесено критянами с их родного острова¹⁹. Вариантом того же предания является, несомненно, миф о Дардане, брате критского героя (или, точнее, божества — супруга Деметры) Ясиона (Hes. Theog. 970 sq.; Schol. Theocr. III. 50; Schol. Hom. Od. V. 125; и др.). Дардан с Крита (Serv. Aen. III. 167) пришел в область на восточном берегу Геллеспонта, основал там город Дардан, или Дарданию, и от его брака с дочерью местного властителя Тевкра, сына Иды (Diod. IV. 75. 1), произошел прославленный род троянских царей, а вся страна, будущая Троада, стала называться по его имени Дарданием (Hom. II. XX. 215 sq.; Apollod. III. 12. 1; Diod. V. 48. 3; Strab. VII. fragm. 49; XIII. 1. 24–25). Сам же предшественник и тесть Дардана, Тевкр — царь-эпоним тевкров, также считался пришельцем с Крита (Verg. Aen. III. 104 sq.; Ovid. Met. XIII. 705 sq.; Serv. Aen. III. 108; Steph. Byz., s. v. 'Αρίσβη).

Эпонимной героиней города Арисбы в Троаде считалась дочь Тевкра и жена Дардана, критянка Арисба

¹⁹ Ср.: Ида — горный массив в центральной части Крита. По ней были названы Идейские Дактили из критского племени куретов.

(Lucophr. 1302; Steph. Byz., s. v. Ἀρίσβη; и др.). Еще один критянин, товарищ Дардана, Тимбр основал, по преданию, город Тимбру южнее Трои (Steph. Byz., s. v. Θύμβρα). Среди городов Троады известен Скирос, владыкой которого был Энией, внук Миноса (Hom. II. IX. 668 и Schol.). Эпонимом-основателем другого города в Троаде — Пария традиция называла Пария, сына критского героя Ясиона (Steph. Byz., s. v. Πάριον; Eustath. Dion. Perieg. 517). Надо отметить, что сходство троадской и критской топонимии, на которое обращали внимание еще в древности, является весьма серьезным подтверждением факта минойской колонизации этого района малоазийского побережья. Так Страбон (X. 3. 20) указывал на ряд полностью идентичных топонимов в Троаде и на Крите: Ида, Дикта, Питна и Самоний. Укрепленная цитадель Трои, основанной царями — выходцами с Крита, называлась, как известно, Пергам и то же имя носил древний критский город (Ps.-Scyl. 47; Vergil. Aen. III. 132; Vell. Pat. I. 2; Plin. Nat. hist. IV. 59; Plut. Lyc. 31; Serv. Aen. III. 133).

Особенно подробными сведениями располагали античные авторы о проникновении критян на территорию Карики, шедшем через близлежащие острова. По сообщению Геродота (I. 171; ср.: Strab. XIV. 2. 27), ссылающегося на критскую традицию, обитавшие на островах Эгейского моря карийцы (их "отец истории" отождествлял с лелегами) были подвластны Миносу. Воспоминания о подчинении карийцев минойским владыкам отразились и в утверждении античной традиции о том, что герой-эпоним Кар был сыном Креты, эпонимной героини острова Крит (Aelian. Nat. an. XII. 30). С именем критской царицы Европы перекликается название города Европа в Карики (Steph. Byz. s. v. Εὐρωπός; Etym. M., 397. 334).

О колонизации критянами прибрежных районов Карики сохранялась память и в исторических преданиях жителей Кавийской области (Herod. I. 172; Strab. XIV. 2. 3). Мифологическая традиция называет героя Кавна, эпонима одноименного карийского города, сыном критянина Милета и правнуком Миноса (Ovid. Met. IX. 453 sq.; Anton. Lib. 30; Eustath. Dion. Perieg. 533) или братом Милета и сыном критского царя Астерия (Nonn. XIII. 536). На Крите, согласно Стефану Византийскому (см. Καῦνος), существовал в свое время город Кавн, от которого вероятно и происходит название одноименного города в Карики.

Об отражении в местных преданиях жителей Милета памяти о минойской экспансии мы узнаем благодаря Павсанию. По его словам, "сами милетяне про свою древнейшую историю рассказывают так. Два поколения, именно в правление царя Анакта из туземцев и сына его Астерия, страна их называлась Анакторией, но когда с Крита прибыл с войском Милет, ...страна и город переменили название и стали называться от этого Милета — Милетом. Эта часть Азии населена была карийцами, которые и приняли критян в сожительство..." (Paus. VII. 2. 5). О критянинах Милете, как основателе города Милета на карийском побережье, говорят и другие древние авторы (Apollod. III. 1. 2; Ovid. Met. IX. 443 sq.; Anton. Lib. 30; Nonn. XIII. 546 sq.; Schol. Apoll. Rhod. I. 185; и др.), причем, согласно Антону Либералу, он был сыном Акакаллиты, дочери Миноса, а по утверждению одного из схолиастов — сыном Эвксантия, сына Миноса. По другой версии, излагавшейся Эфором, основателем Милета в Карики был Сарпедон из Милета на Крите (Strab. XII. 8. 5; XIV. 1. 6). Достоверность основного информационного ядра, заключенного в приведенных выше данных мифолого-исторической традиции, подтвердили открытия археологов в Милете, где обнаружены остатки минойского поселения, основанного в XVI в. до н. э.²⁰

Первое население Эритр, по местному преданию, "прибыло с Крита вместе с сыном Радаманта Эритром, который и основал этот город, но вместе с критянами здесь будто бы жили ликийцы, карийцы и памфилийцы" (Paus. VII. 3. 7). Власть же над городом его царю-эпониму Эритру была вручена самим Радамантом (Diod. V. 79. 1; 84. 3). В Колофоне, согласно местной традиции, также была основана апойкия многочисленными выходцами с Крита. По словам Павсания (VII. 3. 1–2), колофонские жители рассказывали о древнейшей истории своего города следующее: "когда карийцы еще владели этой страной, ...прибыли сюда критяне под предводительством Ракия, за которым следовало много других. Они овладели побережьем и властвовали на море, но внутри страны большей частью жили еще карийцы... Сын Ракия и Манто, Мопс, окончательно изгнал карийцев..." (ср.: Apollod. Epit. VI. 3;

²⁰ Weickert C. Neue Ausgrabungen in Milet // Neue Deutsche Ausgrabungen in Mittelmeergebiet und in Vorderen Orient. B., 1959. S. 181–183; Кобылина М.М. Милет. М., 1965. С. 16, 17.

Paus. IX. 33. 2). По другой версии, основателем Колофона был Мопс (Pompon. Mela. I. 88).

Возле Эфеса существовало селение Кретиной (Parthen. Erot. 5), имя которого связано с Критом. Колонией критян считалась Магнесия на Меандре (Strab. XIV. 1. 11). Другой город в долине реки Меандр — Акара был основан, по преданию, критянином Атимбром, сыном Радаманта (Etym. M., s. v. "Ακαρα). Атимбр выступал в роли основателя (и эпонима) и еще одного города в Кarii — Атимбры, предшественницы позднейшей Нисы (Strab. XIV. 1. 46; ср.: Steph. Byz., s. v. "Ατιμβρα). Античная традиция донесла воспоминания и о минойской колонизации карийского Херронеса (Херсонеса) — полуострова на малоазийском побережье, обращенного к острову Родосу. По преданию, явившиеся туда пришельцы с Крита (куреты) изгнали карийцев и основали на завоеванной территории города (Diod. V. 60. 2–3; ср.: Etym. M., s. v. Εὐδωνος).

О поселении в Ликии выходцев с Крита во главе с Сарпедоном, братом Миноса, говорит Геродот (I. 173; VII. 92; ср.: Strab. XII. 8. 5; XIV. 3. 10; Paus. VII. 3. 7). Он же сообщает версию мифа о Европе, по которой мать Миноса и Сарпедона также, покинув Крит, прибыла в Ликию (Herod. IV. 45). Согласно Аполлодору (III. 2. 3), Сарпедон, придя с Крита, овладел Ликией. Диодор (V. 79. 3) разъясняет, что вместе с Сарпедоном явилось войско критян. Ему же (V. 56. 1) известно и о прибытии в Ликию одного из критских тельхинов, выступающего в роли эпонима страны.

Отражением исторического факта проникновения минойцев в прибрежные районы Памфилии и Ликии (областей на юге Малой Азии) выглядит предание о приходе сюда из Кarii критянина Мопса (Strab. XIV. 4. 3). В Памфилии Мопсу приписывалось основание города Аспенда, а к числу киликийских городов, основанных им, традиция относил Мопсуегию и Малл (Strab. XIV. 5. 16). Основателем города Ольбы в Киликии считался сын героя Тевкра (Strab. XIV. 5. 10), тезки и потомка царя-эпонима критян-тевкров, известных мифам в качестве переселенцев с Крита в Троаду и Фракию (см. выше). Это же имя Тевкр носили, следуя династической традиции, и многие его потомки, бывшие наследственными жрецами храма Зевса и правителями киликийской Трахеотиды. Свидетельством древних связей минойского Крита с Киликией служит и то, что эпоним этой страны Килик счи-

тался братом критской царицы Европы (Apollod. III. 1. 1–2; Eustath. Dion. Perieg. 874).

Двигаясь вдоль южного берега Малой Азии в восточном направлении, критяне-минойцы достигли со временем Леванта. Хорошо изученное теперь археологами влияние минойской цивилизации на район Сирийско-Финикийского побережья (прежде всего на материалах раскопок в Рас-Шамре — древнем Угарите) засвидетельствовано и античной традицией. Так, по сообщению Стефана Византийского (s. v. Γάζα, Μίνας), город Газа именовался в свое время Минойей, а его жители минойцами. С воспоминаниями о появлении минойцев в данном регионе может быть сопоставлено и сохраненное Страбоном (XIV. 4. 3) сообщение Каллина о том, что спутники покинувшего Карию критянина Мопса рассеялись вплоть до Сирии и Финикии. Эпонимом страны финикийцев эллинский миф называл Феникса, брата критской царицы Европы (Apollod. III. 1. 1–2).

Остров Кипр в силу своего географического положения явился одним из важнейших промежуточных пунктов на пути продвижения минойцев в Левант. На это указывают данные и археологии и античной традиции. Как свидетельствует Плутарх (Plut. Thes. 20), у греков-киприотов бытовало предание, изложенное в сочинении Пеона Амафунтского, о том, как Ариадна, дочь Миноса, окончила свою жизнь на Кипре, где ее могилу показывали в священной роще около города Амафунта (Plut. Thes. 20). Миф говорил и о пребывании на острове критской царицы Европы (Plin. Nat. hist. XII. 11). Другое предание сообщало о переселении сюда с Крита тельхинов, принесших с собой на богатый природными ресурсами, в том числе медными рудами, остров навыки искусных мастеров (Strab. XIV. 2. 7; Paus. IX. 19. 1). Герой Тевкр, тезка и потомок эпонима критян-тевкров, считался основателем кипрского города Саламина (Aesch. Pers. 895; Pind. Nem. IV. 46 sq.; Soph. Ajax. 1019; Eurip. Helena. 147 sq.; Isocr. III. 28; IX. 18 sq.; Strab. XIV. 6. 3; Paus. I. 3. 2; II. 29. 4; VIII. 15. 7; Athen. VI. 256 B; Dictys. VI. 4), вблизи которого археологами теперь открыто крупнейшее на Кипре минойское поселение в Энкоми, а основатель города Эпеи, на северо-востоке острова, Демофонт, сын Тесея, приходился с материнской стороны внуком Миносу (Plut. Sol. 26; ср.: Apollod. Epit. VI. 17).

Вдоль западного побережья Балканского полуострова экспансия минойского Крита, судя по данным мифологической исторической традиции, распространялась на север в Эпир и Южную Иллирию. Надо полагать, попутно минойцы создали свои опорные пункты на Ионических островах. Во всяком случае топоним Миноя, выдающий присутствие критян, встречается на острове Керкира²¹. Одна из версий мифа о Кадме, брате Европы, и его жене Гармонии, сестре критских героев Ясиона и Дардана, говорит о их прибытии к энхелеям. Кадм помог этому племени победить соседей иллирийцев, после чего он здесь воцарился и основывал города (Ps.-Scyl. 25; Apollod. III. 5. 4; Ovid. Met. IV. 562 sq.; Hyg. Fab. 6; Paus. IX. 5. 3; и др.). Потомками Кадма называют правителей энхелеев Страбон, сообщающий также, что еще современные ему энхелеи показывали в своей области места, связанные с мифическими рассказами о Кадме и Гармонии (Strab. VII. 7. 8; ср.: Ps.-Scymn. 24; Athen. XI. 462 B; Dionys. Perieg. 390 sq.; Nonn. XLIV. 116; XLVI. 364; Steph. Byz., s. v. Δυρράχιον). Героя Иллирия, эпонима страны Иллирии, миф называл сыном Кадма (Apollod. III. 5. 4; Steph. Byz., s. v. Τάλλυριον; и др.).

В своем продвижении на запад критяне-минойцы прежде всего достигли Сицилии, носившей еще название Сикания — от населявших ее тогда сиканов (ср.: Solin. V. 8). Многие античные авторы говорят о походе Миноса на южносицилийский город Камик, столицу царя Кокала (ср.: Herod. VIII. 170; Aristot. Polit. II. 6. 2; Callim. II. 18. 5; Apollod. Epit. I. 14–15; Diod. IV. 75. 6; 79. 1–3; V. 78. 4; XVI. 9. 4; Strab. VI. 3. 2; Hyg. Fab. 40. 44; Conon. 25; Paus. VII. 4. 6; Athen. I. 10 E; Steph. Byz., s. v. Κομικός; и др.), а некоторые даже о двух сицилийских походах критян (Herod. VII. 170; Conon. 25). Традиция сообщает о военных успехах Миноса в Сицилии (Eudox. 651). Память о пребывании критян, возглавляемых царем Миносом, на острове сиканов сохранилась в названии города Минои, позднее именовавшегося Гераклеей Миноей (Diod. IV. 79. 1; 79. 5; XVI. 9. 4; ср.: Herod. V. 46; Polyb. I. 25. 29; Liv. XXIV. 35. 3; XXV. 40. 11; Plut. Dio. 25. 26; Suid., s. v. Μινώα).

Многие сицилийские предания повествовали о широкой градостроительной и архитектурной деятельности в Сицилии прославленного критского мастера времен цар-

ствования Миноса — Дедала (Diod. IV. 78. 1–5). В историческое время в Акрагантской области тамошние жители показывали пользовавшуюся почитанием гробницу закончившего свою жизнь в Камике Миноса, которую соорудили своему царю критяне (Diod. IV. 79. 3–4). Некоторые современные исследователи склонны предполагать, что это была действительно усыпальница одного из минойских владык, предводительствовавшего критскими колонистами²². Апойкии критян, согласно традиции, просуществовали в Сицилии довольно продолжительное время. Кроме вышеупомянутой Минои, пришельцы-критяне, подчинившие себе некоторые сицилийские племена, основали город Энгий (в глубине острова), где возвели храм особо чтимым Богиням-Матерям (Diod. IV. 79. 5–7; Plut. Marcell. 20).

Вслед за Сицилией объектом внимания минойцев стал юг Апеннинского полуострова. Античные авторы располагали, по-видимому, многочисленными свидетельствами о распространении и сюда экспансии Критской морской державы. Во всяком случае пребывание критян в Италии представлялось им непреложным историческим фактом (ср.: Dion. Hal. I. 13. 2). Возникла даже версия мифа, согласно которой эпонимная героиня Италия была дочерью Миноса (Serv. Aen. I. 533). По утверждению античных авторов (Herod. VII. 170; Conon. 25; Plut. Thes. 16; Plut. Moral. 299 A), критянами была колонизована Япигия в Южной Италии, где они основали несколько городов, в том числе Гирию, которую Страбон (VI. 3. 6) считал возможным отождествлять с современными ему Урией или Веретом. По одной из версий саги, критяне искали в Япигии Главка, сына Миноса (Athen. XII. 522 F), который,

²² О степени соответствия данных античных саг о древнейших контактах Эгеиды с Западным Средиземноморьем уже имеющимся результатам раскопок в Сицилии и Италии см.: Ильинская Л.С. Дедал, Минос и Кокал (легенды и археология) // ВИ. 1979. № 3. С. 215–219; Она же. Этнические и культурные контакты Западного и Восточного Средиземноморья в микенскую эпоху. Сицилия и Эгеида М., 1983; Она же. Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. М., 1988. Ср. также: Макушкин М.Н. Миф о Геракле как источник по истории Северо-Западной Сицилии в догреческую эпоху // Норция. Вып. 2. Воронеж, 1978. С. 7, 8, 18, 19; Pugliese Carratelli G. Minos e Kokalos // Kokalos. II. 1956; Manni E. Minosse ed Eracle nella Sicilia dell'eta del Bronzo // Kokalos. VIII. 1962; Magna Grecia e mondo miceneo. Atti del 22mo convegno di studi sulla Magna Grecia. Taranto, 1983.

согласно традиции, прибыл с Крита в Италию (Serv. Aen. VII. 72. 796).

По преданию, передаваемому Страбоном, "все народности до Давнии названы япигами по имени Япига, который родился у Дедала от критской женщины и был предводителем критян" (Strab. VI. 3. 2; ср.: Plin. Nat. hist. III. 102; Solin. II. 7). В ту же южноиталийскую область Давнию явился с Крита Клеолай, сын Миноса (Solin. II. 7). Основатели Таранта, прибывшие сюда из пелопоннесской Лаконии в конце VII в. до н. э., были мирно приняты жившими в этой местности италийцами и потомками критских колонистов (Strab. VI. 3. 2), причем местность эта называлась Сатурий (Dion. Hal. XIX. 1. 3; ср.: Horat. Sat. I. 6. 58), что связывалось с именем критской царевны Сатурии, дочери Миноса (Prob. Verg. Georg. II. 197). К числу колонизованных критянами в Япигии причисляли всю область салентинов (Strab. VI. 3. 5; ср.: Serv. Aen. III. 121) и город Брентесий (Strab. VI. 3. 6). В псевдоаристотелевских "Рассказах о диковинах" (около III в. до н. э.) приводится предание о пребывании Дедала на Электридских (Янтарных) островах, лежащих против устья реки По (Ps.-Aristot. Op. cit. 81).

В эллинских сказаниях содержатся также намеки на воспоминания о проникновении критян-минойцев на остров Сардинию, слившиеся однако с преданиями о древнейших путешествиях туда греков-ахейцев. Один из вариантов саги о попытке колонизовать Сардинию, предпринятой Аристеом (Paus. X. 17. 3-4), который считался супругом Автонои, дочери Кадма и племянницы критской царицы Европы (Apollod. III. 4. 2; 4. 4; Paus. X. 17. 4), сообщает об участии в этой экспедиции Дедала, бежавшего с Крита через Сицилию. По другой версии, покинувший Крит Дедал прибыл на Сардинию с экспедицией Иолая (Diod. IV. 30. 1.) или самостоятельно (Myth. Vat. I. 43).

Последним направлением, по которому эллинские мифы заставляют искать следы экспансии минойского Крита, является южное направление, т. е. путь в Ливию (так греки именовали всю известную им часть Африки к западу от долины Нила). Некоторые данные греческой традиции можно истолковать как намек на существование минойских апоек или торговых факторий в ближайших к

Криту пунктах североафриканского побережья, и прежде всего в Киренаике²³.

Согласно критской мифологической версии, сохраненной Аполлоном Родосским (IV. 1492-1496) и Птолемеом (I. 8), в роли эпони́ма ливийского племени гарамантов выступает Гарамант, сын Аполлона и Акакалиды, дочери Миноса, якобы поселенной отцом в стране ливийцев. В данной связи уместно заметить, что результаты последних исследований указывают на несомненное участие эгейского, и в частности критского, элемента в сложении гарамантской этнической общности²⁴. Внуком Акакалиды и правнуком Миноса считался Насамон (Apoll. Rhod. IV. 1498), эпони́м ливийского племени насамонов, населявшего во времена Геродота побережье залива Большой Сирт, начиная от юго-западной части Киренаики (Herod. II. 32; IV. 172).

Столь широкое бытование в Восточном и отчасти Западном Средиземноморье исторических преданий о распространении влияния могущественной Критской морской державы, причем восходящих во многих случаях несомненно к вполне самостоятельным местным источникам, разумеется никак не позволяет видеть в мифе о "талассократии Миноса" плод фантазии одного или нескольких античных авторов. Этот ставший общеэллинским миф явно опирается на многовариантную мифологическую традицию, в которой слились и переплелись сходные версии саг разнотнического происхождения, отражающие одни и те же исторические реалии прошлого. Если учитывать данные этой традиции в комплексе, то становится очевидной их особая, наряду с данными археологии, источниковедческая значимость. И уж в любом случае их нельзя недооценивать, ни тем более игнорировать, при реконструкции истории эгейского мира во II тыс. до н. э.

Крушение созданной критянами-минойцами великой морской державы не могло не произвести необычайно сильное впечатление на современников, и прежде всего на те народы, которые были подчинены Криту. Именно поэтому

²³ Молчанов А.А. Рец. на кн.: Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки и эгейского мира. М., 1978 // НАА. 1979. № 3. С. 245.

²⁴ Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки и эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978. С. 122-126, 130, 131, 136, 137, 179-181.

столь грандиозное событие глубоко запало в народную память эллинов, карийцев, жителей Сицилии и Южной Италии. Многие античные авторы говорят о гибели критского царя Миноса в Камике (Herod. VII. 169; Aristot. Polit. II. 6. 2; Apollod. Epit. I. 15; Diod. IV. 79. 2; V. 78. 4; Strab. VI. 2. 6; 3. 2; Conon. 25; Hyg. Fab. 44; Plut. Thes. 19; Paus. VII. 4. 6; Athen. I. 10 E; и др.), об уничтожении морской стихией грозных критских военных флотов у берегов Сицилии (Diod. IV. 79. 5) и Южной Италии (Herod. VII. 170).

Память об успешном для греков-ахейцев завершении в конечном итоге борьбы с военной экспансией минойского Крита отразилась в предании об изгнании Эндимионом из Элиды утвердившегося здесь ранее критского правителя (Paus. V. 8. 1) и в различных вариантах сказаний о победах ахейских витязей над чудовищным быком (более всего известным под именем Критского или Марафонского), олицетворявшим мощь критских владык: Аргоса и Геракла — в Пелопоннесе (Apollod. II. 1. 2; Paus. I. 27. 10), Тесея — в Аттике (Isocr. X. 25; Apollod. Epit. I. 5–6; Diod. IV. 59. 6; Ovid. Met. VII. 433 sq.; Plut. Thes. 14; Paus. I. 27. 10). Герою Аргосу, по преданию, удалось также отомстить Тельхину (критянину, судя по имени), погубившему ранее правившего всем Пелопоннесом Аписа (Apollod. II. 1. 1–2). Прежние подданные Миноса — карийцы, согласно Диодору (V. 84. 4), смогли позднее отвоевать некоторые из Кикладских островов у заселивших их критян и заняли их сами, кое-где изгнав потомков чужеземных колонистов, а кое-где вступив с последними в мирное сожительство.

После грандиозной геологической катастрофы, нанесшей в середине XV в. до н. э. сокрушительный удар Кносской морской державе (сам этот факт, несомненно повлиявший воображение жителей Эгеиды, отразился определенным образом в сказании о гибели легендарной Атлантиды, известном нам прежде всего в литературно-публицистической переработке Платона²⁵), резко ослабленный и в военном отношении, в частности из-за потери всего флота, Крит попал под владычество греков-ахейцев²⁶. За коренным изменением соотношения сил

²⁵ Немировский А. И. Две "Атлантиды" // ВИ. 1978. № 3. С. 214–219.

²⁶ Ср.: Молчанов А. А. Ахейский период истории Крита по данным античной мифолого-исторической традиции // X авторско-читательская конференция "Вестника древней истории" АН СССР. М., 1987. С. 68.

критян-минойцев и их ближайших северных соседей последовали сначала набеги ахейских дружин с материка, память о которых отразилась в преданиях о победах: Геракла — над Критским быком (основная версия этого мифа говорит, что этот свой, седьмой по счету, подвиг герой совершил на самом Крите; ср.: Apollod. II. 5. 7; Diod. IV. 13. 4; 59. 6; Myth. Vat. I. 47), Тесея — над Минотавром-Астерием в Кноссе (Isocr. X. 28; Apollod. Epit. I. 9; Catull. LXIV. 110 sq.; Diod. IV. 60. 1; 61. 4; Plut. Thes. 19; Paus. II. 31. 1) или даже над самим кносским царем (Plut. Thes. 19), аргонавтов — над стражем Крита, гигантом, медным чело-веком или быком, Талосом (Apoll. Rhod. IV. 1661 sq.; Apollod. I. 9. 26). А затем произошло массовое переселение на заметно обезлюдивший остров греков-ахейцев, по-видимому, в первую очередь с Пелопоннесского полуострова. Именно с этого времени Крит мог служить местом сбора ахейских сил при подготовке совместных военно-морских экспедиций, о чем сообщает античная традиция (Diod. IV. 17. 3–4).

Отголоски подобных миграций ахейцев сохранились в местных сикионских исторических сказаниях: в них фигурировал царь Сикиона Фест (одноименный с древним критским городом), живший приблизительно за два поколения до Троянской войны (его внук считался современником Агамемнона) и переселившийся якобы по воле прорицалища на Крит (Paus. II. 6. 6–7). Память о переселении ахейцев с Пелопоннеса на критские земли сохранилась и в преданиях жителей Аркадии. Так, тегейцы утверждали, что сыновья Тегеата (царя-эпонима их родного города) — Кидон, Архидий и Гортин основали на Крите города: Кидонию, Катрей и Гортину (Paus. VIII. 53. 4). Факт прихода ахейцев на остров засвидетельствован и другими источниками (Steph. Byz., s. v. Δώριον; Etym. M. 768, 25). О нем же напоминало название города Ахеи на северном побережье Крита (Schol. Apoll. Rhod. IV. 175). В переселении ахейцев на Крит участвовало и фессалийское племя магнетов (Apollod. Epit. VI. 15a). О вторжении на остров эолийцев сообщает Диодор (IV. 60. 2).

Геродот (VII. 171) повествует, со слов жителей города Преса, считавших себя потомками этеокритян ("истинных критян" — подданных царя Миноса), что после крушения критской талассократии "на опустевший Крит ... переселились другие народности, главным образом эллины". Это же

самое население продолжало жить на острове и во времена Троянской войны (Herod. VII. 171), а поскольку критские владыки и их воины, участвовавшие в походе на царство Приама, судя по гомеровскому эпосу, явно были греками-ахейцами, то следовательно и население острова было по преимуществу ахейским. Вскоре после взятия Трои на Крите появилась новая группа переселенцев-ахейцев, водворенная сюда Агамемноном (Vell. Pat. I. 1. 2). Согласно Геродоту (VII. 171), по окончании Троянской войны Крит снова опустел в результате эпизоотий, эпидемий и голода, после чего на остров пришло третье по счету население, сохранившееся там до эпохи, современной "отцу истории". Как известно, этими последними по времени для Геродота обитателями острова являлись дорийцы.

Воспоминания о внутрисполитических неурядицах на Крите в период ослабления власти ахейских правителей острова — т. е., согласно традиционной хронологии, в промежуток времени между окончанием Троянской войны и дорийским завоеванием — отразились в преданиях о выступлении Левка против вернувшегося из-под Трои Идоменея, убийстве Левком жены и дочери законного критского царя, тираническом правлении узурпатора, запустении острова вследствие голода и моровых поветрий (ср.: Herod. VII. 171; Lycophr. Alex. 1214 sq.; Apollod. Epit. VI. 9–10; Verg. Aen. III. 121 sq.; Strab. X. 4. 1; и др.).

Таким образом, выявляется целый ряд конкретных свидетельств эллинской традиции, существенно дополняющих данные других источников (в том числе и документов линейного письма В) о Крите второй половины XV–XIII в. до н. э. как части Ахейской Греции. В то же время обращает на себя внимание примечательный факт: общая сумма сведений об ахейском периоде истории острова, правители которого признавали тогда гегемонию Микен, выглядит весьма незначительной по сравнению с массой упоминаний самого различного характера о реалиях более ранней, минойской эпохи, когда Критская морская держава была ведущей политической силой в Эгейде.

О приходе на остров дорийских завоевателей и наступлении следующего периода его истории у эллинов сохранились весьма ясные воспоминания. По сообщению Диодора (IV. 60. 2; V. 80. 2), сын Дора (эпонима дорийцев) Тектам, переселившись на Крит, воцарился там. О том же говорит Стефан Византийский со ссылкой на Андрона из

Галикарнасса, историка IV в. до н. э. (Steph. Byz., s. v. Δόριον). По другим сообщениям, дорийцы пришли на Крит под предводительством Алтемена из Аргоса (Strab. X. 4. 15; 4. 18; XIV. 2. 6; Phot. Bibl. 186. 47). Поскольку Алтемен считался внуком одного из вождей, возглавлявших возвращение Гераклидов, Темена (традиционная дата завоевания дорийцами Пелопоннеса — 1104 г. до н. э.), связанное с его именем дорийское завоевание можно относить ориентировочно к XI в. до н. э.

Кроме аргивян в дорийской колонизации острова принимали участие и лакедемоняне (Diod. V. 80. 3). В частности лакедемонской колонией стал Ликт (Plut. Moral. 247 D–F, 296 F), при этом, как сообщает местная традиция, прежнее население Ликтийской области, все еще следовавшее установлениям древнего царя Миноса, было обращено пришельцами-дорийцами в неполноправных — перизков (Aristot. Polit. II. 7. 1).

Таковы свидетельства традиции о наиболее значимых событиях внутрисполитической истории Крита II тыс. до н. э. и его внешнеполитических контактах. Но античные авторы донесли до нас воспоминания критян и их ближайших соседей также и о многих других реалиях минойской цивилизации периода ее расцвета. Для нас в данном случае особый интерес представляют сведения о социальных структурах и общественных отношениях на догреческом Крите, поскольку археологические материалы дают на сей счет информацию только самого общего характера.

Глава 4

Государственно-политическое устройство "Державы Миноса"

Существование на минойском Крите в эпоху его расцвета, а именно начиная уже со среднеминойского I периода, классового общества и государства теперь не вызывает сомнений¹. Иная трактовка открытых археологами на острове памятников, относящихся к первой половине II тыс. до н. э., невозможна. Несомненно, первоначально возникшие отдельные рабовладельческие города-государства Крита оказались к началу позднеминойского I периода (вероятно, где-то в первых десятилетиях XVI в. до н. э.) объединенными под властью владык Кносса в единое общекритское государство, известное античной традиции как держава Миноса.

Греческая традиция в целом весьма высоко оценивала государственные установления минойского Крита (ср.: Strab. X. 4. 9), и не случайно последние привлекали большое внимание историков и философов Эллады. Можно догадываться, что известное Диогену Лаэртию (I. 112) сочинение "О Миносе и Радаманте", которое приписывалось знаменитому критскому мудрецу Эпимениду из Кносса, содержало в себе данные о древнейшем критском государственном устройстве. Государственный строй, установленный для критян Миносом, описывался и в другом, не дошедшем до нас и приписывавшемся тому же Эпимениду античном сочинении

(правда, уже в античное время научная критика указывала на ошибочность его столь ранней датировки) – его подложном письме к прославленному афинскому реформатору начала VI в. до н. э. Солону (Diog. Laert. I. 112), а также в одной из книг исторического сочинения Эфора, носившей название "Европа" (Strab. X. 4. 8; 4. 16–20).

Твердо установленными фактами социально-политического устройства минойского общества эпохи его расцвета признаются в настоящее время: существование единой монархии с наследственной царской властью, опирающейся прежде всего на военную силу и поддержку знати; наличие сословного деления общества, на низшей ступени которого находились рабы; формирование вокруг царского дворца сложной системы административного управления и хозяйственного учета с многочисленным штатом чиновников и писцов².

Свидетельства античных авторов не только согласуются с приведенными выше общепринятыми выводами исследователей, но и существенным образом дополняют и уточняют их. Целый ряд сообщений мифолого-исторической традиции, имеющих в нашем распоряжении, касается деталей социально-политического устройства легендарной Миносовой державы. Количество такого рода данных оказывается в действительности куда большим, чем принято считать, а источниковедческий анализ убеждает в необходимости более полного их привлечения в качестве важного источника по истории государственных установлений древнего Крита. В систематизированном виде эти данные античной традиции выглядят следующим образом³.

Во главе Критского государства стоял царь, которому приписывалось божественное происхождение – он считался сыном верховного божества (сыном Зевса называют

¹ Данное мнение окончательно утвердилось и в отечественной науке после известной дискуссии в АН СССР: Шелунова Т.В. В Академии наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре // ВДИ. 1940. № 2. С. 204–218. Ср.: Струве В.В. Общественный строй древнего Крита // ВДИ. 1950. № 4. С. 43; Он же. Предисловие к кн.: Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950. С. 12–20; Всемирная история. Т. I. М., 1955. С. 404–410; Блаватская Т.В. Крит в XXX–XII вв. до н. э. // Древняя Греция. М., 1956. С. 15–18; Златковская Т.Д. У истоков европейской культуры (Троя, Крит, Микены). М., 1961. С. 102–104. Из работ последнего времени см.: Блаватская Т.В. Греция в период формирования раннеклассового общества (XXX–XI вв. до н. э.) // История Европы. Т. I. Древняя Европа. М., 1988. С. 142–152; Андреев Ю.В. Цивилизация минойского Крита // История Древней Греции. М., 1996. С. 37–51.

² Блаватская Т.В. Ук. соч. С. 17 сл.; Златковская Т.Д. Ук. соч. С. 81, 84–88, 102–104; Hutchinson R.W. Prehistoric Crete. L., 1962. P. 257 f.; Hood S. The Minoans. The Story of Bronze Age Crete. N. Y.–Washington. 1971. P. 166 f.; Matz F. The Zenith of Minoan Civilization // Cambridge Ancient History. 3rd ed. V. II. Part I. Cambridge. 1973. P. 571–575; Willetts R.F. The Civilization of Ancient Crete // Berkeley–Los Angeles. 1977. P. 132–134.

³ Ср.: Молчанов А.А. Государственно-политическое устройство минойского Крита по данным античной мифолого-исторической традиции // ВДИ. 1983. № 3. С. 103–115.

владыку Крита Миноса Гомер, Гесиод, Вакхилид, Исократ, Эврипид и многие поздние писатели). Но и само верховное божество (по рационалистическому толкованию, передаваемому Диодором, это Зевс, но живший раньше Зевса Олимпийского) было, по представлениям минойцев, когда-то земным властителем Крита (Diod. III. 61. 1–2). Супруга царя равным образом признавалась дочерью божества – небесного владыки, отождествляемого греками с Зевсом Астерием (Apollod. III. 1. 2)⁴ или богом солнца Гелиосом (Vaschyl. XVII. 50 sq.; Apollod. I. 9. 1; III. 1. 2; Diod. IV. 60. 4; Paus. V. 25. 9).

С одной стороны, царь считался сыном бога: Минос и Радамант были, согласно мифу, сыновьями Зевса или Астерия (что есть эпитет того же Зевса). Но он имел и свою земную генеалогию, восходящую, как это типично для мифолого-исторических преданий, к эпониму страны (герою или героине). Так, Кинетон излагал родословную Радаманта в следующем виде: Радамант был сыном Гефеста, внуком Талоса, правнуком Креса (Paus. VIII. 53. 5). Имя же Крес носил легендарный критский культурный герой и древнейший царь этеокритян или куретов (Diod. V. 64. 1; Tibull. IV. 1. 8; Plin. Nat. hist. IV. 58; Solin. 11. 5; Scymn. 542 sq.; Steph. Byz., s. v. Κρήτη, Δώριον; и др.), эпоним острова Крит (Eustath. Dion. Perieg. 498). Зятем Кретея (иной вариант имени эпонима Крита) становится воцарившийся на Крите Тектам (Diod. IV. 60. 2). По другой версии, остров критян получил свое имя по героине Крете (Plin. Nat. hist. IV. 58; Diod. III. 71. 2; Solin. 11. 5; Steph. Byz., s. v. Κρήτη; Etym. M., 27, 24). Согласно грамматике Асклепиаду, цитируемому Аполлодором, Крета, дочь Астерия, была женой Миноса (Apollod. III. 1. 2). По Диодору (IV. 60. 4), Крета – мать Пасифаи, жены Миноса.

Традиционное эпонимное династическое женское имя Крета, как видно, продолжали давать представительницам рода кносских царей и в ахейское время: такое имя носила дочь Девкалиона и сестра Идомея (Apollod. III. 3. 1). Регулярная повторяемость одних и тех же царских имен, по-видимому, была характерна для правящей семьи критских Миносидов, так же как и для многих других династий древности, средневековья и нового времени. Во всяком

⁴ Одна из версий критской саги называет кносскую царицу дочерью правителя Крита Астерия (Apollod. II. 1. 2), но традиция разъясняет, что имя Астерий было эпитетом Зевса (Cedren. I. 217; Tzetz. Chil. I. 473 sq.).

случае, античная традиция говорит об одноименных владыках Крита – Миносах и Радамантах, живших и царствовавших в некоей последовательности (ср.: Marm. Par. 11. 19; Diod. IV. 60. 3; Strab. X. 4, 8; Plut. Thes. 20).

Помимо небесного отца владыка минойского Крита имел и второго отца – земного: Европа, мать Миноса, Радаманта и Сарпедона, одновременно – супруга и Зевса, и критского царя, власть которого наследуют ее сыновья (ср.: Lycophr. Alex., 1301; Apollod. III. 1. 2; Diod. IV. 60. 2–3; Nonn. I. 353 sq.; Etym. M., 588, 23; Tzetz. Lyc. 1301; и др.).

Наследование царской власти обычно осуществлялось, судя по данным традиции, по мужской линии. В династических преданиях Крита, относящихся как к ахейскому, так и к доахейскому периоду истории острова, не удается отыскать ни одного примера перехода трона по наследству через дочь или сестру прежнего царя (ср.: Apollod. III. 1. 2–4; 2. 1–2; 3. 1–2; Diod. IV. 60. 2–4; 62. 1; V. 59, 1; Paus. VIII. 53. 4–5), которые столь часто встречаются в генеалогиях правителей различных областей материковой Греции II тыс. до н. э., известных нам главным образом благодаря Павсанию. Отмеченные конкретные моменты – переходящая по наследству царская власть и божественное происхождение земных владык – выглядят вполне закономерными в контексте минойской цивилизации, какой мы ее знаем по результатам археологических исследований.

Весьма типичным для древнего мира предстает в освещении античной мифолого-исторической традиции и сам характер власти минойского владыки. Властители Крита утверждали, что свою власть они получали по воле богов, и боги, как считалось, выполняли просьбы, с которыми к ним обращались критские цари (Apollod. III. 1. 3). Таким образом, царская власть носила ярко выраженный сакральный характер, причем существовала вера в сверхъестественные способности правителя, обеспечивавшего процветание своей стране: недаром Гомер (II. XIII. 451) называет Миноса “охранителем Крита”.

Согласно данным античной традиции, критский владыка выступал в роли жреца, лично осуществляя отправление культа в особо важных случаях. Важное значение в политической жизни минойского общества имели особые религиозные обряды, исполнявшиеся самим царем. Одним из таких обрядов было, по-видимому, “общение” с верховным божеством в горном пещерном святилище. Веро-

ятно, сразу после завершения очередного подобного ритуала, царь публично сообщал о результатах таинственной беседы со своим небесным господином (или госпожой) и отдавал своим подданным распоряжения, как бы внушенные ему свыше. Воспоминания об этом ритуале, призванном возвысить авторитет законодательных распоряжений царя, воплотились в легенде о том, что некогда Минос принес свои законы из священной пещеры Зевса (Plat. Leg. 624 B; Diod. V. 78. 3; Starb. X. 4. 19; XVI. 2. 38; Dion. Hal. II. 61. 2).

По свидетельству Гомера (Od. XIX. 178 sq.; ср.: Ps.-Plat. Minos. 319 E), Минос общался с Зевсом раз в девятилетие (это место из "Одиссеи" пересказывали и толковали многие античные авторы, а также позднейшие схолиасты и лексикографы). Надо думать, регулярно повторявшаяся церемония "общения" с божеством была одновременно и обрядом религиозного испытания царя. Подобный обычай периодического подтверждения правителем своих прав на власть посредством особого ритуала, восходящий к первобытным представлениям о связи благополучия всего народа с личными качествами правителя (его физической силой и выносливостью, удачливостью, способностью пользоваться постоянным расположением богов и т. д.), хорошо известен как по описаниям жизни некоторых примитивных племен у этнографов новейшего времени, так и по сакральным мифам народов, в разные эпохи истории человечества поднимавшихся к высотам цивилизации. Несомненным пережитком этого же обычая было проводившееся, подобно Минову "общению" с Зевсом, раз в восемь лет (т. е. "каждое девятилетие", по счету древних греков) наблюдение за звездами с целью обнаружения неблагоприятных для правящих царей знамений, которое входило в функции эфоров в Спарте (Plut. Agis. 11), заимствовавшей, по мнению эллинов, многое из государственных установлений Миноса. Другим важным ритуалом, сопровождавшим, по-видимому, вступление очередного минойского владыки на престол, была демонстрация тем или иным конкретным образом покровительст-

ва, оказываемого богами своему венценосному избраннику: скорее всего, она выражалась в появлении благих предзнаменований в связи с жертвоприношением красавца-быка (ср.: Apollod. III. 1. 3).

Благодаря традиции мы узнаем и еще об одной древне-критской религиозной церемонии, в которой в качестве главного действующего лица принимал участие царь. Супруга минойского владыки вступала в ритуальный брак с божественным быком (ср.: Apollod. III. 1. 4; 15. 9; Diod. IV. 77. 1-3; Verg. Aen. VI. 24 sq.; Ovid. Met. VIII. 131 sq.; IX. 736; Dion. Chrys. XXXII. 77; Schol. Eurip. Hippolyt. 887; и др.), аналогично тому как, по свидетельству Аристотеля (Athen. polit. III. 5), позднее в Афинах это делала жена архонта-царя. При этом критская царица принимала облик коровы (ср.: Bachyl. XXVI. 2 sq.; Apollod. III. 1. 4; Diod. IV. 77. 1; 77. 5; Ovid. Met. IX. 739 sq.), в то время как царь, ее супруг, отождествлялся с быком (ср.: Eustath. Dion. Perieg. 88). В данном ритуале соединения быка и коровы царь и царица изображали священный брак верховных божеств, мужского и женского, олицетворенных в паре названных животных⁶. По сообщению Диодора (V. 72. 4), еще в его время в окрестностях Кносса, в том месте, где, по преданию, был заключен брак Зевса (Зевс Критский — похититель Европы, как известно, принимал образ быка) и Геры (имеющей у Гомера постоянный эпитет "волоокая"), в выстроенном здесь храме ежегодно совершались не только жертвоприношения, но и церемония, имитирующая брачный ритуал в соответствии с тем, как о нем повествовал сакральный миф.

Традиция с полной определенностью говорит о сильной власти критских владык. По словам Страбона (X. 4. 8), ссылающегося на древних писателей, "Минос был самовластным владыкой, применял насилие и облагал народ данью". Образование общекритской державы воспринималось эллинскими историками как результат объединения всех существовавших ранее на острове отдельных городов-государств под властью одной династии (Diod. V. 80. 3; Strab. X. 4. 14). Точно таким же образом рисуется картина сложения единого Критского царства с центром в Кноссе в свете археологических исследований.

⁶ Ср.: Fick A. Vorgriechische Ortsnamen. Göttingen. 1905. S. 127; Захаров А.М. К легенде о Миносе и Минотавре // Гермес. 1912. С. 90-92.

⁵ Ср., например, древнеегипетское "празднество Сед" с ритуальным бегом фараона и умерщвление легендарного конунга свеев Домальди, описанное в "Саге об Инглингах". Другие примеры см.: Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980. С. 182 сл., 300-318.

Миносу традицией приписывалось разделение острова в административном отношении на три части (Strab. X. 4. 8), каждая из которых, вероятно, соответствовала территории отдельных исторически сложившихся областей. Судя же по археологическим данным, можно говорить о существовании трех обособленных этнокультурных регионов на Крите уже в раннеминойском периоде⁷. При этом, согласно свидетельствам античной традиции (ныне полностью подтвержденным археологией), в южной части Крита роль ведущего провинциального центра играл Фест – важнейший город этого региона и прежняя столица независимого юга (ср.: Strab. X. 4. 14).

То, что при “талассократии Миноса”, т. е. в период апогея минойского могущества, Кносс был столицей всего Крита и царской резиденцией, четко запечатлелось в памяти греков (Hom. Od. XIX. 178; Bacchyl. XVI. 120 sq.; Herod. III. 122; Ps.-Plat. Minos. 319 B; Diod. XXXIII. 10. 1; Strab. X. 4. 7). Раскопки грандиозных руин Кносса подтвердили полную осведомленность на этот счет эллинской традиции. По преданию, гаванью Кносса, лежавшего в некотором отдалении от берега моря, был при Миносе Амнис (Strab. X. 4. 8). Как показали археологические исследования (раскопки С. Маринатоса начала 1930-х гг.), этот город – морские ворота Кносса – переживал период расцвета именно во времена существования единой Критской державы.

Отмечаемый археологами на протяжении всей первой половины II тыс. до н. э. подъем экономики и увеличение населения на Крите вели не только к росту ранее существовавших городов, но и к основанию новых, о чем прямо свидетельствует традиция (Diod. V. 78. 2; Strab. X. 4. 8). Видимо, эти города зачастую получали название Миноя – “Царский” (от корня *-min-* с наиболее вероятным значением “царь”). Античной традиции было известно о существовании как минимум двух Миноя на Крите и многих Миноя в других районах Средиземноморья (см. выше в гл. 3). Густая сеть населенных пунктов и связывавших их дорог на Крите минойского времени прослежена археологами⁸. Устойчивая память о многочисленных городах Крита эпохи его расцвета послужила причиной того, что

он остался в сознании греков “стоградным” (Hom. II. II. 649) или “девятистоградным” (Hom. Od. XIX. 174).

В системе административного управления Критской державы и на самом Крите, и в заморских владениях ответственные посты занимали, как видно из сообщений античной традиции, представители правившего в Кноссе царского рода. В такой практике, разумеется, нет ничего необычного. Напротив, она представляет собой самоеординарное явление для истории древнего мира. Младшему брату Миноса Радаманту традиция отводит роль сначала главного судьи и администратора царской столицы (Ps.-Plat. Minos. 320 C), а затем наместника всех подчиненных критянами областей на побережье Малой Азии и островов Эгейского моря (Diod. V. 79. 1; 84. 2–3). Другой брат царя Талос, трижды в год объезжая весь остров Крит, следил повсюду за неукоснительным соблюдением установленных Миносом законов (Ps.-Plat. Minos. 320 C; Schol. Plat. Leg. 624 B).

Власть кносских владык в покоренных минойцами землях осуществляли, по Диодору (V. 79. 1–2), полномочные наместники, которые зачастую назначались из числа членов царской семьи. Так, по сообщению Фукидида (I. 4; ср.: Plut. Moral. 603 B), Минос, основывая колонии на Кикладских островах, назначал их правителями собственных сыновей. По различным легендарным версиям, дети или более отдаленные потомки Миноса были наместниками и ойкистами на многих островах Эгейского моря и в городах на его малоазийском побережье: на Родосе, Фолегандросе, Сикиносе, Наксосе, Паросе, Миконосе, Делосе, Кеосе, Андросе, Эвбее, Пепаретосе, Хиосе. Лемносе, Фасосе, в Парии и Скиросе, в карийском Кавне, Милете, Эритрах, Акаре и Атимбре (подробнее об этом см. в гл. 3).

Власть минойских владык, естественно, опиралась на значительную военную силу, бывшую в их распоряжении. Военная мощь Критской державы надолго запечатлелась в памяти народов Эгеиды. Обороноспособность самого острова Крит при “талассократии Миноса” античная традиция оценивала очень высоко. По представлениям греков, ни один чужеземный корабль не мог свободно пристать к Криту в Миносово царствование. Приблизиться к острову незванным гостям мешал, по преданию, бдительный страж – медный гигант Талос (Apoll. Rhod. IV. 1640 sq.; Apollod. I. 9. 26), который трижды в день якобы успевал обежать

⁷ Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950. С. 295.
⁸ Там же. С. 301–303.

вокруг него (ср.: Apoll. Rhod. IV. 1645 sq.; Apollod. I. 9. 26; Lucian. Philops. 19; Lucian. De salt. 49; и др.).

По мнению Геродота (I. 65), некоторые детали военной организации исторической Спарты соответствовали тому, что имело место на Крите: например, наличие особых воинских подразделений численностью в два-три десятка воинов — триакад и эномотий. Однако эти общие элементы имеют наверняка не минойское, а чисто дорийское происхождение.

Диодор (V. 84. 1) сообщает, что Минос располагал большими военными силами, как сухопутными, так и морскими. Особенно часто упоминают античные авторы о военно-морской мощи державы Миноса (ср.: Herod. III. 122; Thuc. I. 4; Plat. Leg. 706 B; Apollod. III. 15. 8; Diod. IV. 60. 3; 79. 1; V. 54. 4; 78. 3; 84. 1; XXXIII. 10; Strab. X. 4. 8; 4. 7; и др.). При этом важнейшей функцией военного флота минойцев была, как считали древние авторы, охрана морских коммуникаций. Недаром Миносу приписывалась активная борьба с пиратством (Thuc. I. 4). С целью обезопасить свои торговые сношения со странами Восточного Средиземноморья критяне, согласно традиции, пошли на радикальные меры: уничтожили главные базы корсаров Эгейского моря, находившиеся на Кикладских островах, а сами эти острова присоединили к Кносской державе, основав на многих из них критские апойкии (Thuc. I. 4; 8. 2). Действительно, без обеспечения свободы судоходства поддерживать те регулярные связи с заморскими странами, которые Крит несомненно поддерживал в первой половине II тыс. до н. э., вряд ли было возможно. Поэтому критяне-минойцы не могли не предпринимать соответствующие защитные акции против пиратов, угрожавших важнейшим коммуникациям в непосредственной близости от их острова.

Существенным нововведением в судостроении критян при Миносе явилась, по мнению древних, выработка особого типа малых быстроходных судов — эпакрид (Etym. M. 353. 11), причем командиры военных кораблей флота царя Миноса в совершенстве овладели тактикой морского боя, что позволяло им постоянно одерживать верх в стычках с противником. Миносу даже приписывалось изобретение самой тактики морского боя (Plin. Nat. hist. VII. 209). Археологические свидетельства о развитии военного и торгового судостроения на миной-

ском Крите, а также о навигации минойцев весьма многочисленны, и они хорошо согласуются с данными мифолого-исторической традиции.

Но проявления внешней экспансии Крита, по утверждению античных авторов, не ограничивались проведением исключительно акций военного характера. Непосредственная минойская колонизация была, конечно, наиболее надежным способом укрепления влияния на вновь подчиненных территориях. Античные авторы сообщают о существовании колоний критян во времена царствования Миноса на многих островах Эгейского моря (Aristot. Polit. II. 7. 2). По словам Фукидида (I. 4; 8. 2), критские апойкии были созданы на большинстве из них, причем прежние жители, карийцы, были изгнаны. Согласно Диодору (V. 84. 1), Минос заселил большинство Киклад, поделив там землю на участки, которые распределил среди критских колонистов. Имеются многочисленные данные традиции о заселении критянами-минойцами целого ряда островов и прибрежных местностей Азиатского и Европейского континентов в Средиземноморском бассейне (см. выше гл. 3). К настоящему времени археологи лишь частично подтвердили эти данные, хотя число археологических свидетельств минойской колонизации постоянно растет¹⁰. Ясные и неоспоримые следы пребывания минойцев зафиксированы при раскопках на нескольких островах Эгейского моря, упоминаемых историческими преданиями эллинов среди колонизованных критянами — подданными Миноса (Фере, Карпатосе, Родосе, Кифере, Мелосе, Кеосе¹¹), на западном берегу Малой Азии (в

⁹ Ср.: Marinatos S. La marine creto-mycénienne // BCH. 1933. n 57; Петерс Б.Г. О морском деле в Эгейском мире // История и культура античного мира. М., 1977; Снисаренко А.Б. Властители античных морей. М., 1986. С. 48–56.

¹⁰ Branigan K. Minoan colonialism // BSA. 1981. N 76; Idem. Minoan community colonies in the Aegean? // The Minoan Thalassocracy: Myth and Reality. Stockholm, 1984.

¹¹ Marinatos S. Excavations at Thera. Athens. 1968; Idem. Die Ausgrabungen auf Thera und ihre Probleme. Wien. 1973; Furumark A. The Settlement at Ialysos and the Aegean History ca. 1550–1400 B.C. // Opuscula Archaeologica. 1950; Hope Simpson R., Lazenby J. Notes from the Dodecanese // BSA. V. 57. 1962; Coldstream J.N., Huxley G.L. Kythera: Excavations and Studies Conducted by the University of Pennsylvania Museum and the British School at Athens. L., 1972; Caskey J. L. Preliminary Reports on Excavations in Ceos // Archaeology. 1960.

Милете¹²⁾, на Кипре (в Энкоми¹³⁾) и на Сирийско-Финикийском побережье (в Угарите¹⁴⁾).

В ряде случаев, по утверждению традиции, покоренные критянами народы, сохранив свою исконную территорию обитания и будучи освобожденными от обычных видов дани, обязаны были поставлять вспомогательные контингенты для военного флота кносских царей. Так, согласно Геродоту (I. 171), подвластным Миносу карийцам (лелегам), жившим на островах Эгейского моря, вменялось владыкой Крита в обязанность давать гребцов для кораблей критян. Кроме того, согласно единодушному утверждению древних авторов, имело место взимание дани с побежденных молодыми рабами и рабынями (ср.: Bacchyl. XVII. 1. sq.; Isocr. X. 27; Plat. Leg. 706 B; Apollod. III. 15. 8; Apollod. Epit. I. 7; Catull. LXIV. 76 sq.; VIII. 171; Verg. Aen. VI. 20 sq.; Diod. IV. 61. 3; 77. 4; Ovid. Met. VIII. 171; Hyg. Astr., II. 5; Hyg. Fab. 41; Plut. Thes. 15–16; Plut. Moral., 299 A; Paus. I. 17. 3; 22. 5; 27. 10; и др.). Обе указанные формы проявления зависимости – обязательное предоставление вспомогательных воинских сил и выплата дани в том или ином виде – вполне обычно для той эпохи.

Столь же обычным и потому также не вызывающим особых сомнений в возможности его существования выглядит испытанный способ удержания в повиновении подчиненных Криту военной силой соседних племен и народов, хорошо, как видно, известный минойским владыкам. По некоторым мифолого-историческим данным, в целях обеспечения лояльности подвластных критянам местных правителей заморских территорий кносскими царями практиковалось взятие заложниками сыновей и дочерей этих правителей. Так, традиция сообщает об отправке государями подпавших под власть Крита Афин и Мегар их детей в Кнос (Apollod. Epit. I. 7; Diod. IV. 61. 4; Plut. Thes. 17; Paus. I. 17. 3; 42. 2). Причем в обоих случаях в качестве заложников выступают не кто-нибудь, а прямые наследники престола: будущий афинский царь Тесей,

¹²⁾ 1962, 1963, 1964; 'Αρχαιολογικὸν Δελτίον. 1961, 1962, 1964, 1965, 1967, 1968; Hesperia. 1962, 1964, 1966; Warren P. Op. cit.

¹³⁾ Weickert C. Op. cit. S. 181–183.

¹⁴⁾ Dikaios P. Enkomi Excavations 1948–1958. V. I–III. Mainz am Rhein. 1969–1971.

¹⁵⁾ Schaeffer C.F.A. Ugaritica. V. I–IV. P., 1939–1962; Шифман И.И. Культура древнего Угарита. М., 1987. С. 141.

сын Эгея (Plut. Thes. 13), и Перибея, дочь Алкатоя, ставшая впоследствии матерью Аякса Теламонида, к которому в результате и перешла власть над Мегарами (Paus. I. 42. 4). Возможно, отзвуком той же практики критских владык брать заложниками царских детей стало содержащееся в одной из версий известного мифа о Ганимеде утверждение о том, что юный троянский царевич был похищен Миносом (Athen. XIII. 601 F; Dictys. II. 26; Suid., s. v. Μίνως; Schol. Hom. II. XX. 234).

Как уже говорилось выше, общепризнанным считается теперь в исторической науке тот факт, что критяне-минойцы к началу II тыс. до н. э. создали рабовладельческие государства – первые на территории Европы. К такому выводу привело ученых исследование тех многочисленных памятников материальной культуры, которые обнаружены при археологических раскопках. Однако и из сообщений античной традиции также следует, что на Крите при “талассократии Миноса” существовало сложившееся классовое общество со всеми присущими ему характерными чертами и атрибутами.

Ближайшее окружение критского царя, по свидетельствам античных авторов, составляли помимо членов его семьи видные сановники-военачальники (Diod. V. 79. 2; Plut. Thes. 16. 19) и чиновники-администраторы (Ps.-Plat. Minos. 320 C). Видную роль в минойском обществе играло жречество (ср.: Paus. II. 7. 7; 30. 3; X. 7. 2; 16. 5), и прежде всего самый древний по происхождению разряд служителей культа – куреты (Apollod. I. 1. 6–7; Lucret. II. 611; Strab. X. 3. 7). Миносу среди прочих установлений приписывалось отделение сословия воинов от сословия земледельцев (Aristot. Polit. VII. 9. 1).

Традиция указывает и на наличие на Крите времен Миноса рабов, в частности, из числа чужеземцев – представителей покоренных критянами народов Эгеиды (Plut. Thes. 16; Plut. Moral. 299). Попавшие на Крит как военная добыча или в качестве дани пленники становились, вероятно, в большинстве своем собственностью царя – “царскими рабами”. О том, что такая категория рабов была весьма важной и многочисленной в рабовладельческом хозяйстве минойского Крита, говорит факт обнаружения ее реминисценций в критской юридической терминологии I тыс. до н. э. Согласно Страбону, на Крите существовала группа зависимого населения под названием “мнои”, ко-

торую он сравнивает по ее статусу со спартанскими илотами и фессалийскими пенестами (Strab. XII. 3. 4–5 ср.: Pollux. III. 83; Hesych., s. v. μνφοι, μνωίτοι). Афиной (VII. 263 F; XV. 696 A) приводит сообщение Сосикрата о том, что термином “мнои” обозначались у критян общественные рабы. Термин “мнои, мнонты” уже давно сравнивается с именем царя Миноса (аналогичное выпадение гласного в корне -mip- при позднейшей греческой передаче со держащего его минойского слова наблюдается, например, в известном критском топониме Ἀμνισός, ср. A-mi-pi-so документов линейного письма В). Поскольку последнее имя, видимо, скрывает в себе в действительности минойский титул со значением типа “правитель, царь”, то слово “мнои”, вероятно, следует переводить как “царские” (т. е. “принадлежащие царю”). Сейчас трудно сказать, насколько категория государственных рабов мнөө-мнонто́в связана по своему происхождению со структурой несвободного населения минойского Крита, но можно предполагать, что терминологическая преемственность является в какой-то степени отражением сходства и исторической преемственности одноименных явлений.

Многие государственные институты исторической Спарты – герусия, эфорат, корпус “всадников”, совместные трапезы и общественное воспитание юношества – имели, по мнению античных авторов, своими прототипами соответствующие установления критян более раннего времени, восходящие к легендарной конституции Миноса (Herod. I. 65; Aristot. Polit. II. 7. 1; 9. 2; Strab. X. 4. 16–18; Plut. Lyc. 12).

Закономерно возникает вопрос: какие из них могли восходить к традициям минойской эпохи, а какие имели общедорийское происхождение? Разумеется, трудно надеяться найти в спартанских и близких им критских (дорийского времени) установлениях сколько-нибудь точное отражение крито-минойских государственно-политических институтов. Однако, быть может, не совсем уж безосновательно их сравнивала греческая традиция. Скорее всего, определенное сходство в некоторых случаях имело место, но оно было сходством внешним. Так, герусии, вероятно, мог соответствовать совет глав знатнейших родов или какой-либо иной совещательный орган, в состав которого входили первые сановники государства (о том, что с царской властью в миной-

ских городах-государствах традиционно сосуществовал постоянно действующий институт типа совета старейшин, позволяет думать, например, открытие при раскопках в Маллии сооружения со скамьями, напоминающего греческий булевтерий)¹⁵.

Спартанские эфоры и соответствующие им космы дорийского Крита могли быть уподоблены чисто формально членам некоей минойской магистратской (первоначально, возможно, лишь исключительно жреческой) коллегии, а так называемые “всадники”¹⁶ – привилегированному слою населения или группе лиц, объединенных общим кругом обязанностей, например, преимущественно военного и административного характера. Однако отсутствие прямых данных письменных источников минойского времени заставляет пока ограничиться более или менее вероятными предположениями на этот счет.

Возникшее на минойском Крите государство, естественно, не могло обходиться без официального юридического оформления господствовавших правовых норм. Регулирование отношений между подданными критских владык осуществлялось, по утверждению греческой традиции, в результате применения введенного по царской воле, но внушенного свыше, мудрого законодательства (ср.: Plat. Leg. I. 624 B; 632 D, 636 D; Diod. I. 94. 1; V. 78. 3; Strab. X. 4. 8; Dion. Hal. II. 61. 2; Paus. III. 2. 4). Кодификация основных законоположений минойского гражданского и уголовного права получила свое оформление в виде свода законов, зафиксированного в письменном виде (ср.: Ps.-Plat. Minos. 320 C; Apollod. III. 1. 2; Solin. II. 5) и сделанного доступным для всеобщего ознакомления: по преданию, Миносовы законы были якобы начертаны на медных досках и обнародованы по всему Криту (Ps.-Plat. Minos. 320 C).

Введение первых законов на Крите (в этом отношении греки безоговорочно признавали приоритет критян перед

¹⁵ Hood S. Op. cit. P. 116f. В данной связи уместно вспомнить мнение У. Лифа (Leaf W. Homer and History, Oxford, 1915. P. 183) о том, что сообщение Гомера о 12 басилеях-соправителях верховного владыки феакийцев Алкиноя (Od. VIII. 390–391), возможно, отражает воспоминания о некоторых особенностях государственного устройства минойского Крита.

¹⁶ О них см.: Андреев Ю.В. Спартанские “всадники” // ВДИ. 1969. № 4. С. 24–36.

жителями прочих островов Эгейского моря и материковой (Греции) античные авторы почти единогласно связывают с именами Миноса и Радаманта, и лишь одна из версий мифа называет учредителем древнейших критских законов, наряду с Миносом, эпонима острова, культурного героя Креса — царя куретов (ср.: Solin. II. 5; Etym. M., s. v. κρησιφύετος; и др.). При этом Минос и Радамант в качестве критских царей-законодателей явно дублируют друг друга в двух параллельно существовавших мифологических версиях (ср.: Plat. Leg. I. 624 B)¹⁷, из которых одна приписывает данную роль Миносу, а другая — Радаманту.

Согласно первой версии, именно Минос — создатель государственного строя на Крите (Cic. De re publ. II. 2), ибо он установил там первые законы (ср.: Plat. Leg. 630 D, 632 D; Ps.-Plat. Minos. 320 B; Diod. V. 78, 3; Strab. X. 4. 19; Paus. III. 2. 4; и др.). По мнению Аристотеля (Polit. II. 7. 1), Минос первым привел критское законодательство в определенную систему. По словам Аполлодора (III. 1. 2), он «написал законы для критян». Поэтому Минос пользовался у греков и римлян славой как непревзойденный образец правосудия (ср.: Cic. De offic. I. 97; Ovid. Her. X. 69; Dio Chrys. I. 38; IV. 40; LIII. 11; и др.). Причем эти качества Миноса, мудрого правителя, представлялись эллинам следствием его божественного происхождения и восходящими к самому Зевсу (Plut. Moral. 550 B).

Вторая версия утверждала, что законы критянам дал Радамант (Apolloclod. III. 1. 2; Diod. IV. 60. 3). По Страбону (X. 4. 8; ср.: Plin. Nat. hist. VII. 57. 2), сославшемуся на Эфора, он явился первым критским законодателем, а Минос лишь подражал ему. Сосикрат называл Радаманта самым справедливым из всех людей (ср.: Ps.-Plat. Minos. 319 D). Другие греческие писатели ставили ему в заслугу то, что он карал преступников и являл собой образец правосудия (Pind. Ol. II. 75; Plat. Leg. 625 A; Ps.-Plat. Minos. 320 B-C; Diod. V. 79. 1).

По третьей, компромиссной, версии оба интересующих нас персонажа действуют вместе. Иногда традиция рассматривает Миноса и Радаманта как соправителей (Ps.-Plat. Minos. 318; Diod. V. 80. 3; 84. 2). Как справедливейшие из земных владык они оба наряду с Эаком после сво-

ей смерти стали якобы судьями в царстве Аида (ср.: Plat. Apol. 41A; Plat. Gorg. 523 E, 524 A, 524 E, 526 B-D; Diod. V. 79. 2; Минос в качестве судьи в загробном мире вообще очень часто упоминается античными авторами, начиная с Гомера). На Крите же Минос — царь и законодатель, а судья Радамант блюдет его справедливые установления (Ps.-Plat. Minos. 320 C; Plut. Thes. 16). Таким образом, древнейшие критские законы считались в конечном счете принадлежащими сразу двум братьям-царям — Миносу и Радаманту (Ps.-Plat. Minos. 318 D; ср.: Menand. Rhet. Gr. X. 243. 14; Schol. Eurip. Hipp. 98).

Поскольку из этих двух имен личным является, по-видимому, только *Ῥαδάμανθυς*, а *Μίνως*, скорее всего, должно оказаться минойским обозначением царского титула (от корня *min*), можно предположить, что реальным устроителем общекритского государства¹⁸ и его первым законодателем было историческое лицо — царь по имени Радамант (минойск. *Ra-da-ma-te). В пользу подобной гипотезы говорит, как нам кажется, и параллелизм связанных с именем братьев-двойников версий героических сказаний критян-минойцев в их позднейшей греческой передаче: Радамант известен как критский владыка, подчинивший себе многие острова Эгейского моря и большую часть побережья Малой Азии (Diod. V. 79. 1), и точно так же характеризует та же традиция Миноса (Diod. V. 84. 1).

Основные положения древнейшего критского законодательства были как будто бы известным тем греческим писателям, которые посвятили им свои труды, до нас, к сожалению, не дошедшие. О содержании некоторых якобы относящихся к нему законов мы узнаем и из сохранившихся сочинений античных авторов. Так, один из законов Радаманта, согласно Аполлодору (II. 4. 9), гласил: «Кто ответит ударом на несправедливый удар, не подлежит наказанию». Восходящим к древнейшему критскому законодательству традиция считала так называемый «Радамантов способ разрешения тяжб». Восхищавшийся им Платон (Leg. 948 B) сообщает о нем следующее: «Радамант заметил, что тогдашние люди твердо верили в существование богов... Вот он и решил, что суд нельзя

¹⁷ О единстве этих двух образов см.: Poland. Minos // RE. Hbd. 30. Stuttgart. 1932. S. 1906.

¹⁸ Окончательное оформление Кносской державы следует относить, судя по археологическим данным, к началу позднеминойского I периода, т. е. примерно ко второй четверти XVI в. до н. э. (по хронологии Дж. Пендлбери, В. Милойчича и Ф. Шахермайра).

поручить никому из людей, но только богам: поэтому судебные решения выносились у него просто и быстро. Судьям, сомневающимся в каком-нибудь деле, обвиняемый давал клятвенное заверение относительно вызывающего сомнение вопроса; этим дело и кончалось быстро и «нерушимо». Следует отметить, что весьма архаичный способ вынесения приговора на основании клятвенных заверений характерен для знаменитых кодифицированных законов критского города Гортины VI – начала V в. до н. э., тексты которых были найдены археологами¹⁹.

В псевдоплатоновском диалоге «Минос» говорится, что «на Крите же к числу законов, установленных Миносом, принадлежит один такой: не пить друг с другом до опьянения» (320 A).

Конечно, трудно теперь определить истинное происхождение приведенных «законов»: было ли оно минойским или греческим, лишь позднее освященным традиционным авторитетом легендарного «Законодательства Миноса-Радаманта». Эти характерные для обычного права простейшие законоположения, юридические и этические предписания, могли восходить к любому из двух указанных источников. Но нет оснований сомневаться в том, что некоторые или даже многие реликты древнего минойского права, закрепленного «Законодательством Миноса-Радаманта», могли сохраняться в практике юридических отношений критян до второй половины I тыс. до н. э., перейдя к ним прямо по наследству.

Для античных авторов не подлежал сомнению тот факт, что законы Миноса продолжали применяться в определенной мере критянами вплоть до второй половины или даже до конца I тыс. до н. э. (Ps.-Plat. Minos. 318 D, 321 B; Strab. X. 4. 22). Опиравшийся на местную критскую традицию Аристотель сообщает о колонизовавших город Ликт и его область (в центральной части острова) лакедемонянах-дорийцах, что «когда они отправились основывать колонию на острове, то нашли у тамошних жителей уже организованную систему законодательства; поэтому то и теперь еще перизки пользуются его основами после

¹⁹ Diamond A.S. Primitive Law. L., 1935. P. 364, 365; Willetts R.F. Aristocratic Society in Ancient Crete. L., 1955. P. 211–213; Казаманова Л.Н. Очерки социально-экономической истории Крита V–IV вв. до н. э. М., 1964. С. 45.

того, как Минос впервые привел его в определенную систему» (Aristot. Polit. II. 7. 1).

Сохранению в памяти потомков минойцев отдельных статей «Законодательства Миноса-Радаманта», после того как пресеклась минойская письменная традиция²⁰, должна была способствовать прежде всего, вероятно, их относительная простота и лаконичность в соединении со специальными приемами заучивания (вспомним, что и Ликурговы ретры в Спарте специально не записывались, а существовали только в устной форме). Сохранились сведения, что у древних критян было в обычае класть на музыку тексты законов для их лучшего запоминания и точности воспроизведения (Aelian. Var. hist. II. 39).

Следуя традиции, эллинские историки и философы единодушно признавали тот общеизвестный с их точки зрения факт, что достижения первых критских кодификаторов права повлияли впоследствии самым непосредственным образом на деятельность законодателей Греции первой половины I тыс. до н. э. Согласно данным Эфора, сохранным Страбоном (VI. 1. 8), древнее критское законодательство оказало некоторое влияние на писанные законы, составленные Залевком для греческой колонии в Южной Италии – Локр Эпизефирских. Многие греческие авторы определенно говорят о заимствовании спартанской конституцией, связанной с именем Ликурга, многих своих важных законоположений из государственного устройства Крита, введенного там, по преданию, Миносом (Herod. I. 65; Plat. Leg. 631 B, 693 E, 751 D sq.; Aristot. Polit. II. 7. 1; Ps.-Plat. Minos, 318 D, 320 B; Strab. X. 4. 19; Dion. Hal. I. 23. 3; Plut. Lyc. 4; Paus. III. 2. 4; и др.). причем данная точка зрения опиралась на местную спартанскую традицию (Herod. I. 65).

Во всех этих утверждениях несомненно отразился тот высокий авторитет, которым древние критяне (минойцы), предшественники греков в деле создания государственности, традиционно пользовались еще долгое время после крушения минойской цивилизации.

Античная мифолого-историческая традиция донесла до нас довольно обширную и весьма ценную информацию о государственно-политических институтах, существовав-

²⁰ Практика параллельного использования двух форм осуществления правопорядка, письменной и устной, засвидетельствована и у других народов древности (ср.: Хинц В. Государство Элам. М., 1977. С. 99).

ших на Крите в первой половине – середине II тыс. до н. э. Хотя часть данных традиции, приведенных нами выше, относится уже к ахейскому и дорийскому этапам развития государственности на Крите, многие другие сообщения отражают вполне конкретные воспоминания об исторических реалиях более раннего периода и могут быть использованы для реконструкции картины критского государственного устройства минойского времени.

ЧАСТЬ II

АХЕЙСКАЯ ГРЕЦИЯ В СВЕТЕ ДАННЫХ ТРАДИЦИИ И ИНЫХ ИСТОЧНИКОВ: ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, СЕМЬЯ, ПОЛНОПРАВНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Глава 1

Природные катаклизмы и стихийные бедствия в истории Эгеиды II тысячелетия до н. э. (Восприятие и реакция современников)

Жизнь древних обществ была, как известно, очень тесно связана с природными условиями на занимаемых и эксплуатируемых ими территориях¹. Резкие изменения таких условий и иные катаклизмы естественного характера оказывали громадное воздействие на весь ход развития данной конкретной цивилизации. Яркие примеры такого непосредственного влияния обнаруживаются в истории Эгеиды II тыс. до н. э.

Данные археологии и дополняющие их результаты естественно-научных изысканий, например, вполне определенно указывают на чрезвычайно важную роль геологических катастроф в судьбах минойской цивилизации (самая крупная из таких катастроф связывается со взрывом вулкана на острове Санторин в южной части Кикладского архипела-

¹ Этот тезис применительно к древнейшей истории Эгеиды настойчиво выдвигал еще Фукидид (I. 2. 3–6).

га²), распространившейся к середине II тыс. до н. э. с Крита на многие другие островные и материковые прибрежные области Эгейского бассейна. О том же самом сохранились и вполне определенные свидетельства мифолого-исторической традиции, зафиксированные в трудах античных авторов (ср.: Herod. VII. 170–171).

Сведения подобного характера имеются и об Ахейской (Микенской) Греции. В героико-исторических и сакральных преданиях греков-ахейцев, частично дошедших до нас в более позднем изложении у эллинистических поэтов, географов и историков, запечатлелись воспоминания о неоднократном отрицательном воздействии переменчивых климатических факторов на условия жизни и хозяйственной деятельности людей на юге Балканского полуострова во II тыс. до н. э.

Наиболее ценную информацию на сей счет сохранили те нарративные источники, что либо стоят ближе всего по времени к событиям такого рода (поэмы Гомера³ и другие эпические повествования), либо в силу своей жанровой специфики ориентированы преимущественно на фиксацию данных локально-исторического характера (местные сказания, обычно связанные с древнейшими традиционными культами, – их самым умелым и бережным собира-

² Ср.: Excavations at Thera. Vol. I–VI. Athens, 1968–1976; Acta of the 1st International Scientific Congress on the volcano of Thera. Athens, 1971; Marinatos S. Die Ausgrabungen auf Thera und ihre Probleme. Wien, 1973; Резанов И.А. Атлантида: фантазия или реальность? М., 1976; Блаватский В.Д. Природа и античное общество. М., 1976. С. 6, 7; Ильинская Л.С. Девкалионов потоп // ВВ. 1982. № 1. С. 184–187; Она же. Легенды и археология. С. 17–33; Галаноупулос Г.А., Бекон Э. Атлантида. За легендой – истина. М., 1983. Из новейших работ см.: Hardy D.A. Thera and the Aegean World. III. L., 1990; Pellegrino Ch. Unearthing Atlantis – An Archaeological Odyssey. N. Y., 1991; Zangger E. The Flood from Heaven – Deciphering the Atlantis Legend. L., 1992; Friedrich W.L. Feuer im Meer. Vulkanismus und die Naturgeschichte des Insel Santorin. Heidelberg, 1994; Monaghan J.J., Kos A., Bicknell P. Tsunamis, Pyroclastic flows and the Minoans. Arthur Holmes Conference Explosive Vulcanism. Santorin, 1997; Lohmann H. Die Santorin-Katastrophe – ein archaologischer Mythos? // Naturkatastroph in der antiken Welt. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 6, 1996. Stuttgart, 1998. S. 337–363 (с обширной библиографией).

³ О значении гомеровского эпоса для изучения представлений ранних греков о природных явлениях говорят современные историки науки (ср.: Литмар А.Б. География в античное время. М., 1980. С. 20; Рожанский И.Д. Античная наука. М., 1998. С. 21–24).

телем был “величайший краевед Эллады” Павсаний). Кое-что извлекается и из текстов табличек линейного письма В. Немало данных теперь способна добавить к этому и археология⁴.

Неизбежно запечатлевались в памяти народной такие природные явления, которые выливались для данной местности в сильные недороды, сопровождавшиеся голодом и мором. Столь губительные для людей капризы природы отмечаются для ахейской эпохи во многих местностях материковой Греции.

Ко времени царствования Эгея, отца Тесея, приурочивало афинское предание недород и последовавший за ним страшный мор в Аттике (Marm. Par. 19). Причиной этого неурожая явилась, согласно мифолого-исторической традиции, сильнейшая засуха, при которой произошло даже временное иссякание водных потоков по всей округе (Plut. Thes. 15).

В области беотийского Орхомена недород и голод случились, по преданию, при царе Афаманте (Apollod. I. 9. 2; Paus. I. 44. 7), жившем семью поколениями раньше Троянской войны (Paus. IX. 34. 7–8; 37. 1–7).

В сходной ситуации оказались когда-то жители городов Анфеи, Арои (будущих Патр) и Месатиса в пелопоннесской Ахайе (Paus. VII. 18. 2–4; 19. 1; 19. 3). Случилось это также задолго до Троянской войны (Paus. VII. 19. 6–9).

Ко времени сборов в поход на Трою относилось воспоминание о бесплодии полей, поразившем небольшую округу Тевфиды в Аркадии, при том, что соседние области избежали этого несчастья (Paus. VIII. 28. 4–6). В другой раз та же беда случилась с жителями еще одного аркадского города – Фигалии (Paus. VIII. 42. 5). Сходный случай описывается и для Псофиды в той же Аркадии (Apollod. III. 7. 5). Аналогичное предание о том, что земля на некоторое время перестала приносить плоды рассказывали аркадяне (Apollod. III. 9. 1), приурочивая это бедствие ко времени царствования у них Алея, имевшего резиденцию в городе Тегее и жившего якобы тремя поколениями раньше Троянской войны (Paus. VIII. 4. 8; 5. 1–2).

В незапамятные времена страдала от засухи область Галиар-

⁴ Zangger E. Naturkatastrophen in der ägäischen Bronzezeit. Forschungsgeschichte, Signifikanz und Beurteilungskriterien // Naturkatastrophen in der antiken Welt. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 6, 1996. S. 211–241.

та в Беотии (Paus. IX. 33. 4) и Аргос на северо-востоке Пелопоннеса (Hes. fr. 128 Merkelbach-West = Strab. VII. 6. 8). О жестокой засухе, жертвой которой стало во время своих скитаний по Северной Греции фессалийское племя эниан (Plut. Moral. 297 C), вытесненное из родных мест лапифами (Strab. IX. 5. 22; Plut. Moral. 293 F, 294 A-C, 297 B-C), сохраняли память их потомки.

Как правило, неурожаи и связанные с ними бедствия, о которых говорят предания, восходящие к ахейской эпохе истории Греции, носили узко локальный характер. Но иногда стихийные бедствия, порождавшие их, приобретали более широкие масштабы, затрагивая большие территории, чуть ли не в пределах всего Южнобалканского региона. По мнению эллинов, когда-то случалось и такое: "...погибло все, что производит земля, а также погибла от голода большая часть человеческого рода" (Paus. VIII. 42. 2). Примечательно сохранение этого предания в Аркадии, где этнокультурная преемственность с Ахейской Грецией, была, судя по лингвистическим данным⁵, наиболее крепка.

В разных областях Эллады – на материке, включая Пелопоннес, и островах Эгейского моря – местные жители помнили о великой засухе, поразившей некогда всю страну (Apollod. III. 12. 6; Paus. I. 24. 3; 44. 9; II. 29. 7). Прекращение ее народная молва связывала с успешным исполнением ритуальных действий благочестивейшим ахейским царем-жрецом с острова Эгина Эаком (Apollod. III. 12. 6; Paus. I. 44. 9; II. 29. 7-8), родоначальником правящих домов на острове Саламин, в Фессалии, Фокиде и других областях Греции.

С неурожаем и голодом, как видно, тесно связано было возникновение эпидемий. Но возникшее в одном месте моровое поветрие распространялось потом нередко сначала на соседние, а затем и на более отдаленные области, где его сходные первопричины (в виде климатических аномалий местного масштаба) тогда начисто отсутствовали.

Местные предания, восходящие к ахейскому времени, говорят об эпидемиях, случавшихся в пелопоннесском

⁵ Ср. в новейшей литературе: Широков О.С. История греческого языка. М., 1983. С. 17; Он же. Введение в балканскую филологию. М., 1990. С. 13; Казанский Н.Н. Диалекты греческого языка. Л., 1983. С. 71-72; Гринбаум Н.С. Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., 1984. С. 17-35; Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М., 1988. С. 121-124.

Сикионе (Paus. II. 7. 7) и беотийской Танагре (Paus. IX. 22. 1). В Аргосе в глубокой древности – при царе Кротопе, жившем за 8 поколений до Персея, то есть за 12 поколений до Троянской войны – долгое время свирепствовал мор, оставивший по себе поистине неизгладимую память (Paus. I. 44. 7).

В области Фив Беотийских чума истребила некогда все племя эктенов, древнейших ее обитателей (Paus. IX. 5. 1). Несколькими поколениями позже от моровой язвы погибла вся семья фиванского царя Амфиона (Paus. IX. 5. 9). Эпидемия погубила и еще одно племя в Беотии ахейского времени – флегиев (Paus. IX. 36. 3). От чумы вымерло и первоначальное население Эгины (Strab. VIII. 6. 16), занимавшее этот остров до воцарения на нем Эака. Еще раньше, якобы во времена легендарного аргосского царя Даная, эпидемия свирепствовала в области Линда на острове Родос (Diod. V. 58). Вскоре после окончания Троянской войны мор поразил Локриду (Apollod. Epit. VI. 20) и остров Крит (Herod. VII. 171).

Возникновение эпидемий иногда напрямую связывалось с масштабными военными мероприятиями, при которых сбор в одном месте крупных воинских контингентов для завоевания вражеских областей или осады городов становился благодатной почвой для массового распространения инфекционных болезней. Так, эллинское предание говорит о чуме, поразившей Пелопоннес при первой попытке Гераклидов вернуться туда (Apollod. II. 8. 2). Болезни косили войско ахейцев, осаждавшее Трою (II. I. 9-10. 43-53).

Из неблагоприятных явлений природы в ахейских преданиях, дошедших до нас, упоминаются сильные и иссушающие землю ветры. Знойные "ливийские" (дувшие с побережья Северной Африки) суховеи были способны нанести очень большой урон сельскохозяйственным культурам на крайнем юге Балкан, особенно виноградникам (ср.: Paus. II. 34. 2). Длительное время они мешали жителям мессенской Мофоны (тогда это поселение еще носило имя Педас), расположенной на юго-западной оконечности Пелопоннесского полуострова, и прекратили свое опустошительное действие только в годы, последовавшие непосредственно за Троянской войной (Paus. IV. 35. 8).

Среди природных катаклизмов, имевших катастрофические последствия, эллинская мифолого-историческая

традиция выделяет "потопы" (κατακλυσμός). Наводнения, вызванные разливами рек после долго не прекращавшихся дождей или наступлением морской стихии на сушу, были действительно едва ли не самым страшным бедствием для обитателей Греции во II тыс. до н. э. Потопы, сметающие на своем пути все живое, разрушавшие селения, губившие нивы и пастбища, приобретали иногда особенно большой размах (ср.: Diod. V. 56, 57). О двух таких наводнениях говорят предания греков-ахейцев.

Наибольшую память оставил по себе так называемый "Девкалионов потоп", при котором, по-видимому, особенно пострадали залитые непрерывными проливными дождями обширные территории в Средней и Северной Греции. Его следы указывали в Аттике, Мегариде, Фокиде, Эпире и Фессалии (ср.: Pind. Ol. IX. 41–52; Aristot. Meteor. II. 352a. 35; 352b. 1–3; Marm. Par. 4; Apollod. I. 7. 2; III. 8. 2; 14. 5; Plut. Sulla. 14; Paus. I. 18. 7; 40. 1; V. 8. 1; X. 6. 2). В фессалийской Фтии как раз и царствовал современник этого потопа Девкалион (Apollod. I. 7. 2).

Аналогичный разлив вод в Беотии получил название "Огигов потоп" (ср.: Varro. R. r. III. 1. 2–3; Serv. Ecl. VI. 41; Nonn. Dion. III. 204–208). Событие это традиция относил к самой седой древности (Eratosth. fr. 1 = Censorin. De die natali. 21). Оно связывалось с именем Огига, самого первого из известных владык Фиванской области, о котором сохранялись лишь смутные воспоминания как о царе вымерших давным-давно автохтонов-эктенов (Paus. IX. 5. 1).

Но и куда меньшего масштаба наводнения все равно наносили огромный урон хозяйству отдельных областей Ахейской Греции. После особенно сильных ливней горные потоки, соединившись, затопляли Фенеатскую долину в Аркадии. У тамошних жителей из поколения в поколение передавалась память о затоплении даже города Фенея, случившемся задолго до Троянской войны (Paus. VIII. 14. 1–3).

О двух необычайно мощных наводнениях, вызванных ливневыми дождями, сохранились воспоминания у исконных обитателей острова Родос (Diod. V. 56, 57). Оба они произошли, согласно мифолого-исторической традиции, еще до воцарения в пелопоннесском Аргосе Даная (Diod. V. 58).

Неожиданное наступление моря на сушу – второй вид опустошительного наводнения, упоминаемый историческими преданиями греков-ахейцев. Так, к весьма древним временам относили внезапное и недолгое затопление морскими

водами большей части Арголиды (Paus. II. 22. 4). Периодическое попадание соленой влаги на поля Трезенской области у восточной оконечности Пелопоннеса некогда делало тамошние земли бесплодными (Paus. II. 32. 8). У афинян сохранялось сказание о том, что давным-давно, при самых первых правителях, о которых они помнили, разгневанный бог Посейдон "затопил Триасийскую долину (вокруг Элевсина – А.М.) и двинул море на Аттику" (Apollod. III. 14. 1).

Такие наводнения суть ни что иное как типичные цунами, непосредственной причиной которых были мощные подводные землетрясения, неоднократно случавшиеся в Эгейде – регионе со столь большой сейсмической активностью⁶.

Это прекрасно понимали и сами греки-ахейцы, имевшие возможность после своего прихода на крайний юг Балканского полуострова хорошо познакомиться с обоими указанными явлениями, реально ощутить их причинную связь. Не случайно ответственным и за подземные толчки, потрясающие сушу, и за наступление на нее разгулявшейся морской стихии считался один и тот же бог – Посейдон, получивший культовые эпитеты – 'Ενοσίχθων и 'Ενοσίγαιος (Землеколебатель), а также Προσκλύστιος (Наводнитель). Примечательно, что все три описанных случая – с Арголидой, Трезеном и Аттикой – вполне определенно указывают на приход мощных цунами на побережье греческого материка со стороны Крита и прилегающих к нему островов, то есть вероятно от эпицентра знаменитого теперь взрыва вулкана на Санторине.

Сами землетрясения, бывшие явлением привычным для населения Эгейды, не только таили в себе опасность для здоровья и жизни людей, но и постоянно угрожали нанести урон их движимому и недвижимому имуществу. Ведь при этом домашние животные погибали от камнепадов в гористой местности и от обрушения хозяйственных строений, подземные толчки разваливали здания и вызывали в них пожары. Так, среди прочих причин, виновных в гибели жившего некогда в Беотии племени флегиев называли греки-ахейцы и землетрясения (Paus. IX. 36. 3).

Многовековые наблюдения жителей юга Балкан над проявлениями сейсмической активности позволили им суммировать определенные выводы по этому предмету.

⁶ Резанов И.А. Атлантида... С. 14–24, 63–74; Он же. Великие катастрофы в истории Земли. 2-е изд. М., 1980. С. 139–145.

Они приведены у Павсания в "Описании Эллады" (VII. 24. 7-11; перевод С. П. Кондратьева): "При приближении землетрясений, сильных и широко захватывающих страну, бог обычно дает предзнаменования, по большей части одни и те же: задолго до землетрясений наблюдаются или проливные дожди или засухи; погода не соответствует своему времени года; зимою воздух становится душным и знойным, а летом солнечный диск является в тумане, и цвет его не таков, как обыкновенно, но либо более красный, либо просто можно сказать — переходящий в более или менее темный. В источниках обычно большей частью пропадает вода; иной раз в стране поднимаются сильные ураганы, вырывающие и опрокидывающие деревья, по небу пробегают полосы огня с большим количеством света; и звезды являются в невиданных раньше формах, так что смотрящие на них испытывают страх. Кроме того, раздаются сильные подземные удары и шум. Много есть и других предзнаменований, которыми бог предвещает приближение сильных землетрясений. Характер таких землетрясений не всегда одинаков... самым слабым из этих землетрясений — если при столь великом несчастье можно вообще говорить о слабости — является то, когда при первом же движении почвы, как только оно начнется, при первом наклоне зданий к своему основанию появляется противоположное движение, которое и выпрямляет то, что уже наклонилось... Второй вид землетрясений приносит гибель всему, что является менее устойчивым и на что направлена его сила, оно тотчас же разрушается и падает... Но самые губительные ... землетрясения подходят прямо под дома и разрушают их основания, выпирая землю буграми из самых недр, как это делают кроты. Одно такое движение земли не оставляет даже следов человеческой жизни на земле..."

Обычно считается, что исходным материалом для написания процитированного пассажа послужил не дошедший до нас раздел трактата Аристотеля "Метеорологика"⁷. Однако важно следующее обстоятельство: откуда бы ни заимствовал непосредственно приведенные выше суждения Павсаний, в основе их лежит обобщение жизненного опыта и регулярных наблюдений над грозным явлением природы многих поколе-

⁷ Ср.: Павсаний. Описание Эллады. Пер. С.П. Кондратьева. Т. II. М.-Л., 1940. С. 213. Прим. 41.

ний древних греков, первыми из которых были ахейские сельники будущей Эллады.

Из метеорологических факторов, влияющих на условия жизни и хозяйственной деятельности, ахейцы учитывали также силу движения воздушных потоков. Ураганные ветры, особенно налетавшие внезапно, грозили смертельной опасностью мореходам. Буря, застигшая корабли в открытом море, губила, как помнили хранители эпических сказаний, даже целые военные флотилии. Такая судьба постигла, например, морскую армаду владыки Крита Миноса у берегов Сицилии (Herod. VII. 170), а позднее — эскадры ахейских вождей, дважды возвращавшихся с победой из-под Трои: под водительством Геракла (II. XIV. 250-256; XV. 25-30; Apollod. II. 7. 1; Plut. Moral. 304 C) и Агамемнона (Od. IV. 486-511; Apollod. Epit. VI. 5-6; Strab. XIII. 1. 40).

Несчастьем могло обернуться для собравшихся выйти в море длительное отсутствие попутного ветра. Особенно нежелательно оно бывало в ходе военной кампании, если боевые суда оказывались без движения и надолго блокировались непогодой в исходном пункте — месте предварительного сосредоточения. Именно такая ситуация я сложилась, согласно эпосу, в беотийской Авлиде, где собрались для похода на Трою якобы более тысячи кораблей с большим войском, готовые к отплытию (Apollod. Epit. III. 21; Paus. VIII. 28. 4; IX. 19. 7).

Пугающим явлением природы, угрожавшим жизни и имуществу человека, была для грека-ахейца молния, воспринимавшаяся как смертоносное оружие бога-громовержца. Опасность гибели от молнии представлялась весьма реальной. Именно таков был, по преданию, конец одного из вождей аргосско-аркадского войска под стенами осажденных Фив — Капанея, сына Гиппоноя (Apollod. III. 6. 7; Paus. IX. 8. 7). Та же судьба постигла царствовавшего в Элиде Салмонея, причем вместе с ним небесный огонь сразил и жителей основанного им столичного города Салмоны (Apollod. I. 9. 7; ср.: Strab. VIII. 3. 31-33).

Молнии истребили значительную часть племени флегиев в Беотии (Paus. IX. 36. 3). От перуна Зевса возник, по преданию, пожар во дворце правителя Фив Беотийских, при котором погибла царская дочь Семела (Apollod. III. 3. 3; Paus. IX. 12. 4). Это событие, относимое греческой мифолого-исторической традицией ко времени за 5-6 поко-

лений до Троянской войны, сопоставляется теперь с археологическими свидетельствами о действительно произошедшем факте – гибели в огне дворцового комплекса в фиванской цитадели – Кадмее⁸.

Молния стала причиной пожара и во дворце царя элидской Писы Эномая (Paus. V. 20. 6–7). Ею же были поражены аркадский царь Ликаон и его нечестивые сыновья (Apollod. III. 8. 1).

В некоторых случаях эллинские предания, восходящие к ахейскому времени, сообщают о перестройке водного режима в отдельных областях, менявшей там экологическую обстановку⁹.

Три реки в Арголиде – Инах, Кефис и Астерион – были якобы первоначально достаточно полноводными, но затем резко обмелели и стали зависеть главным образом от выпадения дождей в соответствующие сезоны. Таким образом все наземные водные потоки этой области, кроме Лернейского, стали пересыхающими (Paus. II. 15. 5). Божеству одной из названных выше рек – Кефиса жители города Аргоса соорудили храм в том месте, где из-под земли доносился шум ушедшей в ее недра, после иссушения древнего поверхностного речного русла, воды (Paus. II. 20. 6).

Опираясь на те же предания, Аристотель отмечает различие в эволюции водного режима для отдельных районов Арголиды. Он сравнивает, как изменилась когда-то экология в округах городов Аргоса и Микен. По его словам, "...Во времена Троянской войны болотистая Арголида могла прокормить только небольшое население, а Микенская земля процветала и была поэтому больше прославлена. Ныне же ... наоборот: один край совершенно бесплоден и безводен, а земли другого, некогда бесплодные из-за болот, стали теперь пригодны для возделывания..." (Aristot. Meteor. II. 352a. 10–14; перевод Н.В. Брагинской).

Изначальный недостаток воды в некоторых местностях Арголиды греки-ахейцы старались, и небезуспешно, восполнить искусственным путем, и прежде всего устройством колодцев (Strab. VIII. 6. 7–8). Одновременное появле-

ние многочисленных рукотворных водных источников предание относил к царствованию в Аргосе мифического Даная, то есть ко времени где-то за 8–9 поколений до Троянской войны (ср.: Apollod. II. 1. 4–5; 2. 1–2; 4. 1–8; Polyb. XXXIV. 2. 6; Paus. II. 16. 1–3; 18. 4–5). "Паросский мрамор" датирует деятельность этого царя и его дочерей концом XVI в. до н. э. (Marin. Par. 9). В сохранившемся у Страбона гесиодовском фрагменте сказано: "Аргос, бывший бесплодным, Данаиды сделали обильным водой" (Hes. fr. 128 = Strab. VIII. 6. 8).

Неожиданное появление новых источников там, где их раньше не было, надолго запечатлевалось в памяти греков-ахейцев. Ко времени правления в Коринфе, прежней Эфире, царя Сазифа (за несколько поколений до Троянской войны) относил местное предание обретение родника на холме, где располагался древний акрополь. Этот источник на Акрокоринфе бил позади храма Афродиты (Paus. II. 5. 1). Рождение другого коринфского источника – Пирены связывалось, согласно древней саге, с именем царевны Пирены (Paus. II. 2. 3; 3. 2–3; 5. 1; 24. 7), относимой к числу дочерей Даная (Apollod. II. 1. 5). Фигурирует он и в сказаниях о знаменитом герое Беллерофонте (Pind. Ol. XIII. 60–62; Paus. II. 3. 5), приходившемся Сизифу внуком (II. VI. 152–157; Apollod. I. 9. 3; II. 3. 1; Paus. II. 4. 3).

С тем же легендарным персонажем и его крылатым конем Пегасом ассоциировались и факты появления новых родников, с одинаковым названием Гиппокрена, в Трезене (Paus. II. 31. 9) и на горе Геликон в области беотийского города Феспии (Paus. II. 31. 5; IX. 31. 3). В местности Кифанты на побережье Лаконии, неподалеку от города Зарак, из скалы бил ключ со студеной водой, появившийся якобы во времена знаменитой охотницы Аталанты (Paus. III. 24. 2), по пелопоннесским преданиям, принадлежавшей к аркадскому царскому дому ахейской эпохи (Apollod. III. 9. 2; Aelian. Var. hist. XIII. 1).

Греки-ахейцы находились в постоянном контакте с таким важным элементом природного окружения как мир дикой фауны. Слишком близкое соседство с крупными хищниками и другими опасными животными, особенно в случае их аномально агрессивного по отношению к человеку поведения, воспринималось как настоящее стихийное бедствие. Воспоминания об эксцессах такого рода, восходящие к ахейской эпохе, сохранялись в преданиях

⁸ Marinatos S. 'Ελίκτη, Θήρα, Θήβαι // Athens Annals of Archaeology. 1968. N 1. P. 16; Колобова К.М. Находки цилиндров-печатей в Фивах и сор о Кадме // ВДИ. 1970. № 2. С. 111.

⁹ Некоторые аспекты этой темы уже затронуты исследователями (ср.: Пьерар М. Вода и сушь в аргосских мифах // ВДИ. 1994. № 3. С. 114–120).

различных областей Греции. Павсаний суммирует их в следующих словах (I. 27. 9;) перевод С. П. Кондратьева): "...в древности были животные, более страшные для людей, чем теперь, как, например, лев Немецкий или Парнасский, и во многих местах Эллады страшные змеи и дикие кабаны около Калидона, Эриманфа и в Кромионе Коринфском; о них говорили, будто одних из них родила Земля, о других — что они священные животные богов или что они посланы в наказание людям..."

На первое место среди врагов человека из числа крупных хищников ахейская героико-эпическая традиция выдвигала льва. Недаром мотив леонтомахии был популярен в микенском изобразительном искусстве (об этом свидетельствуют прежде всего дошедшие до нас шедевры торевтики и глиптики).

Жители Мегар помнили о страшном льве, водившемся на горе Киферон, у стыка границ трех областей — Мегариды, Аттики и Беотии. От зубов и когтей этого свирепого чудовища погибли многие, и в том числе сын мегарского царя — Эвипп (Paus. I. 41. 3). Победить Киферонского льва смог отважный царевич Алкатой из Элиды, наградой которому послужила в дальнейшем царская власть в Мегарах (Paus. I. 41. 3–4; 41. 6). В память об этом событии, случившемся примерно за два-три поколения до Троянской войны, было устроено святилище в честь Артемиды Охотницы и Аполлона Охотника (Paus. I. 41. 3; 41. 6).

Позднее на Кифероне объявился еще один лев, который нападал на стада крупного рогатого скота в окрестностях беотийских городов — Фив и Феспий (Apollod. II. 4. 9). Победу над ним приписывали юному Гераклу (Apollod. II. 4. 9–10), брат которого был мужем дочери Алкатоя (Apollod. II. 4. 11).

Уничтожение еще более опасного Немецкого льва считалось первым подвигом из числа совершенных Гераклом на службе у его старшего родича — микенского царя Эврисфея (Hes. Theog. 327–332; Apollod. II. 5. 1; Diod. IV. 11; Paus. I. 27. 9; II. 15. 2; V. 10. 9; 11. 5). Этот хищник был настолько силен и так долго наводил ужас на окрестности города Немеи в Арголиде, что прослыл неуязвимым. Горную пещеру, служившую ему логовом, и тоже ставшую знаменитой, местные жители показывали Павсанию (Paus. II. 15. 2).

Волки были не столь опасны для людей, как львы, но и

они, орудуя целой стаей, становились серьезной угрозой для мирных стад, как это было, к примеру, под Сикионом (Paus. II. 9. 7).

Не менее грозными врагами человека, чем самые сильные хищники, становились подчас дикие кабаны. Наибольшую известность приобрел у греков-ахейцев так называемый Калидонский вепрь (II. IX. 533–549; Bacchyl. V. 95–121; Apollod. I. 8. 2; II. 6. 3; III. 13. 2; Diod. IV. 34; Paus. I. 42. 6; II. 7. 9; III. 18. 15; VIII. 4. 10; 45. 2; 45. 6; 47. 2). Он опустошал нивы вокруг города Калидон в Этолии, нападая при этом на домашний скот и людей. Из страха перед ним оставались незасеянными поля калидонцев. В конце концов для борьбы с ним пришлось скликать витязей из разных ахейских царств (Apollod. I. 8. 2; Paus. I. 42. 6; VIII. 45. 2; 45. 6). И только в результате их совместного выступления на ставшую знаменитой "Калидонскую охоту" чудовищный зверь был побежден. Но тогда не обошлось без жертв. Некоторые участники охоты погибли от клыков вепря, и среди них некоторые знатнейшие витязи, сыновья царей (Apollod. I. 8. 2; Paus. I. 42. 6; VIII. 4. 10). Это событие, согласно ахейским царским родословным, произошло за одно поколение до Троянской войны.

Столь же дурной славой несколько ранее пользовался и Эриманфский вепрь. Он жил на горе Эриманф на границе между Аркадией и Элидой. Отсюда он совершал опустошительные набеги на окрестности аркадского города Псофиды. Поскольку никто из местных жителей не мог совладать с чудовищным зверем, превосходившим всех подобных ему величиной и силой, оказать им помощь пришлось наиболее могущественному из ахейских царей того времени — владыке Микен Эврисфею. По приказанию последнего одолеть Эриманфского вепря удалось Гераклу, что явилось четвертым по счету из 12-ти его знаменитых подвигов (Apollod. Rhod. I. 124–129; Apollod. II. 5. 4; Diod. IV. 12; Paus. V. 10. 9; 26. 7; VIII. 24. 5).

В Мегариде незадолго до Калидонской охоты свирепствовала так называемая Кромионская свинья, по кличке Фейя, то есть "Старуха". Убить ее довелось афинскому царевичу Тесею (Bacchyl. XVIII. 23–24; Apollod. Epit. I. 1; Strab. VIII. 6. 22; Plut. Thes. 9; Paus. II. 1. 3).

Львами, волками и кабанами исчерпывается список крупных представителей фауны Ахейской Греции, способных подчас нарушить правильный ход жизни и хозяй-

ственной деятельности для более или менее значительных по численности групп населения. Хорошо известный по эллинским мифам Критский бык – грозный опустошитель Пелопоннеса и Аттики (ср.: Apollod. II. 1. 2; 5. 7; III. 15. 7; Apollod. Epit. I. 5; Paus. I. 27. 9–10; V. 10. 9) не может быть поставлен в один ряд с перечисленными выше дикими зверями из числа по сути дела обыденных фаунистических реалий. Дело в том, что он выступает в древних пластах мифолого-исторической традиции как олицетворение силы владык Кносса в периоды военно-политической экспансии минойского Крита на юге Балкан и борьбы с ней местных ахейских династий¹⁰.

Чрезвычайно сильное размножение змей, случавшееся в какой-либо местности, ставило под угрозу жизнь людей, что могло вызывать панику и массовое бегство населения из давно обжитых мест. Именно такое положение сложилось, по преданию, некогда на острове Родос, а случилось это задолго до Троянской войны (Diod. V. 58).

Нашествие насекомых некоторых видов, например, саранчи и мух, также превращалось в тяжелое бедствие (ср.: Paus. I. 24. 8; V. 14. 1).

Знали греки-ахейцы и то, что не только неподвластные человеческой воле природные явления грозят им бедой. К печальным последствиям способны были привести и издержки собственной хозяйственной деятельности человека. Хрестоматийный пример такого рода казуса являла история со знаменитыми “Авгиевыми конюшнями”. Небывалое приумножение стад царя Элиды Авгия породило, по преданию, проблему очистки скотных дворов, или даже и примыкающих к ним территорий. Разрешить ее выпало все тому же неутомимому исполнителю воли микенского владыки Эврисфея – Гераклу, который нашел для этого остроумное решение: он направил с помощью отводных каналов воды ближайшей реки через “Авгиевы конюшни” и таким способом, якобы в один день, очистил их от переполнявших их залежей навоза (ср.: Apollod. II. 5. 5; Diod. IV. 13; Paus. V. 1. 9–10).

¹⁰ Молчанов А.А. Таинственные письма первых европейцев. М., 1980. С. 71–72; Он же. Ахейский период истории Крита по данным античной мифолого-исторической традиции // X авторско-читательская конференция “Вестника древней истории” АН СССР. М., 1987. С. 68; Он же. Посланцы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды). М., 1992. С. 119.

Настоятельная необходимость проведения ирригационных и мелиоративных работ была очевидной для земледельцев в тех или иных местностях Ахейской Греции. Отведение в новое русло реки Ахелоя в Этолии дало, по преданию, жителям Калидонского царства много плодородной поливной земли под новые пашни (Diod. IV. 35).

Равнина в Лаконии, согласно местным преданиям, сначала была заболочена и лишь отведение с нее избыточных вод сделало ее более пригодной для обитания людей (Paus. III. 1. 1). Следы канала, вырытого не менее, чем за одно поколение до Троянской войны и служившего для регулирования водного стока в Фенеатской долине в Аркадии, показывали еще во времена Павсания (Paus. VIII. 14. 3; 19. 4). Местные жители считали, что одновременно с этим каналом появились и другие водоотводящие гидротехнические сооружения (Paus. VIII. 14. 1–2).

Однако в повседневной жизни греков-ахейцев другого рода попытки воздействия на природу в нужном для себя направлении являлись наиболее частыми и регулярными. Это были акты сакрального характера. Ведь причины неблагоприятных природных явлений тогда усматривались обычно в гневе богов по тем или иным конкретным поводам. Равным образом какие-либо новоявленные блага почитались дарами бессмертных. Так, например, считалось, что сама Афина вырастила первую оливу в Аттике (Paus. I. 24. 3; 27. 2), а от нее пошли другие аналогичные деревья (Paus. I. 30. 3), которыми потом так славилась эта область Эллады.

Когда же тяжкие природные бедствия постигали греков-ахейцев, они из всех сил старались понять или угадать, чаще всего с помощью жрецов-прорицателей, чем же прогневаны боги и каким способом можно умиловать их в данном случае.

Именно такой виделась им природа многих упомянутых выше грозных явлений. Наступление катастрофической засухи и бесплодие земли объясняли: прибытием в данную местность человека, не очистившегося от скверны совершенного им убийства (Apollod. III. 7. 5); тяжким преступлением, совершенным кем-либо (Apollod. III. 12. 6; Plut. Thes. 15; Paus. I. 44. 7); нечестивым отношением жрицы к святилищу (Apollod. III. 9. 1; Paus. VII. 19. 2–4); и т. д. и т. п.

Причину эпидемий видели в святотатстве царя-воителя (Apollod. Epit. V. 22–23; VI. 6; VI. 20) или в оскорблении

им служителя культа (II. I. 9 sq.). Смерть от молнии воспринималась как наказание за нечестивые поступки (Apollod. III. 8. 1). К появлению грозных чудовищ считали причастным разгневанное божество: согласно мифу, Артемида напустила на Этолийскую землю Калидонского вепря (II. IX. 533–542; Bacchyl. V. 95–110; Apollod. I. 8. 2).

Когда буря обрушивалась на корабли царственных воителей, народная молва склонна была приписывать такое несчастье гневу некоего бога или богини (показательна в этом отношении история морских скитаний Одиссея; ср. также: Od. IV. 501–511; Apollod. I. 9. 24; Apollod. Epit. VI. 5–6; Strab. XIII. 1. 40), а то и просто фатальному нерасположению кого-то из бессмертных к конкретной личности (II. XIV. 250–256; XV. 25–30; Apollod. II. 7. 1).

Чтобы прекратить ниспосланное на них бедствие, греки-ахейцы спешили умиловить то божество, которое, по-видимому, гневалось на них в данный момент. Богов молили о прощении, причем в самых трудных случаях это поручали делать лицам, облеченным одновременно и царским и жреческим саном, и конечно известным своим исключительным благочестием: такую роль, например, выполнял с успехом Эак, царь Эгины, якобы спасший молитвой и жертвоприношением всю Элладу от страшнейшей засухи (Apollod. III. 12. 6; Paus. I. 44. 9; II. 29. 7–8).

Считалось, что прекратить эпидемию были способны моления (Paus. II. 7. 7–8) и некоторые магические действия (например, обнос жертвенного барана вокруг городских стен: Paus. IX. 22. 1).

Молитвы, по мнению греков-ахейцев, помогали в сочетании с жертвоприношениями даже против наступления соленой морской влаги на плодородные земли (Paus. II. 32. 8).

Особые ритуалы совершались ахейскими жрецами с целью смягчить пагубную силу ветра (Paus. II. 12. 1). Жертвоприношения ветрам осуществлялись издревле в Сикионии (Paus. II. 12. 1) и Трезенской области (Paus. II. 34. 2–3) на Пелопоннесе, а также в беотийской Авлиде (Paus. IX. 19. 7). В мессенской Мофоне при Павсании стоял древний храм Афины Владычицы Ветров, культ которой восходил якобы ко временам Троянской войны – его основателем считался прославленный в эпических сказаниях герой Диомед (Paus. IV. 35. 8). О существовании подобных культов у греков-ахейцев по крайней мере к концу XV в. до н. э. свидетельствуют таблички линейного пись-

ма В из Кносса¹¹.

В чрезвычайных случаях для обуздания противодействующей воздушной стихии магическим путем допускались человеческие жертвоприношения (Apollod. Epit. III. 21–22; Paus. IX. 19. 6–7). Принесение в жертву людей для отвращения большой беды от всего населения, от целого царства или области практиковалось также при сильных засухах и недородах. Такие факты отражены местными преданиями в пелопоннесской Ахайе (Paus. VII. 19. 2–6) и Беотии (Apollod. I. 9. 1; Paus. IX. 33. 4).

Следует заметить, что человеческие жертвоприношения достаточно часто упоминаются в греческих мифах и эпических сказаниях в связи с драматическими событиями в ходе военных конфликтов между ахейскими царствами и при описании погребальных обрядов на похоронах представителей высшей знати. Не так давно свидетельства о них выявлены и в текстах линейного письма В на табличках из Пилоса, перечисляющих экстраординарные приношения богам накануне падения города под ударами завоевателей¹². Поэтому обычай греков-ахейцев прибегать к ним, наряду с другими магическими действиями, в чрезвычайных обстоятельствах, обусловленных природными катастрофами, не может вызвать удивление¹³.

Приведенные нами выше данные нарративных и эпиграфических памятников о явлениях экологического порядка, сыгравших важную роль в жизни греческого общества II тыс. до н. э. интересны не только сами по себе. Не менее важно, что помимо конкретных фактов мы узнаем, как бы из первых уст, о том, как греки-ахейцы воспринимали эти явления, угадывали их причины и оценивали последствия. Нам предоставляется замечательная возможность

¹¹ Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2nd ed. Cambridge. 1973. P. 127 (KN Fp 1). Традиция культового почитания ветров оказалась в Элладе весьма устойчивой (ср.: Hampe R. Kult der Winde in Athen und Kreta. Heidelberg. 1967).

¹² Chadwick J. Linear B and related scripts. Berkeley–Los Angeles. 1987. P. 42–43. Речь идет о табличке Py Tn 316, датируемой, как и весь архив Пилосского дворца, примерно 1200 г. до н. э.

¹³ Сходный случай принесения в жертву юноши минойским жрецом во время сильного землетрясения (около 1700 г. до н. э.), с явной целью успокоить стихию выявлен при раскопках храма возле Арханеса (Центральный Крит): Sakellarakis Ya., Sapouna-Sakellarakis E. Drama of death in a Minoan temple // National Geographic Magazine. 1981. V. 159. N 2. P. 204–222.

уловить самоощущение обитателя юга Балкан той эпохи в современной ему экосистеме.

Благоприятные изменения в экологии, происходившие от воздействия природных сил, воспринимались греками-ахейцами как проявление доброй воли всемогущих богов. Осознавались и определенные возможности человека изменять положение дел в лучшую сторону (например, путем проведения целенаправленных мер по мелиорации и ирригации). Но признавались иногда и отрицательные последствия его хозяйственной деятельности. Негативные, и особенно катастрофические, явления природы считались следствием гнева богов. Таким катаклизмам ахейцы, как и их ближайшие соседи — минойцы Крита, могли противопоставлять только меры магического воздействия, ритуальные действия: моления и жертвоприношения, в том числе даже человеческие. Они действовали согласно своему пониманию причинной связи явлений. Однако необходимость чуткого отношения к любым явственным признакам экологического неблагополучия ощущалась ими вполне определенно и с полной мерой ответственности.

Глава 2

Признаки общественного бытия полноправного человека в Греции микенской эпохи

Изучение греческого общества II тысячелетия до н. э., то есть того периода, когда оно впервые поднялось до высот цивилизации, к настоящему времени, значительно продвинулось вперед¹. Общественно-политические установления и экономическая жизнь в Ахейской (Микенской) Греции, культура и язык греков-ахейцев стали объектами исследования для ученых различных специальностей, и прежде всего археологов, историков и лингвистов. В своих штудиях микенологи и здесь используют главным образом те три вида источников, которые дают основную информацию об интересующей их начальной эпохе в истории Эллады: 1) памятники материальной культуры (включая произведения изобразительного искусства), добытые археологами; 2) тексты линейного письма В, также найденные при раскопках; 3) данные устной исторической традиции, сохранившиеся в эпосе, генеалогических преданиях и сакральных мифах. Правда, теперь появляются основания считать, что эллинская историческая традиция

¹ О результатах в обобщенном виде см. следующие основные работы: Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956; 2nd ed. Cambridge, 1973; Palmer L.R. Mycenaeans and Minoans Aegean Prehistory in the Light of the Linear B Tablets. 2nd ed. New York, 1965; Stella L.A. La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965; Heubeck A. Aus der Welt der frühgriechischen Lineartafeln. Göttingen, 1966; Kerschenshteiner J. Die mykenische Welt in ihren schriftlichen Zeugnissen. München, 1970; Chadwick J. The Mycenaean World. Cambridge, 1976; Hooker J.T. Mycenaean Greece. London, 1976; Bartoněk A. Zlaté Mykény. Praha, 1983; Dyczek P. Pylos in the Bronze Age. Warszawa, 1994; Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957. Блаватская Т.В. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н. э. М., 1966; Она же. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976; Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества (по данным линейного письма В). М., 1978; Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Ук. соч. С. 31–65.

существовала не только в устной форме², хотя последняя, вероятно, и преобладала, но могла отчасти находить опору в традиции письменной, благодаря сохранению таковой в том счастливо уцелевшем после всех катаклизмов рубежа XIII–XII вв. до н. э. в Балкано-Малоазийском регионе оазисе микенской цивилизации, каковым являлся колонизованный греками-ахейцами остров Кипр³.

Указанные три вида источников обладают различной информативностью для целей реконструкции тех или иных сторон материальной и духовной жизни греков-ахейцев. К примеру, судить о воззрениях людей отдаленной эпохи по археологическим памятникам и документам хозяйственной отчетности весьма затруднительно. Гомеровские же поэмы представляют для этого куда большие возможности.

Правда, интерпретация свидетельств эпоса имеет, как известно, свои немалые трудности, обусловленные спецификой данного жанра устного народного творчества. Однако не вызывает ныне сомнений сохранение в тех же эллинских эпических сказаниях, зафиксированных письменно лишь несколькими столетиями позже не только описываемых событий, но и окончательного оформления их в известные нам гомеровские версии “Илиады” и “Одиссеи”, вполне отчетливых воспоминаний о многих исторических и иных реалиях микенского времени⁴. При этом на первый план вновь выступает вопрос о правильной методике выявления таких сведений в рассматриваемом источнике и оценка их достоверности.

На сегодняшний день единственным вполне надежным в методическом отношении приемом вычленения в гомеровском эпосе адекватных давно ушедшей реальной действительности данных о системе взглядов ахейцев

² В любом случае объем ее был настолько велик, что мог быть осознан древнегреческими мыслителями классической эпохи как содержащий обстоятельную предысторию Эллады. Об отношении к этой традиции Фукидида, пожалуй самого серьезного из эллинских историков см.: Блаватская Т.В. Ахейская Греция... С. 6.

³ Молчанов А.А. Ахейская Греция и Кипр: непрерывность традиций // Среда, личность, общество. М., 1992. С. 115–119.

⁴ Об археологических подтверждениях реальности существования именно для Ахейской Греции отдельных конкретных предметов и ситуаций, описываемых Гомером, см., например: Блаватская Т.В. Ахейская Греция... С. 11–14.

(существовавшей в период расцвета греческой цивилизации бронзового века), можно признать только сопоставление их с данными других видов исторических источников, имеющих в наличии у современного исследователя. Достаточную документированность сообщениям традиции, сохраненной эпосом, придает подтверждение их материалами археологии и текстами линейного письма В второй половины XV–XIII в. до н. э.

Чья же коллективная жизненная позиция, чьи взгляды и воззрения выражаются в гомеровских поэмах. Многие представления, отраженные в них, были присущи основной фигуре греческого общества II тысячелетия до н. э. — свободному и полноправному человеку.

Наиболее многочисленную и социально активную часть населения Греции составляли в период максимального подъема могущества Микен (владыка которых, как самый могущественный среди прочих греческих анактов, становился в случае организации и проведения крупномасштабных военных акций верховным предводителем объединенных союзных сил) те, кого эпос называет обычно просто “ахейцами”, и члены их семей⁵. Судя по соответствующим контекстам, гомеровские *ἄνδρες Ἀχαιοί* — “ахейские мужи”, “мужи-ахейцы” суть одновременно: 1) все взрослые мужчины-воины, составляющие ополчения отдельных греческих царств; 2) приближенные к правителям лица и отборные дружинники; 3) сами анакты и их родичи, как правило возводившие свою родословную к небожителям и потому претендовавшие на особый эпитет *διογενής* — “рожденный Зевсом”.

Исследователями уже отмечалось⁶, что несмотря на огромные отличия в имущественном и общественном положении высшей знати, возглавляемой правящими анактами, с одной стороны, и рядовых свободных, с другой сто-

⁵ Синонимами этого общего обозначения всех греков времен Троянской войны и предшествующих ей служили также два других этнонима: *Δαναοί* (от *Δαναός* — имени легендарного царя-основателя города Аргоса на реке Инах в Арголиде) — “данайцы” и *Ἀργεῖοι* (от *Ἄργος*) — “аргосцы”. Однако по употребительности в эпическом повествовании они очень заметно уступают наименованию *Ἀχαιοί*.

⁶ Ср.: Blawatskaya T. Über die sozialen Anschauungen in Griechenland im II. Jahrtausend v. u. // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest. 1968. S. 9–14; Блаватская Т.В. Греческое общество... С. 22–24.

роны, по данным эпоса, в ахейском обществе еще сохранялось социальное единство, которое обеспечивалось суммой общих прав и обязанностей, освященных традицией. Именно поэтому совпадало в принципиальных моментах мироощущение всей, казалось бы столь неоднородной массы "ахейских мужей": царей, остальных отличавшихся знатностью происхождения "диогенетов", дружинников-гетеров (гомеровские ἑτοῖροι), простых воинов (превращавшихся в мирное время в земледельцев, скотоводов, ремесленников и т. д.), а также и аэдов – хранителей, "литературных обработчиков" и профессиональных исполнителей эпических сказаний. Само наличие в эпосе обобщенного образа мужа-воина и социально нивелирующего термина подстать ему находит параллели в микенском искусстве (ср. очень характерное в этом отношении изображение группы совершенно одинаково экипированных воинов в полном боевом снаряжении, вереницей мерным шагом выступающих в поход, на известном кратере из Микен, датированном около 1200 г. до н. э.⁷).

Ограниченность исходного материала не позволяет нам нарисовать достаточно подробную картину системы взглядов греков микенской эпохи на нормальный статус полноценного человека. Постараемся лишь по возможности выявить некоторые наиболее существенные с точки зрения самих "ахейских мужей" признаки их полноценного общественного бытия.

Обычная панорама каждодневного бытия греческих племен середины – второй половины II тысячелетия до н. э. разворачивается в знаменитом гомеровском описании щита Ахилла (II. XVIII. 478–607). Это как бы модель микенского мира. Здесь представлены главные типичные ситуации в жизни грека-ахейца – горожанина и селянина. Мирная жизнь в городе и оборона его от врагов, воинские подвиги и захват добычи, разнообразные земледельческие работы (пахота, жатва хлебов, сбор урожая в винограднике), разведение скота и защита домашних животных от опасных хищников, выполнение традиционных обрядов и всевозможные ритуальные действия – все это якобы было изображено художником на щите, изготовленном для храбрейшего из героев, служившего олицетворением ахейских доблестей. Каждая из этих ситуаций, в которых

явственно проступают факты самопроявления грека микенской эпохи как неотъемлемые признаки реализации им своего законного общественного статуса, неоднократно возникает вновь перед читателем "Илиады" и "Одиссеи", повторяясь так или иначе во многих пассажах среди текста эпических поэм.

Первый из сюжетов, присутствующих на щите Ахилла, это – город, где концентрируется значительное по численности население (II. XVIII. 490–496). В городе формируются органы, выполняющие административные функции, что ассоциируется прежде всего с поддержанием установленного правопорядка и отправлением судопроизводства. На городской агоре – рыночной площади, где созывалось и народное собрание, происходит публичный разбор спора между двумя тяжущимися лицами. Каждое из них имеет своих горячих сторонников среди участников массовой людской сходки (II. XVIII. 497–508).

В этом принародном судебном заседании решающее слово принадлежит полномочным магистратам – старейшинам (гомеровские γέροντες), членам коллегии, проводившей свои заседания в специально отведенном для этих целей общественном месте (II. XVIII. 503–504)⁸. Существование института геронтов в микенскую эпоху подтверждают тексты линейного письма В: в кносских табличках упоминаются ke-ro-te (=gerontes), а в бухгалтерских документах из пилосского дворца фигурирует ke-ro-si-ja (=geronsia, ср. γερουσία) – "совет старейшин"⁹.

Интересно, что судебное разбирательство в описанной Гомером сцене происходит в народном собрании (ἀγορά), наличие которого в благоустроенном государстве представлялось героям эпоса явлением само собой разумеющимся (ср. Od. IX. 112, где отсутствие подобного установления приводится в качестве одного из показателей крайней нецивилизованности). Участие в таких сходках – важнейший признак полноценного общественного бытия "ахейского мужа" (ср. Od. XV. 466–468). Поэтому и обла-

⁷ Елаватская Т. В. Ахейская Греция... С. 227. Рис. 69.

⁸ Такой совет старейшин функционировал, согласно свидетельствам эпоса (II. II. 53; IX. 807), и при ставке главнокомандующего союзным войском, составившимся из царских дружин и далеко превосходивших их по численности контингентов мобилизованных "ахейских мужей", в случае затяжной компании на вражеской территории (ср.: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 53).

⁹ KN B 800; PY An 261, 616.

дание даром красноречия почиталось чрезвычайно высоко (II. I. 490; XV. 280–283; ср. также: Hes. Theog. 79–93).

По данным эпоса, мнение народного собрания могло играть подчас важную роль в жизни общины (например, в осуществлении конкретных военно-политических и иных мероприятий, решении имущественных и прочих хозяйственных вопросов)¹⁰. Как справедливо отмечает Ю.В. Андреев, понятие “община” (государство) и “народ” в гомеровском лексиконе практически совпадают и выражаются одним и тем же термином δῆμος¹¹. Тот же самый термин в форме da-mo (=δαμος) встречается часто в документах линейного письма В конца XV и рубежа XIII–XII вв. до н. э., отражающих поземельные отношения соответственно в Кносском и Пилосском царствах¹². Судя по контекстам, da-mo в некоторых случаях явно выступает в роли коллективного владельца общественной земли и коллективного администратора. На вопрос же о существовании общины в Ахейской Греции тексты линейного В дают, по-видимому, скорее всего положительный ответ (по крайней мере в отношении Пилосского государства¹³).

Принародно совершают “ахейские мужи” различные приличествующие полноправному человеку поступки. В народном собрании герои эпоса: требуют пеню за убитого родича (II. XVIII. 497–501) или помощи в отмщении за него (Od. XXIV. 420–437), ищут защиту своих частнособственнических прав (Od. II. 35–79). Совместно члены одной общины справляют не только общественные празднества, но и семейные торжества, которые превращаются тем самым в публичные (ср., например, изображение свадьбы горожан на “щите Ахилла”: II. XVIII. 491–496). Совершаемые при этом обряды и сменяющие их увеселения носили в конечном счете сакральный характер. Сюда

¹⁰ Ср. Андреев Ю.В. Ук. соч. С. 93–95.

¹¹ Там же. С. 93.

¹² Ср. Предметно-понятийный словарь греческого языка (крито-микенский период). Сост.: Казанские В.П., Казанский Н.Н. Л., 1986. С. 92, 127.

¹³ Ср.: Полякова Г.Ф. Некоторые черты социально-экономического устройства греческих обществ II тысячелетия до н. э. // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 88; Молчанов А.А. [Рец.:] Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура... С. 175–177; Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Ук. соч. С. 41, 42.

относятся в частности пляски с песнопениями, проводившиеся зачастую и по иным, но также всегда ритуально обусловленным поводам¹⁴. В данном отношении представляет интерес изображение не только городского свадебного, но и сельского хоровода на том же “щите Ахилла” (II. XVIII. 590–605). Танцующие мужчины и женщины встречаются, как известно, и в сюжетных композициях на произведениях микенских художников¹⁵.

Неотъемлемой чертой всей линии поведения “ахейского мужа” было, по эпосу, неременное участие его в хозяйственной жизни семьи и общины: в качестве организатора производства и/или в роли непосредственного производителя.

В “Илиаде” и “Одиссее” имеются упоминания о землевладельцах, лично наблюдающих за проведением сельскохозяйственных работ в поле (ср., например, яркую картину уборочной страды, протекающей под надзором хозяина большого земельного надела, которую рисует Гомер в описании “щита Ахилла”: — II. XVIII. 550–560). Владелец стад сам проверял их состояние, зорко следя за пастухами (Od. XVI. 26–28). Хозяева земельных наделов, имея дома в городе, строили их еще и в сельской местности для временного или постоянного проживания там (Od. IV. 514–518; XI. 187–196; XXIV. 206–211). Небогатые и особо рачительные землевладельцы, не слишком полагавшиеся на старательность и добросовестность своих наемных или подневольных работников, самолично участвовали в полевых работах (Od. II. 15–22), устройстве садов и виноградников (Od. XXIV. 206–207, 222–232, 244–247).

Сведения эпоса о функционировании отдельных отраслей сельского хозяйства — полеводства, садоводства и животноводства — вполне согласуются с данными об организации аграрного сектора экономики, извлекаемыми из пилосских и кносских табличек линейного В¹⁶. Хотя полного

¹⁴ Ср. Nilsson M.P. The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. 2nd ed. Lund. 1950. P. 275, 283, 343, 352.

¹⁵ Ср. такие шедевры глиптики и торевтики, как золотая печать из Микен (Marinatos S., Hirmer M. Kreta und das Mykenische Hellas. München. 1959. Abb. 206), и др.

¹⁶ Ср.: Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура... С. 8–212; Она же. Некоторые черты... С. 37–88; Она же. От микенских дворцов к полису // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. С. 89–

тождества здесь, естественно, нет и быть не может, ибо объектами повышенного внимания для исполнителей героических сказаний и для составителей бухгалтерских записей были сюжеты, по-разному акцентирующие одни и те же реальности повседневного бытия. Тем интереснее для нас приводимое Гомером описание (II. XVIII. 587–589, “шит Ахилла”) способа содержания овечьего поголовья по кошарам, вероятно тождественного тому, который применялся ахейскими овчарами¹⁷.

Использование рабского труда в различных сферах, и особенно в домашнем хозяйстве, выглядит самым обычным явлением для эпического повествования (ср. многие пассажи из “Илиады” и “Одиссеи”). Владение рабами, так же как собственным домом и другим движимым и недвижимым имуществом, почиталось правом, освященным авторитетом божественных установлений (ср. Od. I. 393–394, 398–400).

В гомеровских поэмах часто фигурируют рабы и рабыни иноземного происхождения (ср.: Od. XV. 418–419; XXIV. 21–212). В ряде случаев конкретно указывается, что они были захвачены как добыча во время крупных военных экспедиций (II. I. 11–21; и др.) или при пиратских набегах (ср.: Od. IX. 39–42; XVII. 425–433). Полная драматизма история малолетнего царевича Эвмея с острова Сира, похищенного купцами-разбойниками и проданного в рабство на далекую Итаку, рассказана Гомером в “Одиссее” (XV. 402–484). Среди документов из дворцовых архивов Пилоса и Кносса многократно встречены таблички с записями, касающимися рабов. Рабы (микен. do-e-ro, ср. δοῦλος) и рабыни (do-e-ra, ср. δοῦλα) во множестве трудились в царском хозяйстве. Но они принадлежали и многим частным лицам¹⁸.

Примечательно, что и в хозяйственных текстах проскакивает иногда указание на иноземное происхождение не-

92, 95–97; Она же. О системе терминов линейного письма В // ВДИ. 1977. № 1. С. 61–70.

¹⁷ Ср.: Killen J.T. The Wool Industry of Crete in the Late Bronze Age // BSA. 1964. Vol. 59. P. 3; Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура... С. 185–189.

¹⁸ Ленцман Я.А. Пилосские надписи и вопросы рабовладения в Микенской Греции // ВДИ. 1955. № 4. С. 41–62; Он же. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 144–190; Лурье С.Я. К вопросу о рабовладении в микенскую эпоху // ВДИ. 1957. № 2. С. 8–24.

вольников, столь характерное для эпоса. Таковы этниконы, образованные от топонимов, локализуемых на западном побережье Малой Азии и ближайших островах: a-swí-ja (=Aswíai; ср. Ἀσῳία, Ἀσία – позднейшая Лидия) – “асвиянки”; ki-ni-di-ja (=Knidiai, ср. Κνίδος – Книд, город в Карию) – “книдянки”; mi-ra-ti-ja (=Milatiaí, ср. Μίλατος, Μίλητος – Милет, город в Карию) – “милетянки”; ga-mi-ni-ja (=Lamniai, ср. Λᾱμνος, Λήμνος – Лемнос, остров и одноименный город на нем) – “лемниянки”; ze-pu₂-ga₃ (=Dzephurai, ср. Ζεφυρία – Зефирия, древнее название города Галикарнасса в Карию) – “зефириянки”¹⁹.

Среди достославных деяний “ахейских мужей”, совершавших воспеты в эпосе далекие походы, детально описаны Гомером опустошительные набеги на острова и прибрежные области именно этого региона. Нападавшие помимо прочей добычи стремились захватить и рабов. Обыденным событием предстает такой факт в рассказе витязя-ахейца:

Мы на священные Фивы, на град Этионов ходили;
Град разгромили, и все, что ни взяли, представили стану;
Все меж собою, как должно, ахейцы сыны разделили:
Сыну Атревеву Хрисову дочь леповидную дали.

(II. I. 366–369; перевод Н. И. Гнедича)

Из-за другой прекрасной невольницы разгорелась под осажденной Троей ссора между самыми видными ахейскими предводителями – Агамемноном и Ахиллом (II. I. 180 и далее). Когда острый конфликт между ними наконец уладился, то в качестве компенсации за нанесенную обиду пострадавший получил множество ценных даров, включая невольниц (II. IX. 122–140).

“Ахейский муж” имел право и морально обязан был защищать свое имущество, собственность любого вида, от каких угодно незаконных посягательств всеми доступными ему способами: путем обращения с апелляцией к народному собранию (ср. Od. II. 39–79) или через оказание вооруженного сопротивления злодеям-разорителям (ср. Od. XXII. 35–41).

В круг повседневных обязанностей ахейца-поселянина

¹⁹ Ср.: Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2nd ed. Cambridge. 1973. P. 141; Wood M. In search of the Trojan war. L., 1985. P. 159; Молчанов А.А. Маршруты работоторговли в Микенской Греции (по данным табличек линейного письма В) // Торговля и торговец в античном мире. М., 1997. С. 52–54.

входила, по эпосу, и естественная в тогдашних природных (в том числе фаунистических) условиях борьба с другими хищниками – четвероногими, которые были способны нанести огромный урон не только отдельному хозяйству, но и целой округе, и даже реально угрожать жизни сельского хозяина, его чад и домочадцев. Борьба не на жизнь, а на смерть, с грозными врагами человека – опасными дикими зверями – очень частый мотив в героических сказаниях. Присутствует он и в описании “щита Ахилла” (II. XVIII. 579–586).

Иногда этот мотив становился центральным сюжетом отдельных саг о подвигах славных ахейских витязей. Можно вспомнить в данной связи целый ряд примеров. К числу наиболее известных следует отнести прежде всего, конечно, Калидонскую охоту, в которой якобы приняли участие многие богатыри, желавшие лично победить чудовищного вепря – опустошителя окрестностей Калидона, главного города Этолии (II. IX. 538–546; Apollod. I. 8. 2; Diod. IV. 34; Paus. I. 27. 9; 42. 6; VIII. 4. 10; 45. 2; 45. 5–6). Четвертым подвигом Геракла считалось усмирение им Эрманфского вепря, наводившего ужас на жителей Псофиды, города на северо-западе Аркадии (Apollod. II. 5. 4; Apoll. Rhod. I. 124–129; Diod. IV. 12; Paus. I. 27. 9; VIII. 24. 5). А начало своим славным деяниям этот величайший герой эллинских сказаний положил истреблением сперва страшного Киферонского льва, нападавшего на мирные стада царя беотийского города Феспии (Apollod. II. 4. 9–10), а потом и аналогичного чудовища, обитавшего возле Немей в Арголиде (Apollod. II. 5. 1; Diod. IV. 11; Strab. VIII. 6. 19; Paus. I. 27. 9).

Еще один лев с Киферона, свирепствовавший в окрестностях Мегар, был убит храбрым витязем Алкатоем, сыном Пелопса (Paus. I. 41. 3–5).

Прославленному афинскому герою Тесею приписывалась победа над свирепой Кромионской свиньей у Истма (Apollod. Epit. I. 1; Strab. VIII. 6. 22; Plut. Thes. 9; Paus. I. 27. 9; II. 1. 3). Примеры эти можно легко приумножить.

Сцены борьбы с опасными хищниками – львами и кабанами – часто встречаются и на памятниках микенского искусства (ср., к примеру, сцену леонтомахии на парадном кинжале начала XVI в. до н. э. из шахтовой гробницы IV в Микенах).

В то же время охота, в том числе и на крупного зверя,

была для ахейцев и важным промыслом. Среди предметов, учитываемых хранителями царских кладовых пилосского дворца встречаются олени шкуры. В инвентарных записях присутствует знак-идеограмма N 104, изображающий голову оленя с характерными ветвистыми рогами (PV Cr 591, 868, 875). Практические хозяйственные потребности, а также тяготение знати к этому “благородному” времяпрепровождению способствовали огромной популярности охотничьей тематики.

Это ярко отразилось в разных видах изобразительного искусства микенской эпохи – от дворцовых стенописей до миниатюрных композиций на резных печатях. Особенно часто встречаются изображения сцен псовой охоты. Очень живо выписаны подобного рода охотничьи сцены и в эпических поэмах “Троянского цикла” (II. XVII. 725–729; XXI. 573–578; XXII. 189–192; Od. XIX. 431–454).

Наличие в хозяйстве “ахейского мужа” хороших гончих и сторожевых собак, по-видимому, являлось нормой правильно устроенной жизни (ср.: II. IX. 514; XVIII. 578, 583–586; Od. II. 11; XIV. 21–23, 29–36; XVII. 61–62, 199–201, 291–327; XIX. 429–430, 435–438)²⁰.

Знать, по эпосу, имела возможность содержать целые своры охотничьих и иных псов, за которыми должны были ухаживать специальные люди. Таковые лица, носящие особое наименование *ku-na-ke-ta-i* (=dat. pl. *kunagetahi*; ср. *κυνᾱγέτας* – “проводник собаки”, “псарь”, “охотник с собакой”), входили, как можно догадываться по их присутствию в хозяйственных документах царской бухгалтерии в Пилосе (ср. PY NA 248), в штат “дворцового ведомства” ахейских анактов.

Однако мирная жизнь была не слишком привычным уделом для “ахейского мужа”. Об этом согласно свидетельствуют батальные сцены в описании “щита Ахилла” (II. XVIII. 509–540: осада города и вылазка его защитников) и на памятниках изобразительного искусства (ср., например, эпизод штурма крепости, запечатленный на серебряном сосуде из шахтовой гробницы IV в Микенах), сообщения эпоса о беспрестанных междоусобных войнах и набегах врагов, наличие мощных фортификаций у столиц даже мелких царств (типа Тиринфа), недвусмысленные реляции о напряженных военных приготовлениях в

²⁰ Ср. Блаватская Т.В. Греческое общество... С. 71–73.

документах линейного В, археологические свидетельства о внезапной и разновременной гибели под ударами неких внешних сил тех или иных центров микенской цивилизации (особенно показательно здесь совпадение данных эллинской исторической традиции, сохранившихся в гомеровском эпосе и фамильно-династических сагах, о взятии Фив Беотийских коалицией враждебных анактов с выявленной археологами реальной картиной гибели указанного города в огне пожара где-то около 1320 г. до н. э.).

Таким образом "ахейскому мужу" практически всегда надо было быть готовым выступить с оружием в руках на защиту своего государства или в завоевательный поход. Нападения могли совершаться на ближайших соседей, на более отдаленные греческие царства или области, а также на весьма далекие, лежащие за морем, страны. Так, еще до Троянской войны, которую вели братья Атриды, Агамемнон и Менелай, вместе со своими союзниками, эпос знает как минимум два крупных похода ахейцев в ту же северо-западную часть Малой Азии. Это, во-первых, экспедиция микенского царя Атрея во Фригию. О ней вспоминает в "Илиаде" старейший из ахейских царей, владыка Пилоса Нестор (II. III. 184–190). Данное свидетельство эллинской эпической традиции вполне убедительно сопоставляется с сообщениями хеттских источников о проникновении войск правителя царства Аххиява по имени Аттариссияс в Западную Анатолию²¹.

Еще одним поколением раньше случилось завоевание Трои Гераклом (II. V. 638–642; 648–651; XIV. 250–251; Apollod. II. 6. 4; Diod. IV. 32; Paus. Sert. 1; Plut. Moral. 301 A–B; Paus. II. 24. 3; VII. 19. 9; VIII. 36. 6), младшим родичем и полководцем предыдущего властителя Микен – Эврисфея.

Свободный и полноправный в микенском обществе мужчина, как видно из эпоса, должен был по возможности всегда держать под рукой оружие. Однако полную экипировку воина для всего мобилизуемого контингента, а тем более для многолюдного ополчения, могло обеспечить лишь государство. В задачу последнего входило изготовление впрок и хранение в

²¹ Наиболее детальную проработку этого сюжета в новейших исследованиях см.: Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Античная версия исторического события, отраженного в KUB XXXIII, 13 // ВДИ. 1986. № 1. С. 81–87; Они же. Троя и "Пра-Аххиява" // ВДИ. 1995. № 3. С. 14–37; Они же. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996 (с почти исчерпывающей библиографией по данному вопросу).

арсеналах необходимого количества оружия и военных материалов, а также создание стратегических продовольственных запасов для снабжения находящихся на марше боевых частей армии и флота или могущих подвергнуться длительной осаде гарнизонов крепостей.

Как раз подобный порядок мы и обнаруживаем, обратившись к документам линейного письма В из Кносса и Пилоса. В дворцовых кладовых концентрировались и бережно сохранялись изделия местных оружейников (в бухгалтерских записях упоминаются e-to-wo-ko = entoworgoi – "изготовители оружия" и e-te-do-mo = entesdomos – "оружейник"), выполненные по специальному заказу властей.

Такой дорогостоящий вид вооружения как боевая колесница, запряженная парой резвых коней, был доступен, судя по всему, исключительно представителям правящей верхушки ахейского общества. Для участия в сражении на колесницу всходили цари, их родичи и другие самые знатные витязи (ср.: II. II. 383–384, 390, 768–779; III. 29, 113; IV. 225–230, 297–309, 365–366, 419; V. 109–111, 249, 609, 794, 835–839; VII. 16. 241, 340; VIII. 100. 115, 290; и т. д.). В эпосе сохранилась память об особой тактике применения боевых колесниц, когда производился массированный удар по врагу большой их группой, за которым следовало наступление пехотных частей (II. IV. 293–310).

Участие в боевых действиях даже в качестве возничего на колеснице было, как видно из эпоса, очень престижным для "ахейского мужа". В эллинских эпических сказаниях не раз говорится о том, что управление царским двухконным колесным экипажем, на котором отправлялись в путешествие или в бой греческие анакты, поручалось зачастую родственникам или наиболее близким дружинникам знатного происхождения (ср.: II. IV. 227–230; Od. III. 475–484; Apollod. II. 5. 2; III. 6. 8; Paus. II. 23. 2; V. 7. 4; 17. 8; X. 10. 3). Колесницы и кони входили в наиболее ценную часть приданого, которое давали царевнам при заключении династических браков (Od. IV. 1–9).

То же почетное место, что и в эпосе, занимает колесница в документации дворцовых бухгалтерий Пилоса и Кносса. Интересен, в частности, такой факт: таблички линейного В со списками колесниц из арсенала кноссского владыки хранились как особо важные в специальном помещении отдельно от прочих, не столь секретных документов.

Как высокопрестижный атрибут носителей таинствен-

ной сакральной мощи (божеств) или высшей светской власти (правителей) фигурирует легкий одноосный пароконный экипаж в микенском искусстве. Например, хорошо известны его изображения на фреске Тиринфского дворца и на надгробной плите с одного из шахтовых погребений в Микенах.

Но не только геройское участие в защите родной земли, покорении и разорении вражеских областей в ходе проведения "правильно" организованных военных кампаний было достойным занятием для "ахейского мужа". Столь же привлекательным в глазах общественного мнения греков-ахейцев было и участие в любом сухопутном или морском набеге, сулившем приобретение трофейного имущества или захват невольников (ср.: II. XI. 670–683; Od. 393–394; XIV. 222–233, 257–265). Проявлением молодецкой удалости почитался, в частности, угон скота у жителей соседних ахейских царств (ср.: II. XI. 670–674, 676–680; XV. 235–236; XXI. 15–24; Od. XI. 289–292; XV. 227–236; Apollod. II. 4. 6). Тот, кто не упускал таких возможностей и удачно их использовал, заслуживал одобрение соплеменников и сородичей, чувствовал себя по праву героем (II. XI. 676–683).

Морское пиратство, согласно эпосу, шло рука об руку с работорговлей. Очевидным свидетельством последней выступают и уже приводившиеся выше этникины рабынь, перечисляемых на табличках линейного В.

Вполне законным способом приобретения имущества признает эпос дележ военной добычи между рядовыми воинами и предводителями, осуществлявшийся публично на сходке победителей (II. I. 124–125, 163–168, 366–368; IX. 135–138; XI. 686–687, 703–705; XVII. 657–664). Вероятно, именно таким путем, а не только благодаря торговым сношениям, попадали во II тысячелетии до н. э. на греческий материк и острова Эгейского моря те привозные изделия, которые в немалом количестве обнаружены там археологами.

Нельзя обойти молчанием еще одну важную сферу жизни греков микенской эпохи – отправление культа. Сответствующие ритуальные действия производились в самых различных ситуациях. Некоторые ритуалы достаточно детально описаны в эпосе. К таковым относится погребальный обряд. Неукоснительное его соблюдение почиталось чрезвычайно важным и неотложным делом

(Od. III. 279–285).

Погребение рядового воина-гражданина происходило без большой пышности и помпезности (Od. XII. 9–16). Зато с особой торжественностью совершалось оно в тех случаях, когда хоронили "ахейского мужа", отличавшегося знатностью происхождения и доблестью на полях сражений (II. XVIII. 346–355; XXIII. 164–176, 250–257; Od. XXIV. 43–47, 63–74, 76–77, 80–82).

Следует отметить, что археология позволяет проследить эволюцию погребального обряда в Ахейской Греции по отдельным хронологическим этапам, в то время как гомеровский эпос сохранил воспоминания лишь о финальной ее стадии (с трупосожжением).

Неотъемлемой составной частью траурной церемонии являлось жертвоприношение богам. Но жертвы разного рода – возлияния, воскурения, сожигание даров, заклания животных и иногда даже людей – приносились и по многим иным поводам, как в экстраординарных, так и в самых обыденных ситуациях: например, перед каждодневными застольями (ср.: II. I. 65–67, 99–100, 315–317, 447–449, 458–474; II. 305–307, 400–431; III. 103–104, 116–119, 269–302; VII. 313–319; IX. 217–220, 656–657; XI. 726–728, 771–775; XIX. 266–268; XXII. 175–176). Самым обычным способом обращения к богам были моления, часто сопровождавшиеся теми же жертвоприношениями, принесением обетов, характерной жестикующейся адорантов (II. I. 35–42, 450–456; II. 411–418; III. 318–323, 350–354; VII. 177–180, 200–205; X. 277–295; XV. 369–376; XVI. 230–249; XIX. 257–268; Od. II. 261–267; 420–423; III. 40–64; 380–384; IV. 761–767; VI. 322–328; XIII. 355). Все это находит отражение в документах линейного В²² и в археологических материалах²³.

²² Ср.: Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Ук. соч. С. 56–58.

²³ Блаватская Т.В. Греческое общество... С. 146–150. Правда, исследовательница считает, что "заклание людей было чуждо религиозным обычаям додорийской Греции". Однако не только довольно многочисленные указания античной традиции (ср., например: II. II. 305–307; XXIII. 175–176, Apollod. III. 6, 7; Apollod. Epit. III. 21–22; Plut. Thes., 32; Plut. Moral., 163 A–B; Paus. I. 5, 2; III. 16. 10; VIII. 2. 3; IX. 19. 6), но и анализ документов линейного письма В заставляет признать факт существования у греков-ахейцев практики человеческих жертвоприношений в особо важных случаях (ср.: Bartoněk A. Op. cit. S. 206, 207; Chadwick J. Linear B and related scripts. P. 43).

Гомеровский эпос и местные исторические предания различных областей Эллады сообщают и о таком специфическом виде религиозных празднеств как агоны. К ахейскому времени эллины единодушно возводили истоки всех самых известных уже в I тыс. до н. э. состязаний — Олимпийских, Пифийских, Немейских, Истмийских и Панафинейских (ср.: Pind. Ol. III. VI. X; Marm. Par. 10. 22; Apollod. II. 7. 2; III. 4. 3; 6. 4; 15. 7; Diod. IV. 14; Plut. Thes. 25; Paus. V. 2. 1–3; 7. 6–10; 8. 1–4; U. 2. 1; X. 7. 2; Schol. Apoll. Rhod. III. 1240).

Судя по данным мифолого-исторической традиции, в Ахейской Греции агонами по обычаю сопровождались торжественные похороны могущественных владык, членов их семей и прославившихся ратными подвигами знатных витязей. Свидетельства об этом сохранились в местных преданиях различных областей Эллады (ср.: II. XXIII. 257–897; Od. XXIV. 85–92; Apollod. II. 4. 4; III. 6. 4; 15. 7; 18. 16; Apollod. Epit. IV. 7; V. 5; Vell. Pat. I. 8. 2; Paus. I. 28. 7; V. 1. 8; 17. 9–11; VI. 20. 19; VIII. 4. 5). Обычай этот возможно был заимствован греками-ахейцами непосредственно у прежних обитателей страны — пеласгов²⁴. Сохранился он и в первые столетия I тыс. до н. э. (Hes. Op. 654–659; Plut. Moral. 153 E – 154 A).

Участие в агонах было, по-видимому, очень престижным для “ахейского мужа”, так же как и для эллина архаической или классической эпохи, а победа на них ценилась очень высоко. Недаром в эпосе, ориентированном прежде всего на восхваление подвигов “любезных богам” представителей аристократических родов, победы анактов на гимнических состязаниях изображаются столь же весомыми, что и их боевые подвиги (II. XXIII. 257–897).

²⁴ Молчанов А.А. [Рец.] Немировский А.И. Этруски: от мифа к истории. М., 1983 // ВДИ. 1986. № 3. С. 176. С пеласгийским, то есть с догреческим еще, периодом истории Аркадии связывали местные предания учреждение здесь очень древних Ликейских состязаний (Paus. VII. 2. 1; 38. 5). Признаки существования гимнических состязаний как важного элемента религиозных церемоний обнаруживаются также на минойском Крите: именно так трактуются, например, сюжеты некоторых фресковых композиций XVI в. до н. э. на острове Фера (Немировский А.И. Древнее Гомера // Бартонек А. Златообильные Микены. М., 1991. С. 309). Согласуются с этим, кстати сказать, и данные древнеиндийской мифолого-исторической традиции (Plut. Thes. 16; Paus. V. 8. 1).

Достойное участие в религиозных обрядах, и государственного масштаба, и тех, в особенности, которые неизменно сопровождали повседневную жизнь, было несомненно одной из важнейших форм самовыражения и самоутверждения “ахейского мужа”.

Завершая рассмотрение некоторых сторон жизни греческого общества II тыс. до н. э., где определяющую роль играл ἀνὴρ Ἀχαιός, остается констатировать, что господствующая система ценностей здесь вполне сходна с теми, которые характерны в принципе для всех раннеклассовых обществ, еще не ушедших слишком далеко от органично унаследованных ими во многом традиций родоплеменного бытия, как в развитии социальных и политических институтов, так и в осмыслении существующих реалий. Именно в таких рамках оказывается на поверку вся сумма вполне конкретных признаков общественного бытия полноправного человека в Греции микенской эпохи.

Глава 3

Династы-соправители в ахейских царствах

Совокупность наличных источников позволяет пока лишь в общих чертах восстановить систему политико-административного устройства греческих царств II тысячелетия до н. э. Детализировать в некоторой степени эту картину можно при более детальном анализе данных о некоторых относящихся сюда исторических реалиях.

Среди институтов государственной власти в Ахейской Греции в качестве достаточно специфического явления может быть отмечен институт соправительства царей¹, судя по всему, довольно распространенный и активно функционировавший. Сведения о нем донесли до нас прежде всего царские генеалогии, бережно сохранявшиеся на протяжении многих веков потомками высшей ахейской родовой знати и жрецами — хранителями локальных исторических традиций отдельных греческих городов и областей².

Аналогичная информация содержалась и в эпосе. Показательны в этом отношении свидетельства "Каталога кораблей" в гомеровской "Илиаде" (II. 494–759). Здесь названы помимо отдельно стоящих, каждый со своим воинством, ахейских предводителей еще и целые группы военачальников (от двух до пяти), командовавших общими контингентами, которые прибыли из одного и того же царства: 1) из Беотии — Аркесилай, Лейт, Пенелей, Профенор и Клоний; 2) из Орхомена Минийского — братья Аскалаф и Иалмен; 3) из Фокиды — братья Схедий и Эпистроф; 4) из Аргоса — Диомед, Сфенел и Эвриал; 5) из Элиды — Амфимах, Фалпий, Диор и Поликсен; 6) с Крита — Идомей и его племянник Мерион; 7) с острова Кос — братья Фидипп и Антиф; 8) из Трики в Фессалии — бра-

¹ Имеется в виду соправительство в государстве, практически, или хотя бы только юридически, равноправных государей, но не наличие структуры параллельных носителей власти разных рангов во главе с верховным правителем (как это было, например, у фракийцев во второй половине I тыс. до н. э.).

² Об этом подробнее см. в двух следующих главах книги.

тья Подалирий и Махаон; 9) из области фессалийских лапифов — Полипойт и Леонтей.

Правда, нет никакой гарантии, что во всех указанных Гомером случаях перед нами поставленные в один ряд имена соправителей. Для эпического повествования вполне естественно упоминание друг за другом не только облеченных государственной властью скипетроносцев, но также и прочих выдающихся военачальников и прославленных витязей. В то же время канонический характер "Каталога кораблей" позволяет все же видеть в перечисляемых в нем лицах преимущественно особ владетельного статуса и сопоставимых с ними.

В данной связи обращает на себя внимание любопытное обстоятельство. В "Каталог кораблей" не были включены даже многие, широко известные своей воинской доблестью вожди царской крови. Таковы, например: 1) Менесфий из Арны, сын царя Арейфоя, павший под Троей от руки Париса (II. VII. 8–10); 2) Тевкр, сын саламинского царя Теламона и брат Аякса (II. XII. 350 и далее); 3) Феникс из фессалийского Ормения, сын царя Аминтора, повелитель подвластного мирмидонцам племени долопов (II. IX. 4; Apollod. II. 7. 7–8; III. 13. 8); 4–5) Антилох и Фрасимед из Пилоса, сыновья царя Нестора (ср.: II. XIII. 93; XVII. 378; и другие пассажи); 6) Эвхенор, сын Полиида, отпрыск аргосского царского рода из числа потомков Мелампода (II. XIII. 663–672; Paus. I. 43. 5); 7) Медон, сын царя локров Оилея, нашедший после бегства с родины приют в фессалийской Филаке и павший затем под Троей (II. XIII. 693–697; XV. 331–335); 8) Перифет, сын Копрея (II. XV. 637–650) и внук Пелопса, а, следовательно, двоюродный брат Агамемнона и Менелая (Apollod. II. 5. 1; Apollod. Epit. II. 10–16). Однако с полной определенностью говорить о существовании института соправительства можно, конечно, только там, где об этом есть прямые свидетельства достаточно достоверных, прежде всего генеалогических, источников.

Древние царские родословные, дошедшие с ахейских времен, сохранены для нас, как известно, главным образом благодаря старательной фиксации их Павсанием. И именно этому автору II в. н. э., скрупулезному и вдумчивому собирателю драгоценных крупиц исторической традиции, идущей через длинную цепь поколений, мы обязаны имеющейся у нас возможностью увидеть и некоторые

специфические детали из круга государственно-политических установлений Греции ахейского времени.

Из греческих областей, где во II тысячелетии до н. э. прослеживаются факты соправления двух или более царей, пожалуй, наиболее показателен пример Элиды. Здесь, на западном побережье Пелопоннеса, в земле племени эпеев (позднее получивших имя элейцев) за три-шесть поколений до Троянской войны, то есть где-то во второй половине XV–XIV в. до н. э., правила династия Аэтлидов, представители которой (по сообщению местной традиции, по крайней мере шестеро) по очереди и притом всегда единолично занимали престол (Paus. V. 1. 2–10). Так продолжалось до тех пор, пока Авгий, сын Элея и праправнук родоначальника династии – Аэтлиа, из-за опасений неприятельского вторжения в пределы его процветавшего тогда (в частности, чрезвычайно богатого крупным и мелким рогатым скотом) царства решил разделить власть с несколькими могущественными лицами из числа местной знати и пришлых союзников.

Элидское династическое предание называет среди этих соправителей эпейца Актора, тоже приходившегося (через свою мать) праправнуком Аэтлию и, таким образом, являвшегося троюродным братом Авгия. Вместе с Актором участие в управлении Элидой получили его сыновья – смелые и удачливые воители Ктеат и Эврит. Еще одним соправителем Авгия стал Амаринкей, сын фессалийского выходца Питтия (Paus. V. 1. 11; ср. II. XXIII. 629–631).

Однако время успешной обороны Элиды сменилось военными неудачами. Погибли Ктеат и Эврит. Вражеское войско, состоявшее из аргосцев, фивян и аркадян, овладело страной (Paus. V. 2. 1–5; 3. 1). Из прежних правителей уцелел лишь Авгий, но основная доля власти была передана завоевателями его сыну Филею, вскоре однако вернувшемуся на остров Дулихий, где он до того правил (Paus. V. 3. 1–3). После смерти Авгия, уже в преклонных годах, Элида вновь получила нескольких царей-соправителей. Ими стали (равным образом по праву наследования): Агасфен (сын Авгия), Амфимах (сын Ктеата), Фалпий (сын Эврита) и Диор (сын Амаринкея) (Paus. V. 3. 3–4). Умершего Агасфена сменил затем его сын Поликсен (Paus. V. 3. 4). Позднее все четыре тогдашних элидских царей, дружно управлявшие страной, совместно приняли участие в десятилетней Троянской войне, о чем говорит и эпос. В “Илиаде” описывается гибель в по-

следний год осады Трои Диора, сына Амаринкея (IV. 517–526), и Амфимаха, сына Ктеата (XIII. 185–187). В конце концов вернувшийся благополучно домой из похода Поликсен, сын Агасфена, остался единственным правителем Элиды. Таковыми же были затем его сын Амфимах и внук Элей. При последнем произошло “возвращение Гераклидов”, союзники которых – этолийцы завладели Элидой (Paus. V. 3. 4–7).

Другой пример регулярного функционирования института соправительства (причем особенно длительного – на протяжении 5–7 поколений) дает династическая история Аргоса (Paus. II. 18. 4–5; 30. 10; VI. 17. 6; ср. также: II. II. 560–568; Od. XV. 225–255; Herod. VII. 34; Apollod. II. 1. 1–5; 2. 1–2; 4. 4; 9. 11–13; III. 6. 1–3; 7. 2–7).

Согласно традиции, первоначально аргосские цари правили единолично. Так, местное предание называет более десятка имен якобы исторических персонажей, царствовавших один за другим, пока не произошел раздел высшей власти (Paus. II. 15. 5; 16. 1–3; ср. Apollod. II. 1. 1–5; 2. 1–2). Но однажды страну постигло неожиданное бедствие, с которым никак не удавалось справиться: аргосских женщин поразила эпидемия. Исцелить их смог прибывший из Пилоса царевич Мелампод, известный прорицатель и знаток культов, родственник со стороны своей матери владык Аргоса. В награду он и его брат Биант получили доли власти наравне с главой тамошнего правящего дома. Четыре поколения потомков Мелампода и Бианта оставались соправителями Аргосского царства вместе с одним из исконных местных владык из рода Пройтидов-Анаксагорилов. Таким образом, постоянно действовали в едином государстве сразу три династии из трех могущественных семей, связанных между собой родственными узами (Paus. II. 18. 4–5; ср. Apollod. I. 9. 12–13). Такое положение сохранялось в Аргосе до времени Троянской войны. И под Троей, согласно “Илиаде” (II. 560–568), аргосскими дружинами предводительствовали трое вождей – отпрысков указанных соцарствовавших семей.

После Троянской войны мужское потомство Мелампода рассеялось по иным землям, а последний наследник семьи Биантидов умер бездетным. Тогда представитель рода Пройтидов-Анаксагорилов стал снова единоличным владыкой Аргоса (Paus. II. 18. 5).

Временное установление соправительства засвидетельствовано в династической истории Трезенской области

(Paus. II. 30. 5–9). После череды монархов более отдаленного времени, и примерно за три поколения до Троянской войны, там правили совместно два брата – Гиперет и Антас. Их наследником и преемником стал Аэтий, сын Антаса. Однако вскоре он был вынужден принять в качестве соправителей двух могущественных пришельцев из Элиды, сыновей Пелопса – Трезена (давшего имя городу, где он воцарился) и Питфея. Последний со временем остался единственным правителем этой области.

В Коринфе, где пять поколений рода Сизифидов правили единолично, в шестом поколении братья Дорид и Гианфид, сыновья Пропода, царствовали вместе вплоть до дорийского нашествия (Paus. II. 4. 3).

Подобные примеры обнаруживаются не только в Пелопоннесе. Они известны и в Фивах Беотийских. Здесь неоднократно отмечается соправительство в форме опекунов над малолетним законным наследником из исконной местной династии Кадмидов. Царевич Лабдак, сын Полидора и внук Кадма, еще в раннем детстве лишился отца, а его опекуном и одновременно регентом государства стал сначала его дед по матери – Никтей, а потом брат последнего – Лик (Paus. II. 6. 1–2; IX. 5. 4–5; ср. Apollod. III. 5. 5). Оба они являлись представителями одного из семи знатнейших фиванских родов, по причине их автохтонности именовавшихся Спартами (т. е. “Посеянными”). Когда Лабдак повзрослел, то опекун-регент Лик передал ему всю полноту царской власти. Но вскоре молодой царь умер, оставив сына-младенца по имени Лай. И тогда опекуном малолетнего Кадмида и регентом снова стал Лик (Paus. IX. 5. 5; ср. Apollod. III. 5. 5).

Внучатые племянники Лика (сыновья Антиопы, дочери Никтея) – Зет и Амфион свергли его и стали совместно царствовать в Фивах (Paus. IX. 5. 6–9; ср. Od. XI. 262–265; Apollod. III. 5. 5–6). После них единовластно правили один за другим Кадмиды – Лай и его сын Эдип (Paus. IX. 5. 9–12; ср. Apollod. III. 5. 6–9). Сыновья же Эдипа – Этеокл и Полиник сначала установили двоецарствие (Paus. IX. 5. 12; ср. Apollod. III. 6. 1), но затем вступили в междоусобную борьбу, завершившуюся знаменитым походом “Семерых против Фив”.

Когда в бою пали оба брата-соперника, власть перешла по наследству к Лаодаманту, сыну Этеокла. Но ввиду его малолетства роль опекуна юного царя и одновременно регента

взял на себя знатный фиванец Креонт, сын Менекея. А после того, как Лаодамант вырос, он стал единоличным правителем Фив (Paus. IX. 5. 13; 10. 3; ср. Apollod. III. 7. 1).

В династической истории Орхомена Минийского (Paus. IX. 34. 6–10; 35. 1–7; 36. 1–8; 37. 1–8) после десятка имен единоличных властителей следуют две пары соправителей: сначала Трофоний и Агамед, сыновья царя Эргина, а вслед за ними – их двоюродные внуки Аскалаф и Иалмен, участники Троянской войны (II. II. 511–516).

Местное фокидское предание о совместном погребении братьев Схедия и Эпистрофа (сыновей Ифита), записанное Павсанием (X. 36. 10), кажется, должно свидетельствовать в пользу мнения о представленном здесь еще одном факте соправительства. О том же, но уже вполне определенно, для Северной Греции ахейской эпохи говорили фессалийские предания: Пелей (будущий отец Ахилла) получил треть царства от правителя Фтии Эвритиона после того, как женился на его дочери Антигоне (Apollod. III. 13. 1).

Из ряда рассмотренных выше примеров видно, что соправительство братьев было самым обычным вариантом разделения высшей государственной власти в ахейских династиях. Поэтому и в тех, упомянутых уже нами случаях, о которых сообщает “Илиада” – относительно вождей, приведших под Трои дружины из Фокиды, Коса, Трикки и земли лапифов – за совместным военным предводительством родных братьев видимо тоже скрывается соправительство аналогичного рода, как это недвусмысленно подтверждается конкретными указаниями генеалогических источников для Элиды, Аргоса и Орхомена Минийского (см. выше).

Та же практика соправительства, прежде всего реализуемая в лице двух или более членов одной династии, прослеживается и в субмикенский период в тех же правящих домах, которые ведут свое начало от царей и других “диогенетов” ахейского времени. Особенно показательна в этом отношении история ранней греческой колонизации западного побережья Малой Азии.

Когда ионийцы-колонисты где-то около середины XI в. до н. э. (если следовать традиционной хронологии) начали свое движение на восток из Аттики, их возглавили, по преданию, многочисленные отпрыски водворившегося в Афинах двумя поколениями раньше дома Мелантидов-Кодридов, являвшихся одной из ветвей династии Нелеидов, прежних ахейских владык Пилоса (Paus. II. 18. 8–9).

Занявшие Колофон вожди переселенцев — братья Дамасихтон и Промет (сыновья Кодра и внуки Меланта) вместе воцарились там (Paus. VII. 3. 3). Теос сперва колонизовал Апойк, правнук Меланта, и лишь позднее туда же явились отряды под предводительством Дамаса и Наокла, сыновей Кодра; все они мирно ужились там (Paus. VII. 3. 6). Колонисты, заселившие Фокею, сначала имели двух предводителей из афинян нецарского рода, а позднее избрали себе сразу трех царей из потомков Кодра (Paus. VII. 3. 10). Приену у местных жителей, карийцев, отвоевали выходцы из Аттики и Фив. Их предводителями были Филот, потомок фиванского царя времен Троянской войны Пенелея, и Эпит, сын Нелея, внук Кодра (Paus. VII. 2. 10).

Как видим, в Греции II тысячелетия до н. э. возможны были являлись разные варианты установления соправительства, как постоянно или временно действующего института: разделение царствующей династии на самостоятельные и равноправные ветви, введение регентства в малолетство законного наследника, уступка части прав легитимного государя в пользу представителей местной знати в особых обстоятельствах, привлечение союзников извне для сохранения хотя бы части власти за старой династией, завоевание территории с заселением ее колонистами во главе с несколькими ойкистами.

Примеры паритетного далажа царской власти в результате насильственного подчинения того или иного ахейского царства новыми, более сильными в военном отношении пришельцами эллинская историческая традиция неоднократно приводит для того периода коренной ломки всей этнической и политической ситуации на юге Балканского полуострова, который соотносится с так называемым "возвращением Гераклидов" и дорийским завоеванием (XII—XI вв. до н. э.).

В одном случае, как, например, в Сикионе, добровольно признавший власть завоевателей анакт-ахеец мог даже сохранять определенную долю своих прежних прерогатив (Paus. II. 6. 7). В другом случае соправительство устанавливалось после раздела власти между вождями пришельцев-победителей. Такую картину рисуют лаконские предания о начальном этапе истории дорийской Спарты. Сначала при малолетних спартанских царях Прокле и Эврисфене, сыновьях Аристодема, в качестве опекуна и регента государства подвизался их дядя по матери Фер, сын Автесиона, фиванский царевич из старинной ахейской династии

Кадмидов (Herod. IV. 147; Paus. III. 1. 7). Потом братья, повзрослев и избавившись от опеки дяди, правили вдвоем и стали основателями двух династий, параллельное существование которых продолжалось на протяжении многих поколений (Paus. III. 1. 7—9), вплоть до конца III в. до н. э.

Таким образом, несмотря на разрозненность и фрагментарность дошедших до нас сведений о династической истории ахейских царств, институт соправительства, упоминаемый достаточно часто, выглядит в ней явлением вполне обычным. Существование такого института, на наш взгляд, могут подтверждать, хотя и косвенно, хозяйственные тексты линейного письма В конца XV—XIII вв. до н. э. из Кносса и Пилоса.

В них наряду с анактом (микен. *wa-na-ka* = *ῥάναξ*, гомер. *ἄναξ*) упоминается лавагет³ (микен. *ga-wa-ke-ta* = *λαῖαγέτας*, дор. *λαγέτας* — "вождь народа", "предводитель войска"⁴). Текст Er 312 из Пилоса упоминает рядом темены анакта (ванакта, "ванаки") и лавагета (*τέμενος* в раннюю эпоху, судя по эпосу, это надел земли, принадлежащий правителю или божеству). Таким образом, анакт и лавагет в равной мере обладали правом владения особого рода земельным участком. В этом отношении они оба оказываются принадлежащими к числу лиц одной категории. Тот и другой имели свой личный штат ремесленников и иного обслуживавшего их персонала (ср.: "валяльщик ванаки", "пастух лавагета"). И хотя в Кноссе и Пилосе анакт с лавагетом занимали, судя по всему, две разные, хотя и соседние, ступени наверху государственной иерархической лестницы, это была, весьма возможно, субординация между двумя в каких-то иных случаях (в других ахейских царствах, о которых традиция сообщает те самые факты, суммированные

³ О лавагетах документов линейного В см.: van Effenterre H. Un lawagétas oublié // Atti e memorie del 1° Congresso internazionale di Micenologia. Roma. 27 settembre — 3 ottobre 1967. Part. 1. Roma. 1968. P. 60 ff.; Lejeune M. Le damos dans la société mycénienne // Revue des Études Grecques. 78. 1965. P. 4; Лурье Я.С. Язык и культура... С. 211—220; Полякова Г.Ф. Некоторые черты... С. 64—66; Предметно-понятийный словарь... С. 128.

⁴ Ср. идентичную ономастическую форму с метатезой — *Ἀγισίλαος*, дор. *Ἀγισίλας*, весьма употребительную в качестве династического имени в обоих царствующих домах исторической Спарты: 1) Агесилай I, сын Дорисса и праправнук Эврисфена; 2) Агесилай II, сын Архидама II; 3) Агесилай, сын Архидама III; 4) Агесилай, сын Эдамида I; 5) Агесилай, убитый в 184 г. до н. э. (вероятно сын Архидама V).

нами выше) вполне сходными по функциям и статусу носителями власти.

Конечно появление института соправительства в древнем мире отмечается не только в Греции раннего периода, но также, например, и для Фракии того же времени, одно целое с которой составляла и северо-западная часть Малой Азии. Древнегреческий эпос дает сведения о соправителях, стоявших во главе территориально-племенных "царств" фракийской этнокультурной общности тоже не позже времен Троянской войны. Так, среди союзников царя Трои Приама, поддержавших его в трудной борьбе с коалицией ахейских анактов, Гомер называет сразу двух предводителей у фракийцев, обитавших на побережье Геллеспонта (Ил. II. 844–845). Тоже два вождя одновременно, причем родные братья, пришли на помощь Трое из Ларисы, населенной фракоязычными пеласгами (Ил. II. 840–843; ср. Strab. V. 2. 4; XIII. 3. 2).

Указать сходные случаи возникновения института соправительства можно и в куда более широком индоевропейском контексте⁵. Кроме того обращение к примерам еще более обширного круга наверное способно поднять рассматриваемый институт едва ли не на уровень универсалии. Но в контексте древнейшей истории Эгеиды и смежных регионов обращает на себя внимание возможное сходство форм соправительства именно у ранних греков и ранних фракийцев, этнокультурные контакты которых в эпоху становления ахейской государственности на юге Балкан были особенно значимы.

⁵ Ср., например, такое явление как "двараджия" ("двоецарствие") у обитателей долины Катманду в древнем Непале, и т. д.

Глава 4

Ахейская Греция и Кипр: непрерывность традиций

Утверждение о том, что разрушение подавляющего большинства городских центров на юге Балканского полуострова на рубеже эпох бронзы и железа, за которым последовало наступление так называемых "темных веков", ознаменовало конец микенской (ахейской) цивилизации, стало уже общим местом в работах, посвященных истории древней Греции. Для такого утверждения применительно к эгейским материковым и островным территориям безусловно имеются веские основания. Однако, если вспомнить о реальных границах микенского мира, то приходится констатировать, что указанный тезис все-таки не вполне соответствует действительности.

Дело в том, что катастрофа, или по меньшей мере деградация и упадок, постигли очень многие, но не все греческие центры позднебронзового века. Продолжавший вполне благополучно процветать островок микенской цивилизации, со всеми ее характерными чертами сохранился на Кипре. Несколько царств создали ахейские переселенцы, колонизовавшие берега острова возможно уже начиная со второй половины XV в до н. э. (то есть после крушения крито-минойской Кносской морской державы). Непрерывное существование этих ахейских царств прослеживается вплоть до эллинистического времени.

Источники различных видов неопровержимо свидетельствуют о том, что на дальней восточной окраине греческой ойкумены и в конце II тыс. до н. э. и в последующие столетия по-прежнему продолжали жить, нормально функционируя, все те же государственные образования дополисного, так называемого "дворцового" типа при одновременном сохранении в полной мере этнокультурной преемственности.

Яркие признаки этого континуитета обнаруживаются исследователями уже давно. Первыми их смогли выявить вполне достоверно, на должном научно-методическом уровне, лингвисты (еще в конце XIX в.), обратившие внимание на

особую близость кипрского и аркадского диалектов греческого языка¹ (а в Аркадии, как известно из сообщений эллинистических авторов, и после дорийского завоевания Пелопоннеса сохранялось старое ахейское население).

Важный материал, подтверждающий и во многих конкретных деталях специфически уточняющий тот же тезис, дала археология². Мощные фортификации, возведенные с применением циклопической техники каменной кладки, дворцовые и храмовые комплексы и другие монументальные архитектурные сооружения, созданные зодчими-киприотами, непосредственно продолжали микенскую градостроительную традицию.

В распоряжении историка имеется и целый ряд свидетельств древнегреческой исторической традиции по интересующему нас сюжету³. Это прежде всего прямые указания на основание греками-ахейцами в додорийский период того или иного крупного поселения на Кипре⁴, превращавшегося затем в резиденцию ойкиста-анакта — столицу заново формирующегося государственно-политического образования типа царств материковой и островной Греции позднебронзового века (то есть микенского типа).

По словам Геродота (V. 113; VII. 90), греки-киприоты считали себя потомками выходцев из Саламина (города на одноименном острове у берегов Аттики), Афин, Аркадии и Аргоса. Тевкру, брату Аякса и сыну Теламона, приписывалось основание на восточном побережье Кипра города Саламина, получившего свое имя по родине ойкиста (Strab. XIV. 6. 3). Афинской колонией признавались Сола (древняя Эпея), расположенные на северном берегу острова, обращенном к Киликии (Strab. XIV. 6. 3; Plut. Sol. 26; ср. Apollod. Epit. VI. 17). Роль ойкиста города Пафоса (на юго-западе Кипра) исторические предания отводили

¹ Ср.: Казанский Н.Н. Диалекты древнегреческого языка. Л., 1983. С. 76, 77; Гринбаум Н.С. Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., 1984. С. 20–31; Широков О.С. Введение в балканскую филологию М., 1990. С. 13.

² Различные аспекты связей Кипра с Эгейдой рассматривались на международных археологических симпозиумах в Никосии 1972, 1978 и 1985 гг. (их «Акты» см. в библиографии).

³ Ср. Борухович В.Г. Ахейская колонизация Кипра // Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Л., 1983. С. 38–41.

⁴ Сводку этих данных см. Vanschoonwinkel J. Op. cit. P. 293–312.

аркадскому царю Агапенору, сыну Анкея (Strab. XIV. 6. 3; Paus. VIII. 5. 2; ср. Apollod. Epit. VI. 15).

Ахейские анакты, облеченные помимо светской власти еще и сакральными функциями, оказывались учредителями важнейших греко-кипрских святилищ и культов. С именем афинского царя Тесея связывалось установление некоторых религиозных церемоний в Амагунте (Plut. Thes. 20). Согласно древним жреческим преданиям, храм Зевса Саламинского воздвиг Тевкр, сын Теламона (Tas. App. III. 62), а святилище Афродиты в Пафосе учредил аркадянин Агапенор (Paus. VIII. 5. 2).

Большой интерес представляют сохранные античными авторами сведения о происхождении отдельных династий греческих царей Кипра (потомки ахейских ойкистов-анактов сохраняли за собой царскую власть иногда на протяжении многих поколений). Одна из представительниц рода наследственных владык Пафоса, по имени Лаодика, известна как жертвовательница пеплоса для богини в храм Афины Алеи города Тегеи в Аркадии, в котором некогда царствовал ее пращур Агапенор (Paus. VIII. 5. 2; 53. 7). В той же самой знатной, долгое время владетельной семье, уже после упразднения в кипрских городах царской власти, переходил по наследству, вплоть до римского времени (ср. Tas. Hist. II. 4), дававший его носителю немалый почет и солидный доход (ср. Plut. Cato. 35) сан жреца при храме Афродиты в Пафосе. Родословная знаменитого саламинского царя Эвагора I, (411–373 гг. до н. э.) восходит к Тевкру, сыну Теламона (Isocr. Orat. IX. 18; Paus. I. 3. 2; II. 29. 4).

Примечательно, что обе династии, саламинская и пафосская, считали своим предком (по женской линии) легендарного царя всего Кипра — Кинира, предшественника в хронологическом отношении таких «мелкоудельных» владетелей как Тевкр, сын Теламона, и Агапенор, сын Анкея (ср.: Apollod. III. 9. 1–2; 10. 8; Tas. Hist. II. 3; Paus. I. 3. 2). По афинской версии саги, вероятно поддерживаемой Тевкридами, сам Кинир имел своим отдаленным предком первого царя Аттики Кекропса (Apollod. III. 14. 1–3), а по аркадской версии, бытовавшей, по-видимому, при дворе Кинирадов-Агапеноридов, он приходился родней аркадским анактам (Apollod. III. 9. 1).

Эллинская мифолого-историческая традиция сообщает, что Кинир властвовал над Кипром при начале Троянской

войны и считался одним из членов коалиции ахейских анактов, возглавляемой Агамемноном, хотя его помощь последнему и носила скорее символический характер (ср.: Ном. II. XI. 19–28; Apollod. Epit. II. 9). В гомеровских поэмах остров Афродиты упоминается лишь мельком, поскольку основные сюжетные линии повествования троянского цикла пролегли далеко в стороне. Но не приходится сомневаться в том, что на Кипре популярность эпических сказаний, посвященных древнейшему прошлому Эллады, а не только храмовых легенд и царских генеалогий, была весьма велика и устойчива. Не случайно среди претендентов на честь считаться родиной Гомера выступает Саламин Кипрский (ср.: Paus. X. 24. 2).

Там же, на острове Афродиты, в широком употреблении оставалась слоговая письменность, имеющая крито-микенские истоки⁵ и вполне приспособленная с течением времени для записи текстов практически любого содержания. Поэтому сохранение исторической информации на Кипре конца II – первой половины I тыс. до н. э. было достаточно надежно обеспечено обоими доступными древним народам способами – через канонизированную устную передачу (героико-эпические и генеалогические сказания, сакральные мифы) и письменную фиксацию. Греко-кипрское слоговое письмо продолжало употребляться вплоть до III–II вв. до н. э., сосуществуя несколько столетий с греческим алфавитным⁶. Это означало непрерывность крито-микенской письменной традиции, уходящей корнями в глубокую древность (к началу II тыс. до н. э.). Данное обстоятельство необходимо иметь в виду и в полной мере учитывать сторонникам гиперкритического подхода к анализу сведений античных историков о ранних периодах истории Эллады (поскольку и сегодня гиперкритики ставят иногда под очень большое сомнение дос-

⁵ Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 92–94.

⁶ В данной связи вполне закономерным представляется нам сохранение в греческом языке и в “темные века” микенского термина *υροφεύς* (*υροφεις*) – “писец” и при этом нет никакой необходимости предполагать утрату им на какое-то время своего устоявшегося значения (ср. Казанский Н. Н. Микенское обозначение писца // Международный симпозиум “Античная балканистика 6”. Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этно-лингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. 18–22 октября 1988 г. Тезисы докладов. М., 1988. С. 17).

товерность таких исторических данных, как основанных якобы только на передаче информации в традиционных формах устного народного творчества⁷). Некоторые коренные греческие области – например, Аркадия, Аттика, Ахайя, Элида – в наименьшей степени затронутые последствиями опустошительных миграций и военных столкновений эпохи дорийского завоевания и легендарного “возвращения Гераклидов” в Пелопоннес, сохранили во многом этнокультурные и даже легитимно-династические традиции ахейского времени. Так, в Аркадии власть по-прежнему удерживали цари из древней местной династии пеласго-ахейского происхождения. Потомки различных ветвей царского рода Нелеидов из Пилоса заняли выдающееся положение в Афинах, а один из них – Мелант – воцарился там (от него и его сына Кодра вели свое родословие также несколько правящих домов в колонизованных афинянами ионийских городах на западном побережье Малой Азии). Прямые наследники Атридов после изгнания их дорийцами из Арголиты и Лаконии стали царствовать в Ахайе и малоазийской Эолиде. Представитель боковой линии прежней династии – Оксил – получил власть над Элидой с помощью своих дорийских союзников⁸.

Однако в резко изменившихся экономических и социальных условиях подобные явления выглядят лишь как реликты прошлого. В полной мере, со всеми существеннейшими чертами (не только лингво-этническая, сакрально-культовая и генеалогическая преемственность, но также сохранение на определенный период времени главных принципов политико-административной организации хозяйственной жизни общества, так называемого “дворцового типа”, и тесно связанной с ней в генетическом и функциональном отношениях системы письма) микенская цивилизация в самый роковой для нее момент устояла только на Кипре. Поэтому туда надолго переместился центр греческой культуры и именно там могли дальнейшие поколения эллинов снова почерпнуть многое из того, что ранее было накоплено, а затем утрачено ими в Эгеиде.

⁷ Ср.: Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990. С. 109. Следует однако напомнить, что во многих других работах, и более раннего, и более позднего времени, данный исследователь демонстрирует иной подход к свидетельствам эллинской традиции.

⁸ Подробнее обо всем этом см. в следующей главе.

Глава 5

Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты)

Несмотря на все потрясения, которые испытали южно-балканские области на переходе от бронзового века к железному, греческое общество конца II – первой половины I тыс. до н. э. остается все же связанным множеством живых нитей с предшествующей микенской эпохой¹.

Кое-где отдельные царства ахейцев даже сохранились в полной неприкосновенности. Такая картина наблюдается, например, на дальней периферии прежнего микенского мира – на острове Кипр² (о чем говорилось подробно в предыдущей главе). Изменение конкретных исторических условий потом не могло не привести к закономерной эволюции социально-политических и иных институтов общества даже на ахейском по-прежнему Кипре. Однако доминирующим фактором должен был ощущаться континуитет этнокультурный. Это обуславливалось тем, что по крайней мере наиболее значимые слои населения являлись прямыми потомками греков-ахейцев, хранителями тех же традиций, и прежде всего, конечно, семейно-бытовых, но также и духовных, в частности генеалогических и сакральных.

Преемственность соблюдалась и в общественно-политическом устройстве, причем, что показательно, это относится к функционированию такого важнейшего государственного института как институт царской власти. Здесь прослеживается тот же легитимно-династический принцип передачи престола по прямой нисходящей линии внутри одного и того же знатного рода, который установился при основании греко-кипрских царств в эпоху ахейской колонизации острова. На Кипре греческие династии, из поколения передававшие царскую власть своим детям в течение многих столетий, вели свое происхождение от известных персонажей ахейского периода истории Греции, прославленных в

¹ О ходе дискуссии по вопросу о континуитете и дисконтинуитете в Греции между микенским временем и последующими веками см.: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 54–63.
² Ср.: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 65.

эпических сказаниях эллинов героев Троянской войны. Цари Пафоса возводили свой род к аркадскому анакту Агапенору, сыну Анкея (Apollod. Epit. VI. 15; Strab. XIV. 6. 3; Paus. VIII. 5. 2), цари Саламина Кипрского – к Тевкру, брату Аякса Теламонида (Pind. Nem. IV. 46; Isocr. Orat. IX. 18; Strab. XIV. 6. 3; Paus. I. 3. 2; II. 29. 4), цари Сол (древняя Эпья) – к Демофону и Акаманту, сыновьям Тесея Афинского (Apollod. Epit. VI. 17; Strab. XIV. 6. 3; Plut. Sol. 26).

Однако для потомков ахейских выходцев большую ценность представляла не только освященная вековой традицией генеалогическая легенда, обосновывавшая наследственные права знатной семьи. Не меньшее значение имела для них и приобщенность к древнему сакральному наследию, в частности обладание особым семейным культом, иногда перераставшим затем в государственный.

Отпрыски ахейских анактов, жившие на Кипре, продолжали чтить тех богов, которым оказывали свое особое почитание их предки в родной Греции (Paus. VIII. 5. 2–3; 53. 7). Учреждая святилища и культы на новой родине, они старались утвердить и сохранить здесь собственные права на исполнение жреческих функций (ср. Tac. Hist. II. 4), которыми обладали “диогенеты” микенской эпохи.

Ту же ориентацию на тщательное сбережение и даже культивирование семейных генеалогических и сакральных традиций можно обнаружить не только на Кипре, где благополучно уцелел в нетронутom виде островок микенской цивилизации и после заката ее главных центров на юге Балкан. Целый ряд областей материковой Греции, по-видимому действительно не столь сильно пострадавших от внешних вторжений и иных деструктивных факторов (как на то и указывают эллинские исторические предания и данные археологии), и сами сохранили в основном свое прежнее демографическое лицо, оказались желанными прибежищами для многих групп ахейских мигрантов из других мест. Таковы, к примеру, Аттика, Аркадия, Ахайя и Элида.

Конкретные сообщения нарративных источников на сей счет довольно многочисленны, но носят преимущественно все тот же специфический характер, что и на Кипре. Это главным образом сведения, относящиеся к судьбам ахейских аристократических родов, переживших дорийское завоевание и сумевших в новых условиях в той или иной мере поддержать свой прежний высокий статус. Представители этих древних фамилий, вероятно спасших

часть своих сокровищ, везде имели более благоприятные условия не только для выживания, но и для достижения экономического процветания, а следовательно и для выживания в ряды господствующей элиты. Не случайно со временем из их среды вышли многие видные политические и культурные деятели Эллады. Об этих незаурядных личностях, а заодно и об их родословных, восходящих к микенской эпохе, охотно повествовали древние авторы.

Аттику конца II тыс. до н. э. по справедливости можно назвать "заповедником беглой ахейской знати" (ср.: Thuc. I. 2. 6; Strab. VIII. 7. 1; IX. 1. 7; Paus. VII. 1. 9). Наиболее заметную группу здесь составили спасшиеся после падения где-то около 1200 г. до н. э. Пилосского царства представители тамошнего правящего дома Нелеидов (Paus. II. 18. 8–9). Они несомненно пришли в Афины не с пустыми руками, а видимо со значительными богатствами и достаточно внушительной в военном отношении свитой. Для этого у них имелись все возможности, ибо, если решающее наступление врагов на Пилос велось по суше, как о том повествует традиция (дорийцы и их союзники, по преданию, сначала переправились на кораблях через Коринфский залив на северное побережье Пелопоннесского полуострова, а затем устремились пешим порядком через Аркадию в Арголиду, Лаконию, Мессению и Элиду — ср.: Strab. IX. 4. 7; Paus. V. 3. 6; VIII. 5. 6; X. 38. 10), а морской путь при этом оставался свободным для бегства, пилосская знать с частью боевых сил могла воспользоваться для своего спасения и эвакуации ценностей флотом, о силе которого говорят и эпос (Hom. II. II. 601–602; Apollod. Epit. III. 12), и документы линейного письма В.

Эллинская историческая традиция сообщает о большом числе беглецов из Пилоса, переселившихся в Афины (Strab. XIV. 1. 3). Нашедшие приют в Аттике пришельцы оказались настолько сильны, что их предводитель Мелант, старший в роде Нелеидов, властвовавший прежде над Мессенией (Strab. VIII. 4. 1; IX. 1. 7; XIV. 1. 3), воцарился теперь в Афинах (Herod. V. 65; Strab. IX. 1. 7; Paus. II. 18. 9; VII. 1. 9). Его сын и преемник Кодр сумел, по афинскому преданию, отразить натиск дорийцев на Аттику, хотя и пал от рук врагов (Herod. V. 76; Aristot. Pol. V. 8. 5; Strab. IX. 1. 7; XIV. 2. 6; Vell. Pat. I. 2. 1–2; Paus. I. 19. 5; 39. 4; VII. 25. 2; VIII. 52. 1).

Отпрыски этой династии Кодридов-Медонтидов, процарствовав в Афинах еще несколько веков, и после полной утраты (примерно в VIII в. до н. э.) своих прежних прерогатив сохранили свое высокое положение в среде эвпатридов. Напомним, что к их числу принадлежали такие крупнейшие фигуры в политической и культурной жизни Афин, как Солон, Критий Младший, Хармид и Платон (Diog. Laert. III. 1; ср. RE. Hbd. 29. S. 113). Из этого же клана вышли предводители колонистов, утвердившие свою наследственную власть в ряде ионийских городов на западном побережье Малой Азии; согласно традиционной хронологии, это произошло где-то в первой половине XI в. до н. э. (Herod. I. 147; IX. 97; Marm. Par. 27; Strab. VIII. 7. 1; XIV. 1. 3; Paus. VII. 2. 1; 2. 3–6; 2. 8–10; 3. 3–10; Aelian. Var. hist. VIII. 5).

Помимо Меланта и другие представители древней ахейской династии Нелеидов, вместе с ним покинувшие Пилос, стали в Афинах родоначальниками виднейших эвпатрических семей — Алкмеонидов, Писистратидов и Пео-нидов (Herod. V. 65; Paus. II. 18. 9).

Знаменитые афинские тираноубийцы Гармодий и Аристогитон причислялись к старинному роду Гефиреев. Этот род происходил то ли из Эретрии на Эвбее, то ли из Танагрской области в Беотии (Herod. V. 57). Несомненно он принадлежал к числу родов ахейцев-эмигрантов. Ведь на протяжении многих столетий он оставался хранителем особого культа (с собственными тайными обрядами) Деметры Ахейской (Herod. V. 61).

Стекались в Аттику беженцы-ахейцы и из других греческих областей: у афинян бытовали среди семейных генеалогических преданий даже такие, в которых предки-родоначальники выводились с отдаленной западной окраины микенского мира — с острова Кефалления (Paus. I. 37. 6–7), входившего, согласно эпосу, в царство Одиссея (Hom. II., II. 631–637; Apollod. Epit. III. 12).

Тем более естественным выглядит то, что в Афинах нашли себе пристанище отпрыски правившего на соседнем острове Саламине ахейской царской династии Теламонидов (Herod. VI. 35; Plut. Sol. 10; Plut. Alc. 1; Paus. I. 35. 2). От них вели свое происхождение два эвпатрических рода — Филаиды (к ним принадлежали, в частности, Мильтиад Старший и все его знаменитые близкие сородичи, а также Эпикур) и Эври-сакиды-Саламинии (из них наиболее известен Алкивиад, сын Клиния). Наследственные культы их родоначальников Аякса

Отпрыски этой династии Кодридов-Медонтидов, процарствовав в Афинах еще несколько веков, и после полной утраты (примерно в VIII в. до н. э.) своих прежних прерогатив сохранили свое высокое положение в среде эвпатридов. Напомним, что к их числу принадлежали такие крупнейшие фигуры в политической и культурной жизни Афин, как Солон, Критий Младший, Хармид и Платон (Diog. Laert. III. 1; ср. RE. Hbd. 29. S. 113). Из этого же клана вышли предводители колонистов, утвердившие свою наследственную власть в ряде ионийских городов на западном побережье Малой Азии; согласно традиционной хронологии, это произошло где-то в первой половине XI в. до н. э. (Herod. I. 147; IX. 97; Marm. Par. 27; Strab. VIII. 7. 1; XIV. 1. 3; Paus. VII. 2. 1; 2. 3-6; 2. 8-10; 3. 3-10; Aelian. Var. hist. VIII. 5).

Помимо Меланта и другие представители древней ахейской династии Нелеидов, вместе с ним покинувшие Пилос, стали в Афинах родоначальниками виднейших эвпатрических семей — Алкмеонидов, Писистратидов и Пэонидов (Herod. V. 65; Paus. II. 18. 9).

Знаменитые афинские тираноубийцы Гармодий и Аристогитон причислялись к старинному роду Гефиреев. Этот род происходил то ли из Эретрии на Эвбее, то ли из Танагрской области в Беотии (Herod. V. 57). Несомненно он принадлежал к числу родов ахейцев-эмигрантов. Ведь на протяжении многих столетий он оставался хранителем особого культа (с собственными тайными обрядами) Деметры Ахейской (Herod. V. 61).

Стекались в Аттику беженцы-ахейцы и из других греческих областей: у афинян бытовали среди семейных генеалогических преданий даже такие, в которых предки-родоначальники выводились с отдаленной западной окраины микенского мира — с острова Кефалления (Paus. I. 37. 6-7), входившего, согласно эпосу, в царство Одиссея (Hom. II., II. 631-637; Apollod. Epit. III. 12).

Тем более естественным выглядит то, что в Афинах нашли себе пристанище отпрыски правившего на соседнем острове Саламине ахейской царской династии Теламонидов (Herod. VI. 35; Plut. Sol. 10; Plut. Alc. 1; Paus. I. 35. 2). От них вели свое происхождение два эвпатрических рода — Филаиды (к ним принадлежали, в частности, Мильтиад Старший и все его знаменитые близкие сородичи, а также Эпикур) и Эври-сакиды-Саламинии (из них наиболее известен Алкивиад, сын Клиния). Наследственные культы их родоначальников Аякса

(Paus. II. 13. 1; V. 1. 1-2; VIII. 5. 6). С этим утверждением вполне согласуются данные лингвистики⁵. Правила Аркадией вплоть до второй половины VII в. до н. э. все та же династия, что и до Троянской войны (Paus. VIII. 4. 1-10; 5. 1-13). Династический культ Афины Алеи, установленный аркадскими царями древнейшей поры, поддерживался их отдаленными потомками, помнившими о своем происхождении и семейных святынях (Paus. VIII. 5. 3; 45. 4; 53. 7).

В Элиде ее жители, хотя и остались на родной земле после прихода в Пелопоннес дорийцев, но вынуждены были принять к себе сначала немалое число этолийцев во главе с Оксилом, внуком одного из героев Троянской войны, а затем и еще одну группу ахейских эмигрантов, предводительствуемую потомком микенских Атридов — Агорием, правнуком Ореста, сына Агамемнона (Paus. V. 3. 5-7; 4. 1-3).

Оксил, вступивший в союзные отношения с дорийцами, стал при их поддержке царем Элиды, но уже его внуки утратили верховную власть. Правда, и в последующие столетия семья эта сохранила свой вес, причем она активно выступала в роли хранителя ахейских традиций. Так наиболее известный в истории ее представитель — Ифит стал в 776 г. до н. э. учредителем регулярно проводимых Олимпийских состязаний. При этом он ориентировался, по мнению эллинов, целиком и полностью на реставрацию установлений ахейских времен (Paus. V. 4. 6).

Не лишилась полностью своих привилегий и отстраненная Оксилом от власти прежняя династия анактов Элиды, а за ее потомками было закреплено наследственное право на публичное отправление культа (с жертвоприношениями и поминовением) их наиболее почитаемого царственного предка — Авгия (Paus. V. 4. 2).

Гостеприимно приняла Элида и знатные ахейские семьи, представители которых не только обладали почтенной родословной, но и славились наследственным даром прорицания. Здесь, например, процветали пользовавшиеся всеэллинским авторитетом жрецы-прорицатели Клитиды, потомки ахейских царей Аргоса и Сикиона (Paus. VI. 17. 6).

Из поколения в поколение пользовались привилегией совершать жертвы и прорицания у алтаря Зевса на священном участке в Олимпии члены рода Иамидов, являв-

⁵ Ср. Гринбаум Н.С. Ранние формы... С. 25, 29, 35, 40 (там же, на с. 17-35, изложена историография вопроса).

шегося, как видно, побочной отраслью аркадской царской династии, ответвившейся от нее еще в микенское время (Pind. Ol. VI. 27–50). В середине V в. до н. э. отдельные ветви этой знаменитой жреческой фамилии заняли высокое положение в Сиракузах и Спарте (ср.: Find. Ol. VI; Herod. IX. 33–36). А еще раньше другая ветвь играла заметную роль при дворе мессенских Эпитидов, по женской линии восходивших к той же аркадской династии ахейского корня (ср.: Paus. IV. 16. 1; 16. 5; 21. 2; 21. 10–11).

Еще в одной пелопоннесской области – Ахайе (расположенной на самом севере полуострова) после «возвращения Гераклидов» власть получили бежавшие из своих прежних аргонидско-лаконских владений Атриды, когда-то наиболее могущественные из ахейских анактов. Отсюда некоторые из них организовывали выходы колонистов к восточным берегам Эгейского моря – на остров Лесбос и в малоазийскую Эолиду (Strab. IX. 2. 5; X. 1. 8; XIII. 1. 3; Vell. Pat. I. 2. 4; Plut. Moral. 163 A–B; Paus. III. 2. 1; VII. 6. 2). Потомки побежденного дорийцами последнего микенского царя из рода Атридов – Тисамена, сына Ореста, воцарились в ахейском двенадцатиградии на Пелопоннесе (Paus. VII. 6. 2). По соседству с ними, в новооснованных Патрах утвердился изгнанник-ахеец из знатного рода, когда-то (еще до Атридов) правившего в Лакедемонне (Paus. III. 2. 1; VII. 6. 2: 18. 5–6).

Отголоски ахейских этнокультурных реминисценций, дошедшие опосредованно до классической эпохи, слышны были и в Беотии. Семейные генеалогические предания и иные традиции бережно хранили, например, гордившиеся своим автохтонным происхождением уцелевшие потомки самых древних обитателей Кадмеи-Фив – так называемых Спартов (ср.: Paus. IX. 5. 3; 10. 1; Apollod. III. 4. 1), к которым принадлежал, в частности, прославленный полководец и политик первой половины IV в. до н. э. Эпаминонд (Paus. VIII. 11. 8).

Знатная семья на острове Самосе, из которой вышел философ Пифагор, помнила о том, что ее предок Гиппас возглавил уход из Флиунта многих ахейцев, не пожелавших подчиниться дорийским завоевателям (Paus. II. 13. 1–2). В соседнем же с Флиунтом Сикионе дорийцы оставили прежних жителей, составивших отдельную филу (филу Эгиалеев), а тамошнему ахейскому анакту сохранили часть прежних прерогатив (Paus. II. 6. 7).

Обосновавшийся после ионийской колонизации Карию в Милете известный жреческий род Бранхидов (ср.: Herod. I. 157–159; II. 159; Strab. XIV. 1. 5) возводил свою генеалогию к герою Махарею, защитившему, по преданию, Дельфийское святилище от посягательств Неоптолема, одного из младших участников Троянской войны (Strab. IX. 3. 9; ср.: Apollod. Epit. VI. 14; Schol. Eurip. Orest. 1654).

Помнили о своей ахейской родословной и ценили ее и те некоторые прежде могущественные фамилии, которые уцелели в родных местах, но утратили свой высокий общественный статус после дорийского завоевания. Отдельные дошедшие до нас отрывочные указания нарративных источников на этот счет относятся к различным областям, покоренным и освоенным дорийцами.

Известно, что Кипсел, свергший власть Бакхиадов в Коринфе и установивший там тиранию, принадлежал по отцу к роду, когда-то жившему в Гонуссе под Сикионом (Paus. II. 4. 4; V. 18. 7–8) и восходящему к царям фессалийцев-лапифов ахейского времени (Herod. V. 92).

К потомкам героя эпических сказаний греков-ахейцев Эвфема, беотийца или лакедемонянина по происхождению (ср.: Pind. Pyth. IV; Apollod. i. 9. 16; Apoll. Rhod. I. 17. 9; Paus. V. 17. 9; Schol. Pind. Pyth. IV. 15, 455; Tzetz. Lyc., 886), причислялась одна из семей лемноских беженцев-минийцев (Herod. IV. 145, 148; Paus. VII. 2. 2), скитавшихся после изгнания с родного острова пеласгами, совершившегося примерно в одно время с занятием дорийцами Лакедемона. Ее члены участвовали в дорийской колонизации сначала острова Фера, а затем – Кирены (Herod. IV. 150–165, 167; Pind. Pyth. IV; Paus. III. 14. 3; X. 15. 6), где они стали царями – это известная династия Баттиадов Киренских.

Отпрыски некоторых владетельных ахейских домов, согласно эллинским преданиям, сами стали союзниками дорийских завоевателей. Таким путем они смогли добиться права на некоторое участие в дележе политической власти и в новых условиях сохранили наследственные привилегии. Наиболее характерен пример потомков древней фиванской династии Кадмидов. Породнившись с дорийскими архгетами Спарты (Herod. IV. 147; Paus. III. 1. 7; IV. 3. 4), они обеспечили себе видное положение не только здесь, но и во многих апойкиях дорийцев – на острове Фера, на Родосе, в Сицилии (ср.: Pind. Ol. II. 23–54 et Schol.; Pind. Pyth. V. 73–75; Pind. Isthm. VII. 13–15; Herod. IV. 147–150; Paus. III. 1. 7–8; 15. 6; 15. 8; IV. 3. 4; 7.8; VII. 2. 2).

Наконец, даже самым спартанским царям не была чужда идея принадлежности к древней ахейской этнокультурной традиции. Правда, предъявлялась эта идея ими как правило для обоснования своих политических притязаний на так называемое "наследство Геракла" в Пелопоннесе. Но известен случай с царем Клеоменом I, когда он отстаивал свое ахейское происхождение по религиозным мотивам (Herod. V. 72). Вероятно, идею генеалогической связи спартанских Гераклидов с анактами-ахейцами, опирающуюся на отождествление трех мифологических персонажей — Геракла Дорийского, Геракла Фиванского и Геракла Тиринфского, поддерживали те же Кадмиды. По преданию, наставником и опекуном сыновей Аристодема — Прокла и Эврисфена был их дядя по матери фиванский царевич Фер (Herod. IV. 147; Paus. III. 1. 7), который, согласно генеалогическим сказаниям и эпосу, имел своими предками по женским линиям властителей многих ахейских царств — Аргоса, Сикиона, Пилоса, Иолка и других.

Приведенные нами примеры — лишь отдельные крупинцы информации, которые уцелели по сути дела случайно, в связи с тем, что в поле зрения античных авторов попадал конкретный отпрыск того или иного древнего рода, помнившего о своем далеком прошлом. О подавляющем же большинстве прямых потомков ахейцев такие сведения до нас не дошли. Но они, эти потомки, имелись в немалом числе в различных уголках Греции периода "темных веков" и позднее. Кое-где их оставалось мало, кое-где они преобладали и память об этом хранилась в народе, о чем прямо свидетельствуют греческие историки, говорящие об обитателях Кипра, Аттики, Аркадии и т. д. как о потомках и наследниках ахейцев из тех или иных конкретных местностей и городов. При этом следует отметить, что свидетельства генеалогического и сакрального характера (о семейных и родовых культах), являвшиеся наиболее значимыми для самих хранителей подобной традиции, могли сохраняться дольше всего, то есть даже тогда, когда с течением веков почти утрачивали свое прежнее реальное содержание, оставаясь лишь общим указанием на отдаленные истоки явлений совершенно новой эпохи.

Глава 6

Генеалогические источники по истории Ахейской Греции (Родословная царей Сикиона и их потомков)

Для двух из трех основных видов источников, которыми оперируют ученые, стараясь реконструировать историю Греции во II тысячелетии до н. э. — археологических материалов и документов линейного письма В — уже выработаны надежные приемы анализа и интерпретации, дающие возможность получать достаточно точные и объективные выводы. Куда сложнее, как мы уже видели, обстоит пока дело с третьим видом таких источников — данными античной мифолого-исторической традиции. Задачу правильного и успешного использования последних затрудняет при этом не только фрагментарность дошедшей до нас через труды античных авторов информации, объем которой при ближайшем рассмотрении оказался все же очень большим, сколько ее разнородность и мозаичность. Вычленение внутри нее отдельных составляющих элементов, их тематический отбор и интерпретация совершенно необходимы для дальнейшего продвижения вперед в разработке актуальных проблем источниковедения Ахейской (Микенской) Греции.

В настоящей главе рассматривается только небольшая часть античной традиции, а именно некоторые сведения генеалогического характера, составлявшие для эллинов хронологический стержень представлений об их древнейшем прошлом, т. е. суть взгляда на собственную историческую ретроспективу, в которой памятные события были неразрывно связаны со вполне определенными звеньями в цепочках царских родословий. При этом в качестве главного конкретного примера нами берется стемма царей Сикиона, занявшая особое положение среди древнейших эллинских родословий в силу того, что и в I тыс. до н. э. в разных местностях материковой и островной Греции она по-прежнему сохраняла свою ценность для причастных к ней знатных семей. А в колонизованной греками Сицилии в первой половине V в. до н. э. отмеча-

ется ее особенно ярко выраженная политическая актуализация. Поскольку с того же времени резко возрос стимулируемый различными факторами интерес к родословию Эгиалейдов-Адрастидов у эллинских литераторов и историков, создались благоприятные условия для дальнейшего сохранения ее в письменных памятниках античности.

Как известно, генеалогии господствующих родов еще в доклассовом обществе почитались одним из ценнейших достояний в сфере информационного наследия данной этнокультурной общности. Наследственное выполнение вождями жреческих функций делало сохранение их имен в памяти потомков важной частью сакрального знания. Замечательные навыки передачи с большой точностью из поколения в поколение генеалогических сведений были выработаны в далеком прошлом многими бесписьменными народами (от Скандинавии до Полинезии). С появлением письменности историко-династическая традиция получала еще одну прочную опору, но при этом не утрачивала своего первенствующего положения среди наиболее значимых жанров канонизированного устного повествования. Державные потомки древнего рода в собственных интересах не могли не способствовать всемерно поддержанию в должном состоянии своего семейного родословия. В тех же случаях, когда династии утрачивали трон, пресекались в главных линиях или слишком сильно разветвлялись, их захудалые отпрыски стремились использовать ту же генеалогическую традицию для сохранения и даже повышения в новых условиях своего социального статуса.

Античные мифографы и историки донесли до нас немало сведений о родословных правителей отдельных царств Ахейской Греции¹. В наиболее полном и систематизированном виде представлены они у Павсания. Ко времени путешествий этого неутомимого исследователя древностей по областям центра и юга Эллады, описание которых он оставил, еще сохранялась живая связь не-

¹ Эти сведения в той или иной мере часто использовались исследователями-антиковедами. Из последних работ, где им отведено значительное место, см.: Vanschoonwinkel J. *L'Égée et la Méditerranée Orientale à la fin du Ier millénaire*. Louvain-la-Neuve, 1991. Ср. также: Молчанов А.А. Вопросы источниковедения Ахейской Греции (генеалогические источники) // *Методология и методика изучения античного мира*. М., 1994. С. 151–156.

скольких, весьма не сходных между собой эпох в богатом прошлом этой страны.

Царские родословные, относящиеся к ахейской эпохе, уцелели, как видно из павсаниевских путевых заметок, во многих местностях, от Пелопоннеса до Фокиды, по крайней мере вплоть до II в. н. э. Правда они дошли до тех времен с разной степенью полноты. Например, династия афинских царей, основанная Эрихтонием и правившая до нашествия дорийцев, насчитывает, согласно версии, зафиксированной Павсанием², десять поколений. Кроме того традиция сохранила имена четырех предшественников Эрихтония, поочередно господствовавших в Аттике (Paus. I. 2. 6). Довольно длинные и разветвленные стеммы выстраиваются также по генеалогическим преданиям Аргона³, Микен⁴, Пилоса Мессенского⁵, Лакедемона⁶, Элиды⁷, Аркадии⁸, Фив⁹ и Орхомена Беотийского¹⁰.

Интересно, что по данным местной историко-мифологической традиции для некоторых из ахейских царств прослеживаются как отдельные случаи соправительства членов одной семьи, так и существование официально оформленного института парадинастии, функционировавшего непрерывно на протяжении ряда поколений¹¹.

Очень часто эллинские саги о “героических временах” сообщают о заключении династических браков между

² Paus. I. 2.6; 3. 3; 5. 3–4; 17. 6; 22. 5; II. 18. 8–9. См. также: II. II. 546–554; Apollod. III. 14. 1–2; 14. 5–8; 15. 1; 15. 5–7; 16. 1; Apollod. Ep. I. 10–11; I. 24.

³ Paus. II. 15. 5; 16. 1–3; 18. 4–5; 30. 10; VI. 17. 6. См. также: II. II. 560–568; Od. XV. 225–255; Herod. VII. 34; Apollod. I. 1. 1–5; 2. 1–2; 4. 4; 9. 11–13; III. 6. 1–3; 7. 2–7.

⁴ Paus. II. 18. 1–2; 18. 5–8; IX. 40. 11. См. также Apollod. II. 4. 4–6; Apollod. Ep. II. 10–16; VII. 23–27.

⁵ Paus. II. 18. 8–9; IV. 2. 4–5; 3. 1–3; См. также: Apollod. I. 9. 9; II. 8. 1–2.

⁶ Paus. III. 1. 1–5. См. также: Apollod. I. 9. 5; III. 10. 3–7.

⁷ Paus. V. 1. 2–10; 3. 1–4. См. также: Apollod. II. 5. 5; 7. 2.

⁸ Paus. VIII. 1. 4–6; 2. 1; 3. 1–7; 4. 1–10; 5. 1–13. См. также: Apollod. III. 8. 1–2; 9. 1–2.

⁹ Paus. IX. 5. 1–16. См. также: Herod. IV. 147; V. 59; Apollod. III. 4. 1–4; 5. 5–9; 6. 1; 7. 1–3.

¹⁰ Paus. IX. 34. 6–10; 36. 1–6; 37. 1–8.

¹¹ См. прежде всего аргосские (II. II. 560–568; Herod. IX. 34; Apollod. II. 2. 2; Paus. II. 18. 4–5; 30. 10; VI. 17. 6;) и элидские сказания (II. II. 615–624; XXIII. 629–631; Apollod. II. 7. 2; Paus. V. 1. 11; 3. 1–4). Подробно мы говорили об этом выше (в главе 3).

членами царствовавших в тех или иных местах Эллады домов. Создается полное впечатление, что отношения кровного родства или свойства связывали ко времени воспоминаний Гомером Троянской войны чуть ли не всех мало-мальски заметных ахейских анактов.

Как составитель генеалогического справочника для древнейшего периода истории Греции Павсаний имел многих предшественников из числа эллинских мифографов и историков (начиная с логографов VI в. до н. э.). Но труды подавляющего большинства из них до нас не дошли и известны лишь по ссылкам и извлечениям, попавшим в сочинения других античных авторов. Счастливое исключение здесь составляет "Библиотека" Аполлодора. По ней (сохранились три первых ее книги и эпитома) мы можем судить об общей систематизации мифологических и историко-генеалогических знаний, принятой среди ученых эпохи эллинизма, принадлежавших к александрийской школе¹².

Но особенность павсаниевских версий ахейских царских родословий и их главная, на наш взгляд, ценность как источника в том, что они основаны не только на устоявшейся эллинской литературно-письменной и научной традиции. Как добро-совестный эрудит-антикварий в полной мере учитывая эту традицию, Павсаний в то же время старался черпать информацию непосредственно из наиболее архаичных пластов исторической памяти народа, наиболее авторитетными хранителями которой он справедливо считал наследственно-профессиональных знатоков сакральных, в том числе и генеалогических, знаний из местных жреческих кругов. Очень бережное отношение к каждой крупице вполне оригинальных по происхождению сведений — отличительная черта исследовательского подхода автора "Описания Эллады" к собиранию и изучению столь любимых им древностей, необычных фактов и преданий старины глубокой. Только благодаря скрупулезности пытливого антиквара оказались увековеченными родословные династии таких третьестепенных центров Греции микенского времени как Фары (гомеровские Феры) в Мессении¹³.

Эллины, бывшие современниками Павсания, ощущали себя потомками различных греческих племен, которые

¹² Борухович В. Г. Античная мифография и "Библиотека" Аполлодора. С. 105–120.

¹³ В семье семьи местных владык насчитывается 6 поколений (Paus. IV. 30. 2–3; см. также: II. V. 541–560; Od. III. 488–490; XV. 186–188; XXI. 15–16; Strab. VIII. 4. 1; 4. 4–6; 5. 8; Paus. IV. 1. 3–4; 3. 2; 3. 10).

принимали участие в многоэтапном освоении островов и материковых областей Эгейского бассейна. Более того, кое-где они помнили и о более глубоких своих корнях на этих территориях. Так, к примеру, на Крите, в Аркадии и Аттике сохранялась память о древних обитателях тех мест, лишь потом ассимилированных греками¹⁴.

Что же касается этнокультурной преемственности между населением Ахейской Греции и эллинами I тыс. до н. э., то помимо собственного самоощущения последних, ясно и недвусмысленно отраженного в античной литературной традиции, о ней красноречиво говорят факты исторического и лингвистического свойства. Наиболее полно этот континуитет осуществлялся, по-видимому, в таком явно не затронутом дорийским завоеванием оазисе микенской цивилизации, как остров Кипр, где сохранялась даже слоговая письменность, непосредственно происходящая от линейного письма B¹⁵. Но и в других областях греческого мира, хотя и в различной степени, уцелело ахейское население со своим диалектом, старыми верованиями и обычаями, преданиями о далеком и недавнем прошлом, хронологическим стержнем для которых служила последовательность поколений и имен в царских генеалогиях. Самыми заинтересованными хранителями старинных родословий, равно как и наследственных культов, были, естественно, сами потомки анактов микенского времени¹⁶.

Какова же информативность и степень достоверности тех генеалогических источников по истории Ахейской Греции, которыми мы располагаем? Несомненно, они чрезвычайно важны, поскольку сообщают много имен, как реальных исторических, так и мифологических, в определенной последовательности и с хронологической привязкой к наиболее значительным событиям. Но в то же время совершенно очевидна фрагментированность подав-

¹⁴ В Аркадии даже царскому роду приписывалось не греческое, а более отдаленное, пеласгийское происхождение (Apollod. III. 8. 1; Paus. VIII. 1. 4–6).

¹⁵ Молчанов А. А. Ахейская Греция и Кипр: непрерывность традиций // Среда, личность, общество. Доклады конференции. М., 1992. С. 115–119. См. также главу 4 части II данной книги.

¹⁶ Он же. Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 74–84. См. также предыдущую главу данной книги.

ляющего большинства рассматриваемых генеалогий. Как правило они знают лишь очень ограниченное число поколений одной царской семьи. Чаще всего в них фигурируют представители генераций, ближайших ко времени Троянской войны, т. е. самых поздних и уже потому лучше запомнившихся. Отдельные части некоторых родословий постоянно освежались в памяти эллинов и благодаря их присутствию в часто звучавших публично текстах популярных эпических поэм. Иногда налицо результаты произошедшего сокращения поколенных росписей: в сохранившихся версиях оказались опущенными отдельные имена или даже целые цепочки антропонимов. Лишь в очень малом числе стемм насчитывается от 5 до 10 учтенных поколений. Это говорит о неполноте большинства дошедших до нас древнейших греческих генеалогий.

Но в родословные могли включаться и персонажи чисто мифологические: обычно тот или иной божественный предок фигурирует в качестве прародителя династии, но зачастую выступает и в роли как бы “вспомогательного родоначальника”, а именно единовременного супруга принцессы, с которой производит на свет наследника престола и продолжателя прежней легитимной династической линии. Не случайно отпрыски царственных и иных знатных ахейских родов, как правило возводившие себя либо прямо к Зевсу, либо к кому-то из “представителей младшего поколения” того же “клана бессмертных олимпийцев”, получили со временем обобщенное наименование “диогенетов” (“зевсорожденных”), зафиксированное многократно в эпосе. Однако определить, где в древнейших греческих родословных присутствует имя реального предка, а где – чистый теоним, ближе нам незнакомый, определить иногда затруднительно.

С другой стороны, когда появляется возможность проверки данных генеалогических источников, результаты оказываются весьма обнадеживающими. И дело тут не сводится к подтверждениям достаточно общего характера: например, такому, как установление лингвистами тесного родства кипрского и аркадского диалектов¹⁷ при том, что,

¹⁷ Ср.: Smyth H.W. The Arcado-Cyprian Dialect // Transactions and proceedings of the American Philological Association. 1887. Vol. 18. P. 59–133; Meister R. Zum eleischen, arkadischen und kyprischen Dialekte. Leipzig. 1890; Казанский Н.Н. Диалекты древнегреческого языка. Л., 1983. С. 71–84.

согласно античной традиции, на Кипре обосновались переселенцы из Аркадии под предводительством одного из участников взятия Трои – царя Агапенора, ставшего на новой родине основателем династии¹⁸.

Известны и совпадения вплоть до мелких деталей. Так, в хеттских документах XIII в. до н. э. говорится о военных действиях в Малой Азии повелителя могущественной страны Аххиявы по имени Аттариссияс. Близким родственником и военачальником ахиявского царя был Тавагалавас. Теперь надежно установлено, что оба названных имени принадлежат царскому именослову Ахейской Греции. Это хорошо известные греческие Ἀτρεΰς и Ἐτεοκλῆς (Ἐτεφοκλέφης)¹⁹. Владыка Микен Атрей, согласно гомеровскому эпосу (II. III. 184–190), ходил походом в Малую Азию. Его современником был, по преданию, аргосский царевич Этеокл, сын Ифия, из родственного Атридам-Пелопидам дома Пройтидов²⁰. Он с полным основанием может быть отождествлен с Тавагалавасом хеттских документов²¹.

Среди ахейских генеалогий, собранных Павсанием, особый интерес представляет поколенная роспись царей Сикиона (Paus. II. 5.6–8; 6. 1–7). В ней насчитывается 20 непрерывно следующих друг за другом поколений (см. табл. I). Замыкает ее Адраст, сын Талая, знакомый эпосу прежде всего как дед Диомеда, одного из главных соратников Агамемнона под Троей (II. XIV. 109–127). Он жил и действовал, таким образом, двумя поколениями раньше Троянской войны, т. е. примерно в начале XIII в. до

¹⁸ Strab. XIV. 6. 3; Paus. VIII. 5. 2; 53. 7.

¹⁹ Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Античная версия исторического события, отраженного в KUB XXIII, 13 // ВДИ. 1986. № 1. С. 81–87; Гиндин Л.А. Ahhijawa и гомеровская эпическая традиция // Балканско езиковедие. 1990. Т. XXX. Вып. 3–4. С. 77–102; Он же. Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. М., 1993. С. 92–133.

²⁰ Apollod. III. 6. 3–4; 6. 8; Paus. X. 10. 3.

²¹ Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). С. 34. То, что имя Этеокл было употребительным среди ахейской знати, подтверждают в равной мере данные эллинской мифологической традиции (ср.: Этеокл, сын Андрея, один из первых царей Орхомена Беотийского, и Этеокл, сын Эдипа, владыка Фив) и таблички линейного письма В из Пилоса (PY An 654, Aq 64: патронимик E-te-wo-ke-re-we-i-jo = Etewokleweios).

и. э. После смерти Адраста его семья продолжает править лишь в Аргосе – другом ее наследственном владении (там царствовали прежде Талай и его отец Биант, в то время как сикионский трон достался Адрасту от деда со стороны матери).

Власть же над Сикионом переходит затем раз за разом к разным лицам из других знатных и могущественных ахейских родов, совершенно не связанных с Адрастидами кровным родством (Paus. II. 6. 6–7). Этим сикионским династам все труднее было отстаивать свою самостоятельность и со временем им пришлось подчиниться во всем своим могущественным соседям – Атридам, правителям Микен (Paus. II. 6. 7). Поэтому в “Илиаде” (II. 569–576) Сикион упоминается как одна из составных частей царства Агамемнона, сына Атрея. Последние пять сикионских царей, правивших до прихода на Пелопоннес дорийцев, из списка, приводимого Павсанием, относятся к завершающему этапу существования микенской цивилизации в материковой Греции.

Весьма схожую версию рассматриваемого родословия единой династии от Эгиалея до Адраста содержал труд Евсевия Кесарийского (около 263–343 гг. до н. э.), переведенный Иеронимом на латинский язык²². Расхождения между списками сикионских царей у Павсания и у Евсевия (ср. табл. I и II) не очень существенны, поскольку практически не затрагивают основную генеалогическую цепочку. Однако они нуждаются в объяснениях. Некоторые из них возникли, по-видимому, в ходе компиляторской работы самого Евсевия, другие родились под пером кого-то из его предшественников.

Разночтения Πέρατος/Eratus и Αἰγυρος/Aegydrus появились несомненно из-за ошибок переписчиков-копиистов. Имена Marath(on)us и Marathus (дериваты одной и той же ономастической основы) следует сопоставить с именем сына Эпопея – царевича Марафона, упоми-

²² Eusebius Werke. Die Griechischen christlichen Schriftsteller. Der ersten Jahrhunderte. Bd. VII. Die Chronik des Hieronymus (Hieronymi Chronicon). Berlin, 1984. 20b–65a (в данном перечислении однако отсутствуют указания на родословные связи между упоминаемыми персонажами). Об особенностях этого источника см.: Mosschammer A.A. The Chronicles of Eusebius and Greek Chronographic Tradition. Levisburg, London, 1979.

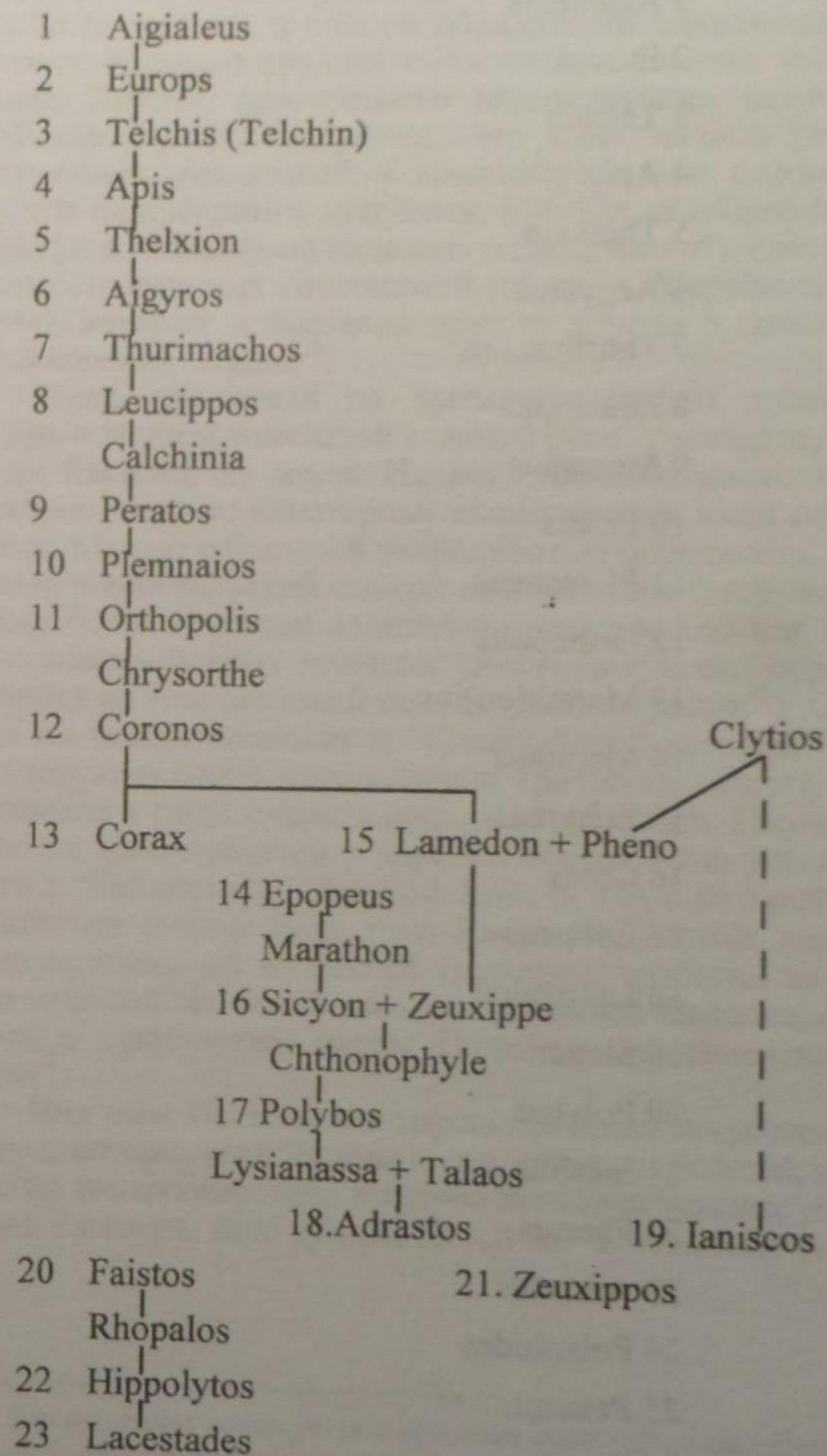

Табл. I. Список ахейских царей Сикиона и их генеалогические связи по версии Павсания.

- 1 Aegialeus
- 2 Europs
- 3 Telchin
- 4 Apis
- 5 Thelxion
- 6 Aegydrus
- 7 Thurimachus
- 8 Leucippus
- 9 Messapus
- 10 Eratus
- 11 Plemnaeus
- 12 Orthopolis
- 13 Marath(on)ius
- 14 Marathus
- 15 Echyreus
- 16 Corax
- 17 Epopeus
- 18 Laomedon
- 19 Sicyon
- 20 Polybus
- 21 Inachus
- 22 Faestus
- 23 Adrastus
- 24 Polyphides
- 25 Pelasgus
- 26 Zeuxippus

Табл. II. Список ахейских царей Сикиона по версии Евсевия (в переводе Иеронима).

наемого Павсанием (I. 15. 3; 32. 4; II. 1. 1), но не включенного последним в список обладателей сикионского престола. Намного труднее объяснить появление у Евсевия царя Эхирея, неизвестного павсаниевским источникам. Можно, правда, допустить, что здесь налицо результат путаницы, возникшей у компилятора или переписчика, когда он превратил, допустим, Марафа из Марафона Эхирея (т. е. "Марафона надежно защищенного"), сразу в трех самостоятельных персонажей (Марафа, Марафона и Эхирея), которых и поставил друг за другом в списке имен сикионских владык²³.

Инах, известный по аргосским мифам древнейший царь и эпоним тамошней главной реки²⁴, оказался, по версии Евсевия, на месте Ианиска павсаниевского перечня скорее всего по некоторому сходству этих имен собственных. Можно с большей уверенностью определить, как попало в евсевиевский список имя Мессапа (этот персонаж был более известен эллинским мифографам как эпоним южноиталийского племени мессапов-япигов, переселившийся на Апеннинский полуостров из Греции²⁵). Оно, судя по всему, восходит к "Сицилийской истории" Тимея, которую активно использовали греческие авторы, послужившие в свою очередь информаторами для Евсевия. Полифид явно добавлен в царский список из-за упоминания его в "Библиотеке" (Apollod. Epit. II. 15), с которой следовательно сверял свой труд Евсевий. Данный персонаж, заимствованный из некоей греческой трагедии на сюжет из мрачной семейной хроники потомков Пелопса, соотносим с сикионским царем Полибом павсаниевской версии²⁶.

Имя царя Пеласга, как персонификации догреческого периода истории всей Эллады и ее отдельных областей, искусственно интерполировано в сугубо книжную версию, изложенную Евсением, надо думать, из той же "Библиотеки", а восхо-

²³ Такой вариант согласуется с прочими свидетельствами Павсания (I. 15. 3; 32. 4; II. 1. 1).

²⁴ Kroll. Inachus. // RE. B. IX. Stuttgart, 1916. S. 1218, 1219.

²⁵ Ср.: Strab. IX. 2. 13.

²⁶ Сам же антропоним Полифид восходит к аргосской генеалогической традиции (Od. XV. 225–257), родственной сикионской.

лит оно к наиболее архаичной пелопоннесской, аркадской или аргосской, мифологической традиции²⁷.

Таким образом, причины отмеченных расхождений каждый раз приходится усматривать в копиистских погрешностях и компилятивно-редакторских интерполяциях, присущих версии Евсевия. Поэтому можно предположить, что и некоторый разнобой в относительной хронологии сикионских царей в завершающей части их списка вызван теми же самыми причинами. А значит в смысле источниковедческой надежности и аутентичности версия Павсания в целом заслуживает предпочтения как более близкая к первоисточнику.

Павсаний прямо указывает источник, откуда он получил информацию о древнейшей истории Сикиона и генеалогии его царей. Обо всем этом ему поведали местные жители (Paus. II. 5. 6). Как известно, составитель "Описания Эллады" всегда старался узнать те версии исторических преданий, которые бытовали среди наиболее сведущих, с его точки зрения, людей. Поэтому он уверенно отдавал предпочтение мнениям действительно лучших знатоков древностей в данной местности, чаще всего из числа эрудитов-"краеведов" и жрецов – хранителей старинных культов.

Весьма существенно, что версия родословной сикионских царей, изложенная Павсанием, не зависит от труда Тимея из Тавромения (около 356 – около 260 гг. до н. э., родился на острове Сицилия, жил и работал в Афинах), у

²⁷ Об отражении пеласгийского периода в истории юга Балканского полуострова в античной традиции см.: Lochner-Hüttenbach F. Die Pelasger. Wien, 1960; Молчанов А.А. Рец. на кн.: Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-маловизийские изоглоссы). София. 1981 // ВДИ. 1985. № 2. С. 175–178; Мерперт Н.Я., Молчанов А.А. Структура протофракийских поселений раннего бронзового века в свете данных археологии и античной традиции (Опыт интеграции источников по древнейшей истории юго-востока и юга Балканского полуострова) // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990. С. 23–28; Они же. Градостроительная структура протофракийских поселений эпохи ранней бронзы на юго-востоке и юге Балканского полуострова (по данным археологических и нарративных источников) // Acta Associationis Internationalis Terra Antiqua Balcanica. Vol. V. V Международный конгресс по фракологии (Международный симпозиум "Античная балканистика 6"). Москва, 18–22 октября 1988 год. София, 1991. С. 137–140.

которого заимствовал сведения через промежуточных посредников – греческих историков позднеэллинистического и римского времени – Евсевий Кесарийский. Автор "Описания Эллады" в своем сочинении ни разу не ссылается на сицилийского историка, в то время как он добросовестно упоминает многих авторов – своих предшественников. Получается, что версии Павсания и Тимея-Евсевия самостоятельно восходят к некоему общему первоисточнику, как видно наиболее информированному в данном вопросе. При этом использование автором "Описания Эллады" напрямую местной сикионской мифолого-исторической, и в том числе генеалогической, традиции, освященной веками, не вызывает сомнений. Но имелись ли условия для непрерывного сохранения такой информации на протяжении многих веков в самом Сикионе и вне его? И кто конкретно мог сберегать ее?

Заинтересованными в сохранении местных генеалогических преданий были конечно, как всегда, потомки давних обитателей города и его области – потомки в смысле самом узком (прямые отпрыски) и расширительном, т. е. все члены данной гражданской общины. Чрезвычайно важно, что ахейское население и после прихода дорийцев в Сикион сохранило там свои социальные и политические права (Paus. II. 6. 7). Оно образовало особую филу – Эгиалеев²⁸. На сикионской агоре стоял древний храм Адраста, многовековое почитание которого не смог искоренить в первой половине VI в. до н. э. усиленно пытавшийся сделать это тиран Клисфен (Herod. V. 67). Так что в Сикионе во все времена его существования было кому и зачем блюсти отеческие установления, включая и восходящую к микенской эпохе сакрально-генеалогическую традицию.

Кроме того, как выясняется, в различных местах греческого мира в конце II и на протяжении I тыс. до н. э. жили и процветали, располагая богатствами и властью, семьи, возводившие свое происхождение к Адрасту, а через него и к более древним сикионским царям. Все они тоже были заинтересованы в сохранении и прокламировании своей весьма престижной родословной.

²⁸ Griffin A. Sikyon. Oxford. 1982. P. 4. Название филы восходит к имени Эгиалея – эпониима города и его первого царя, родоначальника всей династии и отдаленного предка Адраста. Сам Сикион первоначально назывался Эгиалеей (Strab. VIII. 6. 25; Paus. II. 5. 6).

В Аргосе засвидетельствованы как минимум четыре отдельных ветви прямого потомства этого древнего ахейского рода. Одна из них шла от Адраста по мужской линии через его сыновей Эгиалея и Кианиппа (Apollod. I. 9. 13). Вторая восходит к Эрифиле, сестре Адраста, и ее мужу Амфиарая (Apollod. I. 9. 13; III. 6. 2; 7. 2; 7. 5). Агнаты той и другой ветви параллельно занимали престол в Аргосе, по крайней мере вплоть до времени Троянской войны (Paus. II. 18. 4–5). К числу аргосских парадинастов принадлежал и внук Адраста по женской линии (через дочь Деипилу) – Диомед (Apollod. I. 8. 5–6; Paus. II. 30. 10), один из главных вождей греков-ахейцев под Троей (II. II. 560–568). Страбон (X. 2. 25, со ссылкой на Эфора) называет его Адрастовым наследником. Женой Диомеда эллинские генеалогические предания называют его двоюродную сестру – Эгиалею, дочь Эгиалея и внучку Адраста (Apollod. I. 8. 6). Один из их отпрысков после завоевания Аргосского царства дорийским вождем Теменом был близок к последнему (Plut. Moral. 302 D). В том же Аргосе, по свидетельству Плутарха (Moral. 296 F), существовал род наследственных врачей, возводивших свою родословную к Алексиде, дочери Амфиарая.

В Элиде, уже в I тыс. до н. э., большим престижем пользовался жреческий род Клитидов, происходивший от покинувшего родину аргосского царевича Клития, сына Алкмеона, внука Амфиарая и Эрифилы (Paus. VI. 17. 5–6).

Еще одна мощная ветвь Адрастидов произрастала сначала в Фивах Беотийских, откуда потом ее многочисленные побегі потянулись в разные уголки греческого мира. Фиванский царь Полинник из рода Кадмидов получил в жены дочь Адраста – Аргею (Apollod. III. 6. 1; Stat. Theb. II. 265–267, 297 sq.). Их потомки на протяжении еще четырех поколений один за другим последовательно занимали престол в Фивах (Paus. IX. 5. 14–16), а затем переселились в Спарту, где, породнившись с тамошними царями из рода Гераклидов (Herod. IV. 147; Paus. III. 1. 7; IV. 3. 4), занимали видное положение по крайней мере вплоть до второй половины VIII в. до н. э. (Herod. IV. 149; Paus. III. 15. 8; IV. 7. 8; 8. 11). Представители этого фиванско-аргосского клана, ахейского по своим корням, но связавшего свою судьбу с завоевателями-дорийцами, основали царскую династию на острове Фера (Herod. IV. 147–148; Strab. VIII. 3. 19; Paus. III. 1. 7–8), просуществовавшую

там как минимум до 30-х годов VII в. до н. э. (Herod. IV. 150). Они же приняли участие в дорийской колонизации Родоса и Сицилии (Pind. Ol. II. III).

Их генеалогическая связь по женской линии с Адрастом подчеркивалась не меньше, чем происхождение по прямой мужской линии от Кадма. Например, у Пиндара они именуются Адрастидами (Pind. Ol. II. 41–45).

В Спарте, на “промежуточной исторической родине”, высокий статус этого клана поддерживался генеалогической связью его с местной правящей элитой: родоначальники обеих тамошних династий, Агиадов и Эврипонтидов, правивших параллельно, считались сыновьями Аргеи Младшей, праправнучки одноименной дочери Адраста (Herod. IV. 147; VI. 52; Apollod. II. 8. 2; Paus. III. 1. 7).

Но и в местах более позднего появления Адрастидов-Кадмидов они смогли приблизиться к кормилу государственной власти и даже взять его в свои руки. Так произошло например, в Акраганте, дорийской колонии на острове Сицилия. Для одного из самых видных Адрастидов – акрагантского тирана Ферона написал в 476 г. до н. э. оды Пиндар (Ol. II. III), прославлявший его предка, владыку Сикиона, и весь этот род²⁹. Поэт мог при этом пользоваться как информацией из “семейных анналов” заказчика стихов, так и непосредственно сикионской общеполитической (храмовой) версией, которые вероятно были тогда практически тождественны друг другу. Фрагменты этого же родословия проглядывают у Гомера (II. II. 563–572; XIV. 119–125) и Геродота (V. 67).

Генеалогией древних царей Сикиона, скорее всего именно как предков сицилийских Адрастидов-Кадмидов должен был специально интересоваться Тимей, на труд которого опосредованно (через третьи руки) опирался Евсевий. Принципиальное значение имеет вопрос: является ли эта родословная от начала до конца сугубо местной

²⁹ Победы на общегреческих состязаниях Ксенократа, брата Ферона, воспевали Симонид Кеосский и Пиндар (Pyth. VI; Isthm. II). Последний был дружен с Фрасибулом, сыном Ксенократа, еще до прихода этой семьи к власти в Акраганте. Дочь Ферона стала женой знаменитого сиракузского тирана Гелона, а после его смерти вышла замуж за брата покойного – Полизала. Так что весьма крепкой оказалась связь Адрастидов с Сицилией, историю которой написал позднее Тимей из Тавромения.

сикионской и как она соотносится с другими генеалогическими преданиями греков-ахейцев?

В начале стеммы царей Сикиона у Павсания и Евсевия стоят имена персонажей, единодушно признаваемых в различных исторических сагах эллинов древнейшими ахейскими владыками в Пелопоннесе. Аписа, например, знали предания аркадян (Paus. V. 1. 8). По его имени весь Пелопоннес, или по крайней мере большая его часть, включая Арголиду, назывался Апия (ср.: II. I. 270; Apollod. II. 1. 1; Apollod. Ep. II. 2; Strab. VIII. 6. 8; Paus. II. 5. 7) или Апида (Apoll. Rhod. IV. 1562; Schol. Theocr. XXV. 183; Steph. Byz. s. v.).

Сыном Европа считали эпони́ма-основателя своего города жители Гермियोны, лежавшей на северо-восточном побережье Пелопоннеса (Paus. II. 34. 4). Все же вместе пять первых царей сикионского династического списка фигурируют в сказаниях о происхождении и деяниях древнейших владык Аргоса. Правда по аргосской версии, в пространном виде сохранившейся Аполлодором и Павсанием³⁰, Эгиалей был бездетным (Apollod. II. 1. 1). Его отцом назван Инах (эпоним главной реки Арголиды и первый царь всей этой области), а старшим братом — Фороней. Аписа та же аргосская династическая сага считала сыном Фороней (Apollod. I. 7. 6; II. 1. 1). Европ по этой версии вовсе не сын Эгиалея, а племянник. Он признавался сыном все того же Фороней (Paus. II. 34. 4–5). Генеалогические связи Тельхина и Телксиона, якобы убивших Аписа в наказание за жестокость (Apollod. II. 1. 1), в данном варианте не ясны.

Очевидно, что в древнейшей своей части сикионская и аргосская генеалогические версии, между которыми имеются расхождения только в последовательности перечисления персонажей, но не в самом наборе антропонимов, содержат сохранявшуюся весьма длительное время независимо в двух ахейских центрах информацию о династической истории Северо-Восточного Пелопоннеса в очень отдаленный ее период. Если же счет поколений в дошедших до нас генеалогиях анактов Сикиона и Аргоса хотя бы приблизительно соответствует действительности (первая из них насчитывает до времени Троянской войны, датируемой ныне археологически в пределах второй по-

³⁰ Apollod. II. 1. 1–5; 2. 1–2; 4. 1; 4. 4; Paus. II. 15. 4–5; 16. 1. Ср. также: Tatian. Oratio ad Graecos. 39.

ловиной XIII в. до н. э., 22 генерации³¹, вторая — 19 генераций³²), то общий прародитель обеих династий, существуй он реально, должен был жить и действовать где-то в первых веках II тыс. до н. э.³³, когда не так давно пришедшие на самый юг Балканского полуострова³⁴ со своими племенами ахейские предводители еще только основывали первые греческие царства.

Указанные моменты заставляют, как нам кажется, отнестись с особым вниманием к уцелевшим родословиям анактов-ахейцев, и прежде всего к наиболее сохранным и полным стеммам родственных династий Сикиона и Аргоса, ибо они являются незаменимым, весьма информативным источником для изучения Греции II тыс. до н. э. Во всяком случае они дают единственную четко градуированную, пусть и несколько условную, шкалу для хронологической привязки фактов династической и политической истории ряда областей Пелопоннеса микенского времени. Анализ и оценка с этой же точки зрения других древнейших греческих генеалогий остается задачей для будущих исследований.

³¹ От Эгиалея до Диомеда, внука Адраста.

³² От Инаха до Геланора и от Даная до Сфенела, сына Капанея.

³³ Исходя из усредненного расчета, которого придерживались эллины: три поколения за сто лет.

³⁴ Археология, как известно, свидетельствует о приходе сюда первой волны греков где-то около 2000 г. до н. э.

Заключение

Минойская и микенская цивилизации — это огромный хронологический период в истории древней Греции. По протяженности своей он ничуть не уступает тому известному ныне любому образованному человеку и поражающему своими культурными достижениями периоду в развитии греческого мира, который начинается с архаики и заканчивается поздним эллинизмом.

Обеспеченность же источниками всех видов у рассматриваемой нами эпохи неизмеримо меньше. Однако постепенно они все-таки обнаруживаются во все большем объеме. Главное суметь максимально использовать их информативные возможности. Добиться этого, как и во всех других аналогичных случаях, исследователь может несколькими путями.

Во-первых, необходимо как можно более полно выявить и привести в систему исходный материал.

Во-вторых, надо постоянно стремиться к тесной увязке данных разных видов источников. Ведь только одновременное привлечение всей совокупности сведений, полученных от ряда смежных научных дисциплин, способно обеспечить корректность выводов исследователя. Таково неперемнное требование современного комплексного источниковедения.

В-третьих, чтобы получить новые импульсы к научному поиску и в дальнейшем прийти благодаря применению выверенной методики к достаточно обнадеживающим результатам, следует искать новые подходы к избранной теме, находить и ставить ранее не возникавшие, но ныне уже способные стать весьма актуальными, вопросы, еще и еще раз пересматривать данные источников под иным, нежели прежде, углом зрения. В меру своих сил и возможностей мы и старались следовать обозначенным выше принципам при рассмотрении целого ряда интересных и актуальных, как нам представляется, сюжетов, связанных с реконструкцией социальных структур и общественных отношений в Греции II тысячелетия до н. э.

Поскольку само рождение микенологии, а затем и минойистики — двух наук, изучающих древние общества юга

Балканского полуострова и островов Эгейского бассейна, стало прямым следствием дешифровки линейного В, очень важно отчетливо представлять себе нынешнее положение дел с прочтением и интерпретацией всего круга памятников генетически связанных между собой эгейских письменностей¹. Именно эти эпиграфические памятники составляют важнейшую часть источниковой базы микенологических и минойистических штудий в целом.

Типологическая классификация каллиграфических композиций на критских иероглифических печатях, начатая еще А.Эвансом, позволила нам теперь выделить вполне определенно сфрагистические легенды разного характера. Весьма плодотворным, на наш взгляд, оказалось здесь выявление всей линии эволюции текстовых формул от простейших к достаточно сложным, в которых содержатся указания сразу и на конкретный вид опечатываемых в дворцовом ведомстве материальных ценностей, и на принадлежность уполномоченного держателя печати к числу назначаемых царем чиновников, и на имя верховного властителя — владельца учитываемого и бережно хранимого имущества (с поименованием его отца и даже более отдаленных августейших предков).

Четкая привязка некоторых печатей благодаря обнаружению иконографических и художественно-стилистических параллелей к Кноссу дает возможность считать происходящим оттуда же и весь круг типологически однородных сфрагистических памятников. Все эти печати служили атрибутами царских сановников, ответственных за сохранность содержимого дворцовых кладовых. Существование отдельных печатей для запечатывания, например, самых разных видов съестных припасов и фуража, свидетельствует, надо думать, или о разветвленности чиновничьего аппарата (что косвенно подтверждается и другими данными), или, по крайней мере, об углубленной дифференциации системы учета в царском хозяйстве (если, допустим, одному и тому же должностному лицу вменялось в обязанность оттискивать на запорах емкостей различного назначения соответствующие сфрагистические легенды).

¹ Относительно текстов линейного письма В мы сделали это довольно обстоятельно в другой работе (Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Ук. соч.; см. также рецензию на эту книгу Н.С. Гринбаума: ВДИ. 1990. № 4. С. 159–165).

Надписи на критских иероглифических печатях "кносского крута" несут в себе, что надо особо подчеркнуть, также и драгоценнейшую информацию о генеалогии минойских владык. В них нередко приводятся помимо имен царей (собственников печатей) еще и их патронимы. А в одном случае — на восьмигранной сардониксовой призме из Эшмолеанского музея — перечисляются целых четыре поколения наследственных правителей Кносса. Все это позволяет реконструировать в основных звеньях стемму данного царского рода на протяжении XVIII — первой половины XVII в. до н.э. Правда, для всех царей этой династии нам известно полностью только критское иероглифическое написание их имен. Зато единственное из них транслитерируемое целиком имя Ro-we-sa-ze-go уверенно опознается благодаря четким антропонимическим параллелям из кносских табличек линейного A и B как минойская ономастическая форма.

Специалистам-антиковедам было и раньше хорошо известно о том, что в богатейшем материале эллинской мифолого-исторической традиции содержатся важные сведения о реалиях Крита древнейшей поры. Однако только сплошная проработка трудов античных авторов на предмет выявления всей подобной информации позволила теперь представить реально сколь велики были в действительности масштабы такого явления как "талассократия Миноса": ведь воспоминания о морском владычестве критских царей в Эгеиде, затронувшем также и некоторые другие районы Средиземноморья, столь долго звучали в многоголосом хоре исторических преданий обитателей и южно-балканских, и островных, и западноазиатских областей.

Правда, со временем основная масса этих воспоминаний слилась в обобщенном образе могущественного владыки Кносса, диктовавшего свою волю ближним и дальним соседям критян. Но и многие конкретные реалии жизни минойского Крита — из общественно-политической, социальной, религиозной и иных сфер — тоже распознаются в свидетельствах мифолого-исторической традиции. Они в целом совпадают со сложившимися в науке представлениями о функционировании ранних государственных образований древневосточного типа и с данными археологии.

Во главе Кносской морской державы стоял наследственный монарх. Авторитет его власти подкреплялся утверждениями о санкционировании ее свыше, божествен-

ном происхождении и самих царей, и вводимых ими государственных установлений. Согласно официальной версии, царь действовал как законодатель по внушению верховного божества, регулярно общаясь с ним и получая от него мудрые указания.

Царские родичи играли важную роль в управлении государством. Они командовали войсками, возглавляли военно-морские экспедиции, становились наместниками в подчиненных Кносу областях Крита и в заморских апойкиях. Правители некоторых небольших прибрежных аناтолийских и ахейских царств, попавших в разное время под власть кносских владык, выплачивали им дань и отдавали в заложники своих детей. Порабощение побежденных иноземцев было, кажется, главным способом пополнения слоя несвободных лиц в минойском обществе.

Создав сильный флот и усовершенствовав конструкцию боевых судов, критяне смогли с успехом повести по всей акватории Эгейского моря беспощадную борьбу с пиратством (на протяжении тысячелетий имевшим здесь наилучшую для себя питательную среду). Тем самым они обезопасили морские пути и обеспечили свободу торгового обмена практически по всему Восточному Средиземноморью. Это должно было в немалой степени способствовать экономическому подъему самого Крита. Но на пике своего могущества Кносская морская держава испытала неожиданный и сокрушительный удар, который нанесли ей не какие-либо внешние враги, а слепая природная стихия. Обо всех этих фактах истории минойской цивилизации сообщает античная традиция, дополняемая данными других источников (что показательно, ни в чем не противоречащими ей), и прежде всего источников археологических.

Общественный строй и социальные структуры Ахейской Греции освещены в эпиграфических и нарративных памятниках намного более детально. И это вполне понятно. Тексты линейного письма B дошли до нас в куда большем количестве, а солидный прогресс в их изучении объясняется во многом еще и тем, что составлены они на хорошо знакомом ученым греческом языке, а не на весьма проблематичном минойском (с его неясными генетическими связями). Ведь для распознавания, подчас очень и очень нелегкого, заключенных в этих текстах лексических форм, сильно искаженных из-за специфических правил микенского правописания, все-таки всегда можно при-

влекать дополнительно знания диалектологов-эллинистов и компаративистов-индоевропейцев.

Об ахейском периоде истории Греции обильный материал дает античная традиция. Целый мощный пласт данных самого разнообразного характера, заключенных в преданиях генеалогических, эпических и сакральных, донесли до нас сохранившиеся (иногда полностью, а чаще — фрагментарно) сочинения греческих и римских авторов. Воспоминания о реалиях далекого прошлого своей родины эллины пронесли через тысячелетия. Чрезвычайно важно, что наличествовал не только общий языковой и культурный континуитет между микенской эпохой и эллинским миром I тысячелетия до н. э. (кое-где, например, в Аркадии, Аттике, Ионии и Эолиде, на Кипре обитали прямые потомки жителей ахейских царств). Отмечается прямая преемственность этнического самосознания и автохтонного самоощущения в их сугубо локальных вариантах.

Последнее обстоятельство представляется нам чрезвычайно важным, ибо оно таит в себе возможность некоторых ретроспекций весьма неординарного свойства. При желании современный исследователь может, опираясь все на ту же античную традицию, но меняя соответственно угол зрения, воссоздавать не только конкретные исторические реалии — крупные политические и военные события, те или иные явления экономического порядка, факты социальной жизни общества, культовую практику и т. д. — но и само мировосприятие греков-ахейцев, с их системой ценностей и критериями оценки всех сторон человеческого бытия.

К какому бы сюжету мы не обратились — будь то природные катаклизмы и стихийные бедствия (нависавшие "дамокловым мечом" над хрупкими локальными экосистемами юга Балкан), или набор признаков общественного бытия полноправного человека в микенскую эпоху, или сопра-вительство как особый институт власти в ахейских царствах, или преемственность семейных традиций у греков II и I тысячелетий до н. э., или возможность использования генеалогических источников (с их крайней архаичностью и специфической информативностью) по истории древнейшей Греции — повсюду можно обнаружить, и в констатации фактов, и в их истолковании традицией, устоявшиеся за многие века подходы и оценочные стереотипы.

Но в то же время в тысячелетних преданиях древних греков запечатлелось, как это было всегда свойственно эл-

линскому духу, множество конкретных ярких впечатлений. Остроту и свежесть восприятия явлений жизни и окружающей природы эллины умели сохранять и в своей мифологической-исторической традиции. Поэтому современный исследователь, сознавая и учитывая все это, может изучать микенскую цивилизацию во всех проявлениях, включая социальные структуры и общественные отношения, не только взирая на предмет своих штудий взором стороннего наблюдателя, но во многих случаях имеет возможность увидеть ее изнутри, как бы глазами современников Троянской войны или возведения Тиринфской крепости. Такое "стереоскопическое" рассмотрение микенских сюжетов дает более объемную и живую, а следовательно и более достоверную картину общественного бытия греков II тысячелетия до н. э.

Список сокращений

БЕ	Балканско езикознание
ВДИ	Вестник древней истории
ВИ	Вопросы истории
ВЯ	Вопросы языкознания
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
СА	Советская археология
AJA	American Journal of Archaeology
BCH	Bulletin de correspondance hellénique
BICS	Bulletin of the Institute of Classic Studies of the University of London
BSA	Annual of the British School at Athens
CMS	Corpus der minoischen und mykenischen Siegel
CRAI	Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et des belles-lettres
JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
RE	Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
SGDI	Die Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften
SMEA	Studi micenei ed egeo-anatolici

Библиография

- Агеева Р.А., Ромашко С.А. Вопросы родства языков (Новые материалы и аспекты). М., 1990.
- Андреев Ю.В. Античный полис и восточные города-государства // Античный полис. Л., 1979.
- Андреев Ю.В. Археологические комментарии к мифу о Дедале // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). М., 1987.
- Андреев Ю.В. Ахейская Греция во II тысячелетии до н. э. Микенская цивилизация // История Древней Греции. 2-е изд. М., 1996.
- Андреев Ю.В. В ожидании "греческого чуда" (Духовный мир микенского общества) // ВДИ. 1993. № 4.
- Андреев Ю.В. Дворец и "город" на Крите во II тыс. до н. э. // СА. 1988. № 4.
- Андреев Ю.В. Закономерность и случайность в процессе становления древнейших цивилизаций Эгейского мира // Археологические изыскания. Вып. 13. Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара памяти Г. Н. Курочкина. СПб., 1994.
- Андреев Ю.В. К проблеме послемикенского регресса // ВДИ. 1985. № 3.
- Андреев Ю.В. Крито-микенский мир // История древнего мира. Кн. I. Ранняя древность. М., 1982.
- Андреев Ю.В. Между Евразией и Европой // ВДИ. 1995. № 2.
- Андреев Ю.В. Миноийский Дедал // ВДИ. 1989. № 3.
- Андреев Ю.В. "Миноийский матриархат" (социальные роли мужчины и женщины в обществе минойского Крита) // Среда, личность, общество. Доклады конференции. М., 1992.
- Андреев Ю.В. Мотив интронизации в искусстве минойского Крита // Античный мир и археология. Вып. 9. Саратов, 1993.
- Андреев Ю.В. Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л., 1982.
- Андреев Ю.В. Островные поселения эгейского мира в эпоху бронзы. Л., 1989.
- Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990.
- Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976.
- Андреев Ю.В. Спартанские "всадники" // ВДИ. 1969. № 4.

- Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. Спб., 1998.
- Андреев Ю.В. Цивилизация минойского Крита // История Древней Греции. 2-е изд. М., 1996.
- Андреев Ю.В. Человек и божество в кикладском искусстве эпохи ранней бронзы // Человек и общество в античном мире. М., 1998.
- Андреев Ю.В. Эгейский мир в преддверии цивилизации // ВДИ. 1995. № 1.
- Андреев Ю.В. Эгейский мир: природная среда и ритмы культурогенеза // ВДИ. 1994. № 3.
- Антонова Е.В. К проблеме функций печатей ранних земледельцев Востока // СА. 1984. № 4.
- Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998.
- Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984.
- Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
- Бартошек А. Златообильные Микены. М., 1991.
- Бекштрём А. Загадочный диск // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Декабрь.
- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Блаватская Т.В. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н. э. М., 1966.
- Блаватская Т.В. Греция в период формирования раннеклассового общества (XXX–XII вв. до н. э.) // История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988.
- Блаватская Т.В. Греческое общество второго тысячелетия до н. э. и его культура. М., 1976.
- Блаватская Т.В. Крит в XXX–XII вв. до н. э. // Древняя Греция. М., 1956.
- Блаватский В.Д. Природа и античное общество. М., 1976.
- Богаевский Б. Крит и Микены (эгейская культура). М.–Л., 1924.
- Борухович В.Г. Античная мифография и “Библиотека” Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972.
- Борухович В.Г. Ахейская колонизация Кипра // Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Краткие тезисы докладов научной конференции. 10–13 мая 1983 г. Л., 1983.
- Борухович В.Г. Ахейцы в Малой Азии // ВДИ. 1964. № 3.

- Виноградов Ю.Г. Рец.: Handbuch der Archäologie. Allgemeine Grundlagen der Archäologie. Hrsg. von U. Hausmann. München, 1969 // ВДИ. 1971. № 3.
- Всемирная история. Т. I. М., 1955.
- Галанопулос Г.А., Бэкон Э. Атлантида. За легендой – истина. М., 1983.
- Гамкрелидзе Т.В. К вопросу о системе смычных и фрикативных “минойского” языка по показаниям греческой линейной письменности класса В // Историчность и актуальность античной культуры. Научная конференция. Октябрь 1980 г. Тезисы докладов. Тбилиси. 1980.
- Гамкрелидзе Т.В. К вопросу о системе смычных и фрикативных “минойского” языка по показаниям греческой линейной письменности класса В // ВЯ. 1988. № 1.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. № 3.
- Гамкрелидзе Т.В., Симонишвили Е.Д., Харашвили Ц.И. Машинная обработка догреческих (минойских) надписей, выполненных линейным письмом А // Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979.
- Гельб И. Западносемитские силлабарии // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.
- Гельб И.Е. Опыт изучения письма (основы грамматики). М., 1982.
- Георгиев В.И. Дешифровка текста диска из Феста // ВДИ. 1977. № 1.
- Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958.
- Георгиев В.И. Проблема возникновения индоевропейских языков // ВЯ. 1956. № 1.
- Георгиев В.И. Тракийский язык. София. 1957.
- Гиндин Л.А. Анатолийские языковые элементы в древней топонимии юга Балканского полуострова // Международная ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы. Первый конгресс балканских исследований (София, 26 августа – 1 сентября 1966 г.). Сообщения советской делегации. М., 1966.

- Гиндин Л.А. Античная балканистика в СССР // Балканские исследования. Вып. 5. Основные проблемы балканистики в СССР. М., 1979.
- Гиндин Л.А. АННІАWА и гомеровская эпическая традиция // БЭ. Т. XXX. № 3-4. 1990.
- Гиндин Л.А. Гом. ΚΗΤΕΙΟΙ // Античная балканистика – 3. Предварительные материалы. М., 1978.
- Гиндин Л.А. Гом. ΚΗΤΕΙΟΙ в конкретно-исторической интерпретации // Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов В.М., 1983.
- Гиндин Л.А. Догреческо-малоазийские лексико-ономастические отношения // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М., 1967.
- Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1974.
- Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София. 1981.
- Гиндин Л.А. К методике выявления и стратификации лингвоэтнических слоев на юге Балканского полуострова (по данным древней топонимии) // Этимология. 1967. М., 1969.
- Гиндин Л.А. К проблеме генетической принадлежности "пеласгского" догреческого слоя // ВЯ. 1971. № 1.
- Гиндин Л.А. Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. М., 1993.
- Гиндин Л.А. Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., 1976.
- Гиндин Л.А. Троянская война и Аххиява хеттских клинописных текстов // ВДИ. 1991. № 3.
- Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967.
- Гиндин Л.А., Мерперт Н.Я. Античная балканистика и этногенез народов Балкан (К методологии междисциплинарных исследований) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Античная версия исторического события, отраженная в KUB XXIII, 13 // ВДИ. 1986. № 1.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.

- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагреки в Трое // ВДИ. 1994. № 4.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Троя и "Пра-Аххиява" // ВДИ. 1995. № 3.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Рец.: Peruzzi E. Myseneans in Early Latium. Roma. 1980 // ВЯ. 1984. № 1.
- Голубцова Е.С. Конференция Российской Ассоциации антиковедов "Формации и цивилизации" (2-3 июня 1994 г., Москва) // ВДИ. 1995. № 3.
- Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси. 1978.
- Гринбаум Н.С. Древнегреческая диалектология и проблема "микенского" // ВЯ. 1974. № 3.
- Гринбаум Н.С. Из истории формирования древнегреческого литературного языка. Микенский и послемикенский периоды // ВЯ. 1978. № 4.
- Гринбаум Н.С. Крито-микенские тексты и древнегреческие диалекты // ВЯ. 1959. № 6.
- Гринбаум Н.С. Линейное письмо В // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.
- Гринбаум Н.С. Микенологии 20 лет // Грамматические и лексикологические исследования. Романо-германская и классическая филология. Кишинев. 1977.
- Гринбаум Н.С. Микенологические изыскания (1978-1988) // ВДИ. 1992. № 2.
- Гринбаум Н.С. Микенологические исследования (1973-1977) // ВДИ. 1982. № 1.
- Гринбаум Н.С. Микенологические штудии (1989-1993 гг.) // ВДИ. 1996. № 4.
- Гринбаум Н.С. Рец.: Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988 // ВДИ. 1990. № 4.
- Гринбаум Н.С. Первый Международный конгресс микенологов // ВДИ. 1968. № 4.
- Гринбаум Н.С. Ранние формы литературного языка (древнегреческий). М., 1984.
- Гринбаум Н.С. У истоков первого поэтического языка Европы // ВДИ. 1994. № 4.
- Гринбаум Н.С. Художественный мир античной поэзии. Творческий поиск Пиндара. К 2500-летию со дня рождения поэта. М., 1990.
- Грумах Э. К происхождению Фестского диска // ВДИ. 1968. № 2.

Грязневич П.А. Развитие исторического сознания арабов (VI-VIII вв.) // Очерки истории арабской культуры (V-XV вв.). М., 1982.

Гушенко И.И. Извержения вулканов мира. Каталог. М., 1979.

Деянов А.Ф. (=Шеворошкин В.В.). Комментарий к статье: Нойман Г. О языке критского линейного письма А // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.

Деянов А.Ф. (=Шеворошкин В.В.). Линейное письмо А // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.

Деянов А.Ф. (=Шеворошкин В.В.). Надпись на диске из Феста // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.

Джаукян Г.Б. К интерпретации этеокипрско-греческой билингвы // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. № 35. 1976.

Джеймсон М.Г. Мифология древней Греции // Мифология древнего мира. М., 1977.

Дитмар А.Б. География в античное время (очерки развития физико-географических идей). М., 1980.

Думас К. Кикладская цивилизация бронзового века в Эгеиде // ВДИ. 1992. № 2.

Дуриданов И. Езикът на траките. София, 1976.

Дьяконов И.М. О методах дешифровки древних текстов // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1978.

Дьяконов И.М. Предисловие к кн.: Фридрих И. История письма. М., 1979.

Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994.

Дьяконов И.М. Хурритский язык и другие субстратные языки Малой Азии // Древние языки Малой Азии. М., 1980.

Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.

Дэбни М.К. Формирование государства на доисторическом Крите // 1994. № 3.

Езеро. Раннобронзовото селище. София, 1979.

Захаров А.М. К легенде о Миносе и Минотавре // Гермес. 1912.

Златковская Т.Д. У истоков европейской культуры (Троя, Крит, Микены). М., 1961.

Иванов Вяч.Вс. Анатолийские языки // Древние языки Малой Азии. М., 1980.

Иванов Вяч.Вс. Древнебалканская культура и письменность // Балканские исследования. Вып. 9. Вопросы социальной,

политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984.

Иванов Вяч.Вс. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

Иванов Вяч.Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.

Иванов Вяч.Вс. Микенское греческое wa-na-ka и его индоевропейские соответствия // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

Ильинская Л.С. Девкалионов потоп // ВИ. 1982. № 1.

Ильинская Л.С. Древнейшая Сицилия. Проблемы этногенеза и социально-экономического развития. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 1985.

Ильинская Л.С. Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. М., 1988.

Ильинская Л.С. Этнические и культурные контакты Западного и Восточного Средиземноморья в микенскую эпоху. Сицилия и Эгеида. М., 1983.

Ипсен Г. Фестский диск (опыт дешифровки) // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.

История древней Греции. 2-е изд. М., 1972.

Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913.

Казаменова Л.Н. Очерки социально-экономической истории Крита V-IV вв. до н. э. М., 1964.

Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Два этюда об идеограммах линейного письма В // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986.

Казанский Н.Н. Диалекты древнегреческого языка. Л., 1983.

Казанский Н.Н. Микенское обозначение писца // Международный симпозиум "Античная балканистика 6". Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. 18-22 октября 1988 г. Тезисы докладов. М., 1988.

Камменхубер А. Хаттский язык // Древние языки Малой Азии. М., 1980.

Клейн Л.С. Кипр и Крит в "Археологии мира" // ВДИ. 1973. № 2.

Клейн Л.С. Феномен СМ III и вопрос о языке линейного письма А // Вестник Ленинградского государственного университета. 1971. № 8.

- Кобылина М.М. Милет. М., 1965.
- Кожин П.М. Кносские колесницы // Археология Старого и Нового Света. М., 1966.
- Колобова К.М. Войкеи на Крите // ВДИ. 1957. № 2.
- Колобова К.М. Греция XI-IX вв. до н. э. Л., 1956.
- Колобова К.М. Греция в III и II тысячелетиях до нашей эры. Л., 1955.
- Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества (о Родосе IX-VII вв. до н. э.). Л., 1951.
- Колобова К.М. К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема "переходного" периода в Эгейде (1100-900 гг. до н. э.) // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 192. Серия исторических наук. Вып. 21. Л., 1956.
- Колобова К.М. Находки цилиндрических печатей в Фивах и спор о Кадме // ВДИ. 1970. № 2.
- Колобова К.М., Глускина Л.М. Очерки истории Древней Греции. Л., 1958.
- Кондратов А.М., Шеворошкин В.В. Когда молчат письмена. Загадки древней Эгейды. М., 1970.
- Кондратов А.М. Статистические методы дешифровки некоторых письмен Древнего Востока и Средиземноморья. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1969.
- Красновская Н.А. Происхождение и этническая история сардинцев. М., 1986.
- Ленская В.С. Аристократический этос в Афинах VII-V вв. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1996.
- Ленцман Я.А. Пилосские надписи и проблема рабовладения в микенской Греции // ВДИ. 1955. № 4.
- Ленцман Я.А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
- Ленцман Я.А. Ранние рабовладельческие государства в Эгейском бассейне // Всемирная история. Т. I. М., 1955.
- Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
- Лурье С.Я. К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе // ВДИ. 1957. № 2.
- Лурье С.Я. Микенские надписи и древний Восток // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.-Л., 1963.
- Лурье С.Я. Обзор новейшей литературы по греческим надписям микенской эпохи // ВДИ. 1957. № 3.
- Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957.

- Лурье С.Я. Рец.: Chadwick J. The Decipherment of Linear B. Cambridge. 1958 // ВДИ. 1960. № 1.
- Лурье С.Я. Рец.: Palmer L.R. Minoans and Minoans. L., 1961 // ВДИ. 1964. № 2.
- Лурье С. Я., Амусин А.Д. К вопросу о языке линейного А // ВДИ. 1963. № 4.
- Макушкин М.Н. Миф о Геракле как источник по истории Северо-Западной Сицилии в догреческую эпоху // Норция (Проблемы истории и культуры древнейших обществ Средиземноморья). Вып. 2. Воронеж. 1978.
- Маринович Л.П. Изучение греческих островов Эгейского моря и Крита в 1967-1970 гг. // ВДИ. 1973. № 2.
- Маринович Л.П. Изучение островов Эгейского моря и Крита в 1962-1966 гг. // ВДИ. 1970. № 1.
- Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.
- Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
- Мерперт Н.Я. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке // КСИА. Вып. 105. 1965.
- Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV-III тысячелетий до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
- Мерперт Н.Я. Рец.: Korfmann M. Demircihüyük. Bd. I. Mainz am Rhein. 1983 // СА. 1988. № 2.
- Мерперт Н.Я., Молчанов А.А. Градостроительная структура протофракийских поселений эпохи ранней бронзы на юго-востоке и юге Балканского полуострова (по данным археологических и нарративных источников) // V Международный конгресс по фракологии / Международный симпозиум "Античная балканистика 6", Москва, 18-22 октября 1988 г. Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этно-языковые и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. Acta Associationis Internationalis "Terra Antiqua Balcanica". Vol. VI. Serdicae, 1991.
- Мерперт Н.Я., Молчанов А.А. Структура протофракийских поселений раннего бронзового века в свете данных археологии и античной традиции (опыт интеграции источников по древнейшей истории юго-востока и юга Балканского полуострова) // Международный симпозиум "Античная балканистика 6". Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этно-лингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. 18-22 октября 1988 г. Тезисы докладов. М., 1988.

- Мернерт Н.Я., Молчанов А.А. Структура протофракийских поселений раннего бронзового века в свете данных археологии и античной традиции (опыт интеграции источников по древнейшей истории юго-востока и юга Балканского полуострова) // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990.
- Молчанов А.А. Рец.: Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990 // Русская речь. 1992. № 1.
- Молчанов А.А. Античная традиция о государственном устройстве Крита при "талассократии Миноса" // VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция "Вестника древней истории" АН СССР. 1-3 июня 1981 г. Тезисы докладов. М., 1981.
- Молчанов А.А. Археологическая проблематика на международном симпозиуме "Античная балканистика 6" (Москва, 1988) // СА. 1990. № 2.
- Молчанов А.А. Ахейская Греция и Кипр: непрерывность традиций // Среда, личность, общество. Доклады конференции. М., 1992.
- Молчанов А.А. Ахейский период истории Крита по данным античной мифолого-исторической традиции // Десятая авторско-читательская конференция "Вестника древней истории" АН СССР. Тезисы докладов. М., 1987.
- Молчанов А.А. Вопросы источниковедения Ахейской Греции (генеалогические источники) // Методология и методика изучения античного мира. Доклады конференции (31 мая - 2 июня 1993 г.). М., 1994.
- Молчанов А.А. Генеалогические источники по истории Ахейской Греции (Родословная царей Сикиона и их потомков) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IV. Ч. 1. История. М. - Магнитогорск, 1997.
- Молчанов А.А. Рец.: Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981 // ВДИ. 1985. № 2.
- Молчанов А.А. Государственно-политическое устройство минойского Крита по данным античной мифолого-исторической традиции // ВДИ. 1983. № 3.
- Молчанов А.А. "Достоинство мужей ахейских" (Признаки общественного бытия полноправного человека в Греции микенской эпохи) // Человек и общество в античном мире. М., 1998.
- Молчанов А.А. Древнейшие топонимы Европы (названия минойских городов Крита) // Вторая Всесоюзная научно-практическая конференция "Исторические названия - памятники культуры". 3-5 июня 1991 г. Сборник материалов. Вып. 2. М., 1991.
- Молчанов А.А. Дуальная модель "ванакт-лавагет" и институт соправительства в Ахейской Греции // Nortia. Из истории культуры Средиземноморья и Причерноморья. Сборник, посвященный 80-летию А.И.Немировского. Афины, 1999.
- Молчанов А.А. Дуальная модель "ванакт-лавагет" и институт соправительства в Греции II тыс. до н. э. // VI Чтения памяти В. Д. Блаватского. М., 1999.
- Молчанов А.А. Загадочный диск из Феста // ВИ. 1993. № 2.
- Молчанов А.А. Златообильные Микены // Древний мир глазами современников и историков. Ч. II. Греция и Рим. М., 1994.
- Молчанов А.А. К вопросу о репертуаре знаков минойского иератического силлабария // Проблемный семинар по истории культуры. Вып. I. Вспомогательные исторические дисциплины. Эпиграфика. М., 1977.
- Молчанов А.А. К интерпретации самой большой кипро-минойской надписи на табличке из Энкоми 1953 г. // ВДИ. 1979. № 1.
- Молчанов А.А. К проблеме изучения древнейших лингвотнических слоев на юге Балкан (Звукоподражательные слова в минойском языке) // Балканы в контексте Средиземноморья: проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986.
- Молчанов А.А. Критская иероглифическая надпись на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея // ВДИ. 1981. № 3.
- Молчанов А.А. Критская иероглифическая печать из собрания Афинского музея (К вопросу о типологии минойских сфрагистических формул) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 1. М., 1984.
- Молчанов А.А. Маршруты работорговли в Микенской Греции (по данным табличек линейного письма В) // Торговля и торговец в античном мире. Доклады "круглого стола" 29 января 1997 г. М., 1997.
- Молчанов А.А. Методика работы с минойскими текстами. Дешифровка и интерпретация // Симпозиум "Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология". 2-4 декабря 1980 г. Предварительные материалы. Тезисы докладов. М., 1980.

- Молчанов А.А. Методика работы с минойскими текстами (дешифровка и интерпретация) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984.
- Молчанов А.А. Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. Доклады конференции. М., 1993.
- Молчанов А.А. Минойский язык: проблемы и факты // Античная балканистика. М., 1987.
- Молчанов А.А. Некоторые результаты применения комбинаторного метода исследования при анализе текста Фестского диска // Вестник Московского университета. Серия История. 1977. № 2.
- Молчанов А.А. Рец.: Немировский А.И. Этруски: от мифа к истории. М., 1983 // ВДИ. 1986. № 3.
- Молчанов А.А. Новые работы по источниковедению истории Микенской Греции // Общественные науки за рубежом. Серия 5. История. 1990. № 6.
- Молчанов А.А. Рец.: Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л., 1988 // ВДИ. 1991. № 3.
- Молчанов А.А. Письменности Крита II тыс. до н. э. и изучение древнейших лингвоэтнических слоев на юге Балкан // Палеобалканистика и античность. М., 1989.
- Молчанов А.А. Рец.: Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества (по данным линейного письма В). М., 1978 // ВДИ. 1979. № 3.
- Молчанов А.А. Рец.: Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки и эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978 // Народы Азии и Африки. 1979. № 3.
- Молчанов А.А. Посланцы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды). М., 1992.
- Молчанов А.А. Природные катаклизмы и стихийные бедствия в истории Эгеиды II тысячелетия до н. э. (Восприятие и реакция современников) // ВДИ. 1996. № 1.
- Молчанов А.А. Проблемы изучения минойского и микенского искусства // Общественные науки за рубежом. Серия 5. История. 1987. № 1.
- Молчанов А.А. Проблемы фракологии и микенологии // Общественные науки за рубежом. Серия 5. История. 1985. № 4.
- Молчанов А.А. Проблемы этногенеза народов Балкан // Общественные науки в СССР. Серия 5. История. 1989. № 3.

- Молчанов А.А. Симпозиум "Античная балканистика-5" // ВДИ. 1985. № 1.
- Молчанов А.А. Таинственные письма первых европейцев. М., 1980.
- Молчанов А.А. Типология минойских сфрагистических формул // ВДИ. 1989. № 3.
- Молчанов А.А. Фестский диск. Загадка древнейшего печатного текста // Наука и жизнь. 1982. № 2.
- Молчанов А.А. Элементы доиндоевропейского языкового субстрата на юге Балкан (минойский и "эгейский") // Античная балканистика. Карпато-Балканский регион в диахронии. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М., 1984.
- Молчанов А.А. Рец.: Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990 // ВДИ. 1992. № 2-3.
- Молчанов А.А. Рец.: Chadwick J. Linear B and related scripts. Berkeley - Los Angeles. 1987 // ВДИ. 1992. № 2.
- Молчанов А.А. Рец.: Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies. Vol. I. Sofia, 1991 // ВДИ. 1993. № 4.
- Молчанов А.А. Рец.: Vaschoonwinkel J. L'Egeé et la Méditerranée Orientale à la fin du IIe millénaire Témoignages archéologiques et sources écrites // ВДИ. 1997. № 2.
- Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микологию. М., 1988.
- Молчанов А.А., Суриков И.Е. У истоков остракизма // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференций 1996 и 1997 гг. М., 1997.
- Молчанов А.А., Юрасовский А.В. Новые работы по древнейшей истории и культуре эгейского мира // Общественные науки в СССР. Серия 5. История. 1989. № 6.
- Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
- Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
- Мосенкис Ю.Л. Минойская культура. Лингвистический экскурс. Киев. 1998.
- Немировский А.И. "Атлантиды" // ВДИ. 1978. № 3.
- Немировский А.И. Древнее Гомера // Бартонек А. Златообильные Микены. М., 1991.
- Немировский А.И. Царская власть у этрусков // Норция (Проблемы истории древнейших классовых обществ европейского Средиземноморья). Вып. 1. Воронеж, 1971.

Немировский А.И., Дашкова М.Ф. "Римская история" Веллея Патеркула. Воронеж, 1985.

Немировский А.И., Слонимский М.М. Проблемы истории древнейших раннеклассовых обществ европейского Средиземноморья // Норция. Вып. 1. Воронеж, 1971.

Нерознак В.П. От редактора. Предисловие к кн.: Молчанов А.А. Посланцы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды). М., 1992.

Нерознак В.П. Палеобалканские языки. М., 1978.

Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Древнегреческая этимология в свете данных крито-микенских надписей // ВДИ. 1994. № 4.

Нечай Ф.М. Социальный статус греков эпохи Троянской войны и количество греческих войск под Троей // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1977.

Нойман Г. О языке критского линейного письма А // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.

Оливье Ж.-П. Критские письменности II тысячелетия до н. э. // ВДИ. 1994. № 4.

Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л., 1988.

Отто Б. Приносимый в жертву бог // ВДИ. 1996. № 2.

Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1.

Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950.

Петерс Б.Г. О морском деле в эгейском мире // История и культура античного мира. М., 1977.

Полякова Г.Ф. К интерпретации надписей серии Cn // ВДИ. 1971. № 4.

Полякова Г.Ф. Некоторые черты социально-экономического устройства греческих обществ II тысячелетия до н. э. // Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983.

Полякова Г.Ф. О происхождении пилосских текстов // ВДИ. 1973. № 1.

Полякова Г.Ф. О системе терминов линейного письма В (kotonooko-onatere-akotono) // ВДИ. 1977. № 1.

Полякова Г.Ф. От микенских дворцов к полису // Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983.

Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества (по данным линейного письма В). М., 1978.

Полякова Г.Ф. Теоjo доего в системе пилосского землевладения // ВДИ. 1968. № 1.

Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки и эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978.

Поуп М. Линейное письмо А и проблема эгейской письменности // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.

Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Сост. Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Л., 1986.

Пьерар М. Вода и засуха в аргосских мифах // ВДИ. 1994. № 3.

Резанов А.И. Атлантида: фантазия или реальность? М., 1975.

Резанов А.И. Великие катастрофы в истории Земли. 2-е изд. М., 1980.

Рожанский И.Д. Античная наука. М., 1980.

Ромашко С.А. К реконструкции языковой ситуации в Восточном Средиземноморье II тысячелетия до н. э. (Языковая принадлежность "народов моря") // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. М., 1991.

Сарианиди В.И. Ахейская Греция и Центральная Азия // ВДИ. 1993. № 4.

Семенцова Э.Л. Стилистика крито-микенского искусства и ее генетические истоки. Автореф. дисс. ... канд. иск. наук. М., 1979.

Сергеев В.М. К вопросу о фонетической структуре языка линейного А // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 1. М., 1984.

Сергеев В.М. Семантическая структура хозяйственного списка: подход к интерпретации текстов линейного письма А // Acta Associationis Internationalis "Terra Antiqua Balcanica". Vol. VI. Serdicae, 1991.

Сергеев В.М. Структурно-статистический анализ кипро-минойского текста из Энкоми // Античная балканистика. Карпато-Балканский регион в диахронии. М., 1984.

Сергеев В.М. Структурно-статистический анализ кипро-минойского текста из Энкоми // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990.

Сергеев В.М., Цымбурский В.Л. Памятники критской письменности: структура текста как ключ к распознаванию языка // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 1. М., 1984.

Сидорова Н.А. Искусство эгейского мира. М., 1972.

Снисаренко А.Б. Властители античных морей. М., 1986.

Снодграсс А.М. История Греции в свете археологии // ВДИ. 1992. № 2.

Соколов Г.И. Эгейское искусство. М., 1972.

- Струве В.В. Общественный строй древнего Крита // ВДИ. 1950. № 4.
- Струве В.В. Предисловие к кн.: Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950.
- Суриков И.Е. Античная цивилизация: Греция. М., 1997.
- Те Ранги Хироа (Бак П.). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1950.
- Титов В.С. Вопросы хронологии среднего бронзового века Крита // Археология Старого и Нового Света. М., 1966.
- Титов В.С. К вопросу о соотношении этнолингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова // КСИА. Вып. 123. 1970.
- Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
- Титов В.С. Неолит Греции. Периодизация и хронология. М., 1969.
- Токарев С.А. Предисловие к кн.: Те Ранги Хироа. Мореплаватели солнечного восхода. М., 1950.
- Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический Эгейский мир. М., 1958.
- Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973.
- Тронский И.М. Некоторые итоги развития микенологии // ВДИ. 1971. № 2.
- Тюменев А.И. Восток и Микены // ВД. 1959. № 12.
- Тюменев А.И. Передний Восток и античность // ВД. 1957. № 6 и № 9.
- Тюменев А.И. Tereta пилосских надписей (К вопросу о происхождении крупного частного землевладения в Микенской Греции) // ВДИ. 1959. № 4.
- Фридрих И. История письма. М., 1979.
- Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.
- Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980.
- Хапаева Д.Р. Урбанические процессы в античной Греции. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1988.
- Харсекин А.И. Комментарий к статье: Паллотино М. Проблема этрусского языка // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.
- Хачикян М.Л. Диалектное членение хурритского языка // Древний Восток III. Ереван, 1978.
- Хини В. Государство Элам. М., 1977.
- Цымбурский В.Л. Греки в походах "народов моря"? (Египетские маргиналии к теме Троянской войны) // Восток. 1994. № 1.

- Чэдуик Дж. Дешифровка линейного письма Б // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.
- Шеворошкин В.В. Рец.: Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова (Фрагмент индоевропейской ономастики). М., 1967 // ВДИ. 1969. № 4.
- Шеворошкин В.В. Звуковые цепи в языках мира. М., 1969.
- Шеворошкин В.В. Недешифрованные письменности Крита // ВД. 1966. № 12.
- Шеворошкин В.В. Тайны письмен Крита // Будущее науки. Вып. 2. М., 1968.
- Шепунова Т.В. В Академии Наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре // ВДИ. 1940. № 2.
- Широков О.С. Введение в балканскую филологию. М., 1990.
- Широков О.С. История греческого языка. М., 1983.
- Шифман И.Ш. Культура древнего Угарита (XIV-XII вв. до н. э.). М., 1987.
- Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.
- Яйленко В.П. Рец.: Stella L.A. La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965 // ВДИ. 1970. 1970. № 4.
- Acta Mycenaea. Proceedings of the 5th International Colloquium on Mycenaean Studies, held in Salamanca, 30 March – 3 April 1970. Vol. 1–2. Salamanca, 1970–1971.
- Acts of the 1st International Scientific Congress on the volcano of Thera. Athens, 1971.
- Acts of the International Archeological Symposium "Cyprus between the Orient and the Occident", Nicosia, 1985. Nicosia, 1986.
- Acta of the International Archeological Symposium "The Mycenaeans in the Eastern Mediterranean", Nicosia, 1972. Nicosia, 1973.
- Acts of the International Archeological Symposium "The Relations between Cyprus and Crete, c. 2000-500 B. C.", Nicosia, 1978. Nicosia, 1979.
- Adrados F.R. Les institutions religieuses mycéniennes // Minos. Vol. XI. 1972.
- Aegean Seals, Sealings and Administration. Proceedings of the NEH-Dickson conference of the Program in Aegean Scripts and Prehistory (University of Texas, Austin, 1989). Ed. by Palaima T.G. // Aegaeum. 5. Liege, 1990.
- Alexiou S. Minoische Kultur. Göttingen, 1976.
- Alexiou S. Neue hieroglyphische Siegel aus Kreta // Kadmos. Bd. II. 1963.
- Alexiou S., Platon N. Das antike Kreta. Würzburg, 1967.
- Arnheim M. Aristocracy in Greek Society. L., 1977.

- Arvantios V.L. The Use of Sealings in the Administrations of Mycenaean Paaces // *Pylos Comes Alive: Industry and Administration in a Mycenaean Palace*. N.Y., 1984.
- Atti del 2° Colloquio Internazionale di Studi Minoico-Micenei (Pavia, 1-5 IX 1958) // *Athenaeum*. Vol. XLVI. 1958.
- Atti e memorie del 1° Congresso internazionale di Micenologia, Roma, 27 settembre - 3 ottobre 1967. P. 1-3. Roma, 1968.
- Attili G. Indice grafico della Lineare A // *SMEA*. Fasc. XV. Roma, 1972.
- Aura Jorro F. Diccionario micénico. Vol. 1-2. Madrid, 1985-1991.
- Balistier Th. Der Diskos von Phaistos. Mähringen, 1998.
- Barber R.L.N. The Cyclades in the Bronze Age. L., 1987.
- Bartoněk A. Nynější stav v luštění 1. p. A // *Mnema* V. Groh. Praha, 1964.
- Bartoněk A. Zlatá Egeis. Praha. 1969.
- Bartoněk A. Zlaté Mykény. Praha. 1983.
- Baumbach L. Studies in Mycenaean inscriptions and Dialect (1965-1978). Roma, 1986.
- Bennett E.L. The End of the Mycenaean Script // *Convegno internazionale "La transizione dal miceneo all'alto arcaismo. Dal palazzo alla città"* (Roma, 1988). Roma, 1988.
- Bennett E.L. The Pylos Tablets. Princeton, 1955.
- Bennett E.L., Olivier J.-P. The Pylos Tablets Transcribed. P. I-II. Roma, 1973-1976.
- Bennett J. The structure of the Linear B administration at Knossos // *AJA*. 1985. Vol. 89.
- Betts J.H. Die schweizer Sammlungen // *CMS*. Bd. X. B., 1980.
- Biancofiore F. La civiltà micenea nell'Italia meridionale. Roma. 1963.
- Billingmeier J., Turner J.A. The socio-economic roles of women in Mycenaean Greece // *Reflections of women in antiquity*. N.Y., 1981.
- Blawatskaya T. De l'épopée crétoise du XVIIe XVe s. av. n. e. // *Živa antika*. XXV, 1-2. 1975.
- Blawatskaya T. Über die sozialen Anschauungen in Griechenland in II. Jahrtausend v.u. Z. // *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. Budapest, 1968.
- Boardman J. Greek Gems and Finger Rings. L., 1970.
- Bockisch G. Voraussetzungen und Anfänge der antiken Produktionsweise // *EAZ*. Bd. XVI. 1975.
- Bossert H.T. Alt Kreta. B., 1921.
- Bouzek J. The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millennium B. C. Praha, 1985.
- Branigan K. Minoan colonialism // *BSA*. 1981. N 76.

- Branigan K. Minoan community colonies in the Aegean? // *The Minoan Thalassocracy: Myth and Reality*. Stockholm, 1984.
- Branigan K. The foundations of palatial Crete. A Survey of Crete in the Early Bronze Age. L., 1970; 2nd ed. 1987.
- Brice W.C. The writing System of Linear A // *BICS*. 1967.
- Brice W.C. Towards an understanding of the Minoan Linear Script of class A // *Le déchiffrement des écritures et des langues*. Colloque du 29e congrès des orientalistes, Paris, juillet 1973. P., 1975.
- Briquel D. Les Pélasges en Italie: recherches sur l'histoire de la légende. Roma, 1984.
- Buchholz H.-G. Ägäische Bronzezeit. Darmstadt, 1987.
- Buchholz H.-G. Die ägäischen Schriftsysteme und ihre Ausstrahlung in die ostmediterranen Kulturen // *Frühe schriftzeugnisse der Menschheit*. Göttingen, 1969.
- Buchholz H.-G., Karageorghis V. Altägäis und Altkypros. Tübingen, 1971.
- Buck J. The Minoan Thalassocracy Re-examined // *Historia*. XI. 1962.
- Bürchner L. Kreta // *RE*. Hbd. 22. Stuttgart, 1922.
- Burn A.R. Minoans, Philistines and Greeks, B. C. 1400-900. L., 1968.
- Codogan G. Palaces of Minoan Crete. L., 1974.
- Cameron M.A.S. A graffito related to a myrtle composition on a Minoan fresco from Knossos // *Kadmos*. Bd. VII. 1968.
- Cameron M.A.S. The painted signs on fresco fragments from the "House of the Frescoes" // *Kadmos*. Bd. VII. 1968.
- Carpenter R. Discontinuity in Greek Civilization. Cambridge, 1966.
- Caskey J.L. Crisis in the Minoan-Mycenaean World // *Proceedings of American Philological Society*. Vol. 113. 1969. N 6.
- Caskey J.L. Greece and the Aegean Islands in the Middle Bronze Age // *Cambridge Ancient History*. Vol. II. Cambridge, 1973.
- Caskey J.L. Greece, Crete and the Aegean Islands in the Early Bronze Age // *Cambridge Ancient History*. Vol. I. Cambridge, 1971.
- Caskey J.L. Inscriptions and Potters' Marks from Ayia Irini in Keos // *Kadmos*. Bd. IX. 1970.
- Caskey J.L. Lerna in the Early Bronze Age. // *AJA*. 1968. Vol. 72.
- Cassola F. La Talassocratie crétoise e Minosse // *Parola del passato*. XII. 1957.
- Castleden R. Minoans: Life in Bronze Age Crete. L.-N.Y., 1993.
- Cemetery and Society in the Aegean Bronze Age. Ed. by Branigan K. Sheffield, 1998.
- Chadwick J. Corpus of Mycenaean Inscription from Knossos. Vol. 1-3. Cambridge, 1987-1998.

- Chadwick J. "Evidence" after 25 Years // SMEA. Fasc. XX. Roma, 1979.
- Chadwick J. Introduction to the problems of "Minoan Linear A" // JRAS. 1975. N 2.
- Chadwick J. Linear B and related scripts. Berkeley - Los Angeles, 1987.
- Chadwick J. Minoan Linear A: a provisional balance sheet // Antiquity. Vol. XXXIII. 1959.
- Chadwick J. The Classification of the Knossos Tablets // Acta Mycenaea. Vol. 1. Salamanca, 1972.
- Chadwick J. The Decipherment of Linear B. Cambridge, 1958; 2nd ed. 1967; 3rd ed. 1990.
- Chadwick J. The Mycenaean World. Cambridge, 1976.
- Chadwick J. The Organization of the Mycenaean Archives // Studia Mycenaea. Brno. 1968.
- Chadwick J. Twenty-Seven Years of Linear B // Actes de VIIe Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Études Classiques. Budapest, 1984. Vol. II.
- Chapouthier F. Inscription hiéroglyphique minoenne gravée sur un bloc de calcaire // BCH. Vol. LXVII. 1938. N 1.
- Chapoutier F. La glyptique crétoise et la continuité de la civilisation minoenne // BCH. Vol. LXX. 1946.
- Chapouthier F. Une inscription hiéroglyphique sur pierre (Mallia, époque minoenne) // CRAI. 1937.
- Coldstream J.N., Huxley G.L. Kythera. Excavations and Studies conducted by the University of Pennsylvania Museum and the British School at Athens. L., 1972.
- Colloquium Mycenaeum. Actes du 6ème Colloque International sur les textes mycéniens et égéens tenu à Chaumont sur Neuchâtel du 7 au 13 septembre 1975. Geneve. 1979.
- Il Congresso Internazionale di Micenologia. Riassunti delle comunicazioni pervenute. Roma - Napoli, 14-20 ottobre 1991. Roma. 1991.
- Consilium Eirene XVI. Praha, 1983.
- Corpus of Mycenaean Inscriptions from Knossos. Vol. I-II. Vol. I: Roma, 1986; Vol. II; Cambridge, 1990.
- Cretan Studies. Vol. 1. Amsterdam, 1988.
- Cyprus at the Close of the Late Bronze Age. Nicosia, 1984.
- Daniel J.F. Prolegomena to the Cypro-Minoan Script // AJA. Vol. XLV. 1941. N 2.
- Davaras C. Guide to Cretan antiquities. Park Ridge, 1976.
- Davaras C. Zur Herkunft des Diskos von Phaistos // Kadmos. Bd. VI. 1967.
- Davis S. The Decipherment of the Minoan Linear A and Pictographic Scripts. Johannesburg, 1967.

- Deger-Jalkotsy S. Zum Charakter und zur Herausbildung der mykenischen Sozialstruktur // Res Mycenaea. Göttingen, 1983.
- Deroy L., Gérard M. Le cadastre mycénien de Pylos. Rome, 1965.
- Desborough V.R. The Greek Dark Ages. L., 1972.
- Desborough V.R. The Last Mycenaeans and Their Successors. Oxford, 1964.
- Detschew D. Charakteristik der Thrakischen Sprache. Sofia, 1952.
- Diamond A.S. Primitive Law. L., 1935.
- Dickinson O. The Aegean Bronze Age. Cambridge, 1994.
- Dickinson O. The Origins of Mycenaean Civilisation. Stockholm, 1977.
- Dietrich B.C. The Origins of Greek Religions. B.- N.Y., 1974.
- Dietrich B.C. Tradition in Greek Religion. B.- N.Y., 1986.
- Dikaïos P. A Second Inscribed Clay Tablet from Enkoni // Antiquity. Vol. XXVII. N 108. 1953.
- Dikaïos P. Enkomi Excavations 1948-1958. Vol. I-III. Mainz am Rhein, 1969-1971.
- Dikaïos P. The Context of the Enkomi Tablets // Kadmos. Bd. II. 1961.
- Doumas Ch., Doumas A. The Wall-Paintings of Thera. Athens, 1992.
- Drews R. The Coming of the Greeks: Indo-European Conquests in the Aegean and the Near East. Princeton, 1988.
- Drews R. The End of the Bronze Age. Princeton, 1993.
- Driessen J.M. An Early Destruction in the Mycenaean Palaca at Knossos: A New Interpretation of the Excavation Field-notes of the South-East Area of the West Wing. Leuven, 1990.
- Driessen J.M. Quelques aspects militaires des archives en Linéaire B de Knossos. Leuven, 1983.
- Duhoux Y. Le Disque de Phaistos. Louvain, 1977.
- Dunbabin T. Minos and Daidalos in Sicily // Papers of the British School in Rome, XVI. 1948. N 1.
- Duridanov I. Thrakische Eigennamen in der Linear A- und B-Texten // Contributions au IVe Congrès International de Thracologie (Rotterdam, 21-26 Septembre 1984). Sofia, 1984.
- Duridanov I. Thrakische Eigennamen in den mykenischen Texten // BE. XXVIII. 1985. N 1.
- Dyczek P. Pylos in the Bronze Age. Problems of culture and social life in Messenia. Warszawa, 1994.
- Early Society in Cyprus. Ed. by Peltenburg E. Edinburgh, 1993.
- Van Effenterre H. Les Égéens, aux origines de la Grèce, Chypre, Cyclades, Crète et Mycènes, Paris, 1986.
- Van Effenterre H. Un lawagétas oublié // Atti e memorie del 1° Congresso internazionale di Micenologia, Roma, 27 settembre - 3 ottobre 1967. P. 1. Roma, 1968.

- Effinger M. Minoischer Schmuck. B., 1996.
- Études Mycéniennes, Actes du Colloque International sur les Textes Mycéniens (Gif-sur-Yvette, 3-7 avril 1956). P., 1956.
- Evans A.J. Scripta Minoa. Vol. I. Oxford, 1909.
- Evans A.J. The Palace of Minos at Knossos. Vol. I-IV. L., 1921-1935.
- Evans A.J., Myres J.L. Inscriptions in the Minoan linear script of class A. Ed. by Brice W. Oxford, 1961.
- Excavations at Thera. Vol. I-VI. Athens, 1968-1976.
- Farnoux A. Malia et Se-to-i-ja // II Congresso Internazionale de Micenologia. Roma, 1991.
- Faure P. Dédicaces crétoises en linéaire A // BE. XVI. 1972. N 1.
- Faure P. Kreta: Das Leben im Reich des Minos. Stuttgart, 1978.
- Faure P. La vie quotidienne en Crète au temps de Minos (1500 avant Jésus-Christ). P., 1973.
- Faure P. La vie quotidienne en Crète au temps de la guerre de Troie. P., 1975.
- Fick A. Vorgriechische Ortsnamen. Göttingen 1905.
- Finley M.I. Early Greece: the Bronze and Archaic Ages. L., 1970.
- Finley M.I. Economy and Society in Ancient Greece. L., 1981.
- Finley M.I. Les premiers temps de la Grèce. L'âge de bronze et l'époque archaïque. P., 1973.
- Finley M.I. The World of Odysseus. N.Y., 1954.
- Fitton J. L. The Discovery of the Greek Bronze Age. L., 1995.
- Forsdyke J. Greece before Homer. L., 1956.
- Fouqué F.A. Santorini and its Eruption. L., 1998.
- Friedrich J. Geschichte der schrift. Heidelberg, 1966.
- Friedrich W.L. Feuer im Meer. Vulkanismus und die Naturgeschichte des Insel Santorin. Heidelberg, 1994.
- Furnée E.J. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague - P., 1972.
- Furumark F. Ägäische Texte in griechischer Sprache // Eranos. Vol. LI. 1953. Fasc. 3-4.
- Furumark A. Linear A und die altkretische Sprache. Entzifferung und Deutung. B., 1956.
- Furumark A. The Settlement at Ialysos and the Aegean History c. 1550-1400 B. C. // Opuscula Archaeologica Vol. VI. Lund, 1950.
- Gaitanides J., Worm S. I. Ägäisches Trio. Kreta. Rhodos. Zypern. München, 1974.
- Gale N.H., Stos-Gale Z. Lead and silver in the ancient Aegean // Scientific American. Vol. 244. 1981. N 6.
- Gamkrelidze Th.V. Zum Frage des Systems der Verschlussund Frikativlaute im "Minoischen" nach Ausweis der griechischen

- Linearschrift B // Sprachwissenschaftliche forschungen. Festschrift für Johann Knobloch. Innsbruck, 1985.
- Garlan Y. Les esclaves en Grèce ancienne. P., 1982.
- Gelb I.J. A Study of Writing. Chicago, 1962.
- Georgiev V.I. Vorgriechische Sprachwissenschaft. Bd. I-II. Sofia, 1941-1945.
- Gérard-Rousseau M. Les mentions religieuses dans les tablettes mycéniennes. Roma, 1968.
- Gérard-Rousseau M. Les sacrifices a Pylos // SMEA. Fasc. XII. Roma, 1971.
- Gindin L.A. Le "pélasgique" et le thrace // L'ethnogenèse des peuples balkaniques. Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques. Plovdiv, 23-28 avril 1969. Sofia, 1971.
- Godart L. Gli schiavi nei documenti in lineare B // Studi storici. 1985. Vol. 26.
- Godart L. La scrittura lineare A // La Parola de Passato. XXI. 1976.
- Godart L. Le linéaire A et son environnement // SMEA. Fasc. XX. Roma, 1979.
- Godart L. Quelques aspects de la politique extérieure de la Crète minoenne et mycénienne // Res Mycenaea. Göttingen, 1983.
- Godart L., Olivier J.-P. Recueil des inscriptions en linéaire A. Vo. I-5.P., 1976-1985.
- Godart L., Sacconi A. Les écritures crétoises et les écritures chyprominoennes // The relations between Cyprus and Crete 2000-500 B. C. Nicosia, 1978.
- Godart L., Tzedakis I. La storia della lineare B e le scoperte di Armenoi e la Canea // Rivista di Filologia e di Istruzione Classica. Vol. 96. 1989.
- Graham J.W. The Palaces of Crete. Princeton, 1972.
- Griffin A. Sikyon. Oxford, 1982.
- Grumach E. Bibliographie der kretisch-mykenischen Epigraphik. München-B., 1963; Supplement I (1962-1965). München, 1967.
- Grumach E. Das achtseitige Siegel des Ashmolean Museums 1938. 1166 // Kadmos. Bd. II. 1963.
- Grumach E. Der Ägäische Schriftkreis // Studium Generale. Bd. 18. 1965. H. 12.
- Grumach E. Die kretischen und kyprischen Schriftsysteme // Allgemeine Grundlagen der Archäologie. München, 1969.
- Grumach E. Neue hieroglyphische Siegel // Kadmos. Bd. II. 1963.
- Grumach E. Übersehene Zeilen der kretisch Linearschrift A // In memoriam H. Bossert. Istanbul. 1965.

- Grumach E. Zur Frage des x-Initials in den hieroglyphischen Inschriften // *Minoica*. Festschrift zum 80. Geburtstag von Johannes Sundwall. B., 1958.
- Grumach E. Zwei hieroglyphische Siegel // *Kadmos*. Bd. I. 1962.
- Hallager E. *The Minoan Roundel*. Vol. 1-2. (Aegaeum. 14). Liege, 1996.
- Hammond M. *The City in the Ancient World*. Cambridge (Mass.), 1972.
- Hampe R. *Kult der Winde in Athen und Kreta*. Heidelberg, 1967.
- Handbuch der Archäologie*. München, 1969.
- Harding A.F. *The Mycenaeans and Europe*. L., 1984.
- Hardy D.A. *Thera and the Aegean world III*. L., 1990.
- Harmatta J. *Das Pelasgische und die alten Balkansprachen* // *BE*. IX. 1964. N 1.
- Head B.V. *Historia Numorum*. 2nd ed. Oxford, 1911.
- Heubeck A. *Praegraeca*. Sprachliche Untersuchungen zum vorgriechisch-indogermanischen Substrat. Erlangen, 1961.
- Higgins R. *Minoan and Mycenaean Art*. L., 1967; Rev. ed. N.Y.-Toronto, 1981.
- Higgins R. *The archaeology of Minoan Crete*. L., 1973.
- Hiller S. *Das Minoische Kreta nach den Ausgrabungen des letzten Jahrzehnts*. Wien., 1977.
- Hiller S., Panagl O. *Die frühgriechischen Texte aus mykenischer Zeit zur Erforschung der Linear-B Tafeln*. Darmstadt, 1986.
- History of the Hellenic World*. T. I. Prehistory and protohistory. Ed. by Christopoulos A. Athens, 1974.
- Hoeck K. *Kreta. Ein Versuch zur Aufhellung der Mythologie und Geschichte, der Religion und Verfassung dieser Insel, von den ältesten Zeiten bis auf die Römer-Herrschaft*. Bd. 1-3. Göttingen, 1823-1829.
- Hood M. S. F. *The Minoans: Crete in the Bronze Age*. L., 1971.
- Hooker J.T. *Linear B: An Introduction*. Bristol, 1980.
- Hooker J.T. *Mycenaean Crete*. L., 1976.
- Hooker J.T. *Problems and Methods in the Decipherment of Linear A* // *JRAS*. 1975. N 2.
- Hooker J.T. *The Origin of the Linear B Script* // *Supplement Minos*. 8. Salamanca, 1979.
- Hooker J.T. *The varieties of Minoan writing* // *Cretan Studies*. Vol. 1. Amsterdam, 1988.
- Hooker J.T. *The wanax in the Linear B Texts* // *Kadmos*. Bd. XVIII. 1979.
- Hope Simpson R. *Mycenaean Greece*. Park Ridge, 1981.
- Hope Simpson R., Lazenby J. *Notes from the Dodecanese* // *Annual of the British School of Archaeology at Athens*. Vol. 57. 1962.
- Hutchinson R.W. *Prehistoric Crete*. L., 1962.

- Ipsen G. *Der Diskus von Phaistos. Ein Versuch zur Entzifferung* // *Indogermanische Forschungen*. Bd. 1929. H. 1.
- Karageorghis V. *Cyprus. From the Stone Age to the Romans*. L., 1982.
- Karageorghis V. *Zypern*. München etc., 1968.
- Kehnscherper G. *Kreta. Mykene. Santorin*. Leipzig etc., 1980.
- Kenna V.E.G. *Cretan seals. With a catalogue of the Minoan gems in the Ashmolean Museum*. Oxford, 1960.
- Kenna V.E.G. *Die englischen Museen II* // *CMS*. Bd. VII. B., 1967.
- Kenna V.E.G. *Die englischen Privatsammlungen* // *CMS*. Bd. VII. B., 1966.
- Kerschensteiner J. *Die mykenische Welt in ihren Schriftlichen Zeugnissen*. München, 1970.
- Killen J.T. *The Linear B Tablets and the Mycenaean Economy* // *Linear B: A 1984 Survey*. Louvain, 1985.
- Killen J.T. *The Wool Industry of Crete in the Late Bronze Age* // *BSA*. Vol. 59. 1964.
- Knaack G. *Aithon* // *RE*. Bd. I. Stuttgart, 1894.
- La Marle H. *Linéaire A: La première écriture syllabique de Crète*. P., 1996.
- Landau O. *Mykenisch-griechische Personennamen*. Göteborg, 1958.
- Leaf W. *Homer and History*. Oxford, 1915.
- Lejeune M. *Études Mycéniennes*. P., 1956.
- Lejeune M. *Le damos dans la société mycénienne* // *Revue des Études Grecques*. T. 78. 1965.
- Lejeune M. *Mémoires de Philologie mycénienne*. P., 1958.
- Lewartowski K. *The Decline of Mycenaean Civilization: An Archaeological Study of Events in the Greek Mainland*. Wrocław etc., 1989.
- Linear B: A 1984 Survey*. Proceedings of the Mycenaean colloquium of the VIIIth Congress of the International Federation of the Societies of Classical Studies. Louvain, 1985.
- Lochner-Hüttenbach F. *Die Pelasger*. Wien, 1960.
- Lohmann H. *Die Santorin-Katastrophe – ein archäologischer Mythos?* // *Naturkatastrophen in der antiken Welt*. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 6, 1996. Stuttgart, 1998.
- McArthur J. K. *The place-names of the Knossos Tablets*. Salamanca, 1985.
- Magna Grecia e mondo miceneo. *Atti del 22mo convegno di studi sulla Magna Grecia*. Taranto, 1983.
- Majewski K. *Kreta, Hellada, Cyklady*. Warszawa, 1963.

- Manni E. Minosse ed Eracle nella Sicilia dell'età del Bronzo // Kokalos. VII. 1962.
- Manning S. The Absolute Chronology of the Aegean Early Bronze Age. Sheffield, 1995.
- Manning S. Thera, sulphur and climatic anomalies // Oxford journal of archaeology. Vol. 11. 1992. N 3.
- Marinatos N. Art and Religion in Thera. Reconstructing a Bronze Age Society. Athens, 1984.
- Marinatos N. Kunst und Religion im alten Thera. Athen, 1987.
- Marinatos N. Minoan Religion, Ritual, Image and Symbol. Columbia, 1993.
- Marinatos N. Minoan Sacrificial Ritual. Cult Practice and Symbolism. Stockholm, 1986.
- Marinatos S. Ausgrabungen und funde auf Kreta 1934-1935 // Archäologischer Anzeiger. 1935. H. 1-2.
- Marinatos S. Crete and Mycenae. L., 1960.
- Marinatos S. Die Ausgrabungen auf Thera und ihre Probleme. Wien, 1973.
- Marinatos S. La marine créto-mycénienne // BCH. N 57. 1933.
- Marinatos S., Hirmer M. Kreta, Thera und das mykenische Hellas. München, 1976.
- Marinatos S., Hirmer M. Kreta und das mykenische Hella. München, 1959.
- Masson E. A propos du grand cylindre inscrit d'Enkomi // Kadmos. Bd. XII. 1973.
- Masson E. Cyprominoica. Répertoires. Documents de Ras Shamra. Essais d'interprétation. Göteborg, 1974.
- Masson E. Hommage à Michael Ventris // La déchiffrement des écritures et des langues. P., 1975.
- Masson E. La diffusion de l'écriture à Chypre à la fin de l'âge du Bronze // Acts of the International Archaeological Symposium "The Mycenaeans in the Eastern Mediterranean", Nicosia, 1972. Nicosia, 1973.
- Masson E. La plus ancienne tablette chypro-minoenne (Enkomi, 1955) // Minos, Vol. X. 1969. Fasc. 1.
- Masson E. La tablette chypro-minoenne 20.25 de Ras Shamra: Essai d'interprétation // CRAI. 1973.
- Masson E. Les répertoires graphiques chypro-minoens // Acta Mycenaea. Vol. I. Salamanca, 1972.
- Masson E. Présence éventuelle de la langue Hourrite sur les tablettes Chypro-Minoennes d'Enkomi // JRS. 1975. N 2.
- Masson O. Les écritures chypro-minoennes et les autres écritures chypriotes // Atti e memorie del 1° Congresso Internazionale di

- Micenologia, Roma, 27 settembre - 3 ottobre 1967. P. 1. Roma, 1968.
- Masson O. Les écritures chypro-minoennes et les possibilités de déchiffrement // Études Mycéniennes. P., 1956.
- Masson O. Les inscriptions chypriotes syllabiques. P., 1961.
- Masson O. Nouvelles inscriptions en caractères chypro-minoens // Schaeffer C. F. A. Enkomi-Alasia. T. 1. P., 1952.
- Masson O. Répertoire des inscriptions chypro-minoennes // Monos. Vol. V. 1957. Fasc. 1.
- Mathers C., Stoddart S. Development and Decline in the Mediterranean Bronze Age. Sheffield, 1994.
- Matt L. von, Aleziou S., Platon N., Guanella H. Das antike Kreta. Zürich, 1967.
- Mattäus H. Minoan Influence of the Greek Mainland during the Sixteenth Century B. C. and the Origins of Mycenaean Civilization // The Antiquaries Journal. 1980. N 5.
- Natz F. Crete and Early Greece. L., 1962.
- Matz F. Die frühkretischen Siegel. B., 1928.
- Matz F. The Maturity of Minoan Civilization // The Cambridge Ancient History. Vol. II. P. 1. Cambridge, 1973.
- Matz F. The Zenith of Minoan Civilization // the Cambridge Ancient History. Vol. II. P. 1. Cambridge, 1973.
- Mee C.B. Rhodes in the Bronze Age. Warminster, 1982.
- Mele A. Esclavage et Liberté dans la société mycénienne // Actes du colloque 1973 sur l'esclavage. Besançon, 1973.
- Melena J.L. Further Thoughts on Mycenaean o-ka // Res Mycenaea. Göttingen, 1983.
- Melena J.L., Olivier J.-P. TITHEMY. The Tablets and Modules in Linear B from Tiryns, Thebes and Mycenae. A Revised Transliteration. Salamanca, 1991.
- Mellers H.E.L. Minoan Crete. L., 1967.
- Meriggi P. Relations entre le minoen B, le minoen A et le chypro-minoen. // Études Mycéniennes. P., 1956.
- Meriggi P. Zur Lesung des Minoischen A // Minoica. B., 1958.
- Merlingen W. Eine ältere Lehnwörterschicht im Griechischen. I. Lautgeschichte. Wien, 1963.
- Minoan Society: Proceedings of the Cambridge Colloquium 1981. Bristol, 1990.
- Minoica und Homer. B., 1961.
- Monaghan J.J., Kos A., Bicknell P. Tsunamis, Pyroclastic flows and the Minoans // Arthur Holmes Conference of Explosive Vulcanism. Santorin, 1997.

- Morgan L. The miniature wall paintings of Thera: A study in Aegean culture and iconography. S. 1., 1988.
- Mosshammer A.A. The Chronicle of Eusebius and Greek Chronographic Tradition, L., 1979.
- Mühlenstein H. Nochmals zu den o-ka Tafeln von Pylos // *Res Mycenaea*. Göttingen, 1983.
- Mycenaean Studies. Proceedings of the Third International colloquium for Mycenaean Studies held at "Wingspread", 4-8 September 1961. Madison, 1964.
- Mykenaiika: Actes du IXe Colloque international sur les textes mycéniens et égéens organisé par le Centre de l'antiquité grecque et romaine de la Fondation hellénique des recherches sci. et l'École française d'Athènes, 2-6 oct. 1990). Athenes, 1992.
- Mylonas G.E. Mycenae and Mycenaean Age. Princeton, 1966.
- Mylonas G.E. Mycenae Rich in Gold. Athens, 1983.
- Mylonas G.E. Mycenae's Last Century of Greatness. Sydney, 1968.
- Myres J.L. An Eight-Sided Minoan Sealstone in the Ashmolean Museum // *The Annual of the British School at Athens*. Vol. XLIV. 1949.
- Neumann G. Zum Forschungsstand beim "Diskos von Phaistos" // *Kadmos*. Bd. VII. 1968.
- Neumann G. Zur Sprache der kretischen Linearschrift A // *Glotta*. Bd. XXXVI. 1958. H. 1/2.
- Nilsson M.P. Homer and Mycenae. L., 1933.
- Nilsson M.P. The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. 2nd ed. Lund, 1950.
- Nilsson M.P. The Mycenaean origin of Greek Mythology. Berkeley. 1932.
- Olivier J.-P. Administrations at Knossos and Pylos: What Differences // *Pylos Comes Alive*. N.Y., 1984.
- Olivier J.-P. La scrittura geroglifica // *La Parola del Passato*. XXXI. 1976.
- Olivier J.-P. Le Disque de Phaistos // *BCH*. T. 99. 1975.
- Olivier J.-P. Les écritures crétoises // *II Congresso Internazionale di Micenologia*. Roma, 1991.
- Olivier J.-P. Les scribes de Cnossos. Roma, 1967.
- Olivier J.-P., Godart L., Seydel C., Sourvinou C. Index généraux de linéaire B. Roma, 1973.
- Otto B. König Minos und sein Volk. Düsseldorf-Zürich, 1997.
- Page D.L. History and the Homeric Iliad. Berkeley - Los Angeles. 1959.

- Page D.L. The Santorini volcano and the Destruction of Minoan Crete. L., 1970.
- Palaima Th.G. Linear A in the Cyclades: the Trade and Travel of a Script // *Temple University Aegean Symposium* 7. 1982.
- Palaima T.S. Mycenaean Seals and Sealings in their Economic and Administrative Contexts // *Tractata Mycenaea*. Skopje, 1987.
- Palaima Th.G. The Development of the Mycenaean Writing System // *Texts, Tablets and Scribes. Studies in Mycenaean Epigraphy and Economy offered to E.L. Bennett*. Salamanca, 1988.
- Palaima Th.G. The scribes of Pylos. Roma, 1988.
- Palmer L.R. Mycenaeans and Minoans. Aegean Prehistory in the Light of the Linear B Tablets. L., 1961; 2nd ed. N.Y., 1965.
- Palmer L.R. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxford, 1963.
- Palmer L.R. The Linear B Palace at Knossos. Göteborg, 1984.
- Palmer L.R. Wine in the Mycenaean Palace Economy // *Aegaeum*. 10. 1994.
- Palmer L.R., Boardman J. On the Knossos Tablets. Oxford, 1963.
- Pellegrino Ch. Unearthing Atlantis - An Archaeological Odyssey. N.Y., 1991.
- Pendlbary J.D.S. The Archaeology of Crete. L., 1939.
- Pernier L. Il disco di Phaistos con caratteri pittografici *Ausonia*. 1908. N 3.
- Peruzzi E. Le iscrizioni minoiche // *Atti dell'Accademia Toscana di Scienze e Lettere. "La Columbaria"*. Vol. XXIV. Anno 1959. Firenze, 1960.
- Peruzzi E. Mycenaeans in Early Latium. Roma, 1980.
- Peruzzi E. Recent Interpretation of Minoan (Linear A) // *Word*. Vol. 15. 1959. N 2.
- Pichler H., Schiering W. Der spätbronzezeitliche Ausbruch des Thera-Vulkans und seine Auswirkungen auf Kreta // *Archäologischer Anzeiger*. 1980. H. 1.
- Pini I. Considerations of the Use of Seals for Administrative Purposes in Mycenaean Greece // *SMEA*. Fasc. 28. 1990.
- Pini I. Die minoisch-mykenische Glyptik: Ergebnisse und offene Fragen // *II Congresso Internazionale di Micenologia*. Roma, 1991.
- Pini I. Die tonplomben aus dem Nestorpalast von Pylos. B., 1997.
- Pini I. Kleinere Griechische Sammlungen, Lamia - Zakynthos // *CMS*. Bd. V. Suppl. I B. B., 1993.
- Pini I. Zum Diskos von Phaistos // *Kadmos*. Bd. IX. 1970.
- Platon N. Crete. L., 1966.
- Platon N. Kreta. München, 1978.
- Poland. Minos // *RE*. Hbd. 30. Stuttgart, 1932.

- Politeia: Society and State in the Aegean Bronze Age. 5th International Aegean Rencontre at Heidelberg, 1994 // *Aegaeum*. 12. 1995.
- Pomerance L. The final collapse of Santorini // *Studies in Mediterranean Archaeology*. Vol. XXVI. Göteborg, 1970.
- Pope V. Aegean writing and Linear A // *Studies in Mediterranean Archaeology*. Vol. VIII. Lund, 1964.
- Pope M. Cretan Axe Heads with Linear A Inscription // *The Annual of the British School at Athens*. 51. 1956.
- Pope M. The first Cretan Palace script // *Atti e memorie del 1° Congresso Internazionale di Micenologia...* P. 1. Roma, 1968.
- Pope M. The language of Linear A // *Minos*. Vol. VI. 1958.
- Pope M. The Linear A question // *Antiquity*. Vol. XXXII. 1958.
- Popham M., Gill M. The Latest Sealings from the Palace and Houses of Knossos. L., 1996.
- Promlelms in Greek Prehistory. Centenary Conference of the British School of Archaeology at Athens. Bristol, 1991.
- Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies. Cambridge, 1966.
- Pugliese Carratelli G. Le iscrizioni preelleniche di Hagia Triada in Creta e della Grecia. Milano, 1945.
- Pugliese Carratelli G. *Minos e Kokalos* // *Kokalos*. II. 1956.
- Pylos Comes Alive. Industry + Administration in a Mycenaean palace. A Symposium of the New York Society of the Archaeological Institute of America. N.Y., 1984.
- Raison J., Pope M. Index du linéaire A. Roma, 1971.
- Raison J., Pope M. Index transnuméré du linéaire A. Louvain, 1977.
- Renfrew C. The Emergence of Civilization. the Cyclades and the Aegean in the Third Millennium B. C. L., 1972.
- Res Mycenaea. Akten des VII. Internationalen mykenologischen Colloquiums in Nürnberg (1981). Göttingen, 1983.
- Sacconi A. Corpus delle iscrizioni in Lineare B di Micene. Roma, 1974.
- Sacconi A. Corpus delle iscrizioni vascolari in Lineare B. Roma, 1974.
- Sakellarakis J.A., Kenna V.E.G. Iraklion, Sammlung Metaxas // CMS. Bd. IV. B., 1969.
- Sakellarakis Y., Sapouna-Sakellarakis E. Drama of death in a Minoan temple // *National Geographic Magazine*. Vol. 159. 1981. N 2.
- Sakellariou A. Die Minoischen und mykenischen Siegel der Nationalmuseum in Athen // CMS. Bd. I. B., 1964.
- Sakellariou M. B. *Peuples pré-helléniques d'origine indoeuropéenne*. Athenes, 1977.

- Salamine de Chypre. Histoire et archéologie. État des recherches (Colloque internationale, Lyon, 1978). P., 1980.
- Sbonias K. *Frühkretische Siegel*. Oxford, 1995.
- Schachermeyr F. *Ägäis und Orient*. Wien, 1967.
- Schachermeyr F. *Die ägäische Frühzeit: Die Ausgrabungen und die Ergebnisse für unser Geschichtsbild*. Bd. 1–5. Wien, 1976–1982.
- Schachermeyr F. *Die ältesten kulturen Griechenlands*. Stuttgart, 1955.
- Schachermeyr F. *Die griechische Rückerinnerung im Lichte neuer Forschungen*. Wien, 1983.
- Schachermeyr F. *Die Minoische Kultur des alten Kreta*. Stuttgart, 1964.
- Schachermeyr F. *Griechische Frühgeschichte*. Wien, 1984.
- Schachermeyr F. *Kreta zur Zeit der wanderungen*. Wien, 1979.
- Schachermeyr F. *Mykene und das Hethiterreich*. Wien, 1986.
- Schaeffer C.F.A. *Ugaritica*. T. I–IV. P., 1939–1962.
- Schiering W. *Funde auf Kreta*. Frankfurt am Main, 1976.
- Simpson R.H. *Mycenaean Greece*. L., 1981.
- Sittig E. *Hellenische Urkunde des 2. vorchr. Jahrtausends von Cypern (Dikaio's minoisch-kyprische Tafel von Enkomi)* // *La Nouvelle Clio*. Année 6. 1955. N 7–10.
- Sittig E. *Zur Entzifferung der minoisch-kyprischen Tafel von Enkomi* // *Minos*. Vol. IV. 1956. Fasc. 1.
- Starr Ch.G. *A History of the Ancient World*. 3rd ed. N.Y.–Oxford, 1983.
- Starr Ch.G. *Essays on ancient history: A Selection of Articles and Reviews*. Leiden, 1979.
- Starr Ch.G. *Le origine della civiltà greca*. Roma, 1964.
- Starr Ch.G. *The Myth of the minoan Thalassocracy* // *Historia*. Bd. III. 1955.
- Starr Ch.G. *The origins of Greek Civilization*. 1000–650 B. C. L., 1962.
- Stella L.A. *La civiltà micenea nei documenti contemporanei*. Roma, 1965.
- Stephens L., Justeson J.S. *Reconstructing "Minoan" phonology: the approach from universals of writing systems* // *Transactions of the American Philological Association*. N 108. 1978.
- Stubbings F.H. *Prehistoric Greece*. L., 1972.
- Studia Mycenaea*. Proceedings of the Mycenaean Symposium. Brno, April 1966. Brno, 1968.
- Studien zur minoischen und helladischen Glyptik*. B., 1981.
- Svoronos J.N. *Numismatique de la Crète ancienne*. P. I. Macon, 1890.
- Taylor W.D. *The Mycenaeans*. L., 1983.
- Texts, Tablets and Scribes*. Studies in Mycenaean Epigraphy and Economy offered to E.L. Bennett. Salamanca, 1988.

- Thalassa: L'Égée préhistorique et la mer // *Aegaeum*. 7. 1991.
- The History of the Greek Language in Cyprus. Nicosia, 1988.
- The Knossos Tablets. 5th ed. Salamanca, 1989.
- The Minoan Thalassocracy: Myth and Reality. Proceedings of the Third International Symposium at the Swedisk Institute in Athens. Stockholm, 1984.
- The role of the Ruler in the Prehistoric Aegean // *Aegaeum*, 11. 1995.
- Thomson G. Studies in Ancient Greek Society. Vol. I. The Prehistoric Aegean. ed. L., 1954.
- Toepffer J. Attische Genealogie. B., 1889.
- Transition: le Monde Égéen du Bronze moyen au Bronze récent // *Aegaeum*. 3. 1989.
- Treuil R., Darque P., Poursat J.-C., Touchais G. Les civilisations égéennes du Néolithique et de l'Âge du Bronze. P., 1989.
- Vandenabeele F., Olivier J.-P. Les idéogrammes archéologiques du linéaire B. P., 1979.
- Vanschoonwinkel J. L'Égée et la Méditerranée Orientale à la fin du IIe millénaire. Témoignages archéologiques et sources écrites. Louvain-la-Neuve, 1991.
- Vansina J. De la tradition orale. Essai de méthode historique. Tervuran, 1961.
- Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956; 2nd ed. 1973.
- Ventris M. Notes on the Enkomi 1955 Tablet // *Antiquity*. vol. XXX. 1956. N 117.
- Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago-L., 1972.
- Wachsmann S. Seagoing Ships in the Bronze Age Levant. Chatham, 1998.
- Wardle K.A., Wardle D. Cities of Legend: the Mycenaean World. Bristol. 1997.
- Warren P. The Aegean Civilizations. Oxford, 1975.
- Warren P. Minoan Stone Vases as Evidence for Minoan Foreign Connexions in the Aegean Late Bronze Age // Proceedings of the Prehistoric Society (for 1967). Vol. XXXIII. Cambridge, 1968.
- Warren P., Hankey V. Aegean Bronze Age Chronology. Bristol, 1989.
- Webster T.B.L. From Mycenae to Homer. 2nd ed. L., 1964.
- Weickert C. Neue Ausgrabungen in Milet // Neue deutsche Ausgrabungen im Mittelmeergebiet und im Vorderen Orient. B., 1959.
- Willetts R.F. Ancient Crete. A Social History. From Early Times until the Roman Occupation. L., 1965.
- Willetts R.F. Aristocratic Society in Ancient Crete. L., 1955.

- Willetts R.F. Cretan cults and festivals. L., 1962.
- Willetts R.F. Mycenaean Zeus in central Crete // *Atti e memorie del 1° Congresso internazionale di Micenologia*, Roma. 27 settembre – 3 ottobre 1967. P. 1. Roma, 1968.
- Willetts R.F. The civilization of ancient Crete. Berkeley-Los Angeles, 1977.
- Van Windekens A. Études pélasgiques. Louvain, 1960.
- Van Windekens A. Le pélasgique. Essai sur une langue indoeuropéenne préenne préhellénique. Louvain, 1952.
- Wohlfel J.B. Die Bildersprache Minoischer und Mykenischer Siegel. Oxford, 1997.
- Wood M. In search of the Trojan war. L., 1985.
- Woodard R.D. Greek Writing from Knossos to Homer. Oxford, 1997.
- Xenaki-Sakellariou A. Inscriptions de la Collection Giamalakis // *Minos*. Vol. I. 1951. Fasc. 2.
- Younger J.G. Bibliography for Aegean Glyptic in the Bronze Age // *CMS*. Beiheft 4. B., 1991.
- Younger J.G. The Iconography of Late Minoan and Mycenaean Sealstones and Finger Rings. Bristol, 1988.
- Yule P. Early Cretan Seals: a Study of Chronology. Mainz, 1980.
- Zangger E. Naturkatastrophen in der ägäischen Bronzezeit. Forschungsgeschichte, Signifikanz und Beurteilungskriterien // *Naturkatastrophen in der antiken Welt. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums* 6, 1996. Stuttgart, 1998.
- Zangger E. The Flood from Heaven – Deciphering the Atlantis Legend. L., 1992.

	a	e	i	o	u
	𐤀 8	𐤁 38	𐤂 28	𐤃 61	𐤄 10
p	𐤅 3	𐤆 72	𐤇 39	𐤈 11	𐤉 50
t	𐤊 59	𐤋 4	𐤌 37	𐤍 5	𐤎 69
d	𐤏 1	𐤐 45	𐤑 7	𐤒 14	𐤓 51
k	𐤔 77	𐤕 44	𐤖 67	𐤗 70	𐤘 81
q	𐤙 16	𐤚 70	𐤛 21	𐤜 32	
j	𐤝 57	𐤞 46		𐤟 36	
w	𐤠 54	𐤡 75	𐤢 40	𐤣 42	
m	𐤤 80	𐤥 13	𐤦 73	𐤧 15	𐤨 23
n	𐤩 6	𐤪 24	𐤫 30	𐤬 52	𐤭 55
r	𐤮 60	𐤯 27	𐤰 53	𐤱 2	𐤲 26
s	𐤳 31	𐤴 9	𐤵 41	𐤶 12	𐤷 58
z	𐤸 17	𐤹 76		𐤺 20	

 25 ha(a₂)	 43 ai(a₃)	 76 ra₂	 33rai(ra₃)	 68 ro₂
 66 ta₂	 29 pu₂	 85 au	 62 pte	 48 nwa
 71 dwe	 90 dwo	 87 twe	 91 two	 48 nwa

Рис. 1. Силлабарий линейного письма В.

[illegible]

Рис. 2. Репертуар знаков линейного письма А.

Рис. 3. Сторона А Фестского диска.

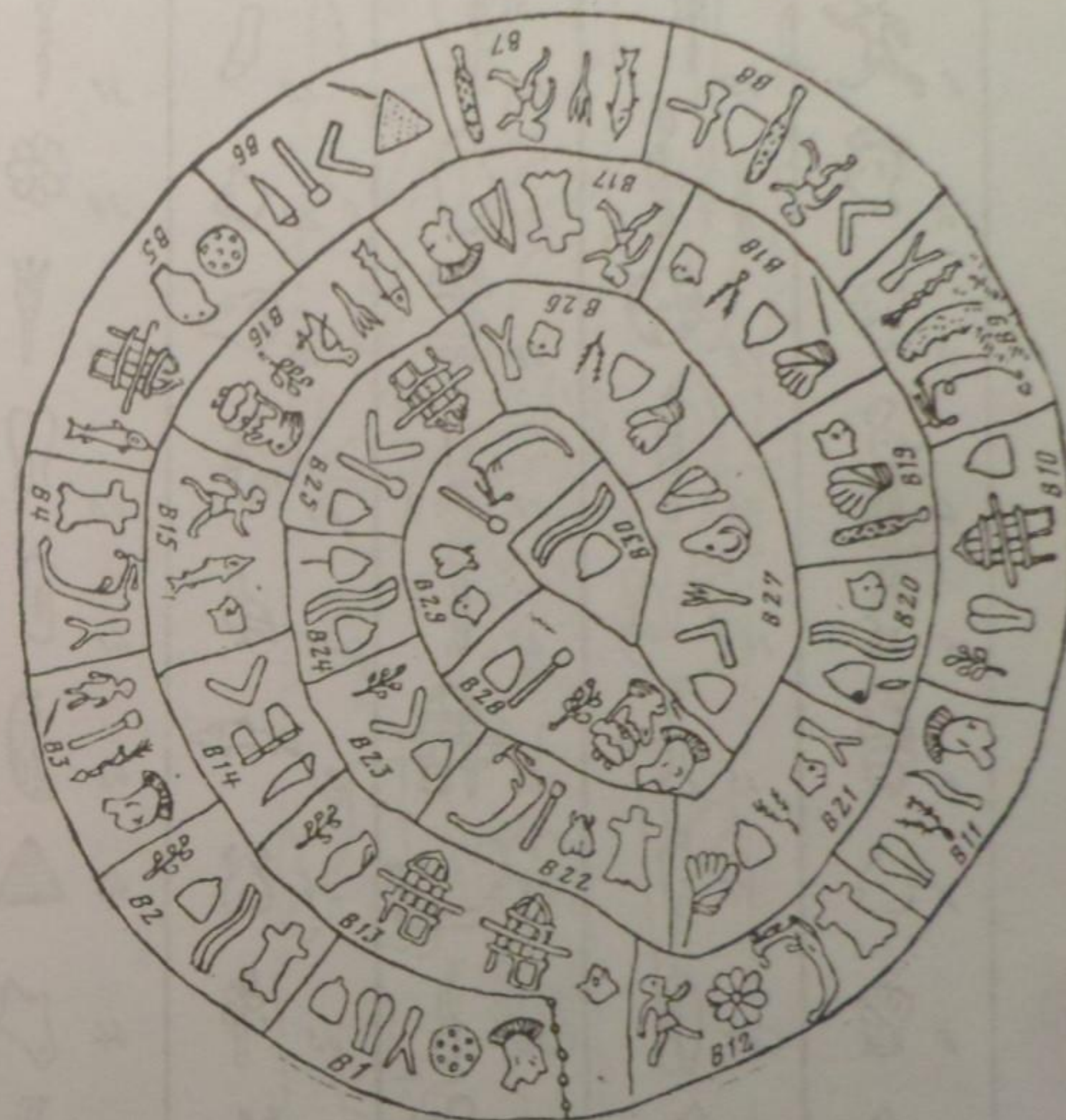

Рис. 4. Сторона В Фестского диска.

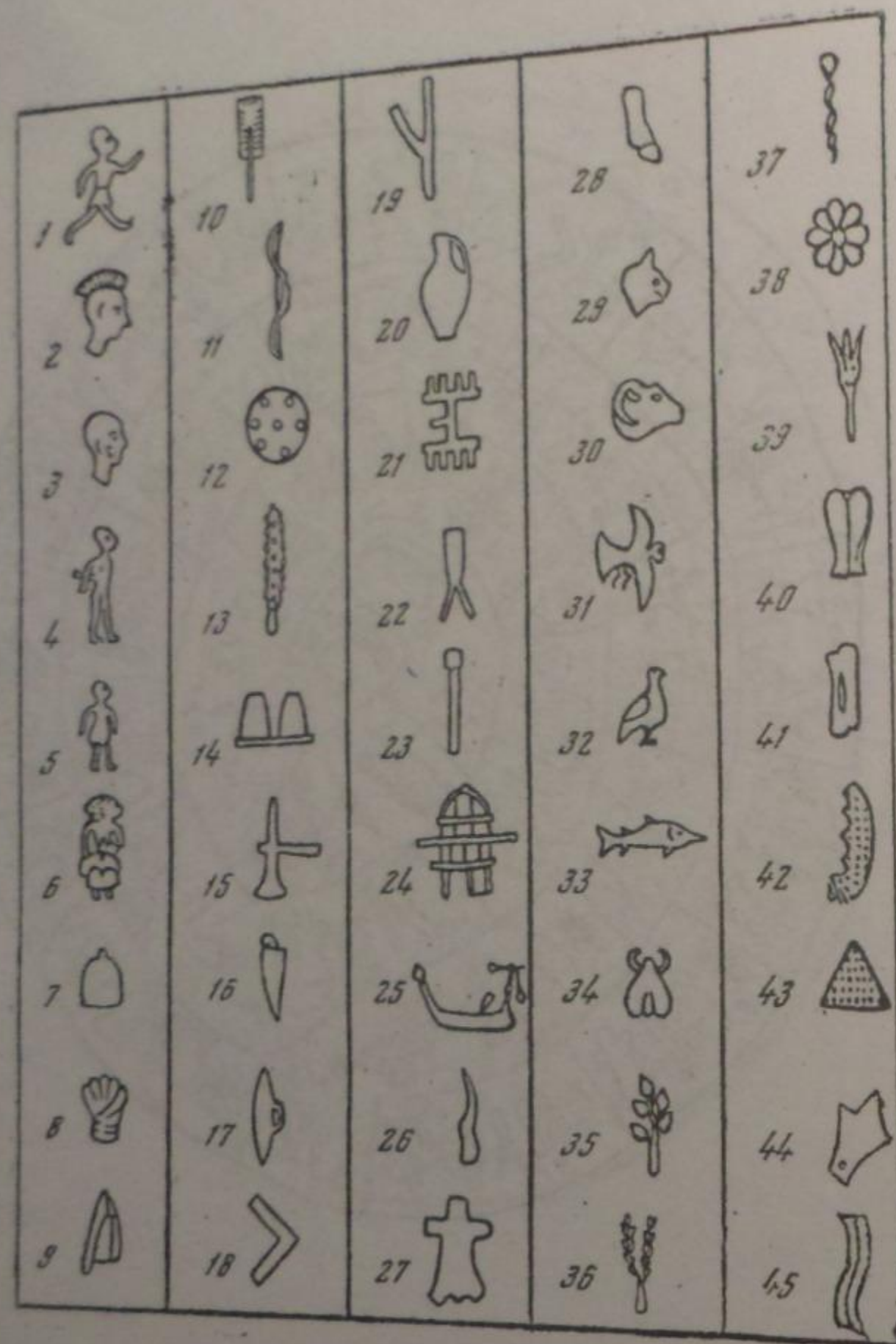

Рис. 5. Репертуар знаков Фестского диска.

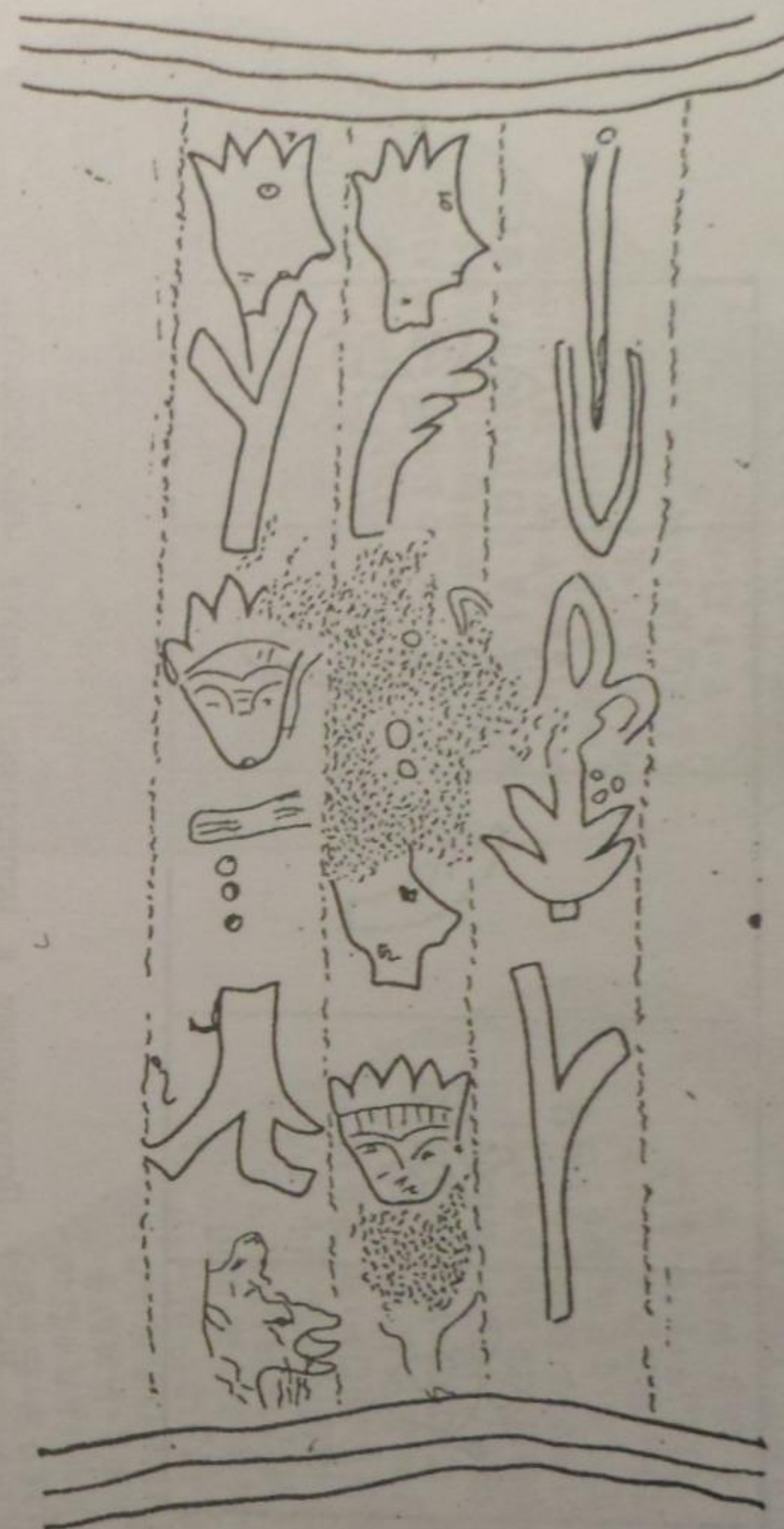

Рис. 6. Надпись на секире из Аркалохори.

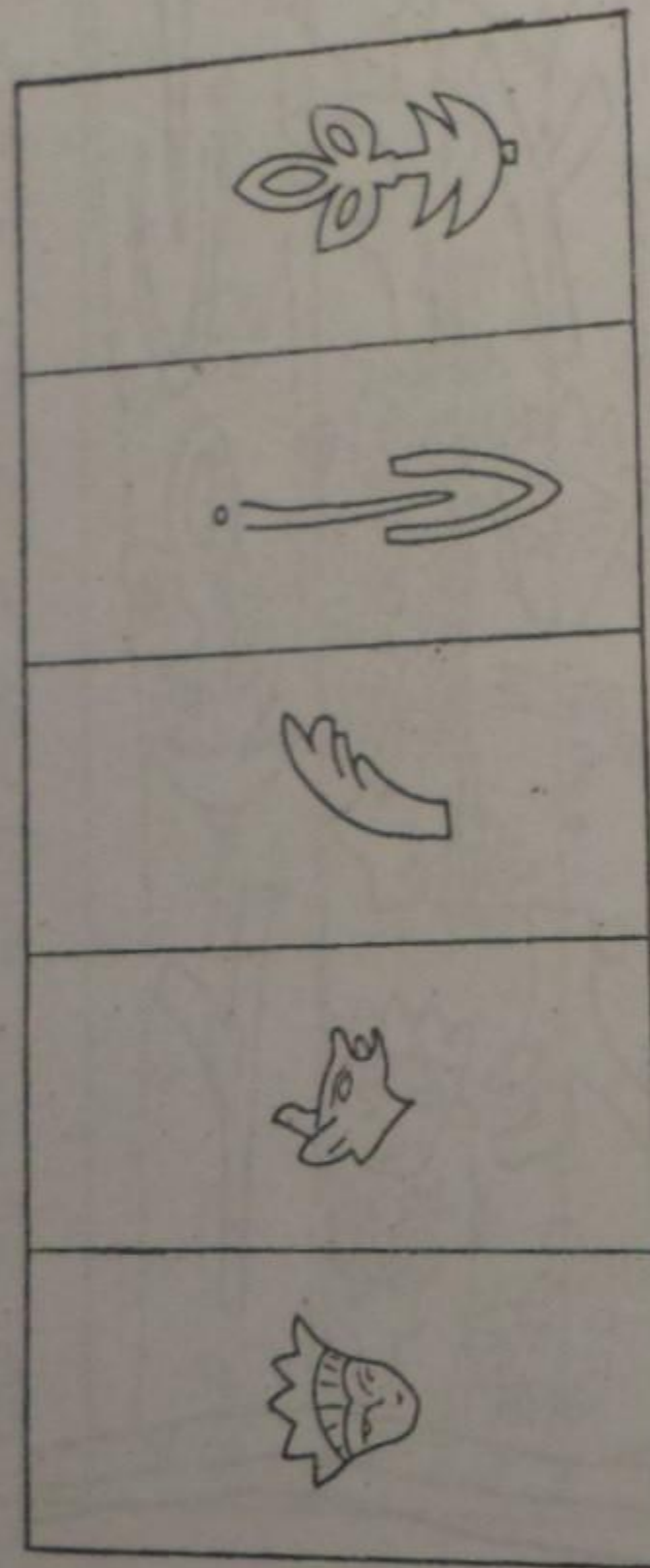

Рис. 7. Дополнение к репертуару знаков минойского иератического силлабария (письменности Фестского диска).

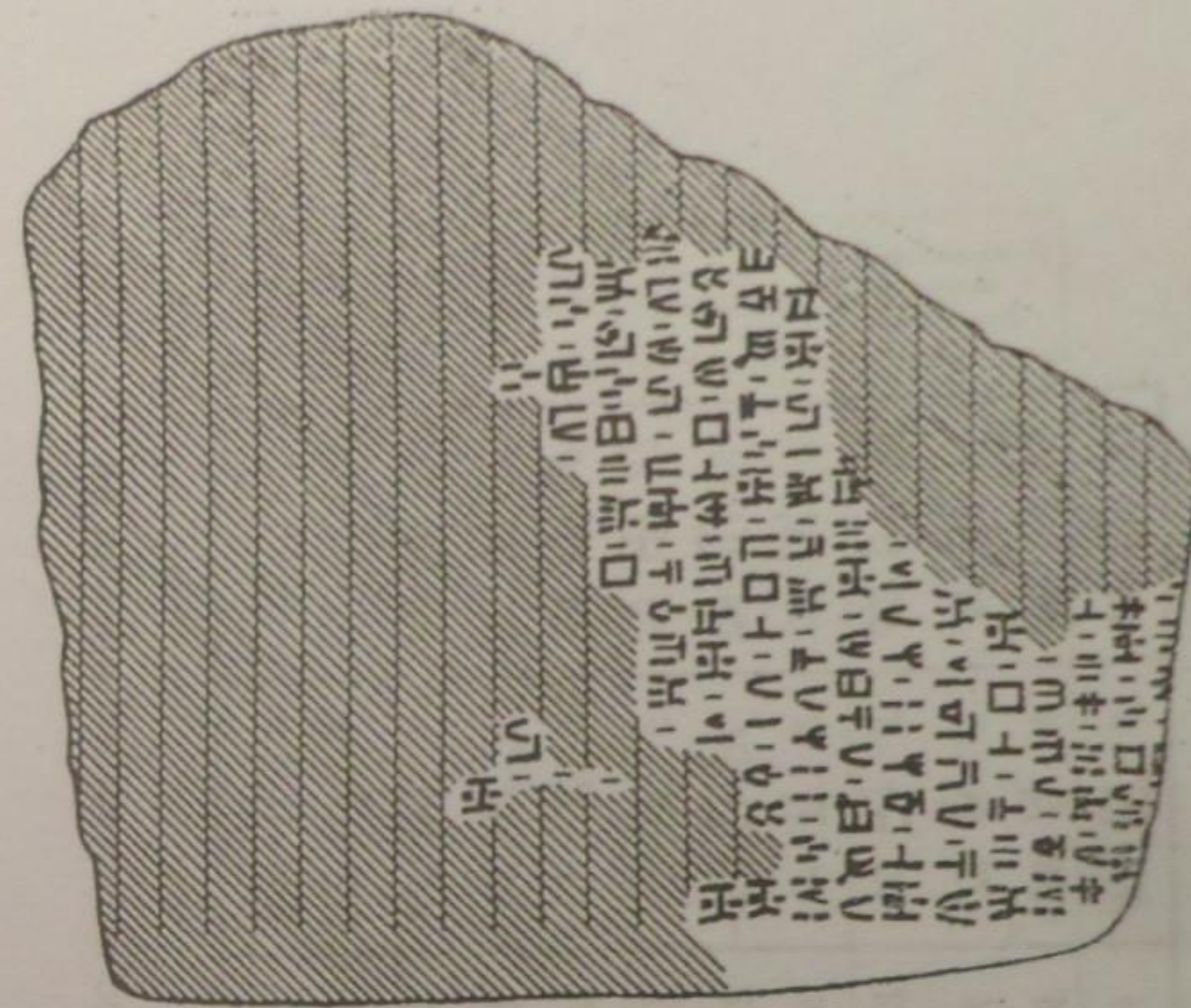
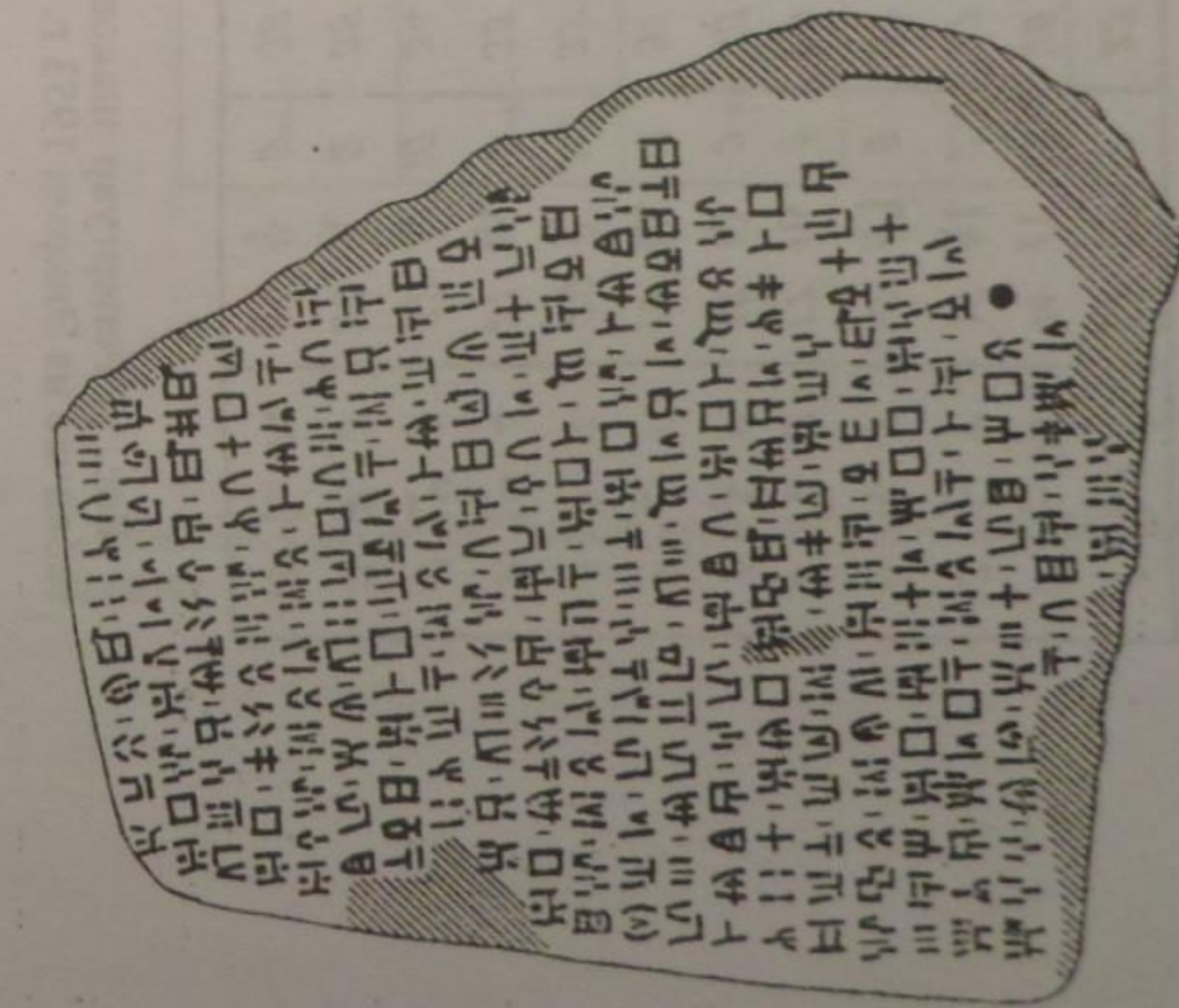

Рис. 8. Табличка из Энкоми 1953 г.

1	1 x 2	13	25	37	49	10
2	13	14	26	38	50	5
3	7	15	27	39	51	7
4	7	16	28	40	52	12
5	9	17	29	41	53	10
6	9	18	30	42	54	4
7	1	19	31	43	55	21
8	2	20	32	44	56	9
9	4	21	33	45	57	7
10	2	22	34	46	58	9
11	3	23	35	47		
12	14	24	36	48		

Рис. 9. Репертуар знаков киро-минойского письма на табличке из Энкоми 1953 г.

Рис. 10. Сравнение знаков критского и кипрского слогового письма.

Критское письмо А	Критское линейное В	Киро- минойское	Классический кипрский силлабрий
ī, ī	ī _{na}	ī	ī _{na}
ı	ı _{da}	ı	ı _{ta}
ʌ	ʌ _{ti}	ʌ	ʌ _{ti}
ʃ, ʃ	ʃ _{se}	ʃ	ʃ _{se}
+	+ _{ro}	+	+ _{lo}
+	+ _{pa}	+	+pa

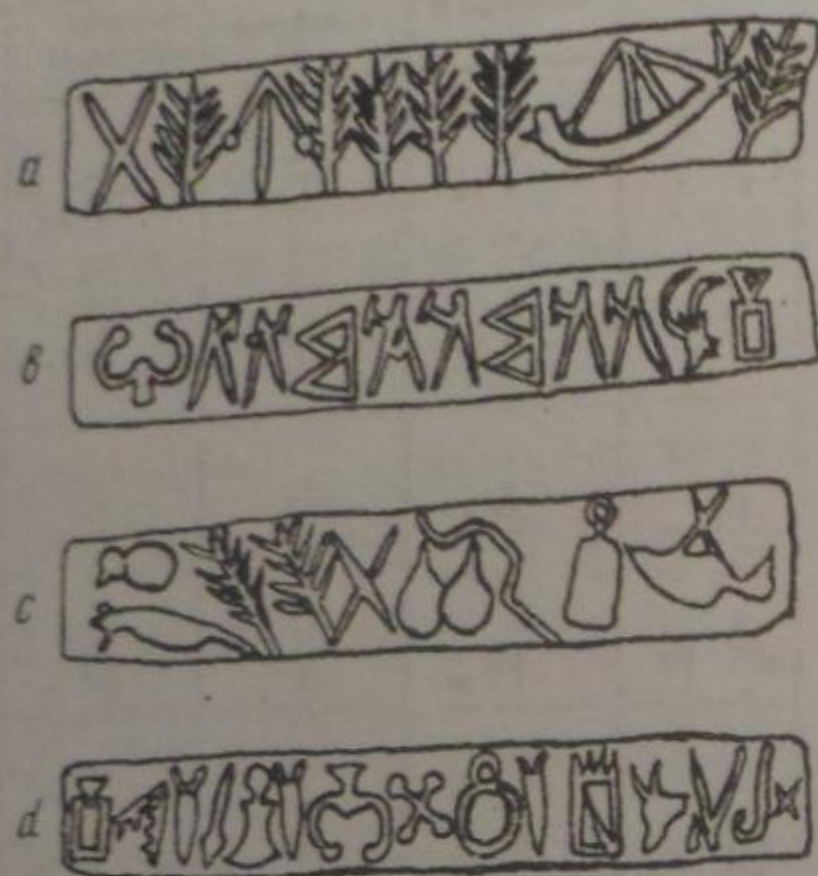

Рис. 11. Критская иероглифическая надпись на печати из Афинского музея.

Критская иероглифика	Линейное письмо А	Линейное письмо В

Рис. 12. Сравнение знаков критской иероглифики, линейного А и В.

Рис. 13. Спиральная надпись линейного А на золотом перстне из Мавро-Спелио.

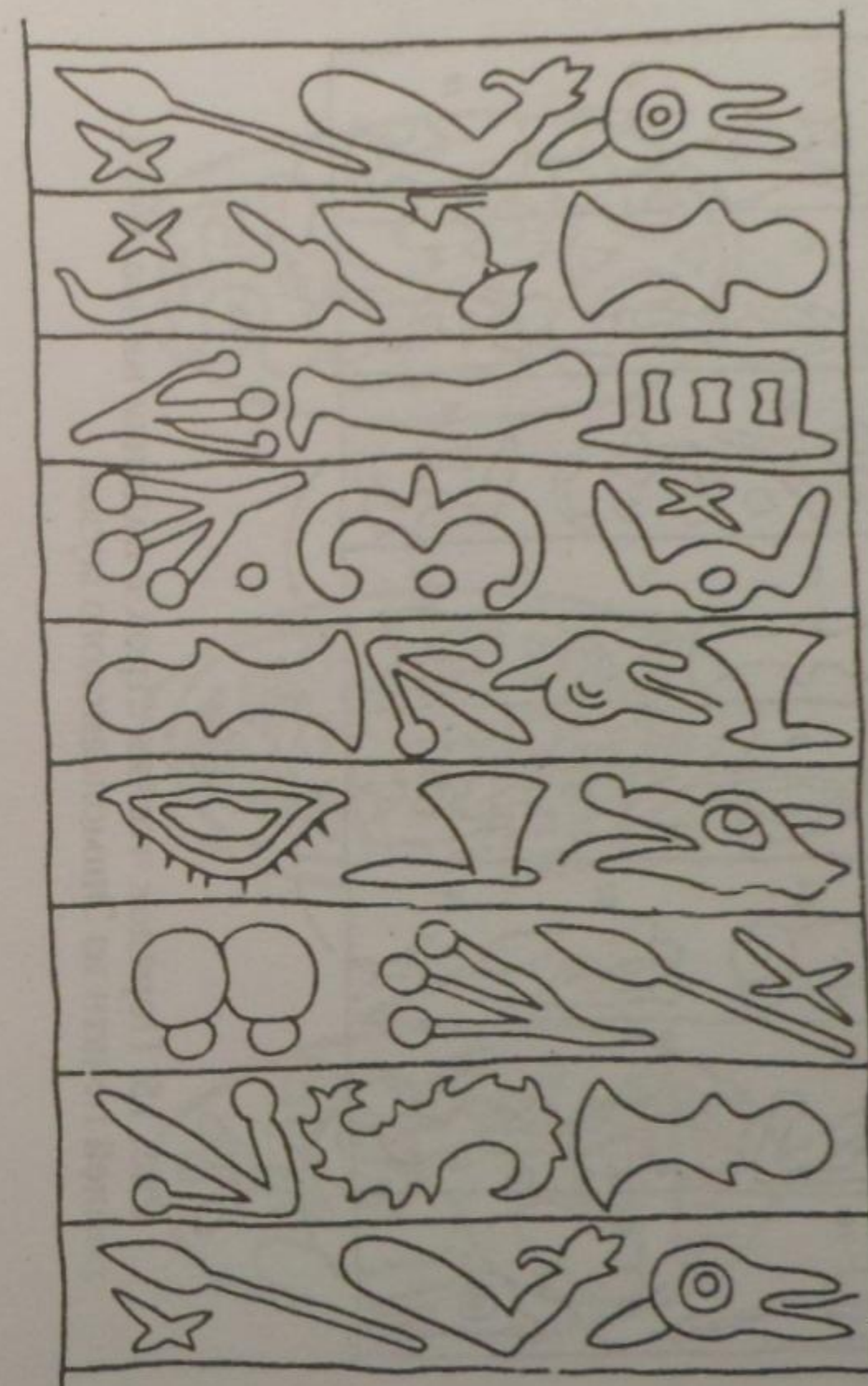

Рис. 14. Оттиск восьмисторонней печати из Эшмолеанского музея.

Рис. 15. Порядок чтения строк в надписи на восьмисторонней печати из Эшмолеанского музея.

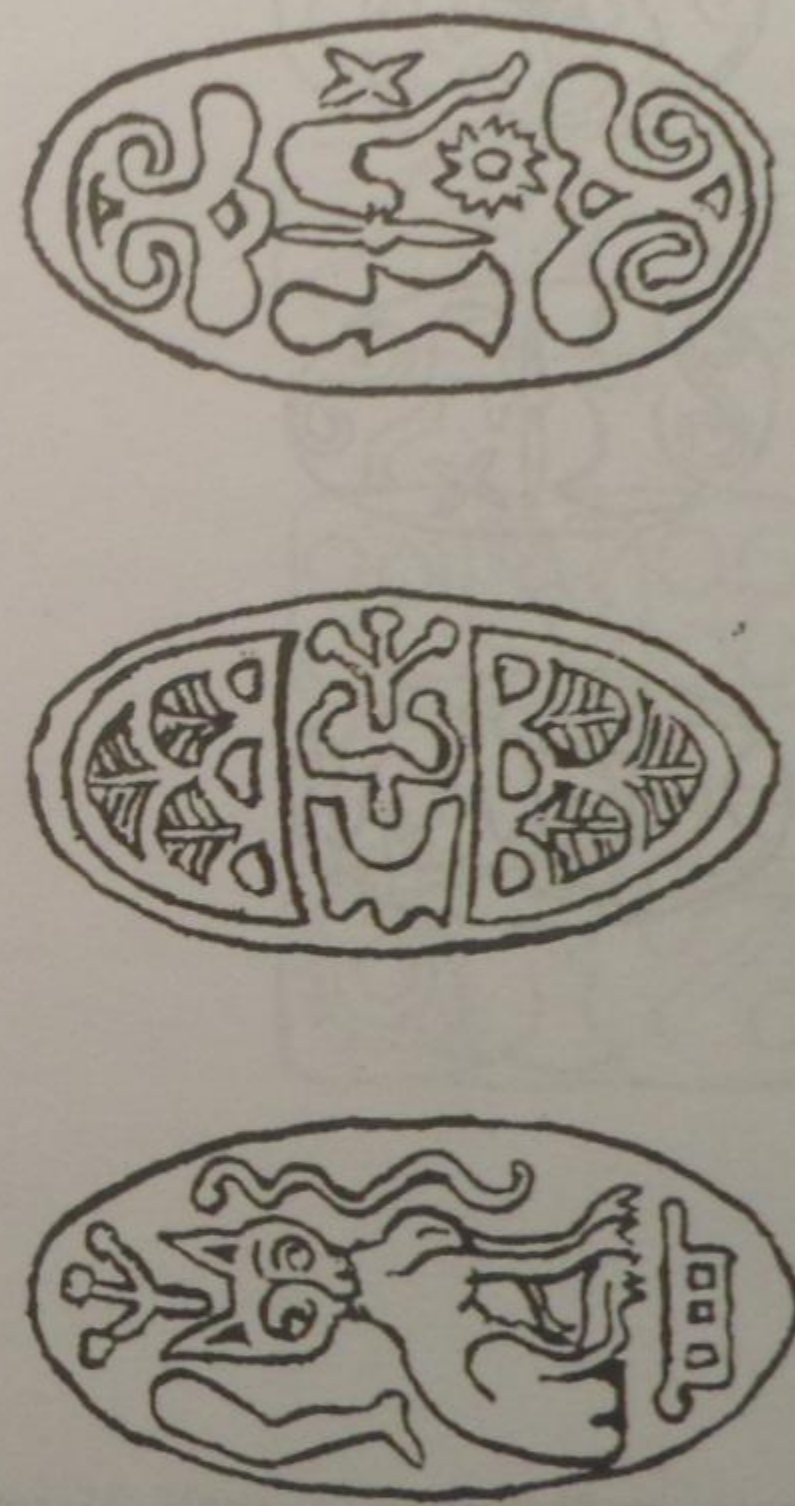

Рис. 16. Надпись на "Царской печати 1898 г." из Кносса.

Рис. 17. Надпись на "Малой царской печати".

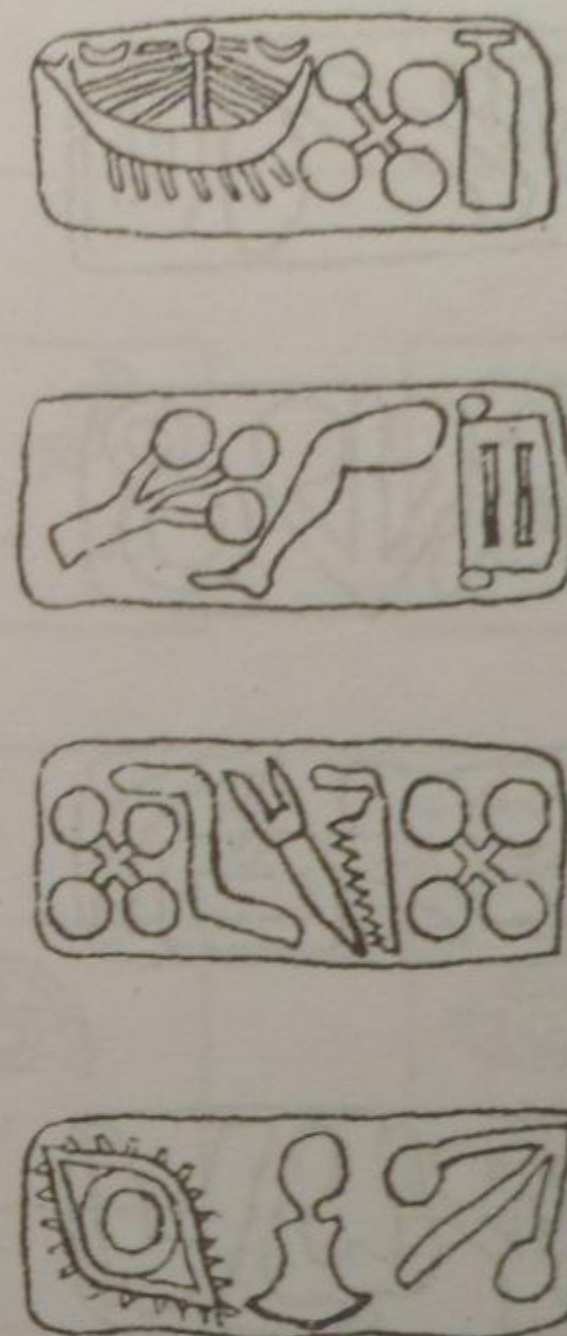

Рис. 18. Надпись на четырехсторонней печати из Британского музея.

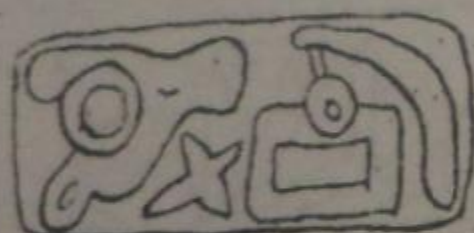
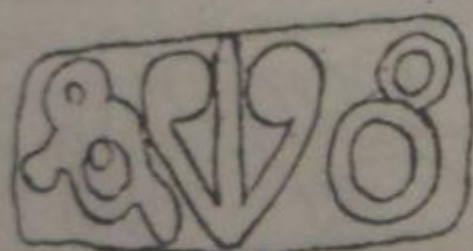
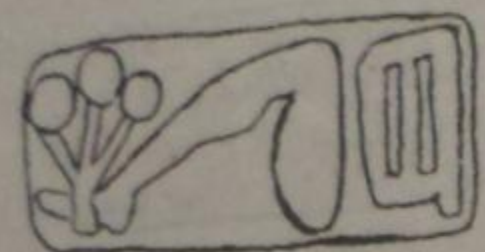

Рис. 19. Надпись на четырехсторонней печати из Эшмолеанского музея.

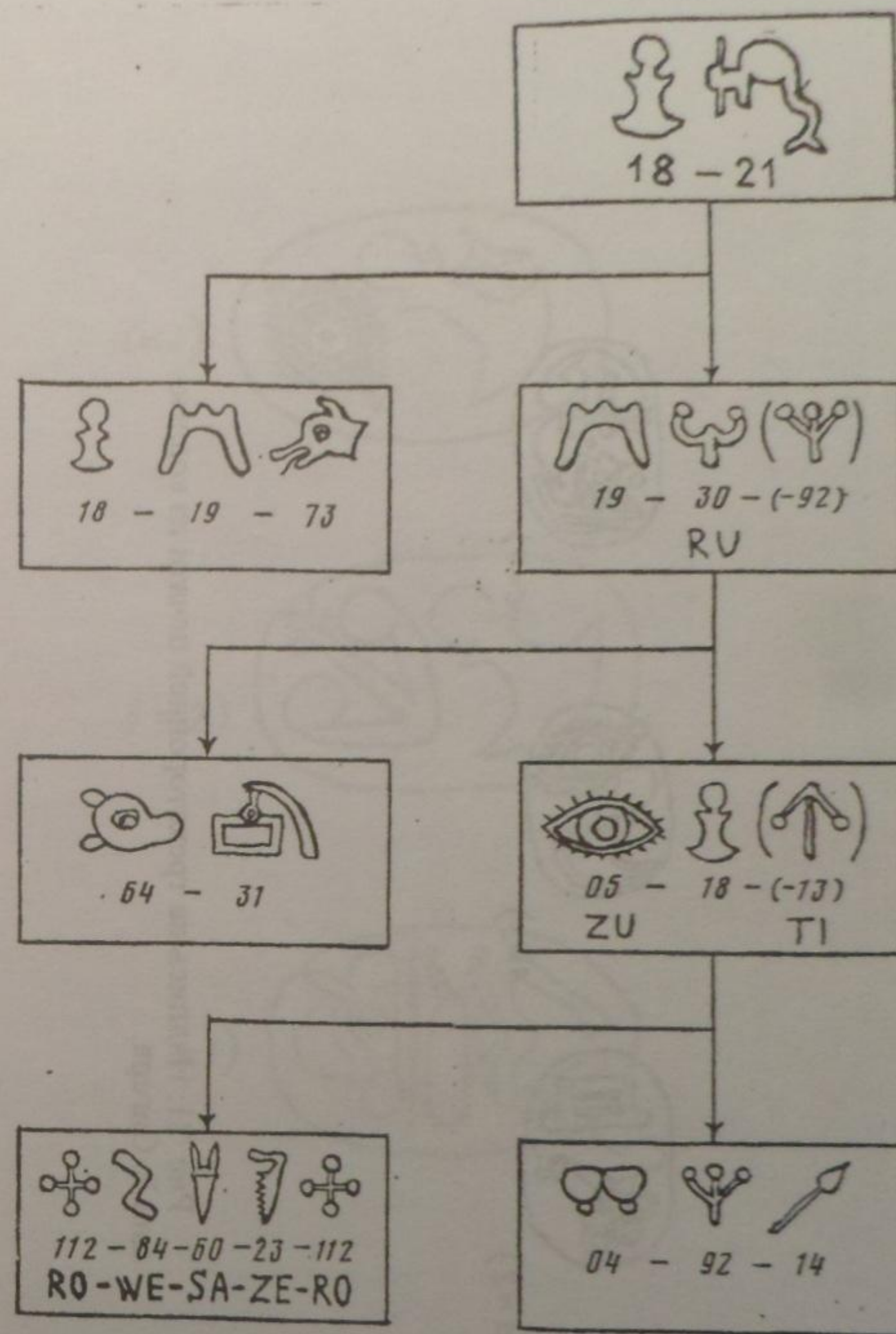

Рис. 20. Генеалогическая таблица владельцев царских печатей "кносского круга".

$a=2$)

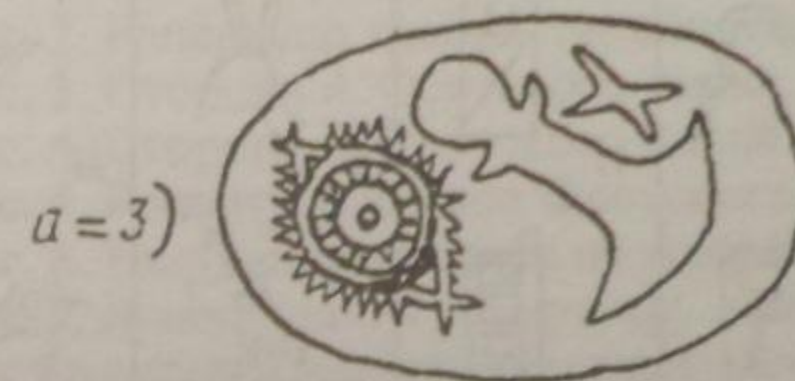

$b=3$)

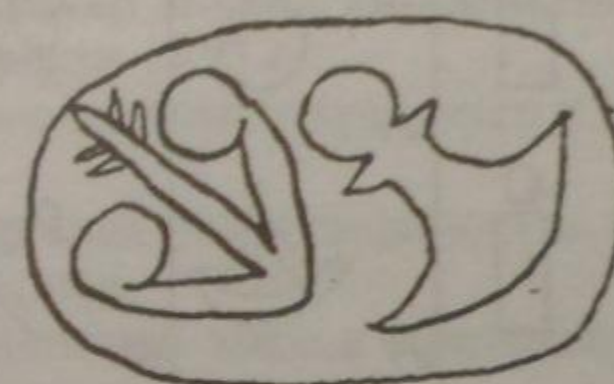

$c=1$)

Рис. 21. Надпись на трехсторонней печати из коллекции Р. Сигера.

$a=3$)

$b=2$)

$c=1$)

Рис. 22. Надпись на трехсторонней печати из швейцарской коллекции.

Рис. 23. Репертуар знаков в рассматриваемых критских иероглифических надписях на печатях.

Список иллюстраций

- Рис. 1. Силлабрий линейного письма В.
 Рис. 2. Репертуар знаков линейного письма А.
 Рис. 3. Сторона А Фестского диска.
 Рис. 4. Сторона В Фестского диска.
 Рис. 5. Репертуар знаков Фестского диска.
 Рис. 6. Надпись на секире из Аркалохори.
 Рис. 7. Дополнение к репертуару знаков минойского иератического силлабария (письменности Фестского диска).
 Рис. 8. Табличка из Энкоми 1953 г. (лицевая и оборотная стороны).
 Рис. 9. Репертуар знаков кипро-минойского письма на табличке из Энкоми 1953 г.
 Рис. 10. Сравнение знаков критского и кипрского слогового письма.
 Рис. 11. Критская иероглифическая надпись на печати из Афинского музея.
 Рис. 12. Сравнение знаков критской иероглифики, линейного А и В.
 Рис. 13. Спиральная надпись линейного А на золотом перстне из Мавро-Спелио.
 Рис. 14. Оттиск восьмисторонней печати из Эшмолеанского музея.
 Рис. 15. Порядок чтения строк в надписи на восьмисторонней печати из Эшмолеанского музея.
 Рис. 16. Надпись на "Царской печати 1898 г." из Кносса.
 Рис. 17. Надпись на "Малой царской печати".
 Рис. 18. Надпись на четырехсторонней печати из Британского музея.
 Рис. 19. Надпись на четырехсторонней печати из Эшмолеанского музея.
 Рис. 20. Генеалогическая таблица владельцев царских печатей "кноссского круга".
 Рис. 21. Надпись на трехсторонней печати из коллекции Р. Сигера.
 Рис. 22. Надпись на трехсторонней печати из швейцарской коллекции.
 Рис. 23. Репертуар знаков в рассматриваемых критских иероглифических надписях на печатях.

**Указатель имен исторических лиц древности
(включая античных авторов)
и мифологических персонажей**

Авгий 148, 172, 189
 Автесион 176
 Автоноя 110
 Агамел 175
 Агамемнон 83, 113, 114, 143, 161, 164, 171, 189, 199, 200
 Агапенор 181, 185, 199
 Агасфен 172, 173
 Агесилай (сын Архидама III) 177
 Агесилай (сын Архидама V ?) 177
 Агесилай (сын Эвламида I) 177
 Агесилай I 177
 Агесилай II 177
 Агнады 207
 Агорий 189
 Адраст 199–202, 205–208
 Адрастида 200, 206; см. также Адрастида-Кадмиды и
 Эгиалеады-Адрастида
 Адрастида-Кадмиды 207
 Аид 131
 Акааллида 99, 105, 111
 Акамонт 185
 Актор 172
 Алей 137
 Александр Полигистор 81
 Алексиды 206
 Алкатой 93, 127, 146, 162
 Алкей (сын Андрогей) 100, 102
 Алкивиад 187
 Алкиной 129
 Алкмеон (сын Амфиарая) 206
 Алкмеониды 187
 Алтемен (сын Катрея) 97
 Алтемен (сын Кисса) 115

Амаринкей 172, 173
 Аминтор 171
 Амфиарай 206
 Амфимах (сын Ктеата) 170, 172
 Амфимах (сын Поликсена) 173
 Амфион 139, 174
 Анакт 105
 Андрей 199
 Андрогей 94, 100, 102
 Андрон Галикарнасский 114
 Андрос 101
 Аний 100, 101
 Анкей (сын Ликурга) 181, 185
 Анкей (царь Самоса) 99
 Антас 174
 Антенор 81
 Антигона (дочь Эврипиона) 175
 Антилох 171
 Антиопа 174
 Антиох Сиракузский 96
 Антиф 170
 Антонин Либерал 105
 Анемосина 97, 98
 Апис 92, 112, 201, 202, 207, 208
 Апойк 176
 Аполлодор 69, 82, 83, 92, 106, 118, 130, 131, 196, 208
 Аполлон 96, 111
 Аполлон Охотник 146
 Аполлон Пифийский 95
 Аполлоний Родосский 100, 111
 Аргей Старшая (дочь Адраста) 206
 Аргей Младшая (дочь Автесиона) 207
 Аргос (Аргус) 92, 112
 Арейфоний 171
 Ариадна 92, 99–102, 107
 Арисба 103
 Аристей 110
 Аристокрит 187
 Аристодем 176, 192
 Аристотель 36, 82, 95, 96, 121, 130, 142, 144

Аркесилай 170
 Артемида 150
 Артемида Охотница 146
 Архидам II 177
 Архидам III 177
 Архидам V 177
 Архий 113
 Асей 11
 Аскалаф 170, 175
 Асклепиад 118
 Астерий (царь Крита) 104, 118
 Астерий (царь Милета) 105
 Астерий – см. Зевс Астерий
 Астипалея (сестра Европы) 99
 Аталанта 145
 Атана (=Афина) 22
 Атано 20, 22
 Атимбр 106
 Атлант 91
 Атрей 92, 161, 164, 199, 200
 Атриды (Атриды-Пелопиды) 164, 183, 189, 190, 199, 200
 Аттариссияс (=Атрей) 164, 199
 Афамант (сын Ойнопиона) 101
 Афамант (сын Эола) 137
 Афина 22, 149
 Афина Алея 181, 189
 Афина Владычица Ветров 150
 Афиней 128
 Афродита 145, 181, 182
 Ахилл 156–163, 175
 Аэтий 174
 Аэтиды 172
 Аэлий 172
 Аякс (сын Теламона) 94, 127, 171, 180, 185, 187, 188

Бакхиады 191
 Батт 98
 Баттиады 191
 Беллерофонт 145

Биант 173, 200
 Биантиды 173
 Боттон 96
 Бранхиды 191
 Бутады – см. Этеобутады

Вакхилид 118
 Вергилий 100

Ганимед 127
 Гарамант 111
 Гармодий 187
 Гармония 95, 102, 108
 Геланор 208
 Гелиос 118
 Гелланик 81
 Гелон 207
 Гера 36, 121
 Геракл 92, 112, 113, 143, 146–148, 162, 164, 192
 Геракл Дорийский 192
 Геракл Идейский 91
 Геракл Тиринфский 192
 Геракл Фиванский 192
 Гераклиды 115, 139, 173, 176, 183, 190, 192, 206
 Геродот 8, 69, 82, 84–87, 89, 96, 104, 106, 111, 113, 114, 124, 126, 180, 207
 Герофан 92
 Гесиод 82, 89, 118
 Гефест 24, 118
 Гефиреи 95, 187
 Гианфид 174
 Гиперет 174
 Гиппас 190
 Гиппоной 143
 Главк (морское божество) 99
 Главк (сын Миноса) 109
 Гомер 17, 69, 81, 85, 91, 100, 118–121, 129, 131, 136, 154, 157, 159–161, 171, 178, 182, 196, 207

Гортия 113
Грини 98

Дамас 176
Дамасихтон 176
Данаиды 145
Данай 92, 139, 140, 145, 155, 208
Дардан 91, 95, 102–104, 108
Девкалион (сын Прометея) 91, 140
Девкалион (сын Миноса) 69, 83, 84, 118
Дедал 99, 109, 110
Деипила 206
Деметра 103
Деметра Ахейская 187
Деметра Пеласгийская 11
Демофонт 107, 185
Динарх 81, 82
Диоген Лаэртский (Лаэртский) 116
Диодор Сицилийский 82, 83, 85, 97, 101, 106, 112–114, 118, 121, 123–125
Диомед 150, 170, 199, 206, 208
Дионис 99, 100, 102
Диор 170, 172, 173
Домальди 120
Дор 114
Дорид 174
Дорисс 177
Досиад 81

Европ (потомок Кадма) 95
Европ (сын Форонея) 92
Европ (сын Эгиалея) 92, 201, 202, 208
Европа 87, 92, 95, 96, 98, 99, 101, 104, 106–108, 110, 119, 121
Евсевий Кесарийский 200, 202–205, 207

Залевк 133
Зевксипп 201, 202

Зевксиппа 201
Зевс 11, 87, 89, 93, 117–121, 130, 143, 155, 189, 198
Зевс Астерий 118
Зевс Диктейский 85
Зевс Критский 121
Зевс Олимпийский 118
Зевс Саламинский 181
Зеро 67
Зет 134

Иалмен 170, 175
Иамиды 189
Ианиск 201, 203
Ида 103
Идейские Дактили 103
Идомей 69, 83, 114, 118, 170
Иероним 200, 202
Икар 99
Иллирий 108
Инах 92, 202, 203, 208
Иолай 110
Ион Хиосский 101
Ипполит (сын Ропала) 201
Исократ 118
Истр 81
Италия 109
Ифий 199
Ифит (фокиец) 175
Ифит (элеец) 189

Кавн 104
Кадм 95, 96, 98, 101, 102, 108, 110, 174, 207
Кадмиды 174, 177, 191, 192, 206
Кадума (..) 95
Каллин 103, 107
Кальхиния 201
Капаней 143, 208
Кар (сын Креты) 104

Кардий 91
 Катрей 69, 83, 84
 Кекропс 181
 Керикс 188
 Кианипп 205
 Кидон (внук Миноса) 20, 23, 85
 Кидон (сын Тегеата) 113
 Килик (Киликс) 106
 Кинетон (Кинефон) 118
 Кинир 181
 Кинирады-Агапенориды 181
 Кипсел 191
 Кирбант 98
 Клеолай 110
 Клеомен I 192
 Климен 91
 Клиний 187
 Клисфен (тиран Сикиона) 205
 Клитиды 189, 206
 Клитий (сын Алкмеона) 206
 Клитий (отец Фено) 201
 Клоний 170
 Кодр 176, 183, 186
 Кодриды-Медонтиды 187
 Кокал 108
 Копрей 171
 Коракс 201, 202
 Корон 201
 Креонт 175
 Крес 24, 85, 118, 130
 Крета (эпонимная героиня критских мифов) 104, 118
 Крета (дочь Астерия) 118
 Крета (дочь Девкалиона) 118
 Крета (мать Пасифаи) 118
 Кретеи 118
 Критий Младший 187
 Кротоп 139
 Ксенион 81
 Ксенократ 207
 Ктеат 172

Кудони 20, 23, 85

Лабдак 174
 Лай 174
 Лакестада 201
 Ламедон – см. Лаомедон
 Лаодамант 174, 175
 Лаодика 181
 Лаомедон (Ламедон) 201, 202
 Лаостенид 81
 Лариса 11
 Левк 114
 Левкипп 201, 202
 Лейт 170
 Леонтей 171
 Лик (брат Никтея) 174
 Лик (сын Пандиона) 188
 Ликаон 10, 11, 144
 Ликомиды 188
 Ликург 133
 Лисианасса 201

Манто 105
 Мараф 200, 202, 203
 Марафон 200, 201, 203
 Марафоний 202
 Марон 96
 Махаон 171
 Махарей 191
 Мегарей 93
 Медон 171
 Мелампод 171, 173
 Мелан 101
 Мелант (Меланф) 176, 183, 186, 187
 Мелантиды-Кодриды 175
 Менекей 175
 Менекл Теосский 81, 82
 Менелай 83, 164, 171

Менест 94
Менесфий 171
Мерион 83, 170
Мессап 202, 203
Микон 100
Милет 104, 105
Мильтиад Старший 187
Минос 20, 22–24, 69, 84, 85, 87–94, 96, 97, 99–102, 104–113, 115–133, 143, 212
Минос Младший 24, 84, 99
Минос Старший 24, 84, 99
Миносиды 69, 100, 118
Минотавр (Минотавр-Астерий) 113
Мирина 102
Мол 83
Мопс 105–107

Накс 99
Наокл 176
Насамон 111
Нелеиды (потомки Нелея Старшего) 175, 183, 186, 187
Нелей Младший (сын Кодра) 176
Неоптолем 191
Нестор 164, 171
Нефалион (сын Миноса) 100
Никтей 174
Нис 93

Огиг 140
Одиссей 69, 150, 187
Оилей 171
Ойнопион (Энопион) 96, 101, 102
Оксил 183, 189
Онар 99
Орест 189, 190
Орион 100, 102
Орсилох 69
Ортополис 201, 202

Орхомен 11

Павсаний 36, 82, 101, 105, 119, 137, 142, 146, 149, 150, 171, 175, 194–196, 199–201, 203–205, 207, 208

Паллант 11
Пандион 188
Парейя 100
Парий 104
Парис 171
Пасифая 118
Пеласг 10, 11, 202, 203
Пелей 175
Пелопиды – см. Атриды-Пелопиды
Пелопс 92, 162, 171, 174, 203
Пенелей 170, 176
Пеон Амагунтский 107
Пеониды – см. Паониды
Пепарет 101
Перат 200, 201
Перибей 127
Перифет 171
Персей 139
Петеллид Кносский 81
Пиндар 207
Пиргион 81
Пирена 145
Писистратиды 187
Питтий 172
Питфей 174
Пифагор 190
Платон 82, 112, 131, 187
Племней 201, 202
Плутарх 36, 82, 91, 94, 96, 99, 107, 206
Подалирий 171
Полиб 201–203
Полидор 174
Полизал 207
Полиид 171
Поликсен 170, 172, 173

Полиник 174, 206
Полипойт 171
Полифид 202, 203
Посейдон 98, 141
Посейдон Землеколебатель 141
Посейдон Наводнитель 141
Приам 114, 178

Пройтиды 199
Пройтиды-Анаксагориды 173; см. также Пройтиды
Прокл 176, 192

Промет 176
Пропод 174
Профенор 170

Птолемей 111
Пэониды (Пеониды) 187

Радамант 24, 84, 87, 94, 96, 97, 100–102, 105, 106, 116, 118, 119,
123, 130–133

Радамате (=Радамант) 131

Ракий 105

Рове 67

Ровесазеро 67, 70, 72, 76, 212

Рово 67

Ропал 201

Сазеро 67

Салаг 101

Салмоней 143

Сарпедон 87, 105, 106, 119

Сатури 36

Сатурия 110

Семела 143

Сизиф 145

Сизифиды 174

Сикин 99

Сикион 201, 202

Симонид Кеосский 207

Скир 94

Солон 117, 187

Сосикрат 81, 128, 130

Спарты (Посеянные) 174, 190

Стафил Кносский 101

Стафил из Навкратиса 84

Стефан Византийский 22, 98, 104, 107, 114

Страбон 8, 11, 84, 86, 89, 91, 96, 101, 103, 104, 107–110, 121,
127, 130, 133, 145, 206

Сфенел (сын Андрогей) 100, 102

Сфенел (сын Капанея) 170, 208

Схедий 170, 175

Тавагалавас (=Этеокл) 199

Талай 199–201

Талос (страж Крита) 113, 123

Талос (сын Креса) 24, 118

Талос (сын Ойнопиона) 101

Танато 20, 22, 78

Тано 20, 22, 78

Тевкр (сын Иды) 94, 103, 106

Тевкр (сын Теламона) 94, 106, 107, 171, 180, 181, 185

Тевкриды 181

Тегеат 113

Тектам 114, 118

Теламон 171, 180, 181

Теламониды 84, 127, 185, 187

Телефа (Телефасса) 103

Телефасса – см. Телефа

Телксион (Фелксион) 201, 208

Тельхин 92, 112, 201, 202, 208

Темен 115, 206

Тесей 107, 112, 113, 126, 137, 147, 162, 181, 185

Теттик (Теттикс) 46, 91

Тимбр 104

Тимей из Тавромения 203–205, 207

Тисамен (сын Ореста) 190

Тоант (внук Миноса) 99, 100, 102

Трезен 174

Трофоний 175

Туран (Владычица) 24
Туримах (Фуримах) 201, 202

Утано 22

Фалпий 170, 172
Фемистокл 188
Феней 11
Феникс (сын Аминтора) 171
Феникс (брат Европы) 107
Фено 201
Феокрит 100
Фер 176, 192
Ферон 207
Фест (с Крита) 113
Фест (из Сикиона) 113, 201, 202
Фидипп 170
Филаиды 187
Филей 172
Филолай (сын Миноса) 100
Филот 176
Филохор 94
Фолегандр 99
Фороней 92, 208
Фрасибул 207
Фрасимед 171
Фукидил 82, 89, 96, 123, 125, 135, 154

Харон из Навкратиса 81
Хармид 187
Хрис (жрец Аполлона) 161
Хрис (сын Миноса) 100
Хрисорта 201
Хтонофила 201

Эак 130, 138, 139, 150

Эвагор I 181
Эвант (Эванф) 96, 101
Эвдамид I 177
Эвипп 146
Эвксантий 100, 105
Эвмей 160
Эвмолпиды 188
Эвриал 170
Эвриала 102
Эвримедонт (сын Миноса) 100
Эврипид (Еврипид) 118
Эврипонтиды 207
Эврисак 188
Эврисакиды-Саламинии 187
Эврисфей 146–148, 164
Эврисфен 176, 177, 192
Эврит 172
Эвритион 175
Эвфем 191
Эвхенор 171
Эгей 127, 137
Эгиалеиды-Адрастиды 194
Эгиалей (сын Адраста) 205, 206
Эгиалей (эпоним Эгиалеи-Сикиона) 92, 200–202, 205, 208
Эгиалея 206
Эгидр 200, 202
Эгипт 92
Эгир 200, 201
Эдип 174, 199
Элей (отец Авгия) 172
Элей (сын Амфимаха) 173
Энгией 101
Эндимион 112
Энией 104
Эномай 144
Эпаминонд 116, 190
Эпикур 187
Эпименид 81
Эпистроф 170, 175
Эпит (сын Нелея) 176

Эпитилы 190
Эпопей 200–202
Эрат 200, 202
Эргин 175
Эритр 105
Эрифила 205, 206
Эрихтоний 195
Этеобуталы (Буталы) 188
Этеокл (сын Андрея) 199
Этеокл (сын Ифия) 199
Этеокл (сын Эдипа) 174, 199
Этион 161
Этон 69
Эфор 8, 81, 105, 117, 130, 133, 206
Эхемен 81
Эхирей 202, 203

Япиг 110
Ясион 91, 95, 102–104, 108
Ятано 22

Указатель географических названий и этнонимов

абанты 101
Авлида 143, 150
Агия-Триада 27, 28
Азиатский континент – см. Азия
Азия (Азиатский континент) 89, 105, 125
Акара 106, 123
Акрагант 207
Акрагантская область 109
Акрокоринф (акрополь Коринфа) 145
Аматунт 107, 181
Аминисо (=Амнис) 20, 24, 128
Амнис 23, 24, 29, 36, 122, 128
Аморгос 99
Анактория 105
анатолийцы (=хетто-лувийцы) 19, 87
Анатолия 41, 79
Анафа 99
Андрос 101, 123
Анфея 137
Апеннинский полуостров 109, 203
Апида – см. Апия
Апия (Апида) 208
Арголида 10–12, 29, 79, 91, 92, 141, 144, 146, 155, 162, 183, 186, 208
Аргос 11, 92, 115, 138–140, 144, 145, 155, 170, 173, 175, 180, 189, 192, 195, 197, 200, 205, 206, 208, 209
Аргос Пеласгийский 8
Аргосская равнина 92
Аргосское царство 183, 206
Арисба 103
Аркадия 10, 92, 113, 137, 138, 140, 147, 149, 162, 168, 180, 181, 183, 185, 188, 189, 192, 195, 197, 199, 214
Аркалохори 31, 32, 35–37, 63

Арна 171
 Ароя 137
 Арханес 151
 Асвия — см. Асия
 Асея 10
 Асия (Асвия) 161
 Аспенд 106
 Астерион 144
 Астипалея 99
 Атимбра 106, 123
 Атлантида 112
 Аттика 8, 9, 11, 12, 92–94, 112, 137, 140, 141, 146, 148, 149, 175,
 176, 180, 181, 183, 185–187, 192, 195, 197, 214
 Афины 9, 11, 22, 44, 93, 94, 121, 126, 175, 180, 183, 186–188, 204
 Африка 89, 110
 Ахайва (Ахайя, Ахея) 21
 Ахайя (местность на Крите) 21, 113
 Ахайя (область в Пелопоннесе) 137, 151, 183, 185, 190
 Ахейская (Микенская) Греция 114, 135, 136, 138, 140, 147, 149,
 153, 154, 158, 167, 168, 170, 179, 193, 194, 197, 213
 ахейцы (греки-ахейцы) 6, 13, 14, 17–19, 21, 84, 86, 87, 112–114,
 136, 139–141, 143–145, 147, 149–156, 161, 163, 166, 168,
 176, 180, 184, 187, 190–192, 206, 207, 209, 214
 Ахелой 149
 Ахея — см. Ахайя
 Аххиява 164, 199

Балкано-Малоазийский регион 20, 154
 Балканский полуостров (Балканы) 6–10, 12, 13, 19, 42, 81, 90,
 108, 136, 139, 141, 148, 152, 176, 178, 179, 185, 203, 209,
 211, 214
 Балкано — см. Балканский полуостров
 Беотия (Беотийская область) 9, 12, 15, 94, 95, 138–141, 143, 146,
 170, 187, 190
 Беотийская область — см. Беотия
 Берлин 74
 Большой Сирт 111
 боттиси 96
 Боттия 96

Брентесий (Брундизий) 110

Верет 109
 Восточное Средиземноморье 24, 29, 33, 88, 111, 124, 213
 Восточный Крит 48, 74

Газа 107
 Галиарт 94, 137, 138
 Галикарнасс (ранее Зефирия) 86, 115, 161
 гараманты 111
 Геликон 145
 Геллеспонт 103, 178
 Гераклея Миноя 108
 Гермiona 92, 208
 гианты 12
 Гиерапитна 98
 Гиппокрена (на горе Геликон) 145
 Гиппокрена (в Трезене) 145
 Гирия 109
 Гонусса 191
 Гортина 24, 113, 132
 греки (эллины) 7–10, 13, 14, 17–19, 21, 27, 31, 36, 80, 81, 84, 86,
 87, 107, 110, 112–114, 120, 122, 123, 125, 130, 133, 136,
 140, 141, 143–145, 147, 149–151, 153, 154, 156, 157, 166,
 168, 178, 180, 191, 197, 206, 207, 209, 214, 215; см. также
 ахейцы
 Греция 5, 8, 9, 12–14, 22, 86, 93, 96, 119, 130, 133, 137, 138, 140,
 146, 153, 155, 169, 172, 176, 178, 180, 184, 185, 192, 193,
 196, 200, 203, 209, 210, 214; см. также Эллада

Давния 110
 данайцы 155
 Дардан — см. Дардания (город в Троаде)
 Дардания (Самофрака, Самофракия) 102
 Дардания (=Троада) 103
 Дардания (город в Троаде) 103
 Делос 100, 101, 103, 123

Дельфийское святилище 191

Дельфы 95

Дикта (на Крите) 104

Дикта (в Троаде) 104

Динарское нагорье 9

Дия 100; см. также Наксос

Додеканес 97

долопы 171

Донусия 99

дорийцы 84, 98, 114, 115, 132, 183, 186, 189–191, 195, 200, 205

Дулихий 172

Европ (в Карию) 104

Европа (Европейский континент) 7, 9, 13, 21, 27, 43, 89, 90, 125, 127

Европейский континент – см. Европа

Закрос 28–30

Западная Анатолия 164

Западное Средиземноморье 29, 109, 111

Зарак (Заракс) 145

Зефирия 161

Ида (на Крите) 103, 104

Ида (в Троаде) 103, 104

Икарийский понт (Икарийское море) 99

Икарийское море – см. Икарийский понт

Икария 99

Икос 101

иллирийцы 108

Иллирия 108; см. также Южная Иллирия

Имброс 9

Инах 144, 155, 203, 208

Иолк 192

ионийцы 175

Ионические острова 108

Иония 214

Ираклион 74

Исмара 96

Истм 92, 162; см. также Коринфский перешеек

Итака 160

Италия 7, 22, 36, 109, 110

Итан (Итанос) 22, 40

Итома 91

кавконы 12

Кавн (в Карию) 86, 104, 123

Кавн (на Крите) 104

Кавнийская область (в Карию) 104

Кадмея (акрополь Фив Беотийских) 95, 144, 190

Калидон 146, 147, 162

Калидонское царство 149

Камик 108, 109, 112

Камир (на Крите) 98

Камир (на Родосе) 98

Кандия 57

карийцы (кары) 12, 86, 97, 101, 104–106, 112, 125, 126, 176

Каристийская область 101

Кария 104–107, 161, 191

Карпатос 97, 103, 125

кары 12; см. также карийцы

Катманду 178

Катрей 113

Кеос (Кея) 29, 100, 101, 103, 123, 125

Керкира 108

Кефалления 187

Кефис (река в Арголиде) 144

Кея – см. Кеос

Кидония (ныне Ханья) 20, 23, 29, 85, 113

кидоны 19, 20, 23, 84, 85, 87

Кикладские острова (Киклады) 89, 96–98, 100, 112, 123–125, 135

Киклады – см. Кикладские острова

Киликия 103, 106, 180

Кимолос 100

Кипр 37, 38, 81, 107, 126, 154, 176–185, 192, 197, 199, 214
 Кирба (на Крите) 98
 Кирба (на Родосе) 98
 Кирена 98, 191
 Киренаика 111
 Кирн (на Эвбее) 101
 Китера – см. Кифера
 Китнос 100
 Кифанты 145
 Кифера (Китера) 29, 91, 103, 125
 Киферон 94, 146, 162
 Книд 161
 Кносс 19, 22, 23, 25, 26, 28, 36, 43, 48, 57–60, 63, 64, 67–71, 78, 79, 85, 86, 88, 91, 94, 96, 101, 113, 116, 121–123, 126, 148, 151, 160, 165, 177, 211–213
 Кносская держава – см. Кносская морская держава
 Кносская морская держава (Кносская держава) 99, 112, 124, 131, 179, 212, 213; см. также Крито-Минойская держава и Критская морская держава
 Кносское царство 5, 6, 158
 Колофон 105, 106, 176
 Кордакия 74
 Коринф (ранее Эфира) 145, 174, 191
 Коринфский залив 186
 Коринфский перешеек (Истм) 92
 Кос 170, 175
 Крета – см. Крит
 Крете – см. Крит
 Кретея 93
 Кретиной 106
 Кретиция 98
 Крит 13, 14, 16–19, 21–29, 32, 35, 36, 38, 40–44, 48, 49, 52, 53, 64, 69, 70, 78–98, 100–108, 110–119, 122–134, 136, 139, 141, 143, 148, 152, 168, 170, 197, 212, 213
 Крито-Минойская держава 79, 88; см. также Кносская морская держава и Критская морская держава
 Критская держава – см. Критская морская держава
 Критская морская держава (Критская держава) 89, 109, 111, 122, 123; см. также Кносская морская держава и Крито-Минойская держава

Критское государство (Критское царство) 87, 117, 121
 Критское царство – см. Критское государство
 критяне-минойцы – см. минойцы
 Кромион 146
 Кудония (= Кидония) 20, 23
 куреты (племя) 91, 98, 103, 106, 118, 130

Лаврион 93
 Лакедемон 190, 191, 195; см. также Спарта
 Лакония (Лаконика) 46, 90–92, 110, 145, 149, 183, 186
 лапифы 138, 171, 175, 191
 Лариса (характерный пеласгийский топоним) 11, 86
 Лариса (акрополь Аргоса) 11
 Лариса (около Кимы) 178
 Лариса (на Крите) 86
 Ларисейская равнина (на Крите) 86
 Левант 107
 лелеги 12, 104, 126
 Лемнос 9, 100, 102, 123, 161
 Лерна 12, 29, 79
 Лернейский поток 144
 Лесбос 190
 ливийцы 111
 Ливия 110
 Лидия (ранее Асия-Асвия) 161
 Ликей (гора в Аркадии) 92
 ликийцы 86, 87, 105; см. также термилы
 Ликия 106
 ликт 20, 115, 132
 Ликтийская область 115
 Линд 139
 Липара 29
 Локрида 139
 локры 171
 Локры Эпизефирские 133

Мавро-Спелио 48
 Магнесия (в Фессалии) 101

Магнесия на Меандре 106
 магниты 113
 Македония 96
 Малая Азия 7, 8, 18, 41, 90, 97, 101, 103, 106, 107, 123, 125, 131, 161, 164, 175, 178, 183, 187, 199
 Малейя 90, 91
 Малл 106
 Маллия 23, 28, 43, 44, 129
 Марафон Эхирей 203
 Маронея 96
 Меандр 106
 Мегарида 93, 140, 146
 Мегары (Мегара) 93, 94, 126, 127, 146, 162
 Мелос (Милос) 29, 103, 125
 Месатис 137
 Месопотамия 78
 мессапы (япиги) 203
 Мессена 91
 Мессения 91, 186, 196
 Микенская Греция – см. Ахейская (Микенская) Греция
 Микены 114, 144, 147, 155, 156, 159, 162–164, 166, 195, 199, 200
 Микенская земля (Микенская область) 144
 Миконос 100, 123
 Милет (на Крите) 105, 191
 Милет (в Малой Азии) 105, 123, 126, 161
 Милос – см. Мелос
 минийцы 191
 минойцы 13, 14, 17–19, 22, 24, 28–30, 38, 43, 47, 63, 72, 77, 80, 84, 85, 87, 88, 96, 97, 103, 106–111, 113, 123–125, 127, 131, 133, 152; см. также критяне-минойцы и этеокритяне
 Миновое море 97
 Миновы острова 97
 Миноя (характерный минойский топоним, встречающийся в различных районах Средиземноморья) 20, 24, 90, 103, 122
 Миноя (на Аморгосе) 99
 Миноя (остров в Икарийском море) 99
 Миноя (на Керкире) 108
 Миноя (на Крите) 90, 122
 Миноя (в Лаконии) 90

Миноя (остров около Нисеи в Мегариде) 93
 Миноя (прежнее название острова Парос) 100
 Миноя (на Сифносе) 100
 Миноя (Гераклея Миноя в Сицилии) 108, 109
 Миноя (в Финикии) 107
 Мирина (на Лемносе) 102
 мирмидонцы 171
 Мопсуестия 106
 Мофона 139, 150

Наксос 99, 100, 103, 123; см. также Дия
 насамоны 111
 Неаполис 48
 Немеря 146, 162
 Непал 178
 Никосия 180
 Нил 110
 Ниса 106
 Нисея 93

Окалея 94
 Оксфорд 44, 48
 Олимпия 36, 91, 189
 Ольба 106
 Онхест 93
 Ормений (в Фессалии) 171
 Орхомен (в Аркадии) 11
 Орхомен (в Беотии) 137, 170, 175, 195, 199
 Орхомен Минийский – см. Орхомен (в Беотии)

Палекастро 28
 Паллантий 11
 памфилийцы 105
 Памфилия 106
 Панарея 29
 Пангей 96
 Парий (Парион) 104, 123

Парос 100, 123
 Патры 137, 190
 Пафос 180, 181, 185
 Педас 139
 пеласги 7-12, 19, 84-87, 168, 191
 Пеласгида 8
 Пеласгийская стена (на акрополе Афин) 8, 11
 Пеласгикон 8, 11
 Пеласгиотида 86
 Пеласгия 8, 10, 13, 86
 Пелопоннес (Пелопоннесский полуостров) 8, 10, 86, 90-93, 112, 113, 115, 138, 139, 141, 148, 150, 172, 174, 180, 183, 186, 188-190, 192, 194, 200, 207-209
 Пелопоннесский полуостров – см. Пелопоннес
 Пеней 96
 Пеония (Пэония) 96
 Пепаретос 101, 123
 Пергам (на Крите) 104
 Пергам (в Троаде) 104
 персы 188
 Пилос 18, 26, 67, 71, 91, 151, 160, 163-165, 171, 173, 175, 177, 183, 186, 187, 192, 195, 199
 Пилосское государство 18, 158; см. также Пилосское царство
 Пилосское царство 5, 158, 186
 Пирена 145
 Пиррих 91
 Писа 144
 Питна (на Крите) 104
 Питна (в Троаде) 104
 Платаниас 85; см. также Ярлан
 По 110
 Полинезия 12, 194
 Полихна 85
 Прес 85, 113
 Приена 176
 Псофида 137, 147, 162

Рас-Шамра (Угарит) 107
 Ренея 100

римляне 130
 Родос 97, 98, 101, 103, 106, 123, 125, 139, 140, 148, 191, 206
 Рукито (= Ликт) 20

Саламин (остров у берегов Аттики) 94, 138, 180, 187
 Саламин (на Кипре) 81, 107, 180, 182, 185
 салентины 110
 Салмона 143
 Самоний (на Крите) 97, 104
 Самоний (в Троаде) 104
 Самос 99, 190
 Самофракия (Самофрака) 9, 102
 Санторин (ранее Фера) 98, 135, 141
 Сардиния 110
 Сатурий (Сатурион, Сатурейум) 110
 свеи 120
 Северная Африка 139
 Северная Греция 86, 138, 140, 175
 Северная Эгеида 9
 Северо-Восточное Средиземноморье 96
 Северо-Восточный Пелопоннес 208
 Северо-Западная Анатолия 7
 Северо-Фракийская низменность 6
 Серинос 100
 Сетойя 23
 Сикания (ныне Сицилия) 108
 сиканы 108
 Сикинос 99, 123
 Сикион (ранее Эгиалея и Тельхиния) 92, 113, 139, 147, 176, 189-193, 199-202, 204, 205, 207-209
 Сикиония 150
 Сира 160
 Сиракузы 190
 Сирийско-Финикийское побережье 38, 107, 126
 Сирия 107
 Сирок 100
 Сития 74
 Сифнос 100
 Сицилия 29, 108-110, 112, 143, 191, 193, 204, 206, 207

Скандинавия 194
Скирос (в Троаде) 104, 123
Солы (на Кипре) 180, 185
Спарта 40, 120, 124, 128, 133, 176, 190, 191, 206, 207; см. также
Лакедемон
Спорады 98, 101
Средиземное море 80
Средиземноморский бассейн – см. Средиземноморье
Средиземноморье (Средиземноморский бассейн) 7, 39, 80, 88,
90, 122, 125, 212
Средняя Греция 10, 86, 95, 140
Стара-Планина 9
Стримон 96
Сукирита 23

Тавромений 204, 207
Танагра 139
Танаграская область 95, 187
Танос 20, 22
Тарант (Тарас, Тарент) 110
тевкры 96, 103, 106, 107
Тевмесс 94
Тевфида 137
Тегея 113, 137, 181
Тельхинида (= остров Родос) 98
Тельхиния (= остров Родос) 98
Тельхиния (в Сикионии) 92; см. также Сикион и Эгиалея
Тенар 46, 91
Теос 176
термилы 86, 87; см. также ликийцы
Тилисс 23, 24, 28, 36
Тимбра 104
Тиринф (в Арголиде) 163
Тиринф (на Крите ?) 20
Тиринфская крепость 215
Тирито (= Тиринф ?) 20
Трахеотида 106
Трезен 92, 141, 145
Трезенская область 141, 150, 173

Триасийская долина 141
Трикка (в Фессалии) 170, 175
Трифиллия 91
Троада 96, 103, 104, 106
Троя 83, 104, 114, 137, 139, 143, 164, 171, 173, 175, 178, 199, 206

Угарит 38, 107, 126
Урия 109
Утано (= Итан) 22

Фары – см. Феры (в Мессении)
Фасос (Тасос) 102, 103, 123
феакийцы (феаки) 129
Фенеатская долина 140, 149
Феней 11, 140
Фера (ныне Санторин) 29, 98, 99, 103, 125, 168, 191, 206
Феры (в Мессении) 196
Феспии (Теспии) 145, 146, 162
Фессалия 8, 86, 138, 140, 170
Фест 23–25, 28, 29, 31, 32, 37, 43, 113, 122
Фиванская область 140
Фивы (в Беотии) 94, 95, 139, 143, 146, 164, 174–176, 190, 195,
199, 206
Фивы (в Троаде) 161
Фигалия 137
Филака 171
финикийцы 107
Финикия 107
флегии 139, 141, 143
Флиунт 190
Флия 188
Фокея 176
Фокида 95, 138, 140, 170, 175, 194
Фолегандрос 99, 123
фракийцы 8, 9, 96, 102, 170, 178
Фракия 9, 10, 96, 106, 178
Фригия 164
Фтия 140, 175

Халкидика 94
Хания 28, 29, 85; см. также Кидония
Херронес (Херсонес) Карийский 106
хетто-лувийцы 19
Хеттское государство 79
хетты 31
Хиос 101, 102, 123

Центральный Крит 32, 48, 151

Эвбея 101, 123, 187
Эгеида (Эгейский бассейн) 7-9, 15-17, 20, 22, 31, 50, 88-90, 97, 99, 109, 112, 114, 123, 127, 135, 136, 141, 178, 180, 183, 197, 211, 212
Эгейский архипелаг 29
Эгейский бассейн - см. Эгеида
Эгейское море 7, 90, 96-98, 102-104, 123-126, 130, 131, 138, 166, 190, 213
Эгиалея 205; см. также Сикион
Эгина 101, 138, 139, 150
Эзеро 6, 7, 10
эктены 139, 140
Элевсин 141, 188
элейцы 172
Электридские (Янтарные) острова 110
Элида 91, 112, 143, 146-148, 170, 172-175, 183, 185, 186, 189, 195, 206
Эллада 8-10, 12, 17, 81, 82, 86, 89, 116, 137, 138, 143, 146, 149, 150, 153, 154, 168, 182, 186, 194, 196, 203; см. также Греция
Эллинское море (Эгейское море) 89
эллины 10, 112-114, 120, 125, 138, 183, 189, 193, 196, 198, 207, 214; см. также греки
Эгий 109
энианы 138
Энкоми 37-40, 107, 126
эихелеи 108
Эолида 183, 190, 214

эолийцы 113
эпеи (эпейцы) 172
Эпея 107, 180, 185
Эпидавр Лимера 90
Эпир 8, 108, 140
Эретрия (на Эвбее) 187
Эриманф 146, 147
Эритры (Эрифры) 105, 123
этеокритяне (= минойцы) 19, 84, 85, 87, 113, 118
Этолийская земля - см. Этолия
этолийцы 173, 189
Этолия (Этолийская земля) 147, 149, 162
этруски 7, 36
Эфес 106
Эфира 145

Южная Болгария 9, 12
Южная Греция 10
Южная Иллирия 108
Южная Италия 109, 112, 133
Южнобалканский регион 138
Юнаците 6, 7, 10

япиги (мессапы-) 110, 203
Япигия 109, 110
Ярдан (ныне Платаниас) 20, 85

**SOCIAL STRUCTURES AND PUBLIC RELATIONS
IN GREECE OF THE SECOND MILLENNIUM B.C.
(MINOISTICS AND MYCENOLOGY:
SOME PROBLEMS OF SOURCE CRITICISM)**

Summary

The study of Bronze Age civilizations in Aegeis is based on the three main kinds of sources: archaeological finds, written monuments and Greek mythological and historical tradition.

There is an interesting example of a successful employment of that method even for the analysis of the data on the Balkan Peninsula in 3rd millennium B.C. (this question has been examined by N. Ya. Merpert and A. A. Molchanov). The facts concerning the structure of the Early Bronze Age settlements (the end of the 4th – 3rd millennium B.C.), that were received through the excavations in Ezero, Yunatsite (Southern Bulgaria) and Lerna (Peloponnesus), can be compared with other evidence for the pre-Greek (Pelagian-Thracian) period in the history of Ellas.

There is a characteristic dual scheme in proto-town centres investigated by archaeologists. Large settlements consist of two parts: 1) acropolis with fortification, grainbins and particular buildings, 2) low-lying part with ordinary buildings and without any fortifications. An identical model of settlement's planning ("the citadel and the peripheral dwelling blocks") is documented in the data preserved in the ancient mythological and historical tradition. Local legends of some Greek regions (Arcadia, Argolis, Attica, Boeotia) mention this model in microtopographical descriptions of cities founded by Pelagians. Thus, archaeological and narrative sources both certificate the existence of dual layout structure of the chief settlements in the vast proto-Thracian area, including Southern-Balkan Pelasgia, during the 3rd millennium B.C.

This fact is very important because the oppositions of the two separate parts ("elitarian" and "egalitarian") in proto-town centres indicates the division of town people and the emergence of privileged groups. Similar phenomena are typical for the pre-state and early state periods of social development. Consequently, it is possi-

ble to see the first source of a European state in the proto-Thracian cultural community. Minoan Crete was the second cradle of civilization in the Balkan-Aegean Zone.

No doubt, there is more evidence in Greek mythological and historical tradition about Ancient Balkan realities of the 2nd millennium B.C. Monuments of Aegean writings (Linear Script B, Linear Script A, Cretan Hieroglyphics, etc.) are also very important for the study of the history of Mycenaean Greece and Minoan Crete. These texts are actively analysed by specialists in the fields of mycenology and minoistics (in 1980 A. A. Molchanov introduced the new term "minoistics" for the research in the field of the Minoan Civilization as a separate branch of science; now it is used by Russian and Ukrainian scholars). In his monographic study the author informs about the main results of his mycenological and minoistical research.

The book is divided, on thematic and chronological principles, into two parts. Part I, dedicated to the history and institutions of Minoan Crete, includes four chapters. Part II contains six chapters in which Mycenaean Greek subjects are discussed.

A. A. Molchanov underlines the importance of the Linear Script B documents for the study of the monuments of other Aegean writings and of the history of pre-Greek Crete. He sums up the results of the examination of all groups of Minoan texts. The author has his own understanding of some well-known written monuments. For example, the Cypro-Minoan tablet found at Enkomi in 1953 was analysed by A. A. Molchanov twenty years ago (*Vestnik drevney istorii* = Journal of ancient history. 1979. N 1. P. 127–134, with the English summary).

Combinatorial analysis turns to be the only possible technique for the decipherment and interpretation of the Phaistos Disc text. It is common knowledge that numerous futile attempts to decode it have already been made by methods that were clearly unusable in this case, such as ideographic, acrophonic, comparative-iconographic and statistical techniques (methodological reasons for these failures were explained by G. Neumann – Kadmos. 1969. VII, 1. P. 27–44). Nevertheless, the decades of persistent work performed by scholars who approached the problem of Phaistos Disc more seriously (L. Pernier, A. della Seta, A. Evans, G. Ipsen, W. Porzig, E. Grumach, V. V. Shevoroshkin, etc.) did not go for naught. Much progress was achieved in the research on this unique text. Local origin of the disc was further proved by the findings at Arkalochori and Phaistos of the two samples of the same script and by careful iconographic analysis of its characters (E. Grumach must be especially noted here for finding Cretan prototypes even for such characters that had been

considered as attesting to the foreign origin of the Phaistos Disc). The technique of sequential printing of separate "standardized" impressions with the help of special matrices at first seemed very unusual but turned to be similar to the technique applied in making the printed inscription on the disc – it was known by Cretan ceramists as early as in the Middle Minoan II period.

The direction of reading (from the right to the left) is undoubtedly inferred from characteristic properties of composition and technical design of the inscription (this important circumstance noted by A. della Seta as early as in 1909 was unfortunately ignored by many later researchers). Statistical data indicate that script of the Phaistos Disc was mainly a syllabic one (according to calculations it had slightly more than 60 various syllabograms) and the syllabary was of the "Aegean" type, i. e. with characters for open syllables only, like in the Cretan Linear Script A which existed at the same time with it.

A "mixed" inscription of the axe from Arkalochori (written alternately in characters from both synchronous Cretan syllabaries) proves the usage of the Linear Script A and the script of the Phaistos Disc (A. A. Molchanov calls it "Minoan Hieratic Syllabary") for the fixation of oral forms of one and the same language (the so called Minoan). A formal analysis of the disc's inscription (initially performed by G. Ipsen and W. Porzig) leads to the conclusion that the character 02 (the sign "a head with a cock's comb") served as a determinative for personal names. A prototype for the sign 02 was a sacral dynastic symbol (this conclusion was drawn from a comparison of the results of the iconographic analysis performed by E. Grumach with the data of the antique tradition cited by Pausanias), and therefore this sign should be presumed to have been a determinative for the names of the Minoan dynasts. As a result, a number of such names is found in the text of the disc (cf. the words: A1, A5, A8, A10, A12, A14, A16, A17, A19, A20, A22, A23, A26, A29, B1, B3, B11, B17, B28). These personal names are followed by the words that can be associated only with the Cretan toponyms (cf. the words: A2, A6, A9, A11, A13, A15, A18, A21, A25, A28, A31, B2, B5, B12, B18, B29, B30). Thus, it becomes possible to devise an artificial lingua which marks the beginning of both decipherment and interpretation of the inscription on the Phaistos Disc. Among the ancient Cretan (pre-Greek or Minoan) toponyms known from the documents of the Linear Script B the disc's text reveals, first of all, the place names Knossos, Amnisos and Tyliisos written in Minoan transcription (the correctness of reading is ascertained by the method of cross connection through the repetitive last syllable: KO-NO-SA/SI, A-MI-NI-SA/SI, TU-RI-SA/SI), and then the names of some

other known towns (PA-I-TA, A-PA-TA-WI, DA-WI, KU-DO-NI-?). The obtained meanings of individual syllabograms make it possible to read some other words of the text, including personal names (for example, SA-TU-RI – the Cretan royal name known to the antique tradition; cf. Saturaia, the daughter of king Minos – Prob. Vergil. Georg. II. 197) and some titles (for example, MI-NI cf. Minos).

In general the text of the Phaistos Disc which contains a list of the Cretan dynasts of the end of the Middle Minoan III period (about 1600 B.C.) can be interpreted as a sacral treaty or some other collective document of religious and political nature.

The author of this monograph traces the development of hieroglyphic legends on Cretan seals of the first third of the 2nd millennium B.C. used to seal containers with various supplies in the royal store-rooms. Three main elements, joined together in a more complicated textual formula, initially figured as independent sphragistic types. These are groups of hieroglyphs for which a meaning typical of the ownership inscriptions has been established by a combinatorial method: 1) the title of the ruler; 2) the name of the ruler; 3) an indication of the stamping of the ownership sign on the property in the form of a word meaning "seal", "sealed" etc. Various combinations of these microformulae, and the appearance simultaneously of the two personal names as a part of the block "name + patronymicon" gave rise to varieties of longer legends: "The king's seal" (Scripta Minoa I 17); "So-and-so's seal" and "Stamped with so-and-so's seal" (SM 46); "The seal of king so-and-so" (SM 18, 19; CMS IV 156); "Of king so-and-so, the son of so-and-so" (SM 23; CMS IV 137); "The seal of king so-and-so, the son of so-and-so" (CMS VII 40).

A. A. Molchanov finds out that seven groups of hieroglyphs in the Cretan seals inscriptions (04-92-14, 05-18/05-18-13, 19-30/19-30-92, 18-21/21-18, 64-31/31-64, 18-19-73/73-19-18, 112-84-60-23-112) represent the names of the Minoan rulers (according to conventional letter marks: Z, Y, X, W, T, S, R) from the Knossos dynasty. The names can form genealogical series, the regularly recurring sign-group 72-13 representing the notion "son" (cf. the eight-sided seal in the Ashmolean Museum – Kenna V.E.G. Cretan seals. 1960. N 165). The author reconstructs the lineage of the kings of Knossos from the Middle Minoan II B to the Middle Minoan III A, a period covering approximately the second half of the 18th and the first half of the 17th centuries B.C. and embracing four generations (cf. fig. 20). The order of succession to the throne in this dynasty is analogous to the order represented in the mythological and historical tradition preserved by the antique authors. As put into writing, the hieroglyphs of at least some of the royal names found on the seals

were (like the signs of the Linear A and B, which derived from them) used as syllabograms. This is confirmed in particular by the reading of the complex name 112-84-60-23-112 = RO-WE-SA-ZE-RO, the components of which may be compared with the probably Minoan personal names Rowo (with a Greek ending) and Sazero found on the Linear B tablets from Pylos and Knossos.

The discovery on one of the seals (SM 49*) of a hieroglyphideogram with the meaning "wine" reveals, by analogy with this inscription (translated as "Wine under the seal of king Y"), the sense of a number of legends with an indication of the type of the accountable property: "Something under the seal of king so-and-so" (CMS X 52); "Fodder (?) under the seal of Y" (CMS IV 29D); "Something under the seal of Y, the son of X" (Kenna 151); "Cheese (?) of king Rowsazero, the son of Y" (SM 27). A tendency to increase the informative character of the sphragistic legend found its reflection in the further extension of the genealogical component as the most prestigious. The inscription on the unique eight-sided seal (the Ashmolean Museum) says: "Something under the seal of Z, the son of Y, the son of X, the king from the kin of W".

As a rule, special officers employed "royal seals" in order to have control over the preservation of state property in the palatial storerooms. The analysis of the inscriptions of the Cretan hieroglyphic seals helps to reconstruct the system of the administrative economy in the palaces of the Knossos dynasts in the first third of the 2nd millennium B.C. (cf.: VDI. 1981. N 3. P.116-133; VDI. 1989. N 3. P. 117-127).

A. A. Molchanov considers data preserved in the antique mythological and historical tradition that have to do with the political institutions in the legendary Cretan kingdom of Minos. The scattered testimonies of the Greek and Roman authors, when put together, reveal many characteristic features of a slaveowners' state and a strong naval power. Part of this material is related to the Achaeans and Dorian stages in the evolution of civilization in Crete. The other parts reflect quite definite reminiscences of historical particulars in an earlier period and can be used for the reconstruction of the Cretan state structure in the Minoan period.

Memories of a repeated negative impact of climatic and other natural factors on the life conditions and the economic activity in the south of the Balkans in the 2nd millennium B.C. reflected in epic and sacral legends of the Achaeans reached us in later narrations of Hellenic poets, mythologists and historians. Among natural disasters they mention earthquakes, tsunamis, pouring rains, floods, strokes of lightning, storms, long spells of sea calm, appearance of particularly dan-

gerous wild beasts, descent of locusts and flies, etc. Droughts led to poor harvests followed by famine and epidemics. Restructuring of water supply in some localities changed the ecological situation there. Information about ecological phenomena that played an important role in the life of the Mycenaean society is interesting not only as such. It is no less important that, apart from concrete facts, we learn how the Achaeans perceived those phenomena, guessed their reasons and assessed the consequences. It appears possible to sense the self-perception of the inhabitants of the south of the Balkans of that epoch in the ecosystem contemporary to them.

The Achaeans perceived favourable ecological changes occurring under the influence of natural elements as manifestations of the good will of the almighty deities. They were also aware that a man could change the situation for the better (for example, by undertaking purposeful measures for the land reclamation and irrigation). But negative consequences of a man's economic activity were recognized as well. Negative and especially catastrophic natural phenomena were seen as the wrath of gods. The Achaeans (as well as their immediate neighbours – the Minoans of Crete) could oppose those cataclysms only with the help of magic in the form of sacral rituals: prayers and sacrificial offerings, including human sacrifices. They acted in accordance with their understanding of the causality of events. However, the necessity of a sensitive attitude towards any clear signs of ecological trouble was perceived by them quite unequivocally and with full responsibility.

Mainly epic tradition and monuments of fine art help to determine a number of characteristic features of public life for the Achaeans as competent personalities in the Mycenaean epoch.

In Early Greece there was an institution of co-rule as a way to divide the supreme power among the two or more dynasts. Local historical and genealogical legends mention co-rulers in many Greek lands (Argolis, Elis, Boeotia, Thessaly, etc.) very often. They are brothers, members of different branches of one and the same royal kin or representatives of unkindred families. The origin of the institution of the co-rule and the duration of its life were conditioned everywhere by concrete political circumstances.

After the Dorian conquest the Mycenaean Civilization was destroyed in continental Greece. But the Achaean kingdoms continued their normal existence in Cyprus. The main attributes of the Mycenaean World, such as the particular dialect (the Mycenaean Greek dialect), the palatial system of government and economy, the syllabic script, etc., were preserved there. Kings of the Achaean origin

ruled in some cities in "the Island of Aphrodite" until the Hellenistic period.

The Greeks of the Archaic and Classic epochs inherited numerous family traditions and customs from the 2nd millennium B.C. Famous aristocratic lineages pretended to blood ties with the Achaean noblemen. They had their own ancient ancestral cults. Thus, genealogical and sacral aspects were both very important.

A. A. Molchanov deals with the problem of Achaean genealogies as a historical source. He investigates the genealogy of the Sikyon kings and their descendants (for example, the family of Theron, the tyrant of Akragas). This information about prestigious blood ties was of great value for the noble families of continental and insular Greece. In Sicily of the 5th century B.C. this genealogy acquired especially high political significance. The author analyses different sources on the Sikyon kings' genealogy and defines the degree of its reliability. He also compares the Sikyon and Argos genealogic versions that were similar in the set of anthroponyms and differed in their consecutive order.

Содержание

Введение.....	5
ЧАСТЬ I. Исторические реалии минойского Крита по данным письменных источников.....	16
Глава 1. Значение дешифровки линейного письма В для работы с памятниками других эгейских письменностей и изучения истории догреческого Крита.....	16
Глава 2. Легенды критских иероглифических печатей и система учета в дворцовом хозяйстве владык Кносса первой трети II тыс. до н. э. (К типологии минойских сфрагистических формул).....	43
Глава 3. Древнейшее прошлое Крита по данным мифолого-исторической традиции.....	80
Глава 4. Государственно-политическое устройство "Державы Миноса".....	116
ЧАСТЬ II. Ахейская Греция в свете данных традиции и иных источников: природа, общество, семья, полноправная личность.....	135
Глава 1. Природные катаклизмы и стихийные бедствия в истории Эгеиды II тыс. до н. э. (Восприятие и реакция современников).....	135
Глава 2. Признаки общественного бытия полноправного человека в Греции микенской эпохи.....	153
Глава 3. Династы-соправители в ахейских царствах.....	170
Глава 4. Ахейская Греция и Кипр: непрерывность традиций.....	179
Глава 5. Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты).....	184
Глава 6. Генеалогические источники по истории Ахейской Греции (Родословная царей Сикиона и их потомков).....	193
Заключение.....	210

Список сокращений.....	216
Библиография.....	217
Иллюстрации.....	250
Список иллюстраций.....	273
Указатель имен исторических лиц древности (включая античных авторов) и мифологических персонажей.....	274
Указатель географических названий и этнонимов.....	289
Резюме.....	304

Contents

Introduction.....	5
PART I. Historical realities of Minoan Crete according to the written sources.....	16
Chapter 1. The importance of the decipherment of the Linear Script B for the study of monuments of other Aegean writings and of the history of Pre-Greek Crete.....	16
Chapter 2. Inscriptions on the Cretan hieroglyphic seals and a system of administrative economy in the royal palaces of the Knossos dynasts in the first of the second millennium B.C. (On the typology of Minoan sphragistic formulae).....	43
Chapter 3. Ancient Crete according to the data of mythological and historical tradition.....	80
Chapter 4. Social and political structure of "the Kingdom of Monos".....	116
PART II. Achaean Greece in the light of the data of the tradition and of other sources: Nature, Society, Family, Competent Personality.....	135
Chapter 1. Natural cataclysms and disasters in the history of Aegeis of the second millennium B.C. (Perception and Reaction of the Contemporaries).....	135
Chapter 2. Some features of public life of competent personalities in Greece of the Mycenaean epoch.....	153
Chapter 3. Co-dynasts in the Achaean kingdoms.....	170
Chapter 4. Achaean Greece and Cyprus: continuity of traditions.....	179
Chapter 5. Mycenaean origins of Greek family traditions (genealogical and sacral aspects).....	184
Chapter 6. Genealogical sources on the history of Achaean Greece (The genealogy of the Sikyon kings and their descendants).....	193

Conclusion.....	210
List of abbreviations.....	216
Bibliography.....	217
Illustrations.....	250
List of illustrations.....	273
Index of personal names.....	274
Index of place names and ethnicons.....	289
Summary.....	304

Научное издание

Аркадий Анатольевич
МОЛЧАНОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ГРЕЦИИ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.
(Проблемы источниковедения минойстики и
микенологии)

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Макет: Н.В.Розанова

Обложка: А.И.Черных

ЛР № 020915 от 23 09. 1994 г.

Подписано в печать 9.03.2000
Гарнитура Таймс. Объем 19,0 п.л.
Тираж 300 экз.

ИВИ РАН. Ленинский проспект, 32а